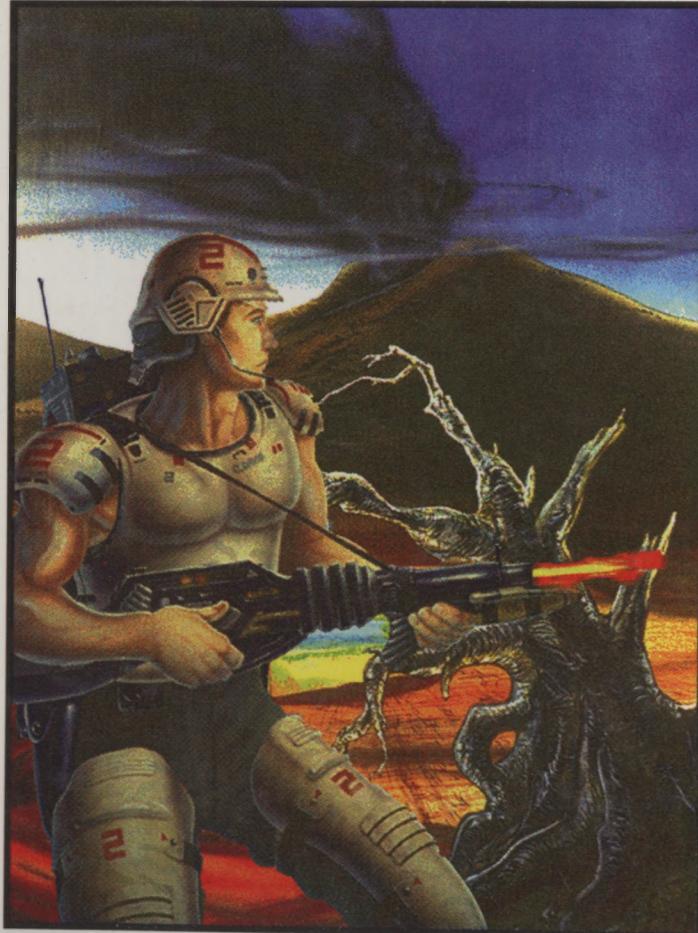
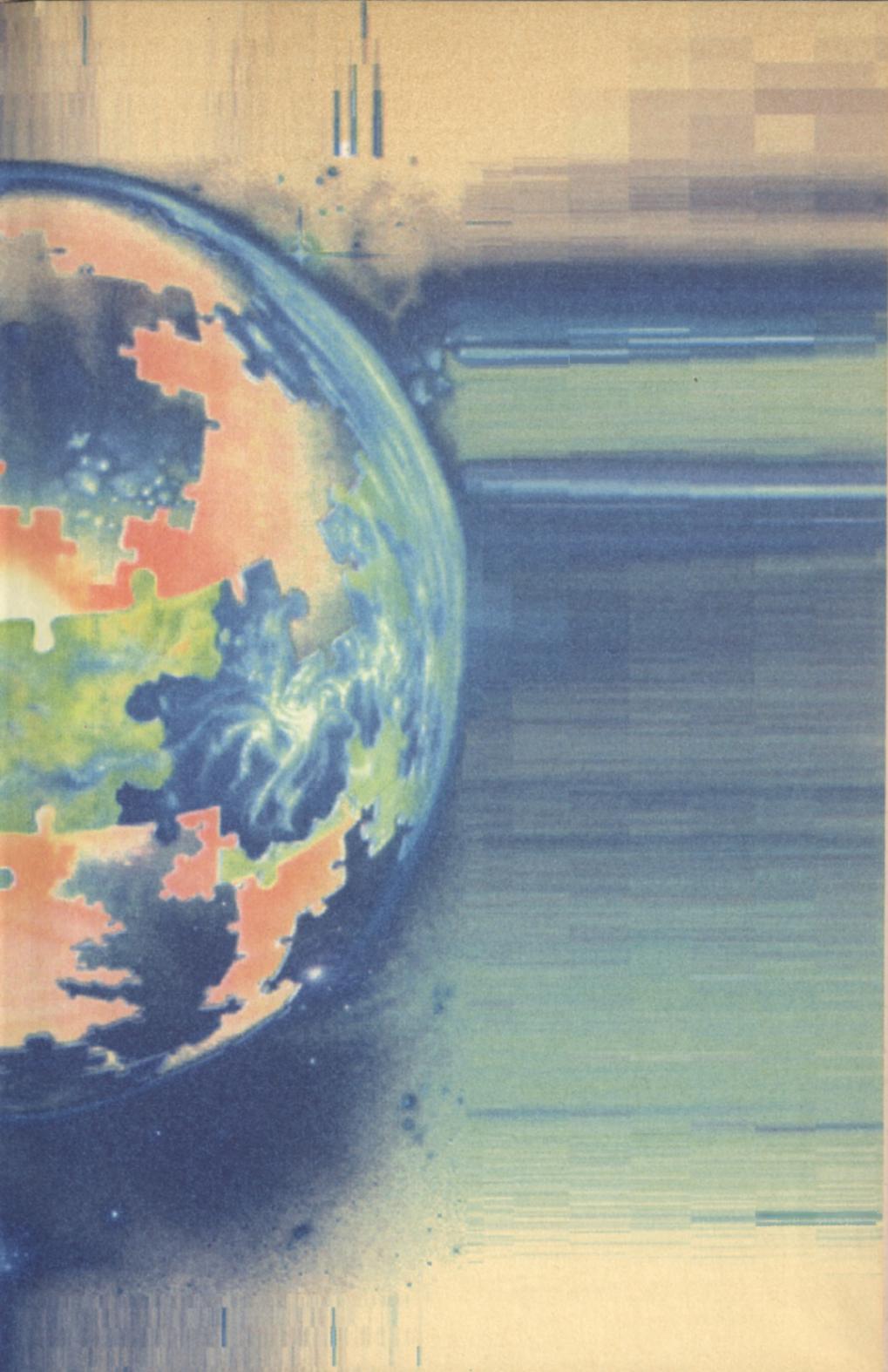

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

МИРЫ
ПОЛА
АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume eighteen

THE TERRAN EMPIRE

A STONE IN HEAVEN

THE GAME OF EMPIRE

OUTPOST OF EMPIRE

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том восемнадцатый

ТЕРРАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

КАМЕНЬ В НЕБЕСАХ

ИГРА ИМПЕРИИ

ФОРПОСТ ИМПЕРИИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Пола Андерсона. Т. 18 / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 381 с.

В очередной том собрания сочинений вошли два романа — «Камень в небесах» и «Игра Империи», завершающие цикл произведений о приключениях великолепного Доминика Флэндри, а также повесть «Форпост Империи».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

A Stone in Heaven
Copyright © 1979 by Poul Anderson

The Game of Empire
Copyright © 1985 by Poul Anderson

Outpost of Empire
Copyright © 1968 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-325-4

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

№ ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»
БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто собирает и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Tay — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империй» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»	«Ночной лис» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Звездные нивы»	20
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция „Хаос”» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В этот том собрания сочинений выдающегося фантаста Пола Андерсона вошли романы, завершающие цикл произведений о главном агенте Терранской Империи Доминике Флэндри, — «Камень в небесах» (1979) и «Игра Империи» (1985), а также повесть «Форпост Империи» (1968).

По мере того как близится к концу сериал о Терранской Империи, общий тон его становится все пессимистичнее. В первом из романов Флэндри — адмирал, один из высших сановников Империи — с тоской смотрит, как рычаги влияния ускользают из его рук, а с ними и возможность изменять ход событий. Скудоумного и подлого императора Герхарта заботит не благосостояние Империи, а личная власть. Флэндри, живое напоминание об отце — военном гении, ему не нужен. И однако Флэндри не бессилен. Он еще способен рисковать. С помощью верного слуги Чайвза и дочери своего первого командира Макса Абрамса он разрушает коварные планы герцога Гермесского узурпировать императорский трон. Но процесс распада уже не остановить. Гермес теряет свое влияние в Галактике, и после поражения заговора ему уже не подняться. А Флэндри преодолевает старую душевную боль и вместе с Бэннер Абрамс входит в осень...

Во втором романе — «Игра Империи» — Флэндри почти не появляется. Но мир, где происходит действие, создан его трудами. Аборигены погибшего во вспышке сверхновой Старкада стараниями юного Флэндри переселены на непригодную для людей, но вполне подходящую для обеих разумных рас — «водяных» и «тиграпанов» — планету Имхотеп. Но годы летят. И вот уже незаконнорожденной дочери Флэндри, всю жизнь прожившей на Имхотепе, вместе с ее другом-тиграпаном предстоит раскрыть очередной

военный заговор на соседней планете — Дедале, организованный давними врагами Империи — мерсейцами, которые способны создать и воплотить в жизнь хитроумный план даже без помощи побежденного Домиником Флэндри Айхарайха...

А повесть «Форт Империи» возвращает нас к другому бывшему командиру Флэндри — Джону Райднуру. Посланный на захват дворки Империи ксенолог должен совершить невозможное — остановить, с одной стороны, гражданскую войну на колонии Фригольд, а с другой — близящееся полномасштабное вторжение арулиан, странной птицеподобной расы, чей родной мир давно находится под властью Мерсейского Ройдхуната. И это удается ему, хоть и не без труда.

КАМЕНЬ В НЕБЕСАХ

Глава 1

С незапамятных времен клан Кулембараах заселял земли, расположенные к югу от озера Роа и к востоку от реки Кийонг. Говорили, что предки его вели свой род от Рингдэйлов еще с тех пор, когда Ледник отступил за Страж-гору. Последующие поколения обустроили эту территорию, заморские купцы с Запада привнесли туда искусство земледелия и письменность. Клан давно уже слыл землевладельческим, когда в нем появились страждущие приобщиться к наукам, и правнуки землевладельцев заканчивали колледжи. К тому времени когда вспыхнул долго тлевший в горе Гуньор пожар и страну охватила золотая лихорадка, это был уже многочисленный и влиятельный клан. И, объединившись, несколько таких кланов учредили должность Повелителя Вулкана. Повелителю надлежало первому приветствовать пришельцев со Звезд и вести с ними дела.

Однако к тому времени стал возвращаться Ледник, и клан Кулембараах оказался в столь же бедственном положении, как и прочие.

Вместе с мужем Робренгом и тремя младшими детьми — Нгао, Иих и младенцем Унгн — Йеввл отправилась на охоту. Не столько ради добычи — хотя ранчо уже не способно было в достатке обеспечить пищей, — а просто ради того, чтобы уйти из дома, побывать в движении, разрядить накопившийся гнев, обрушив его на зверей и дичь. А кроме того, ее названой сестре Бэннер не терпелось узнать, сильно ли пострадали от мороза и снегов отдаленные от станции Уэйнрайт районы, и Йеввл с радостью откликнулась на ее призыв.

Семейство верхом отправилось на восток, и ехали они всю вторую половину дня и часть ночи. Хотя особенно не спешили и часто останавливались, чтобы поохотиться или отдохнуть, но долгое путешествие завело их довольно далеко; они вышли к одному

из менгиров* с охотничьим рогом на вершине, который обозначал границу владений клана Арродзарох. Дичи в лесах было немного, а проезд через чужие владения мог оказаться небезопасным, да и незаконным, и Йеввл повернула на северо-запад.

— Вернемся домой той дорогой, по которой несли гробницу, — объяснила она домочадцам и Бэннер, которая видела, слышала и даже чувствовала все, что происходило здесь, благодаря своему воротнику. Если же ей хотелось обратиться к кому-нибудь так, чтобы не слышали другие, она беззвучно, одним горлом, произнесла нужные слова.

Никто, кроме Йеввл, не мог уловить неслышимый голос; каждый звук, произнесенный Бэннер, проникал ей прямо в мозг. За восемнадцать лет Йеввл научилась распознавать все оттенки чувств в голосе сестры, и сейчас тревога почудилась ей в уловленных ею словах: *Я видела кое-что недалеко от Луны. Похоже, тебе бы это не понравилось, дорогая.*

И сразу вздыбилась шерсть, распростерлись крылья — сигнал тревоги был принят. *Я все поняла. Неужели Ледник разлучит меня с моими предками?* — однако гнев постепенно угасал. — *Я сделаю это, и только ради тебя, Бэннер,* — с нежностью подумала Йеввл. — *Те, кто со мной, надеются на какой-нибудь знак с твоей стороны, возможно, на пророческий сон. Сама я, именно благодаря тебе, не верю в пророчества, но и для меня они могут стать источником силы.*

Отряд двинулся дальше. Ночь перешла в долгую предрассветную хмару. Сгущались тучи, а утро все не занималось. Напротив, где-то на полпути к Луне сгущался зловещий мрак. Призрачные огни по мере приближения не увеличивались, как это бывает с миражем в степи, а оборачивались чем-то вроде толстого белого торфяника, заглушавшего стук копыт. Вокруг вились крохотные существа — анхинги, короткохвостки, огневки, и холод немного смягчался свежестью ночи. Вообще же жизнь стала очень скучной по сравнению с тем временем, когда Йеввл и Робренг были молодыми... Тишина вокруг усугубляла ощущение заброшенности, и они рады были поднявшемуся ветерку, хотя он пронизывал насквозь, а копыта грохотали, как кости скелета.

Наконец взошло солнце, поначалу напоминая катящуюся из-за туманного горизонта красную пирамиду. Небо стало опаловым. Под ним круто вверх поднималась дорога, венчавшаяся гребнем высотой не менее тысячи метров, на котором в раннем утреннем свете блистал снег и лед. Снегом и льдом были покрыты и склоны холмов, и пространство между ними; иногда на пути

* Вертикально врытыс в землю длинныс камни, образующис сплошной ряд. (Здесь и далее примеч. пер.)

возникал утес, валун, рыжевато-коричневое незаснеженное пространство — старое пожарище, или скованное морозом дерево с мощной, а иногда отпиленной вершиной. Быстро пролетела птица, на миг заслонив крыльями нависающие облака. Йеввл не поняла, что это за птица: поистине, неведомые существа нес с собой мороз из-за Страж-горы.

Младшенький Унгн зашевелился и захныкал в мешке. Приятная теплота разлилась в теле Йеввл. Она могла бы остановиться и спешиться, чтобы покормить малыша, но красно-коричневый каньон и отливающее сталью озерцо подсказывали, что они недалеко от цели. Она тронула шпорами бока онсара, и послушное животное тотчас перешло с рыси на медленный шаг, словно почувствовав, что, как ни велика усталость и как ни крепчает ветер, — скоро можно будет отдохнуть. Йеввл сунула руку в переметную сумку, достала горсть сущеного мяса, часть съела сама, а остальное разжевала в кашицу. Взяла на руки Унгна и прижала к себе. Крыльями она закрывала возлюбленное дитя от пронизывающего ветра.

Впереди ехал Йих. Солнце, уже круглое и сияющее, золотило его волосы и освещало крылья, которые он простирая в неудержимом ликовании. Он был почти взрослый уже, гибкий и красивый, никакая непогода не могла омрачить горделивую юность. Его сестра Нгао, моложе его на три года, ехала рядом, ведя под уздцы несколько выочных онсаров, нагруженных походным снаряжением и прокопченной охотничьей добычей. Нгао была хрупкого сложения и кроткого нрава, но Йеввл знала, что скоро дочь ее превратится в красавицу. Да будет судьба благосклонна к ней!

Мать приблизила свой рот к губам младенца и протолкнула кашицу ему в ротик. Он с бульканьем проглотил и снова заснул. Она пыталась убедить себя, что все с ним обойдется, хотя знала, что это далеко не так. Уже шесть дней прошло с рождения — четырнадцать со дня зачатия, — а он был такой несформировавшийся и слабый! Глаза еще четыре или пять дней не откроются, и раньше чем через полгода он не встанет на ноги.

Рядом ехал Робренг.

— Ну-ка, — сказала Йеввл, — возьми его. — Она протянула мужу Унгна, чтобы тот положил его в свой мешок, и, пристально поглядев на Робренга, спросила: — В чем дело?

Быстрый взгляд на его уши, на крепко сжатые в кулаки пальцы, сотрясаемые легкой дрожью, — все подсказывало ей, что он обеспокоен. В ответ он только промолвил:

— Какая-то беда подстерегает нас впереди.

Йеввл дотронулась до его правого бедра, ближе придинула нож. На левом бедре был прикреплен мешочек с кремнем, огниво, трутница и еще кое-какое снаряжение.

— Что, звери?

Степные хищники редко нападали на людей, но голод мог вынудить к этому стаю волков или каких-нибудь других плотоядных.

— Чужаки?

Нескончаемый ночной кошмар мог наслать им на беду чужеземца, которого голод выгнал с собственной земли в поисках пропитания.

Респиратор у Робренга сдвинулся, обнажив зубы. Он отрицательно мотнул головой:

— Нет, пожалуй, не то. Однако что-то мне здесь не нравится.

За двадцать лет совместной жизни она привыкла доверять его предчувствиям почти как своим собственным. Еще холостяком он немало по странствовал, два сезона провел севернее Стражи, где охотился в бесплодных, не пригодных для человеческого обитания местах. А когда в последний раз представитель клана совещался с Повелителем Вулкана, — именно он настоял на том, чтобы не покидать страну. Пусть, говорил он, усохнут фруктовые сады и пастбища, пусть опустеют и зачахнут ранчо, — но жители здешних холодных земель должны оставаться на месте. Потом «золотой прилив» вернет им былое изобилие, пока же людей прокормит охота, и они не впадут в состояние варварства. Конечно, этот период охватит несколько поколений, и потомству придется очень нелегко, но помогут Звезды...

Поэтому теперь ее особенно испугало смятение мужа.

— Что же ты заметил? — спросила Йеввл.

— Не могу сказать определенно, — признался Робренг. — Я ведь давно не бывал в этих заснеженных горах. Один мой приятель свалился вниз, его унесло течение, и он едва не захлебнулся, нам с трудом удалось его откачать. Так вот, наш проводник всегда держался в стороне от высоких холмов, не могу вспомнить почему. Он знал всего несколько слов по-нашему.

— Бэннер, — вслух произнесла Йеввл, и каждое слово звучало как выстрел в пустыне, — тебе известно, какая опасность может нам угрожать?

И через сотни километров неслышный голос ответил:

— Нет. Но это не значит, что опасности не существует. Твой мир так отличается от моего, и за прошедшие столетия слишком мало вас побывало в моем мире, а теперь все с такой быстрой менется! Как бы мне хотелось предостеречь тебя!

— Хорошо, спасибо, милая сестра. — Йеввл рассказала Робренгу, что ей ответила Бэннер. И внезапно пришло озарение. — Мне кажется, я поняла причину. Она внутри нас — и во мне самой тоже. Помню, какими животворными и цветущими были эти места в годы нашего детства. Помню сторожей, которые присматривали за домом, пилигримов, жертвоприношения, праздники и

торжества. А сегодня, вернувшись сюда, мы нашли здесь убогость и запустение. Неудивительно, что нас охватила тревога!

Их переехал горный перевал и скрылся из виду. В тот же миг Ледник и скалы огласились его криком. Он увидел гробницу.

Родители пришпорили онсаров, и те полетели вскачь. Массивные ноги скользили, как молнии, только камешки сыпались из-под копыт. Мышцы, казалось, не просто поддерживали тела: они сжимались, натягивались, выталкивали ноги вперед, расслаблялись, крепко вжимались в землю. Ближе к хвосту, где находились седла и поклажа, ходуном ходили ребра, треугольные головы двигались на высоте голов седоков. Громкое прерывистое дыхание со свистом вырывалось из ноздрей. В разметавшихся коричневых гривах сверкал пот. Мышцы пульсировали в такт скачкам.

Йеввл поднялась на вершину и огляделась. В чистом и прозрачном горном воздухе уже видна была конечная цель их путешествия.

Гробница Кулембарахов стояла на уступе, третьем на пути вверх по горному склону. Это был дольмен*, грубые гранитные плиты, извлеченные из карьера, каким-то образом доставлены сюда, и из них, наверное еще в каменном веке, была сложена гробница. Поколение за поколением возводили вокруг нее террасы, сооружали здания и воздвигали статуи, разводили роскошные сады, где пели фонтаны и им вторили флейты. Здесь были собраны все богатства, которыми владел клан, и все самое дорогое, что приобреталось у заезжих купцов: картины, драгоценности, тканые изделия, книги. Здесь хранились драгоценнейшие реликвии — Меч, на Котором Держался Мост, Чаша Амарао, Черепа Семи Героев, Ручная Мельница Гоо-Целителя.

Но сейчас...

Подойдя, Йеввл с трудом узнала засыпанную снегом террасу. Многие статуи разрушены морозом. Одни скульптуры упали, другие стояли заброшенные, словно раненые деревья. Наверное, после того как умерли или ушли последние сторожа, охранявшие строение, все здесь пришло в упадок; огонь в каминах погас, а со вкусом обставленные дома превратились в руины. Теперь, когда деревянная ограда разрушилась, арка, ведущая к гробнице, выглядит устрашающе обнаженной...

Всадники свернули на дорогу, ведущую к гробнице. Дорога была так крута, что медленный спуск казался невозможным, а каменные плиты, которыми она была вымощена, иссохли, искривились, потрескались, а во многих местах и вывернулись. Они звенели под копытами, вторя завыванию ветра, который нес с собой сухую льдистую пелену, как бы стараясь затмить солнечный

* Погребальное сооружение из нескольких огромных каменных плит.

свет, просачивающийся с востока в темное ущелье. За гробницей высилась плотная гряда гор, похожая на каменный пояс. Некогда эти горы были густо покрыты растительностью и выглядели очень живописно; теперь они стояли голые, не защищенные от стихий. Выше, там, где склон был более пологим, начинался снежный завал, который простирался до самой вершины, образуя крутой нарост высотой в несколько метров, таинственно белеющий в голубоватой тени.

Но, несмотря ни на что, посреди руин, под грузом навалившегося за ночь снега, возвышался квадратный дольмен. Клан Кулембара-хов воздвиг этот дольмен, где покоились его усопшие члены. Тот, кто искал и находил в этом клане поддержку, мог обрести здесь хотя бы надежду на удачу. Или, во всяком случае, веру в то, что клан еще вернет былое могущество и влияние, что кровь его еще не иссякла... Пуль Йеввл учащенно бился.

Йих был уже здесь. Вырвавшись из-под присмотра родителей, он спешил теперь первым поклониться гробнице предков от всей группы паломников. Отстегнув охотничий рог от седельной сумки, Йих поднес его к губам. Он обвязжал гробницу, трубя в охотничий рог и как бы бросая тем самым вызов царящему вокруг запустению.

И вдруг покрытый снегом утес пришел в движение...

Из его нутра взметнулся мощный порыв ветра и с грохотом понесся вниз. Под его напором валялись статуи и низко клонились деревья.

Задрожала земля. С обрыва низвергались гигантские лавины снега, сметая, круша, раздавливая и погребая под собой все, что попадалось на пути. И неся роковой исход...

Впоследствии Йеввл не могла припомнить, как все произошло. Помнила только, что подпрыгнула в седле и соскочила, простирая крылья и как бы вступая в единоборство со стихией. Вероятно, она ощущую пробиралась вперед и оказалась внизу уже после того, как лавина пронеслась, не успев поглотить ее. Поэтому, наверное, ей удалось подняться, а потом, под ударами ледяного вала, которые швыряли ее из стороны в сторону, оглушенную, разбитую, но, по-видимому, избежавшую серьезных телесных повреждений, — она добралась до гряды над тем местом, где произошла катастрофа.

Единственное, что доходило до ее сознания, — это грохот, способный, казалось, разорвать мир на части, она ничего не видела, задыхаясь от ужаса и беспомощности. Прижавшись к скале, обдирая кожу, она пробиралась вперед в царящем вокруг хаосе... И наконец наступила тишина, нарушаемая только звоном в ушах и невыносимой болью. Она поднялась и осмотрелась...

Там, где раньше находилась гробница, дорога, онсары и ее спутники, — там, в лощине, был теперь снежный завал высотой примерно с ее рост. За снежным туманом можно было разглядеть

не больше чем на пятьдесят метров. И рассеется этот туман очень, очень нескоро... Ветер внезапно стих, словно и он был подхвачен и раздавлен лавиной.

— Робренг! — кричала Йеввл. — Унгн! Йих! Нгао!

Несколько часов она бродила вокруг и кричала, пока не поняла, что никто из них не уцелел. К этому времени она уже была внизу, у подножия горы.

Она побрела прочь. Не видать ей теперь покоя до тех пор, пока не придет вечное упокойство, пока она не превратится в груду костей и мяса. Но и тогда ее будет снедать тревога. Она поднимется, и станет выть и рычать, и выслеживать, и убивать все, что будет шевелиться в степи, если уж не в силах уничтожить то, что поглотило ее любимых...

На станции Уэйнрайт Мириам Абрамс повернула выключатель мультиплексора, отрезав тем самым связь, и поднялась со стула. На подвесной полке стоял калькулятор. Она швырнула его на пол. Вопреки ее желанию он не сломался, его только зашакалило.

— Черт побери их всех! — прошипела она. — Провались они все в преисподнюю!

Вместе с ней в комнате находился другой сотрудник, Иван Полевой, электронщик. Он возился с каким-то оборудованием, что-то паял. Он знал, что Абрамс занята сейчас переговорами с туземцами, но не видел, что происходит, потому что боковые приборные доски полностью закрывали экран. Эта женщина имела обыкновение повторять, что вынуждена вторгаться в личные отношения по роду своей работы, хотя сама же признавала, что слова «личные отношения» едва ли применимы к таким не похожим на людей существам.

Она тратила непомерно много времени на то, чтобы наблюдать за жизнью своей подопечной, Йеввл. Их прежний шеф, рамнуанин, не возражал против этого, какой бы интимный характер ни принимало ее патронирование. Возможно, он не стал бы возражать, если бы и другие сотрудники занялись наблюдениями за туземцами. Но Абрамс с самого начала, два десятилетия назад, дала понять, что только к ней должна поступать вся необработанная информация. По этим данным она составила подробные отчеты, в большей степени основанные на интуиции, на попытках разгадать менталитет туземцев. И если она о чем-то предпочитала умалчивать, это оставалось тайной для всех.

Итак, прежний шеф поддерживал ее. Очевидно, это было разумно, хотя трудно понять психологию рамнуанина. Теперь же шефом стала сама Абрамс, так что сотрудники тем более не возражали. К тому же все предельно заняты своей работой, своими научными планами, поскольку штат был недоукомплектован.

Полевой удивленно спросил:

— Кого это вы посылаете к черту? Что случилось, Бэннер?

Казалось, ее немного успокоило, что он обратился к ней так, как ее здесь прозвали. Уже много лет это прозвище пристало к ней. В переводе оно означало «флаг»: пришедший издалека путешественник должен был сразу понять, что здесь находится станция Уэйнрайт. «Бэннер» заменило ее настоящее имя — Мириам — даже в ее собственном сознании. В данной же ситуации это имя означало, что, хотя дорогие ее сердцу люди погибли, клан продолжает жить.

И все же на ресницах ее блестели слезы. Рука, вынимая сигарету из кармана туники, зажигая ее и поднося ко рту, дрожала. Щеки втянулись в яростной затяжке. Хриплым,ibriрующим голосом она произнесла:

— Снежная лавина. Смела все семейство Йеввл и — о Господи! — гробницу, гордость истории клана, — это все равно как если бы с земли был сметен Иерусалим!

Она яростно ударила кулаком по кронштейну, на котором была укреплена полка:

— Я должна была это предвидеть, но... ведь никакого опыта! Я с Дейана — а там, знаете, всегда тепло, сухо, никакого снега; я ведь всего лишь гость на этой планете, на Терре! — Губы ее растянулись, чуть раскосые глаза смежались. — Как же я не подумала! Такой толстый снеговой покров и вдобавок еще семикратная, по сравнению с терранской, сила тяжести! — О Йеввл, Йеввл! Как я виновата перед тобой!

— Да, это ужасно, — сказал Полевой. И добавил, помолчав: — А сама ваша подопечная? Она жива?

Абрамс кивнула в ответ:

— Да. Но ей не на чем вернуться назад, и у нее нет ни пристанища, ни продуктов, ни инструментов — ничего, только то, что на ней; и, без сомнения, на сотни километров вокруг ни одной живой души!

— Что ж, надо послать за ней вездеход. Он ведь сможет ориентироваться по ее передатчику, правда? — Полевой был новичок здесь.

— Да, конечно. Впрочем, не совсем так. Все очень непросто. Вы не представляете, что делает горе с существом из племени рамнуан. Горе способно привести его в неистовство. — Абрамс говорила отрывистыми фразами. — Понять это — значило бы решить проблему, с которой сталкивается каждое общество на планете. Возможно, именно из-за подобного склада характера у них никогда не было войн. Множество частных стычек — да, но никаких войн, никаких армий. А потому у них не может быть такой формулы, как: «солдат, потерявший в бою друга, в ярости набрасывается на первого встречного». — Короткий смешок. — Плохо, что у нас другие обычаи. Иначе мы не запутались бы, как в паутине, в

собственной Империи, Терре, — вы не думаете? — Она со злостью загасила сигарету и тут же зажгла новую. — Мы поедем на поиски Йеввл, когда ее горе притупится, — если она дотянет до этого момента. Может быть, сегодня после полудня. (То есть через несколько дней по общепринятому времени.) А пока что мне предстоит предпринять кое-какие шаги в отношении нашей гнусной Империи.

Шокированный Полевой мог только промолвить:

— Простите?

Абрамс тяжело опустилась на стул. Отвернулась от него и вновь включила видеозран. Открылась широкая панорама местности. Справа текла к морю река Кийонг. Она двигалась быстрее, чем любая река Терры или Дейана в русле, расположеннем на том же уровне. Неожиданно выступающие из реки скалы сверкали над водой, серо-зеленые в отблесках ледникового дна. Радиоволны разносили под давлением свыше тридцати бар гулкие звуки медленных мелодий. За рекой виднелся лес: низкорослые тонкие деревца, слабые ветви, обремененные тяжелой листвой, похожие на парашюты в окружении желтоватых кустарников.

Слева, на востоке, постепенно светало. Серовато-коричневые ручейки струились в некотором отдалении от горизонта. Однообразие степи нарушали редкие деревья и тростники. Кое-где вздымались голубоватые холмики. На небе собирались причудливо плоские облака. Медленно брело стадо под присмотром туземца на онсаре. В воздухе вилась москвара... А ведь когда Абрамс появилась здесь впервые, в этих местах кипела жизнь!

Рассыпала свой янтарный свет Нику, которая казалась отсюда не меньше двух третьих Сола, видимого с Терры. На западе в глубине небосвода бледно мерцала луна Дириз. Она взойдет, когда долгий день на Рамну сменится ночью.

— Впереди новый ледниковый период, — пробормотала Абрамс. — Проклятие этого мира. А ведь в нашей власти было предотвратить его, как и многое другое в том же роде. И тогда, какая бы участь ни ожидала нас и нашу Империю, о нас вспоминали бы как о спасителях миллионы лет. Но герцог не желает и слышать об этом. И вот — семья Йеввл мертва.

— Но ведь, — осмелился вставить Полевой, — у нее, кажется, двое детей, уже взрослых, женатых?

— Да. И у них свои дети, которые тоже могут пасть жертвой того, что надвигается с севера, — сказала Абрамс. — А сейчас она потеряла мужа, двоих детей-подростков и последнего в ее жизни младенца. Ее клан лишился своего Иерусалима, а этого нельзя было допустить. — Вены у нее на шее напряглись. — Трагедии можно было избежать. Но Великий герцог Гермесский не прислушался к моим словам.

Помолчав немного, она выпрямилась, повернулась к нему спина и спокойно произнесла:

— Ну, теперь с ним покончено. То, что случилось, стало последней каплей. Иван, очень скоро я уеду. Оставлю Терру навсегда и обращусь за помощью к самой высшей власти.

Полевой задохнулся от волнения:

— К императору?

Улыбнувшись улыбкой висельника, она ответила:

— Нет, едва ли к нему. По крайней мере, сначала не к нему. А... Вы случайно никогда не слышали об адмирале Доминике Флэндри?

Глава 2

Сначала ей нужно было побывать в системе Майи, расположенной на расстоянии девятнадцати световых лет отсюда; это путешествие в маленьком тесном звездоходе, принадлежащем компании «Исследовательский фонд Рамну», займет четыре условных дня. Пожелав ей удачи на гермесском космодроме Уильямс, пилот направился в Звездопад поискать чего-нибудь съестного для дома. Бэннер тоже устремилась в главный город планеты, только с более серьезной целью. Ей нужна была защита, причем отнюдь не от сурового климата.

План действий был очень напряженный, но выполнимый. Через пятьдесят часов к Солу отправляется лайнер «Королева Аполло». Стен Рунеберг, которому она заранее написала, купил для нее билет на лайнер. Но так как она прибыла из нецивилизованного мира, где биохимия по существу на уровне терранской, ей, чтобы подтвердить свой медицинский сертификат, необходимо пройти обследование. Это было довольно нелепое правило: даже если бы она побывала на Рамну без защитной верхней одежды, все равно ни один микроб и на минуту бы не задержался у нее в крови; но терранские бюрократы были непреклонны, если только речь не шла о титулованной особе или о высоком должностном лице. Столь же абсурдна, подумала она, идея полного обновления своего гардероба: Флэндри абсолютно все равно, как она будет выглядеть. Другим, однако, это может быть небезразлично, а миссия ее достаточно трудна, чтобы испытывать еще и психологический дискомфорт!

Поэтому, остановившись в городской квартире Рунеберга, она на следующее утро отправилась по делам и вернулась только после захода солнца.

— Ты, должно быть, совсем измучилась, милочка, — сказал хозяин. — Как насчет того, чтобы вымыться перед обедом?

Милочка — это ласковое обращение, принятое на Гермессе, для них обоих имело особый смысл еще с той поры, когда он работал

в промышленности на Рамну и они умудрялись выкраивать каждую свободную минуту, чтобы предаться любви. Эта длившаяся три года связь прервалась пять лет назад, когда его неизвестно почему заменили Нигелем Бродериком. Впрочем, пылкой страстью это никогда не было. Теперь он женат, и все ограничивалось дружеской улыбкой или взглядом в его гостеприимном доме; да ничего другого и не хотелось. Тем не менее воспоминания причиняли боль.

Жена Рунеберга задерживалась в своем офисе. Он, ставший за это время инженером-консультантом, ушел с работы пораньше, чтобы побывать с гостьей, а ребенка поручили заботам гувернантки. Он собственноручно приготовил мартини, и они вышли на балкон.

— Садись, — сказал он, кивнув на шезлонг.

Бэннер остановилась у перил.

— Я и забыла, какая здесь у вас красота, — прошептала она.

Над серебряной гладью Рассветного залива сгущались сумерки. Дом стоял на южном склоне холма Пилгрим, у реки Паломино. Отсюда видны были башни замка на холме, а на склоне, в саду, цвели фиалки и розы, здесь пели птицы и мелькали светлячки. Взгляд охватывал парк Риверсайд-Коммон, величественный, с густолистными, непроницаемыми для дождя деревьями; множество остроконечных горных вершин, окна домов, озаренные заходящим солнцем; соборы и башни за ручьем, сохранившие свое первозданное великолепие. В воздухе чувствовалась вечерняя прохлада, чуть слышно доносился шум улицы. Небо было синим на западе и фиолетовым на востоке. Из океана Аврора поднималась прекрасный, как Венера, рубиново-красный Антарес.

— Тебе бы нужно почще приезжать сюда, — сказал Рунеберг.

— Ты ведь знаешь, как мне трудно оторваться от работы, а если удается, то главным образом для того, чтобы навестить родителей, — ответила Бэннер. — С тех пор как умер отец... — Она замолчала.

Высокий светловолосый человек с нежностью смотрел на нее. Она стояла в профиль к нему, ему был виден чуть вздернутый носик под высоким лбом, большой рот, четко очерченный подбородок, длинная шея, маленькая грудь. В мерцающем вечернем платье, — чтобы вжиться в образ леди, так она сказала, — Бэннер казалась особенно высокой и стройной, и при этом очень спортивной, несмотря на серебряные нити в светло-каштановой копне волос. Неожиданно она повернулась, на фоне неба четко обрисовались скулы цвета слоновой кости, и глаза ее встретились с его глазами. Глаза были, пожалуй, самым красивым в ее лице — большие и ярко-зеленые под темными бровями.

— Да, — вымолвил он. — Уж слишком много времени ты уделяешь этим чертовым туземцам. Мне порой казалось, что ты

пробираешься на ощупь сквозь эти мысли, эмоции — ну, скажем так, не совсем человеческие. А с тех пор как я уехал, все, наверное, усугубилось. Вернись к жизни, Мири!

«Он не любил называть меня Бэннер», — вспомнила она.

— Ты хочешь сказать, что с этой интеллигентной, глубоко чувствующей расой у нас с самого начала возникли затруднения? — сказала она. — Но почему? А вообще у меня была очень интересная, насыщенная, полная неожиданностей жизнь. И потом, как могли бы мы понять их, если бы не моя работа? Ведь это совсем другая, какая-то глубинная психология. А нам часто даже в самих себе бывает не все понятно!

— Да кого это все интересует? — Рунеберг вздохнул. — Если честно, то ты занимаешься только одной ветвью аборигенов, а их несметные тысячи, и все это варвары, нищие, абсолютно бесправные! Для науки их планета всегда представляла значительно больший интерес, нежели они сами, и она была детально изучена много столетий назад. Что ни говори, ксенология — это вымирающая наука. Так же, впрочем, как любая чисто теоретическая наука, — в такое время уж мы живем. Как ты думаешь, почему на твои исследования предусмотрены отнюдь не приоритетные ассигнования? Ха, да меня бы давно выгнали, задолго до твоего появления, не случись так, что Рамну была выгодна для промышленности Гермеса. А ты принесла в жертву все, в том числе и деньги, которые получила в наследство, — и во имя чего, Мири?

— Мы достаточно времени потратили на эти споры в прежние годы, — огрызнулась она. И добавила уже мягче: — Не хочу ссориться, Стен. Я знаю, ты рассуждаешь логично. Со своих позиций ты прав.

— Но меня беспокоишь ты, дорогой мой друг, — сказал он.

«Тебя всегда беспокоила мысль о том, чего я лишилась, — подумала она, но не произнесла вслух. — Мое замужество...»

Уже достаточно преуспевший в своем деле к тому времени, когда — ради невесты — он получил очередную научную степень в Академии Галактики, Федор Сумароков склонен был рассматривать их назначение на Рамну как ступень к дальнейшей карьере. Но когда три года спустя он уехал, она не последовала за ним. *А настоящая моя любовь...* Ей не суждено было стать женой Джесона Камуниа. Они хотели обвенчаться на Дейане, где жили ее родители, и почему-то никак не могли выкроить время, чтобы это не шло в ущерб их исследованиям. Да ведь они и так постоянно были вместе... пока, на четвертом году их романа, камень, свалившийся под действием семикратной силы тяжести, не проломил его шлем, а с ним и голову... «Не завести ли мне ребенка? — подумала вдруг она. — Нет, пожалуй, еще не сейчас». Ей только сорок четыре. Однако ведь ни один известный препарат в мире не способен отодвинуть климакс дальше, чем лет на десять, или

удлинить жизнь больше, чем на два-три десятилетия; пока же в ее распоряжении была только обычная клеточная терапия. *Мой дом, моя семья, моя цивилизация...*

Рамну — мой дом! Йеввэл и ее семья — это моя семья, моя родня, хотя и не кровная; а чего стоит технократическая цивилизация, если она не помогла мне спасти мир моей названой сестры!

Улыбнувшись, Бэннер подошла и погладила собеседника по щеке.

— Спасибо за заботу, — промолвила она. — И за все остальное. — И, подняв стакан: — Шалом*.

— Но зачем ему это нужно?

Бэннер глотнула мартини. Свободной рукой достала из кармана на поясе сигаретницу.

— Он ярый противник любого проекта разрушения ледников на Рамну.

— Да ну? Ах да, ты ведь жаловалась мне — и в разговоре, и в своих редких письмах — он не желает, чтобы Гермес предпринял какую-либо попытку. — Рунеберг перевел дыхание и продолжал: — Возможно, он не слишком щедр? Хотя мы могли бы позволить себе такое. А может быть, просто считает — ведь ты сама высказывала такое предположение, — что это нанесет ущерб нашим собственным интересам. Гермес — планета не бедная, но уже не тот богатый и могущественный мир, каким она была прежде, и у нас появилась масса проблем — как внутренних, так и внешних, имперских. Можно понять герцога Эдвина, который считает, что дорогостоящий проект во благо дикарей-аборигенов, которые никогда не смогут вернуть долг, чреват для нас опасностью: может вызвать недовольство, даже, не исключено, спровоцировать нечто вроде революции.

Бэннер перестала курить и сказала с горечью:

— Да, он не чувствует себя в безопасности. Было бы куда хуже, конечно, если бы он принадлежал к клану Тамарин или если бы мы все еще имели дело с конституционной монархией. Его дед был последним в роду Кодиллос, а сам он заставил отречься своего старшего брата.

— Подожди-ка, — возразил Рунеберг. — Ты ведь понимаешь, что и я не в восторге от того, что живу в его правление. Но для Гермеса он делает много добра, к тому же он по-настоящему популярен здесь. Если у него и нет тамаринских генов, то уж часть генов Арголидов он определенно унаследовал. Если не по прямой, то по косвенной линии, и это все-таки гены основателя Империи. Ведь именно Империя узурпировала власть здесь — Ханс Молитор силой отобрал корону, — а потом у нас отняли Обитель Мрака,

* Здесь: Твое здоровье (евр.).

чтобы снискать благоволение денежных мешков на Терре. — Он прервал свой монолог. В те дни об этом много говорили в частных беседах. Но в этот вечер ему не хотелось спорить. К тому же она ведь завтра уедет — просить помощи.

— Вот что странно, — сказал он. — Зачем герцогу возражать против того, чтобы ваш проект профинансирувал и претворил в жизнь кто-нибудь с другой планеты? Ему бы только приветствовать это. Большую часть ресурсов и исполнителей могли бы представить наши экономические структуры. У нас отлично идут дела, высокие прибыли, налаженные связи — вообще все возможности.

— Не понимаю почему, — сказала Бэннер, — но уверена, он будет возражать и придет в ярость, если узнает, что я получила немало факсов и телеграмм в ответ на свои запросы от его непосредственного окружения. Дважды я лично обращалась к нему с уговорами, с трудом добившись аудиенции. Ну, ответ был более или менее вежливый, но неизменно отрицательный. И всегда, встречаясь с ним, я ощущаю его скрытую враждебность.

Рунеберг не отважился ответить, пока не отхлебнул мартини.

— А ты не думаешь, что это просто его манера поведения? Не хочу тебя обидеть, милочка, но ты не ахти какой знаток человеческой натуры!

— У меня достаточно объективных доказательств, подтверждающих мое мнение, — возразила она. — Последний раз я попросила, чтобы он поговорил с императором о том, нельзя ли оказать помощь Рамну. Он ответил через младшего помощника, что это политически нецелесообразно. Я не настолько наивна, чтобы не понять — от меня просто хотели отвязаться. При этом было добавлено, что они устали от подобных предложений и, если я буду настаивать, это может кончиться увольнением. Эдвин Кернкросс рад будет использовать свое влияние на Терре, чтобыстереть в порошок никому не известного ученого!

Она сделала глубокую затяжку, наклонилась вперед и продолжала:

— И это не единственное доказательство. Почему, например, тебя уволили из «Дженерал Энтерпрайзиз»? Все, с кем я говорила, были крайне удивлены тогда. Ты ведь выполнял интереснейшую работу!

— Мне просто сказали: «реорганизация», — напомнил он. — Дали приличную компенсацию и рекомендации. Как мне удалось выяснить, кто-то в верхах хотел посадить на мое место Нигеля Бродерика. А уж что там было — взятка, вымогательство, протекция, — кто может сказать?

— Бродерик теперь все меньше сотрудничает с Фондом, — сказала она. — Тем не менее он очень активен на Рамну и на се

структурах. Впрочем, трудно понять мотивы его поведения. Прошли те времена, когда я и мои сотрудники имели доступ всюду.

— Похоже, все подчинено интересам безопасности. В прокуратуре теперь тоже масса формальностей. Нелегкие времена. Если Империя рухнет — а это дало бы шанс мерсейцам отдельиться...

— Но как могут угрожать безопасности ксенологические исследования? Между тем нас лишили поставок из Дюкстона и Элавли, которыми так долго пользовались. Предлоги довольно неубедительные, что-то вроде «технических трудностей». Нас потихоньку подавляют, Стен. Герцог задался целью сильно ограничить нашу деятельность как на Рамну, так и на Дирисе, если не прекратить ее вовсе. Но почему?

Бэннер докурила сигарету и потянулась за новой.

— Ты слишком много куришь, Мири, — сказал Рунеберг.

— И слишком мало пью? — резко прозвучал ее смешок. — Хорошо, допустим, неприятности сделали из меня пааноика. Но осторожность не повредит. А если я верну свое влияние, возможно, мне удастся найти ответ на все вопросы.

Брови его поднялись:

— Влияние?

— Ну, не буквально. Но хотя бы получу достаточно сильную поддержку, чтобы противостоять скромному правителью нескольких планетарных систем.

— Чья же это поддержка?

— Ты никогда не слышал от меня имя адмирала Флэндри?

— Да, по-моему, иногда в разговоре ты упоминала о нем.

У меня создалось впечатление, что он друг твоего отца... был другом.

— Отец был непосредственным начальником Флэндри во время кампании на Старкал, — с гордостью сказала она. — Определил его в Разведывательный корпус Космофлота. И потом они поддерживали связь. Сама я еще девочкой знала Флэндри, когда он приезжал на базу, где квартировал отец. Мне он нравился; и папа не дружил бы с ним, если бы он был плохим человеком, независимо от того, как он поступал ради карьеры. И он не сможет не принять дочь Макса Абрамса. А он имеет большое влияние на императора.

Она захлопнула сигаретницу, подняла стакан и почти весело произнесла:

— Давай выпьем за мой успех, а потом ты расскажешь все о себе, Стен, дорогой.

Ночь катилась к западу через Грейтланд. Еще часа четыре, и она доберется до Литца, расположенного в центре континента.

Поместье Эдвина Кернкросса, Великого герцога Гермесского, было одной из его излюбленных резиденций. Ощущение внутренних

земель, чтобы сделать их пригодными для заселения, прекратили столетие назад, поскольку богатства планеты истощались, а вместе с ними падало ее значение. Гражданская война окончательно прервала мелиоративные работы, и даже после того, как Ханс Молитор вновь сколотил Империю, они возобновились не сразу. Он, Кернкросс, разглядел потухший вулкан, величественным страшем возвышающийся над бесплодной степью, и задумал соорудить на его вершине орлиное гнездо для себя. По его декрету были прорыты каналы, взрыхлена и обработана почва, разведены редкие породы птиц и крупной дичи. А у подножия вулкана возник город, и торговля способствовала его процветанию. Это предприятие могло считаться незначительным в сравнении с другими его действиями, но Литц стал своего рода козырной картой в его руках.

Это был не фантом; это было начало возрождения. Отсюда он главным образом и управлял своим царством через сеть электроники, покрывшую весь мир. Приглашение провести здесь несколько дней расценивалось как знаменательное событие, как особая честь.

Этот вечер он проводил в одиночестве, склонившись над экраном в своем секретном офисе, куда по многочисленным каналам стекалась информация от дюжины тайных осведомителей. Это была элита корпорации; их отчеты предназначались непосредственно для него, а уж он решал, ставить ли в известность номинальных руководителей. Однако сейчас ему предстоял более ответственный выбор. Им владело неистовое желание извлечь как можно больше из своей империи. Он вышел в приемную. Стоявший на карауле солдат отсалютовал ему. Кернкросс ответил, как положено. Годы, проведенные в имперской авиации, научили его, что умный руководитель должен быть вежлив с подчиненными.

— Сэр? — обратился к нему вскочивший со стула лейтенант.

— Никого ко мне не пускать, Вайат, — сказал Кернкросс.

— Слушаю, сэр.

Кернкросс кивнул ему и спустился в холл. Теперь, пока не поступит новый приказ, лейтенант будет следить за тем, чтобы никто, включая и герцогиню, не вошел к герцогу.

Кернкросс в лифте поднялся на башню. Пересек ее и подошел к зубчатой стене. Это был просто элемент декора, отнюдь, впрочем, не бесполезный. Он приказал соорудить эту стену, чтобы ни в чем не уступать Ци Хуанди, Карлу Великому, Сулейману Великолепному, Петру Великому — словом, ни одному из правителей, когда-либо властвовавших на Терре.

Тишина становилась тягостной. Парок, сопровождающий дыхание, свидетельствовал о приближении холодного циклона Сандалион; казалось, он ощущал на вкус бодрящую прохладу воздуха, который вдыхал. Ему видны были крыши и стены домов, окутан-

ные туманом вершины деревьев, утесы и скалы, а за всем этим — горизонт. Подняв глаза к небу, он увидел мириады звезд.

Ярче других был Антарес. Почти не уступала им оранжевая искорка Могула. Могул — солнце Бабура, протектората. Он не стал искать взглядом Ольгу, потому что в этом невидимом теперь созвездии находилось черное солнце Обители Мрака, а у него сейчас не было времени думать о том, как бы завоевать эту драгоценную для Гермеса планету. Сол тоже не виден сейчас, но то Сол — солнце Терры, светило всех светил. Он перевел взгляд на Млечный Путь. Его льдистость напоминала о том, что Империя зависит от постоянного воздействия сотни тысяч звезд, что она затеряна на окраине Галактики, которая насчитывает сотни миллиардов таких звезд. Следовало пока воздержаться от подобных попыток.

Или, выражаясь точнее, не стоило пренебрегать второстепенными деталями. То, что сегодня стало известно Кернкроссу, требовало незамедлительных действий.

Беда в том, что у него нет формальных оснований предпринять быстрые и решительные шаги. Эта Бэннер действовала слишком уж осторожно. Он сжал пальцы в кулак.

Благодарение Богу, он был достаточно предусмотрителен и велел установить «жучки» в доме Рунеберга, когда тот приехал сюда, уволенный с Рамну. Сам Рунеберг особых хлопот не причинял. Но в принципе — мог. Род его многочисленный и влиятельный, герцогиня Айва была троюродной сестрой Стена. А сам он долгое время пробыл на Рамну, был близко связан с этой Абрамс, наверняка поднабрался идей от нее... А самые опасные идеи, возможно, внушиены ему именно теперь, потому что переписывались и встречались они довольно нерегулярно.

Ничего заслуживающего внимания до сегодняшнего дня не происходило. Однако то, что в конце концов случилось, ударило в самое сердце.

Эта ведьма перехитрила меня, думал Кернкросс, должен честно в этом признаться. Она заранее написала Рунебергу, прося доставить ее на его служебном корабле: на обычном корабле ни один «жучок» не мог бы избежать проверки Службы безопасности. Прибыла инкогнито — и сразу к нему на квартиру. У правительства герцога не было возможности устанавливать постоянный контроль за местами, которые не вызывали особых подозрений, поэтому записи проверялись лишь время от времени. Рунеберг и пара его парней собираются провожать ее — не прямо к пригородному поезду, а на «Королеву», на орбиту, и проследить, чтобы она уехала. Сначала Стен возражал, упирая на то, что это нелепость, но потом согласился, чтобы успокоить ее. К тому же в их план посвящены его жена и еще кое-кто. В этих условиях невозможно

организовать похищение или убийство... Всякое из ряда вон выходящее происшествие неминуемо вызовет подозрения — теперь, когда тень подозрения уже, казалось, рассеялась над Кернкросом...

Ну ничего, у меня есть план на случай непредвиденных обстоятельств. Я не мог предусмотреть именно такой поворот событий, но...

Решение пришло неожиданно. Да, я сам отправлюсь на Терру. Мой спидстер обгонит ее на несколько дней.

Угрожающая ухмылка появилась на его губах. Во всяком случае дела предстояли захватывающие!

Глава 3

У вице-адмирала сэра Доминика Флэндри из Корпуса разведки Космофлота Терранской Империи было три излюбленных пристанища в разных районах. Однако самым уютным считалась его домашняя резиденция в Аркopolиссе, часть которой служила ему офисом. В свою очередь часть офиса была выдержана в аскетически-строгом стиле, чтобы в случае надобности создать о себе соответствующее впечатление. Обычно не имело значения, в какой комнате расположиться: как правило, он работал с помощью компьютеров, инфотривов и эйдофонов, причем последние были установлены так, что схему невозможно было определить. И все же приходилось иногда принимать некоторых посетителей, например правящую элиту, которая непременно желала встретиться лично.

Это означало, что нужно встать в неурочный час, — особенно если накануне посетитель продержал его до полуночи, — а потому лучше всего — заранее назначить подходящее время встречи. Вчера посетительницу загодя предупредили, что ей придется удалиться до его завтрака, ибо на галантность у него совершенно нет времени. Вырвавшись из ее солнного тепла и оставив позади поток недовольного бормотания, он ощупью добрался до гимнастического зала и нырнул в воду. Двенадцать кругов в бассейне вернули привычную бодрость. Последовавшие затем упражнения, впрочем, особого удовольствия не доставили. С каждым годом он все с меньшей охотой занимался зарядкой. Ему шел шестьдесят второй год. В юности, однако, именно благодаря физической тренировке тело его приобрело исключительную быстроту реакций; оно и теперь оставалось стройным и упругим, и в первую очередь за счет неукоснительного соблюдения режима.

Наконец можно было принять душ. Когда он вышел оттуда, Чайвз принес турецкое полотенце и подал хозяину королевский кофе.

— Доброе утро, сэр, — сказал он.

Флэндри взял чашку.

— «Доброе» и «утро» — понятия несовместимые, — сказал он. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, благодарю вас, сэр, — Чайвз насухо вытер хозяина. Он делал это уже не столь искусно, как прежде. Он чуть не пролил кофе, но Флэндри смолчал. Вздумай он взять себе другого слугу, сердце шалмуйнина — он это точно знал — будет разбито.

Флэндри разглядывал маленькую зеленую фигурку, которая могла бы напомнить безволосое человеческое существо с длинным хвостом, если бы не полное отсутствие пропорций в телосложении и в чертах лица; но на это лучше закрыть глаза.

Сейчас, рано утром, на Чайвзе был только хитон. Худущий, передвигается с трудом, лицо в морщинах — все это не заметить невозможно. Ни один исследовательский институт никогда не интересовался проблемой старения дикарей-туземцев... Впрочем, *займись они одной расой*, — сколько бы других стали требовать того же, *каждая от своей, совершенно изолированной биохимической науки*. Уже в который раз пришла к нему эта неутешительная мысль. *Ничего, если повезет, мой слуга-мажордом-повар-пилот-массажист-мастер на все руки-арбитр в делах — послужит мне еще лет десять!*

Чайвз закончил растирание и яростно встряхнул полотенцем.

— Я приготовил вашу официальную форму и знаки отличия, сэр, — объявил он.

— Официальную — это ту, которую надевают перед особами правящих фамилий? И знаки отличия? Да он примет меня за хлыща!

— Я другого мнения о герцоге, сэр.

— Когда это ты умудрился с ним близко сойтись? Ну да ладно, не будем спорить.

— Смею надеяться, вы будете готовы к завтраку через двадцать минут, сэр. Будет суфле.

— Точно через двадцать минут. Прекрасно, Чайвз, — и Флэндри вышел.

Когда комната для гостей не была занята, он обычно одевался в ней; сейчас здесь уже была приготовлена его одежда. Флэндри с ловкостью завязанного франта натянул на свою стройную фигуру тунику. Вообще он не особенно заботился о своей внешности — с тех пор, как четырнадцать лет назад умерла одна женщина на Деннице... — и все же оставался картинкой из журнала мод — отчасти по привычке, отчасти потому, что к этому обязывало положение. Темно-синяя туника отделана золотом по воротнику и рукавам, на каждом плече — туманность и звезда, алый пояс, белые лосины, заправленные в низкие сапоги из черной блестящей телячьей кожи, и целый набор медалей, каждая — исключи-

тельная в своем роде, и все — за доблесть; впрочем, большая часть прилагавшихся к ним свидетельств проходит по Корпусу разведки космослужбы. Кроме того, на шею он надел орден с Имперским солнцем и лучами, инкрустированный жемчугом, — знак членства ордена Мануэля, глупый и претенциозный, как он считал, самый глупый из всего комплекта предмет...

Пригладив блестящие платиново-серые волосы, он проверил, не прекратилось ли действие последней дозы антибородина. Нет, препарат еще действовал, и Флэндри решил заняться усами, которые все еще оставались темными. Лицо тоже не очень изменилось: высокие скулы, прямой нос, раздвоенный подбородок — память о времени, когда каждый, кто мог себе позволить, подвергался небольшой пластической операции, если хотел усовершенствовать свою внешность. (Нынешнее поколение с преисполнением относится к подобным вещам. Что и говорить, прежние времена были почти пуританскими!) Серые, постоянно меняющие оттенок глаза были яснее, чем можно было ожидать после столь бурно проведенной ночи. Слегка загорелая кожа оставалась упругой, хотя над бровями обозначились складки, под глазами — «гусиные лапки», а от носа ко рту пролегли глубокие борозды.

«Итак, — подумал он с легким оттенком самодовольства, — предстоит схватка со Стариком. — И неожиданно перехватило дыхание: — А в чем, собственно, дело? Чего я боюсь? Меня поддержат Козара, юный Доминик и — кто еще? Так что можно рассчитывать на его благосклонность».

Он овладел собой.

Жалость к самому себе? Что это — первый симптом надвигающейся старости? Заставь-ка ее замолчать, дружище. Ты здоров, богат, силен, у тебя есть друзья, женщины, интересная работа, которая, если уж на то пошло, не лишена к тому же общественного значения, а завтрак тебе готовят не кто-нибудь, а сам Чайвз.

Тут он взглянул на часы, присвистнул и заспешил в столовую.

Шалмуанин встретил его на пороге.

— Извините, сэр, — произнес он и протянул руку, чтобы поправить солнце с лучами на груди хозяина, перед тем как тот усядетъ за стол.

Бюро погоды предсказало ясный весенний день. Поэтому Чайвз раздвинул наружную стену столовой. От обилия цветов, местных и экзотических, привозных, сад, разведененный на крыше, казался царством красок и запахов. На ветвях цветущего апельсинового дерева пламенели цинии, выбиваясь из расщелин ствола. Взгляд охватывал вздымающиеся к небу грациозные башенки. Этот квартал города насчитывал два столетия и уходил корнями в те времена, когда процветала творческая школа архитектуры. В ясной синеве неба плыли белые облачка, в солнечных лучах посверкивали

в небе корабли. Легкий ветерок приносил прохладу и размеженное погромыхивание пассажирского транспорта. И тут появилось суфле.

А затем — первая, самая вкусная сигарета, в саду, рядом с пляшущим фонтаном. И — менее приятное: работа лопатой. За все надо так или иначе расплачиваться. Флэндри мог бы в любой момент удалиться от дел: жить на скромную пенсию и на доходы от вкладов, но это означало бы очень скоро умереть от скуки. Он предпочитал оставаться верным своей второй древнейшей профессии. В промежутках между приключениями и удовольствиями офицер Разведки — шпион — обязательно должен заниматься грязной работой по хозяйству, думал он.

Отыскав частную контору, он запросил сведения об Эдвине Кернкроссе, Великом герцоге Гермесском. В сущности, это значило — исторический и социальный отчет о самой планете.

Солнце Майя (не путать с гигантом 20 Тельца!) находилось в секторе Антареса. В его системе находился террестриодный мир, колонизированный в незапамятные времена преимущественно североевропейцами. Природные условия с точки зрения биологической довольно благоприятны для жизни людей. Обратная сторона заключалась в том, что почти вся суша была сконцентрирована в одном огромном континенте, остро нуждавшемся в переустройстве. Так, к примеру, необходимо было прочистить всю систему рек и озер, чтобы обводнить территорию, сделать ее пригодной для обитания людей, которые тем временем селились пока только вдоль берегов. Политическое устройство поначалу было несколько одиозно: оно состояло исключительно из частных корпораций; причем члены правительства избирались из одного клана, пожизненно или до какого-либо серьезного правонарушения. С течением времени оно обрастало многочисленными наслоениями; результатом стал кризис и война с Бабуром. Затем путем реформ Гермес был превращен в обычную конституционную монархию и стал межпланетной державой. Он получил протекторат над поверженными бабуритами, слишком инородным племенем, чтобы ассимилироваться, однако сложившиеся отношения, как политические, так и торговые, многие столетия всех устраивали. Гермесцы основали колонии и предприятия в нескольких близлежащих общественных системах. Наиболее значительным стало их влияние в Миркхайме, единственном известном источнике сверхметаллов.

Богатство и сила были необходимы, потому что технократические цивилизации имеют свои проблемы: войны, революции, грабительские набеги. Гермесцам часто приходилось воевать. Это привело к военизированию общества, сосредоточению силы в руках исполнительной власти. Когда наконец Мануэль основал

Терранскую Империю и широко распространил Pax Terrana*, Гермес счел весьма выгодным для себя войти в состав этой империи.

А потом... — в документах, естественно, это не отражено — с упадком Империи начался и упадок Гермеса. Все чаще и чаще военные стали грабить народ. Экономика была разрушена, сферы влияния ускользали. В конце концов Ханс Молитор возродил верховенство Терры. В большинстве своем люди, изнемогшие от хаоса, признали его. Однако у него были кое-какие политические долги, и первой жертвой их стала Обитель Мрака, отданная под протекторат Империи. Это послужило благовидным предлогом для ущемления суверенитета Великого герцогства, реформирования его воинских соединений, слияния его предприятий с другими, что, естественно, усугубляло недовольство. Вспыхивали мятежи, убивали государственных чиновников, пока наконец КосмоФлот не навел порядок.

На сегодняшний день герцог Эдвин Кернкросс внешне как будто покорился, однако на протяжении двухсот световых лет видимость эта могла в любой момент оказаться обманчивой, и в деле его проглядывало несколько любопытных деталей. Сейчас ему исполнилось пятьдесят пять лет, он был младшим сыном от второго брака своего предшественника, доставившего Гермесу немало хлопот, прежде чем ему удалось добиться его отречения. Поэтому самое большое, на что он мог теперь рассчитывать, — это представлять элиту. Следуя давней гермесской традиции, он вступил в Имперский космоФлот и через пять лет вышел в чине старшего помощника командира полка. Это было, впрочем, лишь отчасти данью семейной традиции; он хорошо зарекомендовал себя по службе, получив повышение за подавление нианзанского мятежа и участие в сиракском конфликте.

Вернувшись домой, он энергично занялся целым рядом проектов. В частности, значительно расширил дело на никому неведомой планете Рамну и ее спутниках. Тем временем его политическая карьера шла своим чередом, мощно подпирая его. Десять лет назад он лелеял мысль стать претендентом на корону. Многочисленные предприятия и некоторые шаги на общественном поприще способствовали его популярности.

Итак, на первый взгляд он мог бы показаться человеком на своем месте. Однако штат имперских чиновников на Гермесе придерживался иного мнения. Их агенты фиксировали за минувшее десятилетие растущее беспокойство. Всюду пропагандировалась слава Кернкросса; его изображения, его статьи и записи его речей на пленку распространялись по всей планете. Добрая половина

* Терранский мир. По аналогии с Pax Romana — миром, царившим в Римской империи. (Примеч. ред.)

юного населения стала членами организации, формально занимавшейся туризмом и спортом, но носившей имя «Пионеры Кернкросса». Члены ее исповедовали патриотизм, который чрезвычайно смахивал на культивирование Кернкросса. Школьников подстрекали носить значки — своего рода эмблемы его достижений и замыслов по возрождению величия народа. Средства массовой информации воздавали ему хвалу.

Во всем этом, по существу, не было ничего опасного. Многие местные царьки подвержены этим эгоцентристским соблазнам, оставаясь, в общем, вполне безобидными. И в то же время это был сигнал тревоги. Положение усугублялось тем, что имперским представителям удавалось получить только ту информацию, которая была обязательна по закону: демографические показатели, данные о движении городского транспорта, о производстве и распределении товаров и другие подобные сведения. Больше они не могли узнать ни о чем, ни даже просто проверить правдивость полученной информации. «Здесь уважают права личности» — таков был неизменный ответ на любой запрос. Бабурианский протекторат был практически отделен от метрополии — под предлогом вылезания местных жителей, которые не являлись подданными Империи, а потому имели право потребовать суверенитета. Однако как мог посторонний судить о том, так ли это на самом деле? Мало ли что может затеваться в какой-нибудь точке огромного пространства, охватывающего множество планет? Недавние отчеты сообщали, например, что Терра предпринимает обширные исследования...

«Любые рекомендации тонут, — размышлял Флэнди, — во всех этих данных, просьбах, тревожных сигналах, которые поступают из сотен тысяч миров. И никогда не доходят до Разведывательного корпуса. Ни один офицер низшего ранга не примет их. И правда — зачем ему это? Гермес далеко. Никогда ему не представится возможность вновь обрести независимость, чтобы в одиночку подвергаться угрозе со стороны Терры. Таких явно угрожающих ситуаций было немало».

И все же теперь, по-видимому, возникла какая-то реальная опасность, если уж сам герцог пожаловал сюда, чтобы повидаться именно со мной, а не с каким-нибудь возможным претендентом.

Флэнди задумался над известными ему подробностями, касающимися Кернкросса. Их было на удивление мало, особенно если учесть, каким культом умудрился окружить себя этот человек. Кернкросс был давно женат, но бездетен. По некоторым сведениям, повинен в этом он, а не его жена. Вместе с тем он не пытался обратиться к помощи медицины, чтобы исправить этот дефект. Могло бы показаться странным, что такой эгоист, как он, не стремится продлить свой род. По-видимому, ложный стыд или тщеславие удерживали его от того, чтобы сделаться предметом

досужих сплетен. Будучи большим любителем женщин, он всегда выбирал партнерш из низших слоев общества и заботился о том, чтобы они помалкивали.

Когда он бывал в хорошем расположении духа, мужчины находили, что он гениален, хотя он постоянно держал всех в благоговейном страхе. Когда же бывал разгневан, то просто терроризировал окружающих. У него не было близких друзей, но он слыл человеком доброжелательным и справедливым. Заядлый спортсмен, охотник, меткий стрелок, он сам пилотировал свой собственный корабль и не раз попадал в смертельно опасное межзвездное пространство. Он был отличным краснодеревщиком-любителем. Вкусы его были предельно просты, если не считать того, что он был тонким знатоком и ценителем вин. И хотя переносил крепкие напитки неважко, никогда не показывал вида. Известно было также, что наркотиков он не признает.

Флэндри решил, что примет его в этом офисе.

— Добро пожаловать, ваша светлость.

— Благодарю. — Крепкое рукопожатие. Кернкросс держался просто.

— Садитесь, прошу вас. Можно предложить вашей светлости что-нибудь выпить? У меня неплохой погреб.

— М-м... Виски с содовой, пожалуй. И давайте без титулов, поскольку мы здесь одни. У меня к вам конфиденциальный разговор.

Вызванный Чайвз получил соответствующие указания. С любопытством разглядев шалманина — похоже, он их никогда раньше не видел, — Кернкросс вновь переключил внимание на хозяина.

— Так, так, — сказал он. — Значит, вот он каков, легендарный адмирал Флэндри.

— Скорее так: адмирал Флэндри — каков он на самом деле.

Кернкросс ухмыльнулся.

— Те, кто придерживается иного мнения, имеют для этого все основания, — сказал он. — Благодарю Бога за это.

— В самом деле?

— Это ведь ваши враги, не так ли? Я знаю, за что вы получили медаль, которая сейчас на вас. Подробности нигде не были опубликованы — обычная для Разведывательного корпуса вещь, не так ли? Однако человек моего ранга имеет право и, главное, возможность узнать обстоятельства дела, если они его интересуют. Вы повышдергивали зубы мерсейцам с Херейоном, и нам больше о них можно не беспокоиться.

Флэндри подавил дрожь, — тот эпизод стоил ему немалого.

— Ну, боюсь, нам все же следует беспокоиться. Их мыслительный аппарат был сильно поврежден. Однако в остальном все сохранилось, и теперь они усиленно восстанавливаются. О, они нас еще заставят немало побеспокоиться!

— Если мы будем твердо стоять на своем — это не страшно. — Кернкросс продолжал сверлить его взглядом. — Собственно, я здесь как раз по этому поводу.

Теперь Флэндри взглянул на него. Кернкросс был высокого роста, широк в плечах, в его движениях была вкрадчивость тигра. Широкое лицо, клиновидный, сужающийся книзу череп, римский нос, тонкие губы, никаких признаков растительности на лице. Рыхие волосы начинают седеть; блекло-голубые глаза, яркий цвет лица, редкие веснушки. Голос низкий и звучный; слегка карталист. На нем был обычный гражданский костюм: блузка и брюки пастельных тонов, на волосатом пальце сверкало массивное золотое кольцо с изумрудом.

Флэндри зажег сигарету:

— Продолжайте, прошу вас.

— Чтобы быть сильными, необходимо единство, — продолжал Кернкросс. — По не зависящим от меня причинам этому единству угрожает опасность. Я уверен, что вы можете ее предотвратить.

Чайвз принес виски, стакан белого бургундского и канапе. Он вышел, и герцог разразился новой тирадой:

— Посмотрите мое досье, и вы убедитесь, что меня в чем-то подозревают. Мне достаточно часто доводилось слышать доклады вашего представителя: в них нет прямых обвинений, но есть недовольство. Вы догадываетесь, по каким каналам до меня доходят сведения, которые предназначаются вам. Думаю, вас не шокирует, если я скажу, что в целях самозащиты я отправил своих агентов на Гермес в обмен на агентов Империи, чтобы выяснить, что они там делают и что замышляют. По их мнению, я готовлю восстание, или переворот, или что-нибудь в этом роде. Они всерьез подозревают меня, уверяю вас!

— Но это же обычная ситуация для высоких должностных лиц — быть подозреваемым во всех смертных грехах, разве не так? — произнес Флэндри.

— Но я невиновен! — возразил Кернкросс. — Я всегда был вполне лоялен. А тот факт, что я прибыл на Терру...

Он сбавил тон.

— ...Меня все больше одолевает беспокойство. Наконец я решил предпринять кое-какие шаги. И сделать это сам, никому не передоверяя, потому что не знаю, можно ли вообще верить кому бы то ни было.

...Вы ведь понимаете, что один человек, какой бы силой он ни располагал, не в состоянии управлять всем и знать все, что происходит. Всегда какой-нибудь мелкий чиновник может что-то исказить или утаить, о чем-то умолчать. Должностные лица, которым вы больше других доверяли, могут оказаться в заговоре против вас и ждать благоприятного случая... В общем, вы понимаете, адми-

рал. Я начинаю думать, что на Гермесе и в самом деле зреет заговор. В таком случае я для них — жертвенный телец.

Флэндри задумчиво выпустил дым из ноздрей.

— Бога ради, что вы имеете в виду? — спросил он, хотя, как ему казалось, он и сам это знал. И оказался прав.

— Возьмем пример, — сказал Кернкросс. — Послы требуют данных о нашем производстве палладия, на что его расходуют. Мое правительство давать такие сведения не уполномочено, однако в его обязанности входит сотрудничать с представителями Империи, а такие запросы, в общем, входят в понятие сотрудничества. Но, в конце концов, палладий — важное сырье для производства протонных следящих систем, а они являются составной частью любого боевого оружия. Теперь скажите: могу я лично предоставить такие сведения? Конечно, нет. Но когда представители Империи пытаются их отыскать и это им не удается, то обвиняют меня!

— Не нужно обижаться, — сказал Флэндри, — вы ведь понимаете, что теоретически вину и вправду можно взвалить на вас. Если бы вы не издали соответствующих распоряжений, не довели бы их до соответствующих исполнителей...

Кернкросс кивнул:

— Да. Именно. В этом весь ужас моего положения. Не знаю, преследуют ли заговорщики цель дискредитировать меня, чтобы кто-то другой получил мой титул, или они замышляют что-нибудь похуже; я не могу даже доказать, что заговор действительно существует. Возможно, и нет. Возможно, это просто досадное стечние обстоятельств. Знаю только, что мое доброе имя опорочено. И еще знаю, что такая вещь, как разъединение, разобщение, может лишь навредить Империи. Я приехал к вам за помощью.

Флэндри отпил вина.

— Весьма сочувствую, — сказал он. — Но чем я могу помочь?

— Вы входите к императору.

Флэндри вздохнул:

— Эта легенда все еще жива? Когда-то, действительно, я был довольно близок к Хансу. После его смерти Дитрих иногда советовался со мной — нечасто, впрочем. А Герхарт, боюсь, вообще меня терпеть не может.

— И все же — ваш авторитет, влияние, репутация...

— На сегодняшний день наши отношения сводятся не более чем к весьма эпизодическим поручениям; ну и потом, за мной ведь стоит армия. Вот и все.

— Но это весьма немало! — вскричал Кернкросс. — Дело вот в чем. Я хочу одного: чтобы было проведено расследование, которое реабилитировало бы меня и выявило на свет Божий предателя, укрывшегося на Гермесе. Было бы странно, если бы я сам внезап-

но предстал перед Корпусом разведки с таким обращением. Это бы повредило моей политической карьере, как вы догадываетесь. Но незаинтересованное расследование, проводимое лицом безупречно лояльным и компетентным... Понимаете?

«Лояльным, — пронеслось в мозгу Флэндри. — К чему? Или к кому? Едва ли можно быть лояльным к ни во что не верящему Герхарту; скорее уж к этому живому трупу — Империи. Ну, пожалуй, еще к Имперскому миру, имея в виду относительную безопасность для нескольких поколений, чтобы люди могли спать спокойно, пока не настанет Долгая Ночь; к моей армии и моей работе, от которой я получаю огромное удовлетворение; к одной могиле на Деннице, и еще к множеству собственных воспоминаний...»

— Я не смогу вынести вам оправдательный приговор от имени нескольких планет, — сказал он.

— Да нет же! Сберите штат, который вам необходим. Пусть это займет столько времени, сколько потребуется. Вам будут предоставлены любая помощь и сотрудничество, какие только понадобятся. Разве это не ваша миссия — разобраться во всем, если уж я не могу добиться помощи в другом месте?

Хм. Я так долго бездельничал. Мне уже начинает это приедаться. А потом, я ведь никогда не был на Гермесе. Из того немногого, что мне известно, такие планеты, как Бабур и Рамну, могут оказаться занятными...

— Да, это, пожалуй, и правда не лишено интереса. А кроме того, помимо вас, это ведь затрагивает интересы нескольких миллиардов людей! Но что именно вы имеете в виду?

— Мне нужно, чтобы вы и ваши ближайшие помощники теперь же поехали вместе со мной, — сказал Кернкросс. — У меня здесь спидстер очень быстроходный. Там, разумеется, может поместиться только небольшой персонал, но за остальными вы, после небольшой предварительной разведки, сможете прислать потом.

— Но к чему такая спешка?

— Черт побери! — взорвался Кернкросс. — Я годами бьюсь в этих сетях! Может быть, у нас осталось совсем немного времени! — И добавил уже спокойнее: — Уж само ваше присутствие мне поможет. Мы не станем, разумеется, афишировать его, но определенные круги — начиная с посла его величества — узнают, что вы приехали, и почувствуют себя увереннее.

— Минутку, прошу вас, милорд. — Флэндри протянул руку и включил инфотрив. На экране появилось изображение, которое он хотел увидеть. — Что ж, идея соблазнительная, — сказал он. — Особенно если принять во внимание, что собираешься сделать доброе дело. Но вы должны понять, что мне необходимы кое-какие приготовления. Кроме того, я закоренелый сибарит, чтобы лететь на не очень комфортабельном — а это, конечно, именно так —

спидстере. К тому же мне с самого начала понадобятся помощники, а они тоже не могут сняться с места в одну минуту. — Он предупреждающе поднял руку: — Это если считать, что я принимаю ваше предложение. Я еще должен подумать. В качестве предварительного варианта давайте договоримся так. На следующей неделе сюда придет «Королева Аполло». Через три дня после прибытия она отправится на Гермес, а каюты первого класса, как правило, бывают свободны. Мы сможем обо всем поговорить en route*. А пока ваша команда пусть уведет спидстер домой.

Кернкросс побагровел. Сильно ударил по ручке кресла:

— Адмирал, это дело государственной важности. Оно не терпит отлагательства!

— Но оно уже немало терпело, причем по вашей вине. — Флэндри явно тянул. Инстинкт, выработавшийся за годы службы, заставил его добавить: — И потом, мне нужно получить ответ на сотни вопросов, чтобы решить, стоит ли браться за это дело.

— Вы возьметесь за это дело, — сухо сказал Кернкросс. И, переведя дыхание, добавил: — Если возникнет необходимость, я добьюсь аудиенции у императора, — это не проблема. Поговорю с ним, если вы меня вынудите к этому. Я предпочел бы, ради вашего же блага, чтобы вы избежали прямых указаний от императора. Но, будучи вынужден, я вам это устрою.

— Сэр, — вкрадчиво сказал Флэндри, а все существо его уже настраивалось на то, чтобы начать действовать, — примите мои извинения. Я не хотел вас обидеть. Просто все это несколько неожиданно. Подумайте сами: у меня ведь есть собственные обязательства. И они потребуют не менее двух недель. А потом я прикачу на Гермес на собственном корабле. И, поговорив там со всеми, с кем найду нужным, изучив все, что потребуется, — я решу, кого еще мне пригласить отсюда. — Он поднял стакан: — А теперь обсудим детали, милорд?

Несколько часов спустя, когда Кернкросс удалился, Флэндри подумал: *О да, что-то непонятное затевается в секторе Антареса. Но почему он так среагировал, когда я упомянул о «Королеве Аполло»? Он очень старался сдержаться, но... Кто же — или что — может быть на борту этого корабля?*

Глава 4

Бэннер не видела Терру с тех самых пор, как в двадцать один год, окончив Академию и выйдя замуж за Сумарокова, она отправилась на Рамну. Сама Академия была строгим замкнутым мир-

* В пути (фр.).

ком, и вырваться из него слушателям за четыре года учбы удавалось редко. Морским путем ей еще не приходилось путешествовать. За детством, проведенным на Дейане, среди красно-золотых гор Таммуз, последовало отчество девочки-подростка, дочери офицера Корпуса разведки Космофлота, квартировавшего в самых отдаленных базах сторожевого охранения, и эти годы никак не могли служить подготовкой к жизни в гигантском мегаполисе. Так же, как редкие поездки в провинциальные селения. Самое большое из них, Звездопад, казалось теперь просто деревней, почти такой же близкой и знакомой, как ее родной Бет-яков.

В прежние времена знакомства завязывались у нее обычно в магазинах. Один из таких знакомых поведал ей массу полезных вещей — например, назвал недорогие отели в столице, где она могла бы остановиться. Он предложил даже сопровождать ее, но любезность его явно была небескорыстна, — ему очень хотелось переспать с ней, и она отклонила предложение. Лишь одно из немногих ее тогдашних приключений можно было бы назвать любовью, — но то была никак не случайная интрижка.

Теперь, среди миллионов людей и тысяч башен, она чувствовала себя более одинокой и потерянной, чем когда-либо раньше, в диком лесу или в глухой степи. А вдруг весь этот народ — все эти тысячи, миллионы — вдруг все они злодеи? Казалось, она видит их всех боковым зрением, и зрелище это ошеломило ее. Она понимала, что движутся они в отдалении и кривизна планеты многократно увеличивает их число. Аркopolис — это просто один из многих подобных. Но сейчас не имело значения, что существуют синие океаны и зеленые пастбища; для нее важен был только этот огромный город, резиденция местной знати.

Собрав свой скромный багаж, она наняла такси, назвала автопилоту адрес и полетела. В прелести темной ночи вокруг нее высился, шумя и сверкая огнями, город.

С самого начала она решила поискать пристанища в каравансарае Фатимы. Он занимал третий этаж непрезентабельного старого здания, да и сам был довольно невзрачен. Но здесь было спокойно, в меру опрятно, обстановка вполне приличная. Иporter — живой человек, а не робот. Он сердечно приветствовал ее и предупредил, чтобы не заказывала в ресторане рыбу. Вообще же, сказал он, еда вполне приличная.

Но когда она вошла в свою комнату и закрыла дверь, ей показалось, что стены надвигаются на нее...

«Глупости, — внушила она себе. — Просто я устала и растерялась. Нужно расслабиться, а вечером хорошо пообедать, выпить немного вина, а потом приняться за работу».

Но кого взять в союзники? Этот вопрос поверг ее в отчаяние. Никогда прежде одиночество не угнетало ее. Если появлялись

признаки грусти, она пыталась внушить себе, что слишком самостоятельна, чтобы терпеть рядом с собой мужчину. А вот теперь было очень неуютно очутиться одной в незнакомом мире.

«Глупости! — повторила она. — Я же знакома с адмиралом Флэндри... немного. Вспомнит ли он меня? И потом, несомненно, найдутся какие-нибудь люди, которые знали меня раньше, возможно, мои учителя. Но найдутся ли? У ксенологического общества есть клуб; может быть, мое имя пробудит чьи-то воспоминания? Может ведь такое быть?»

С сигаретой в зубах она начала распаковывать вещи. Последовавший затем горячий душ и мягкий халат принесли некоторое облегчение.

Она включила видеостенку, и перед ней стали появляться картины природы, памятники старины, которые, как свидетельствовал путеводитель, имело смысл посетить, а затем последовала музыкальная передача, которая доставила ей большое удовольствие. Коридорный принес заказанный коньяк. По местному летосчислению он был образца 1830 года. Часа через два ей, пожалуй, захочется поесть. А пока она села в шезлонг и предалась неге.

Но нет, расслабиться ей не удавалось. Поднявшись, она нерешительно подошла к телефону. Остановилась. С минуту пошевелила пальцами. Пожалуй, не имеет смысла дозваниваться до Флэндри раньше завтрашнего дня. А потом она займется другими делами, связанными с ее миссией. Такой известный на Терре человек наверняка живет за защитной пригородной зоной.

И все же — почему бы не попробовать узнать его номер?

Несколько минут она не могла разобраться в справочной системе, потому что не знала кода, по которому можно было пробить сквозь бюрократические структуры. Личных телефонов система не выдавала, да она и не рассчитывала на это. Наконец на экране вспыхнули два ряда цифр — шифр набора. Над первым значилось «Офис», над вторым — «Специальный».

Возможно, второй код — справочная служба? Тогда она сможет передать запрос.

К ее удивлению, на экране появилось живое лицо, а под ним — форма с двумя серебряными кометами на погонах. Ее привело в крайнее замешательство, что человеком этим была женщина, молодая и атлетически сложенная, хотя англик, который она услышала, был, бесспорно, терранский. По представлениям Бэннер, терранская женщина могла быть только или украшением дома, или прислугой, или проституткой.

— Лейтенант Окума, — услышала она. — Чем могу служить?

— Я... в общем... — Бэннер заставила себя собраться с мыслями. — Да, прошу вас. Мне необходимо связаться с адмиралом

Флэндри. Это очень важно. Если вы скажете ему мое имя — меня зовут Мириам Абрамс — и напомните, что я дочь Макса Абрамса, то я уверена, он...

— Минутку, — перебила Окума. — Вы прибыли недавно?

— Да, несколько часов назад.

— На «Королеве Аполло»?

— Ну да, но...

— Вы уже общались с кем-нибудь?

— Только с работниками таможни, офицерами иммиграционной службы и персоналом отеля. — Бэннер замолчала. — Но какое это имеет значение?

— Извините, — сказала Окума. — Убеждена, что это имеет очень большое значение. Я сегодня весь день занимаюсь тем, что укомплектовываю эту линию проверенным персоналом. Не спрашивайте зачем — я не посвящена в это. — Она наклонилась вперед, тон сделался более настойчивым: — Вы можете сказать, где вы находитесь и чего хотите?

— «Караван-сарай Фатимы», комната 778, — выпалила Бэннер. — Я очень надеюсь, что он употребит все свое влияние, чтобы помочь несчастным существам, крайне нуждающимся в защите. Великий герцог Гермеса отказал им, так что... — Голос ее прервался, сердце стучало, как молот.

— Ах, Великий герцог? Ну, тогда ясно, — сказала Окума. — Слушайте внимательно. Адмирал Флэндри отбыл по делам. Не совсем уехал, но вернется не раньше следующей недели.

— О, я могу подождать!

— Слушайте. У меня сообщение для кого-то, кто может прийти на «Королеве Аполло» и попытается связаться с ним. Похоже, это именно вы и есть, донна Абрамс. *«Оставайтесь дома безвыходно. Держите дверь запертой на два замка. Никого не принимайте, кем бы человек ни оказался, если только он не произнесет пароль. Как только услышите пароль, немедленно уезжайте. Делайте, как вам сказано, а проблемы свои отложите на время, пока не окажетесь в безопасности»*. Вы поняли меня?

— Что? Нет, не поняла. В чем дело?

— Мне ничего не известно. — Рот лейтенанта растянулся в улыбке. — Но сэр Доминик, как правило, в таких делах не ошибается.

В жизни Бэннер не раз подстерегали опасности. И всегда ей удавалось мобилизоваться. Вот и сейчас спина ее выпрямилась, пульс замедлился. Повторив услышанную инструкцию, она спросила:

— А какой пароль?

— *Бейсингсток*. — Окума опять улыбнулась. — Не знаю, что значит это слово. У сэра Доминика ведь своеобразное чувство юмора. А теперь мне нужно позвонить. Отойдите, пожалуйста.

Экран погас.

Бэннер перестала распаковывать вещи.

Зазвонил видеотелефон. Ответив, она увидела на экране круглое розовое лицо, обрамленное желтыми кудряшками.

— Доктор Абрамс? — сказал мужчина. — Добро пожаловать на Терру. Меня зовут Лейфтон, Том Лейфтон, я член правительства. Можно подняться к вам, или вы сами спуститесь?

Вновь она остро ощутила свое одиночество.

— Зачем? — прошептала она.

— В общем, я ваш коллега. Я искренне восхищен тем, что вы делаете. Ваши разработки — это просто класс. Случилось так, что я сегодня встречал друга, прибывшего на «Королеве Аполло», и он сказал мне, что вы тоже были на корабле. Поверьте, мне пришлось провести поистине исследовательскую работу, чтобы узнать, где вы остановились. По-видимому, вы сразу взяли такси и скрылись. Мне пришлось просканировать все отели и авиалинии, и... ну, короче, доктор Абрамс, я надеюсь, мы пообедаем вместе. Я приглашаю. Вы окажете мне огромную честь.

Она пристально всматривалась в ласковые голубые глаза.

— Скажите, — произнесла она, — что вы думаете по поводу закадычной дружбы между гречами на Рамну?

— Как?

— Вы согласны, что в основе этих отношений лежит общность религии, или считаете, что прав Брунамонти и что это остатки прежней военной организации?

— Ах вот что! Я полностью разделяю вашу точку зрения.

— Как интересно! — сказала Бэннер. — Особенно если принять во внимание, что такого племени, как гречи, не существует и что у рамнуан нет религии в том смысле, как ее понимают люди. Вы хотите мне еще что-нибудь сказать, гражданин Лейфтон?

— О, пожалуйста, подождите минуту...

Она выключила экран.

Вскоре позвонили в дверь. Она включила переговорное устройство, и вновь раздался знакомый голос:

— Прошу вас, доктор Абрамс; это чудовищное недоразумение. Позвольте, я войду и все объясню вам.

— Уходите. — Голос ее был тверд, по телу пробежали мурашки. Это становилось интересным.

— Доктор Абрамс, я вынужден настаивать. Дело касается одной весьма высокопоставленной особы. Если вы не откроете дверь, нам придется принять меры.

— Или мне придется вызвать полицию, например!

— Повторяю, вас хочет видеть очень влиятельное лицо. По одному его слову именно полиция может выдворить вас отсюда. Но он, я думаю, не прибегнет к этому, потому что его интересы в

данном случае совпадают с вашими. Однако... В чем дело? Кто вы такой? — обратился к кому-то Лейфтон. — Что вам нужно?

— Бейсингсток, — проворковал чей-то баритон. Через минуту Бэннер услышала глухой стук упавшего тела. — Теперь можно открыть, — продолжил баритон.

Она открыла. На полу в холле бесформенной грудой лежал Лейфтон. Над ним высилась фигура человека в плаще с капюшоном. Он откинул капюшон — и она узнала Флэндри.

Указав на поверженное тело, он произнес:

— Холостой выстрел. Втащу его сюда, пусть придет в себя. Он не стоит того, чтобы его убить, — это просто мелкий предатель из структуры, которой почтенные люди дают малопочтенные поручения. Думаю, что внизу в холле его дожидаются один или два сообщника, оставленные *gui vive**. Сейчас мы поднимем вас на верх. Чайвз — вы помните Чайвза? — ждет на крыше с вертолетом. — Нагнувшись, он быстро, но почтительно поцеловал ее руку. — Простите, что пришлось так нетрадиционно представиться, дорогая. Постараюсь исправиться за обедом. У нас есть несколько часов, которые можно провести в Дейдре. Вы не представляете, что они умудряются приготовить из продуктов моря!

Глава 5

Его величество император Герхарт Зигмунд Молитор соблаговолил покинуть званый вечер ради частной беседы с высоким гостем. Они величественно прошествовали сквозь радужный, пестрый маскарадный вихрь в бальном зале. Люди, в зависимости от чина и титула, кланялись, приседали в реверансе или отдавали салют в надежде услышать хотя бы слово из уст августейшей особы. Лишь немногие удостаивались этого, — и вмиг становились центром внимания. Исключение составляли, пожалуй, только сдержанные пожилые люди, адмиралы, государственные министры, члены Разведывательного корпуса, представители силовых структур. Все они с интересом провожали глазами Великого герцога Гермесского. Позднее он будет приглашен на встречу со многими из них.

Мощенная гравием дорожка вывела Герхарта и Кернкросса к встречавшему их на вершине самой высокой башни, гордости Кораллового дворца, эскорту. Наружная охрана была одета не столь пышно, как охрана на первом этаже; у всех были тяжелые лица и руки и видавшая виды униформа. Подав знак оставаться на месте, Герхарт плотно прикрыл дверь за собой и своим спутником.

Светлый купол дворца возвышался над всеми домами шпилями, садами, над крышами дворцов местной знати, над прудами и

* На стремс (*фр., вульг.*).

беседками. Неподалеку от них шли жилые кварталы, а дальше берег, песок и Тихий океан. Блестя и переливаясь в свете полной луны, воды его были полны древней силы, все еще дремлющей во чреве планеты и ждущей своего часа, чтобы отомстить человеку, который столь бесцеремонно подчинил ее себе.

Ощущение это усугублялось тем, что комната была почти пуста. На полу лежала шкура немецкого долгзана, на полке стояла модель корвета — собственность Ханса. На стене висел его портрет, написанный незадолго до смерти, и Кернкросс не мог не отметить, какой изможденной сделалась к тому времени большая уродливая физиономия. Однако в мертвых глазницах мерцал проницательный взгляд.

— Садитесь, — сказал Герхарт. — Курите, если хотите.

— Вы очень добры, ваше величество, я не курю.

Герхарт вздохнул:

— Простите, возможно, я покажусь назойливым. Но когда властитель такой значительной колонии появляется без предварительной договоренности на Терре, то, естественно, приходится ознакомиться с касающимися его файлами. По-моему, вы не похожи на человека, который приехал сюда просто поразвлечься.

— Нет, это был предлог, сир.

Император опустился в кресло, герцог последовал его примеру.

— Так, — промолвил Герхарт. — Любопытно, что вы добровольно кладете голову в пасть льву. С чего бы это?

Кернкросс пристально посмотрел на него. В нем не было ничего от льва: среднего роста, грубоватые черты лица, выдающийся вперед подбородок, светлые седеющие волосы. Переливчатая, умело застрапированная мантия не могла, однако, скрыть, что в свои далеко не старые годы он начал полнеть. Но глаза у него были отцовские — небольшие, проницательные, — глаза дикого вепря.

Улыбнувшись, он достал коробку и вынул сигару:

— Но самое любопытное — что я согласился принять вас. Обычно, знаете ли, незапланированную аудиенцию дают люди из Службы разведки.

— Поверьте, сир, — ответил Кернкросс, — я начал именно с этого, но не добился удовлетворительного решения. Так, во всяком случае, мне показалось. Наверное, вы скажете мне: что, Флэндри и вправду такая продувная бестия?

— Ах, Флэндри! Хм. — Герхарт закурил. Синий дым от сигары колечками поднялся вверх. — Продолжайте.

— Сир, — начал Кернкросс, — поскольку вы видели мое личное дело, вам должно быть известно, какие обвинения и инсинуации плетут вокруг меня. Отчасти я здесь именно для того, чтобы постараться опровергнуть их, пусть даже ценой жизни мне при-

шлось бы доказать свою лояльность. Однако, согласитесь, необходимо нечто большее — не просто реабилитировать себя, но разоблачить подлинных злоумышленников!

— Да уж, поистине мы живем в эпоху злых умыслов, — заметил Герхарт с прежней холодной усмешкой.

«И убийств, революций, предательств, переворотов, — мысленно добавил Кернкросс. — Брат идет на брата. Когда Империя рухнула, Герхарт, и Дитрих оказался мертв — был ли это и вправду несчастный случай? Сомнительно, что Службы безопасности столь безмятежно упустили судно с императором. И неважно, к каким выводам пришло потом следствие: оно полностью находилось под контролем нового императора...»

...Все считают тебя братоубийцей, Герхарт. (А как насчет отцеубийцы? Но нет, старый Ганс был достаточно проницателен.) И если все-таки тебя теряют на троне, то только потому, что ты намного дееспособнее, чем тупица Дитрих. Править Империей должна сильная и опытная рука, иначе опять вспыхнет гражданская война, и тогда вернутся мерсейцы или варвары.

И все же есть одно непреложное правило, Герхарт. Ему подчинялся и Ганс и соблюдал его неужоснительно. После того как завершилась династия Вангов, законного наследника не осталось; и когда цвет Космофлота обратился к нему, он обещал навести порядок в Империи и обеспечить ее внешнюю безопасность — при условии, что будет создана военная диктатура.

Однако... В его жилах не текла кровь Основателя Империи. Коронация оказалась простым фарсом, организованным под строгим присмотром штурмовиков, которые принесли присягу не столько Империи, сколько ему лично. Он разгромил аристократию — и создал новую, себе на потеху. Он не соблюдал старейших соглашений между Террой и дочерними планетами. Закон стал не чем иным, как личным его произволом.

...Память о нем здесь чтут, потому что ему удалось сохранить мир. А это удалось сделать далеко не везде...

— Что-то вы внезапно замолчали? — сказал Герхарт.

Кернкросс вздрогнул:

— Простите, пожалуйста, сир. Я думал о том, как покороче изложить свое дело, чтобы не злоупотребить вашим временем и терпением.

Он откашлялся и пустился примерно в те же объяснения, которые совсем недавно излагал Флэнди. Император слушал, рассматривая его сквозь пелену дыма.

Наконец Герхарт кивнул и сказал:

— Да, вы правы. Расследование действительно необходимо. И лучше, чтобы оно проводилось негласно, в противном случае это может только повредить вашему политическому авторитету, а

значит — косвенно — Империи. — *Если вы и в самом деле лояльны, — так это нужно было понимать. — Вообще-то вам давно следовало поднять этот вопрос. Но и одна отдельно взятая планета так огромна, так много в ней всего намешано, что очень трудно все вовремя предвидеть. А уж Империя планет... Но почему вы настаиваете, чтобы именно адмирал Флэндри занялся расследованием?*

— Его репутация, сир, — объяснил Кернкросс. — Он ведь поистине легендарная личность! А его прошлое, когда он был предоставлен самому себе и действовал на собственный страх и риск!.. Кто лучше его сможет разобраться в наших проблемах на Гермесе и, в частности, обойтись без вмешательства вооруженных сил?

Герхарт усмехнулся:

— Вы не преувеличиваете его способности?

А, так ты не любишь его. Ну конечно, он ведь был любимцем твоего отца, на Херейоне он провел виртуозную операцию, да и Дитрих периодически давал ему поручения. Соперничество; он — живой свидетель того, о чем ты предпочел бы забыть. А главное, как мне удалось выяснить из общения с местной знатью, Флэндри порой слишком дерзок. Он не так беззаветно предан короне, и подчас это написано у него на лице.

— А если так, — произнес он минуту спустя, — не послужит ли мое предложение неким поводом к развенчанию легенды об адмирале?

Герхарт заерзal в кресле.

— О, помилуй Бог, я не хочу сказать, что он провалит задание, — поспешил добавить Кернкросс. — Он, возможно, блестяще справится с ним. Во всяком случае, он достаточно компетентен. Но если этим все и ограничится, если придется привлечь в помощь ему более молодого сотрудника — что ж, сир, для вас это может послужить достаточно веским поводом для того, чтобы отправить его в почетную отставку, воздав благодарность за былые заслуги.

Герхарт неохотно кивнул:

— Да, да. Высшие офицеры, давно пережившие свою славу, но не уходящие по собственной воле в отставку, — это своего рода нонсенс. Понимаете, они создают какие-то союзы, ассоциации этих союзов и их приверженцев... Возьмем того же Флэндри. Примерно вторую половину правления моего отца он вынашивал и осуществлял свои собственные планы и единовластно распоряжался преданным ему штатом, не допуская ничьего вмешательства. Хотя поведение его и нельзя назвать прямым нарушением субординации, все же зачастую оно было близко к этому.

— Я полностью разделяю ваше мнение, сир, особенно после того, как мне пришлось с ним столкнуться.

— Что же произошло?

— Сир, мне не хотелось бы преувеличивать значение собственной персоны в присутствии императора. Однако, как бы там ни было, я достаточно высокое должностное лицо, я — правитель одной из планет Империи. Благополучие ее требует, чтобы правителям оказывали должное уважение. Флэндри же... он не то чтобы отклонил мое предложение, но заявил, что должен прежде подумать, снизойдет ли он до того, чтобы согласиться. После чего вообще скрылся в неизвестном направлении, и никто не знает, появится ли он раньше следующей недели. А я тем временем должен с нетерпением ждать.

Герхарт потер подбородок:

— Он получит строжайшее указание поступить в ваше распоряжение.

— Ваше величество столь же предусмотрительны, сколь велико-душны.

Взгляды их встретились — в них было полное взаимопонимание.

В дверь комнаты для гостей постучали. Бэннер повернула голову к двери. Игры в мяч, занесенные сюда с Луны, заставили ее почти забыть о своих проблемах. Поначалу они увлекли ее, она вообще страстью любила спорт и не упускала малейшей возможности заняться им, а потом ее захватили грация и изящество сказочно красивых, похожих на балетные па движений.

Теперь это показалось пустяком, она ощутила биение пульса и сухость во рту.

Разозливвшись, мысленно приказала себе успокоиться и вести себя, как подобает взрослой женщине. Вслух спросила:

— Кто там?

Никакой опасности быть не могло. Флэндри решил, что самым надежным укрытием для нее будет его дом в Аркopolисе. Можно было смело спрятать ее там. Чайвз, имевший постоянную электронную связь со своими более молодыми помощниками, в состоянии спровадить любого посетителя в отсутствие адмирала.

Теперь его не было уже три дня, и они тянулись невыносимо медленно. Услышав его голос, она как-то уж слишком обрадовалась...

— Господин из Бейсингстока. Если можно, выйдите, пожалуйста. Есть новости.

— Одну минутку. — После довольно долгого плавания она лежала под кварцевой лампой, ворочая недавние события. «Он лишь мимоходом коснулся прошлого, — думала она. — Только в коротком разговоре на личные темы он упомянул ее отца, теперь уже как своего начальника».

Ей не хотелось предстать перед ним небрежно одетой; она натянула слаксы, блузку, на ноги надела сандалии. И, только выйдя за дверь, сообразила, что забыла причесаться и что волосы, наверное, похожи сейчас на две столкнувшиеся кометы...

Он сделал вид, что не заметил этого, хотя она была уверена, что заметил. Сам он был в безукоризненном гражданском костюме. Но выглядел озабоченным.

— Как вы здесь? — спросил он.

— Превосходно, — ответила она. — А вы?

— Вынужден скрываться, но занимаюсь делами. Понимаете, нужно прятаться от людских глаз, иначе заподозрят, что я вернулся. В то же время необходимо было выяснить, что происходит. Разумеется, мои люди вполне осведомлены, но не мог же я просто позвонить им и спросить «Как дела?» Ну, да это детали. Все улажено. Пойдемте выпьем, а я тем временем все расскажу, чтобы вы были au courant*.

Она не поняла это выражение. Она не знала практически ни одного языка, кроме родного англика, да еще древних восточных, с которых легко переводила, получая огромное наслаждение. Однако из контекста она уяснила, что он хотел сказать, и стала жадно слушать. Пила она вообще мало и неохотно, но сейчас ей захотелось коньяка.

Дождь серебряными каплями струился за окнами. Сверкали молнии. Громоотвод заглушал грозовые раскаты, и это сообщало происходящему какое-то сказочное неправдоподобие. Они расположились в шезлонгах на ковре пастельных тонов, лицом друг к другу. Ковер казался творением целой рати искусствников, давно ушедших в небытие.

— Итак? — спросила Бэннер. — Слушаю вас... О, простите, я не хотела вас торопить.

— Хотите чего-нибудь успокоительного?

Она покачала головой:

— Только выпить. Я... при моей работе не рекомендуется прибегать к химическим препаратам. Может наступить привыканье — никаких последствий, разумеется, просто привыканье.

Кивнув, он тихо сказал:

— Да, я сам пережил немало нервных срывов, и боли, и напряжения, и обычно из-за других. И вы, наверное, тоже?

— Из-за других? Нет, пожалуй. Для меня все это так же важно, как и для Йеввл. — Бэннер саму удивило, как горячо она это сказала. Она попыталась погасить возбуждение. — Я потом постараюсь вам объяснить, если будет возможность.

— О, мы создадим ее сами, — сказал Флэндри. — Мы сейчас отправляемся на Рамну.

* В курсе дела (фр.).

— Что?! — уставилась она на него.

Чайвз принес напитки. Для Флэндри — пиво. Сделав большой глоток, Флэндри улыбнулся:

— Понимаете, не в моих правилах упускать интересную работу. Можно залпом выпить коньяк, а можно его смахивать, если человек не слишком нервный. А вот доброе старое пиво не располагает к сосредоточенности и умственному напряжению, как полагают люди, начисто лишенные вкуса, и это еще один из поводов подняться на борт «Хулигана». — Он долил свой бокал. — Итак, будем наслаждаться, пока можно!

— Вы когда-нибудь бываете серьезным? — поинтересовалась она.

Он снова пожал плечами:

— Могу быть и серьезным, если вам хочется. Горе ведь само настигает нас, когда приходит время, можете не сомневаться. — Рот его изогнулся в твердую дугу, серые глаза неотрывно смотрели на нее. — Для начала: как вы себе представляете ситуацию?

— Честно говоря, весьма неопределенно, — призналась она. — У меня есть некоторые предположения, я уже поделилась с вами, но вы... как бы это сказать... дали уклончивый ответ.

— У меня было слишком мало данных, — объяснил он. — А беспредметные рассуждения — пустая трата времени. Они могут только завести в тупик. А вообще для человека, не знакомого с темными сторонами политической жизни, вы высказали одно или два удивительно тонких замечания. Впрочем, давайте лучше я изложу свою точку зрения.

Он опять промочил горло, вздохнул и продолжал:

— Можно считать естественным — учитывая вашу заинтересованность в этом деле, — что Кернкросс обделывает свои дела втихомолку, пока все не будет решено. Если бы ответственность не лежала на Рамну, где все сосредоточено, он давно бы сменил там руководство всех коммерческих предприятий. Но предприятия с момента основания значительно расширились, а кроме того, они умело законспирированы. Поэтому, в частности, ваши научные исследования становятся все менее согласованными. Приводимые доводы вас не убеждают. Все это мешает нормальной работе, снижает ее эффективность и грозит в конечном итоге полной остановкой.

...А Кернкросс между тем задумал реанимировать Рамну. По-видимому, он понимает, что бюджет этого не выдержит. Но почему же он против того, чтобы прибегнуть к помощи Терры? Ранг его достаточно высок, чтобы рассчитывать на получение этой помощи. Политические круги в наши дни склонны поддерживать серьезные проекты — если они не требуют слишком уж больших инвестиций, — чтобы повысить уровень жизни в Империи, в чем она

остро нуждается. Стимулирование инженерной мысли и вливание материальных средств могли бы привести к процветанию экономики Гермеса, которая сегодня находится в плачевном состоянии.

...И вы решили прибегнуть к моей помощи, памятуя о прежних временах. Однако представление ваше о моем могуществе явно преувеличено, хотя вы могли и не знать об этом. Во всяком случае, вы убедили меня посмотреть на месте, не могу ли я нажать на какой-нибудь рычаг, чтобы извлечь из правительства нужные ресурсы.

...Еще до того как ваш лайнер добрался до Терры, Кернкросс собственной персоной прибыл сюда на спидстере. Он хотел, чтобы я немедленно отправился вместе с ним на Гермес. Совпадение ли это? В последнее время его репутация в узких кругах Империи сильно пошатнулась. Она еще не так плоха, чтобы вызвать реакцию со стороны нашей неорганизованной, скрипучей, плохо управляемой Империи, и все же... Тем не менее зачем он так настаивал, чтобы именно я, и никто другой, таскал каштаны из огня? Почему так яростно воспротивился моему предложению без спешки и с комфортом отправиться на «Королеву»? Возможно, на борту находился кто-то, с кем моя встреча была нежелательна?

...Вы, быть может, помните, как нудно я высматривал у вас подробности о том, что находится в доме вашего хозяина на Старфоле, включая оборудование дома? Вам следовало там быть осторожнее. Однако ни вы, ни гражданин Рунеберг — не профессионалы в этом деле. Я сам мог бы предложить тысячи способов прослушивания ваших разговоров!

Флэндри замолчал и допил пиво.

— Чайвз! — позвал он. — Принеси еще! — И, обратившись к Бэннер, извиняющимся тоном пояснил: — Я выпиваю кувшины пива, когда читаю курс лекций в Военной Академии дважды в год. Извините, если и теперь я бубню: профессорство — привычка, от которой трудно избавиться.

Она уже смаковала коньяк.

— Нет-нет, все в порядке, — прошептала она, — то есть все это в основном было мне понятно, но вы дали перспективу.

— Остальное нетрудно домыслить. Видит Бог, могло быть хуже, — сказал он. Чайвз принес новый бокал, бросил быстрый взгляд на Бэннер и вышел.

— Вы извинились, что придется отложить дела, — сказала она, желая показать, что нить разговора не ускользнула от нее, — вам пришлось исчезнуть, пока «Королева Аполло» не уйдет с Терры, потому что она больше не занимала ваши мысли. Но вы приказали своему персоналу быть настороже.

— Все это только догадки. У меня не было ни малейшего представления о том, кто или что должно прибыть на «Королеву» — если вообще должно — и касается ли это каким-то образом меня.

Сработала чистая интуиция, но она нуждалась в подтверждении или опровержении. Если бы догадка оказалась неверной, пришлось бы думать о других возможных опасностях и пытаться предотвратить их. Короче, я играл вслепую. Можно было предположить, что Кернкросс наймет шпионов и они выследят вас, однако я не был уверен в этом. Один из таких был у меня на подозрении, не стоило сбрасывать его со счетов. Сам он ни о чем не должен был знать. Я на всякий случай решил понаблюдать за ним. Его хозяева — тоже профессионалы.

— И что же вы стали делать?

— Занялся анализом и подготовкой, и вот вчера, связавшись с офисом, узнал, что они получили прямое указание от герцога немедленно доложить ему о прибытии и быть готовыми отправить меня на Гермес *pronto**¹, если не сию минуту. — Флэндри хитро улыбнулся. — Поскольку ни у кого не вызвало сомнений, что я поддерживаю связь со своим офисом, невозможно было притворяться, что я ничего не знаю. Я попросил аудиенции у его величества и не удивился, получив ответ, что это возможно не раньше чем через месяц.

Он отхлебнул пива.

— Поэтому я вернулся, как пай-мальчик. Его светлость вел себя тоже очень мило. Если он и заподозрил, что я как-то замешан в обезвреживании шпиона и в вашем исчезновении, то вида не подал. А возможно, он и не ведает ни о чем. Понимаете, за несколько часов перед этим раздался удар из тяжелого орудия, и он вполне мог вызвать внезапную амнезию. Поэтому, выслушав рассказ шпиона, можно было и уокошить его, а потом улететь. Так, возможно, герцог и поступил. Он ведь знает, как вы настроены и что давно вовлечены в жестокие распри. Во всяком случае он обрадуется, узнав, что завтра рано утром я готов лететь. — Он ухмыльнулся: — Очень рано.

Уныние понемногу рассеялось.

— А что делать мне? — спросила Бэннер.

— Предлагаю такой план. Я уже объяснил, что мне лучше всего лететь на собственном спидстере. Он оборудован специально для полевых работ, поэтому, прилетев на Гермес, я смогу начать работать. Там ведь трудно разместить корабль со всем антуражем, как принято называть личную охрану, двух или трех помощников и, пожалуй, хозяйку-экономку, — а уж в скорости мой спидстер не уступит.

...Ну а дальше... Допустим, он решит, что перехитрил меня. Разумеется, меня могут задержать, бросить в болото, пустить по ложному следу, вообще сбить с толку. Или — вынудить покончить

* Исмэлснно (*ut.*).

с собой. Я твердо уверен, что его светлости нет нужды осуществлять первоначальный план. Иначе он не действовал бы так дерзко; теперь он уже слишком скомпрометировал себя, чтобы пытаться соблюдать осторожность.

— А вы можете рассказать об этом кому-нибудь? — выдохнула она.

— Конечно, но не хочу подвергать риску этих людей. Да и потом, что может сделать маленький чиновник? Я оставил на диске-те свои соображения, они должны помочь моим доверенным лицам в случае моей смерти или затянувшегося отсутствия. Впрочем, это пустая формальность. Ведь пока нет никаких доказательств, а только мои предположения. Хотя теперешнее мое неповинование может кое-что подтвердить.

— Не... повинование? — голос у нее зазвенел.

Он кивнул:

— То, что я отправляюсь не на Гермес, а на Рамну. При условии, что вы полетите со мной как абсолютно необходимый мне гид. Очевидно, Рамну — это ахиллесова пятка, которую ему то ли удается, то ли не удается скрыть от глаз людских, — скорее не удается, раз он так старается не допустить меня туда. Мы можем раскрыть то, что собираемся раскрыть, хотя у нас будет чертовски мало времени. Если же нам не повезет или окажется, что искать было нечего, то не исключено, что мы предстанем перед судом за нарушение приказа самого императора, — они безусловно добьются этого.

Обычная мягкая манера говорить теперь изменила ему. И выглядел он крайне удрученным.

— Я совершаю сейчас самое серьезное должностное преступление. Но еще хуже, что я втягиваю в это дело дочь Макса Абрамса. Надеюсь, у вас хватит здравого смысла отказаться.

Вспыхнув, она вскочила на ноги.

— Я ни в коем случае не откажусь! — крикнула она и высоко подняла стакан.

Сверкали молнии. Ливень становился все сильнее.

Глава 6

«Хулиган» оторвался от взлетной полосы и мгновенно взмыл в небо. Гремел гром. Корабль, набирая скорость, вылетел в безвоздушное пространство. В одно мгновение он оказался выше обычных траекторий и мог теперь развить предельную скорость. Вскоре в поле зрения показалась Терра, с каждой минутой становясь все ближе.

В салоне не ощущались ни подъем, ни бешеные ускорения. Гам поддерживался постоянный климат, никаких перегрузок пассажиры не чувствовали. Лишь слабое дуновение, подобное весен-

нему ветерку, доносились из вентиляторов. «Хулиган» создавал обманчивое впечатление: маленький, но сверхмощный, с не уступающим корвету вооружением и оборудованием корабля-исследователя; что же касается лаборатории и роскошного интерьера, — здесь у Бэннер просто дух замирал...

В своей каюте, где была собственная душевая, Бэннер смогла освободиться от камуфляжа. Это оказалось легче, чем она предполагала, опасаясь не столько по поводу платья и парика, сколько в отношении грима, который пришлось наложить, чтобы стать похожей на фотографию в паспорте, который дал ей Флэндри.

— Сара Пинеллини — это реальная личность? — спросила она тогда.

— Скажем так: многие реальные личности воспользовались в свое время этим именем, — ответил он. — У этой дамы есть право доступа в официальные учреждения; у нее есть дата рождения, образование, род занятий *et cetera**; правда, многие характеристики периодически изменяются, иначе они не внушали бы доверие. В моем распоряжении немало подобных документов, но Сара показалась мне наиболее подходящей. К тому же так весело было гrimировать вас под нее!

— Плохая из меня актриса, — Бэннер явно нервничала. — У меня даже нет времени как следует познакомиться с предлагаемой легендой!

— Это совсем не нужно. Запомните только паспортные данные. Стойте рядом со мной и ничего не говорите, пока к вам не обратятся. Не страшно, если будет заметно, что вы волнуетесь: это естественно, если вы так далеко от дома, на незнакомом Гермессе. Очень естественно, если время от времени вы будете сильно сжимать мою руку и поглядывать на меня с обожанием — если, конечно, сумеете.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я думал, это и так ясно. Вам необходимо проникнуть на корабль. Помимо общепринятых процедур авиационного контроля, Кернкросс, несомненно, наводнит космодром переодетыми шпионами. Ничего удивительного, что я пригласил с собой в путешествие леди, которая поможет мне скоротать время. Эта деталь сыграет на правдоподобие, тем более что и Чайвз будет рядом. Едва ли можно усомниться, что я еду именно туда, куда собирался. Если бы я захватил с собой кого-нибудь из сотрудников, его светлость не преминул бы включить в команду и кого-нибудь из своих. А так — я уже заполнил декларацию, включив в нее нас троих, причем вы фигурируете в ней как мой «друг». Возможно, прочтя это, Кернкросс усмехнется, но — поверит. —

* И так далес (фр.).

Флэндри перешел на серьезный тон. — Это, разумеется, исключительно для конспирации. Не беспокойтесь.

Когда он вручал ей подложные документы, лицо ее пыпало.

И вот теперь она смывала с себя грим, а вместе с ним пот напряжения и усталости. С минуту разглядывала свое отражение в зеркале, раздумывая, нужно ли снова обряжаться в это маскарадное платье, но в конце концов предпочла собственный рабочий комбинезон, который захватила с собой. Взял щетку, стала приглаживать волосы, пока они не заблестели и не заструились по спине, перехваченные широкой плетеной лентой в виде обруча.

Выходя из душевой, она отыскала отсек, где они договорились встретиться с Флэндри, — и затаила дыхание. Ей часто доводилось видеть открытый космос — из переднего окна кабины или в видеофильмах, — но никогда это зрелище так не потрясало воображение, как сейчас. Скопления сверкающих огоньков-звезд в безбрежной черни неба, ледяной простор Галактики, а там уже и голубой бриллиант Терры выныривает из бездны и вновь проваливается в бездну...

Звуки музыки вернули ее к действительности. Ритмичная мелодия рожков, флейт, скрипок.

...*Моцарт*? В это время вошел Флэндри. Он тоже переоделся, сменив форму на свободного покроя рубашку с открытым воротом, слаксы с бубенчиками на отворотах, туфли с загнутыми вверх носами. «Не из-за меня ли он так приоделся? — подумала она. — Если так, он все еще не может отрешиться от привычки выглядеть элегантным. На редкость красивая посадка головы; а этот падающий на волосы свет делает седину какой-то живой...»

— Как вы себя чувствуете? — приветствовал он ее. — Надеюсь, удалось немного расслабиться. Хорошо бы! Впереди у нас приятнейшее двухнедельное путешествие, — он усмехнулся. — По крайней мере, я думаю, оно будет приятным.

— А разве вам ничего не нужно делать? — поспешно спросила она.

— О, корабль полностью автоматизирован, остается только самое простейшее, вроде домашнего хозяйства. Чайвз позаботится о еде, и она, можете мне поверить, будет не без изыска. Через час обещан ленч. — Он указал на стол темно-красного дерева. («Натуральное», — подумала Бэннер. Ей доводилось читать о красном дереве в книгах.) — Выпьем пока аперитив.

— Но вы ведь говорили, что почти ничего не знаете о Рамну. Конечно, у вас огромный банк данных, но разве вам не хотелось бы услышать о ней самому?

Взял под руку, он подвел ее к угловому дивану, с трех сторон окружающему стол. Над ним, на переливчатой переборке, висел знакомый пейзаж: заснеженные пространства, три изможденных крестьянина, группы неказистых домишек, зимние голые деревья,

гора — и все это как нельзя лучше гармонировало со звучащей музыкой. Это была картина Хирошиги, он написал ее двести лет назад.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил он.

Они сели.

— Дорогая, — продолжал он, — ну конечно, у меня будет работа. У нас обоих будет. Но я способный ученик; и что толку изоцряться в планах, если неизвестны многие обстоятельства? Будем же развлекаться, пока можно. А для первооткрывателя — такого, как вы, — хотя бы на один день нужно проникнуться ощущением безопасности.

Появился Чайвз.

— Что будете пить? — спросил Флэндри. — Как я понимаю, готовится салат из даров моря. Поэтому я бы рекомендовал сухое вино.

— А именно, сэр, Шато Уон 58, — сказал шалманин.

Флэндри поднял брови:

— Черно-белый «пино»?

— Главная составная часть салата — юнан-безарская рыба-скиммер, сэр.

Флэндри подергал ус.

— Понятно. Тогда во время ленча нам понадобится... впрочем, не имеет значения; бутылку «пино» принеси непременно. Прекрасно, Чайвз.

Отвесив низкий поклон, слуга ушел, а Бэннер вздохнула:

— Как вы умудряетесь находить время для гастрономических изысков, адмирал?

— Разве зарабатывать средства на то, чтобы потворствовать своим желаниям, не есть один из видов самоублажения? — усмехнулся Флэндри. — Я предпочел бы быть декадентствующим аристократом, но, к сожалению, не рожден таковым, мне пришлось самому зарабатывать право на сибаритство.

— Что-то не верится, — возразила она.

— Ну, ваша чрезмерная серьезность удивляет. Отец ваш умел со вкусом наслаждаться жизнью в космосе, то же можно сказать и о вашей матушке, хотя она в этом отношении была более умеренная. Почему бы вам не последовать их примеру?

— О, я наслаждаюсь! Просто дело в том, что... — Избегая его взгляда, Бэннер всматривалась в сияющую темноту. Она не склонна была раскрывать душу, особенно при столь кратковременном знакомстве. С другой стороны, Флэндри — старый друг семьи, им вместе предстоит избежать объятий смерти, и... и...

— У меня никогда не хватало времени на общепринятые удовольствия, — медленно произнесла она. — Вы ведь знаете, как нашу братию перебрасывают с планеты на планету, и учиться мне приходилось преимущественно у машин. Потом была Академия; у

меня возникла мысль вступить в папино ведомство — ваше ведомство, знания ксенологии пригодились бы как нельзя лучше. Но вместо этого я погрузилась в науку, отправилась на Рамну, там работаю и поныне. — Ее взгляд встретился с его взглядом; глаза у него были добрые. — Да мне и не хотелось ничего другого, — сказала она. — Мне выпало огромное счастье — любить свое дело.

Он кивнул:

— Могу себе представить, как оно сделалось вашим. Здесь ведь требуется полное самоотречение, не так ли? В таком странном мире, как наш. — Взгляд его теперь был устремлен в пространство. — О, незримые боги! — прошептал он. — Разве можно было вообразить себе планету, подобную нашей? Да, впереди у меня головоломка. Начать с того, что я даже не знаю, как появилась Рамну.

Первоначально солнце-гном имело гигантского спутника — огромный шар, примерно в 3000 раз превосходящий по массе Терру. Такой монстр должен был, естественно, напоминать по составу звезду: преимущественно водород, с небольшой примесью гелия; другие элементы в очень малых количествах.

И в самом деле, он был гораздо ближе к звезде, чем даже к Юпитеру. Юпитер — это преимущественно жидкость под толстым слоем атмосферы; ее окружают шлаки в виде легких металлических включений — континенты. Однако наиболее твердая материя содержится в ядре (если можно назвать твердой материю, испытывающую такое давление!). Медленное сжатие материи под действием силы тяжести высвобождает энергию; Юпитер излучает примерно вдвое больше того, что он поглощает от планеты Сол, согревая таким образом поверхность. Увеличьте теперь размеры Юпитера на порядок — и вы получите искомую планету, целиком состоявшую из жидкости или сжиженного газа — за исключением тяжелых металлов, которые собираются в центре планеты. Сдавленные до состояния вырожденной материи, они тверды, как никакое другое вещество, знакомое человеку. В то же время благодаря действию собственной силы тяжести шар, подобный описываемому, может сформироваться и существовать рядом с обычным светилом. Светового давления будет недостаточно, чтобы рассеивать атмосферу великана в пространстве.

Если бы только не...

Неподалеку (по астрономическим меркам) находилась гигантская звезда. Она появилась здесь недавно. Возможно, по воле случая. Но скорее всего гигант и карлик были членами звездной пары, причем одна обращалась вокруг другой. Тогда разделение их могло быть следствием вспышки сверхновой — в результате потери массы большей звездой тяготение перестало удерживать эту пару вместе.

Яростная мощь, сравнимая с блеском миллиардов солнц, не остановилась на этом. Она заполнила все окружающее пространство газом, который на протяжении тысячелетий сбылся в туманности, различимым во все световые годы, пока наконец другие вторжения не истощили его, рассеяв в конечном итоге в космосе.

Звезда-карлик с легкостью вынырнула из огненной пучины, ничуть не пострадав. А вот огромная планета, как это ни парадоксально, оказалась мала для того, чтобы создать, к примеру, вторую Обитель Мрака. Бомбардировки метеоритов и яростный белокалильный жар перевели водород и гелий в плазму, которая стала взаимодействовать с корой из более тяжелых элементов при помощи магнитного поля. Таким образом, вращение ядра замедлилось. Из сверхплотного оно перешло в состояние, которое можно назвать нормальным. Извержения оказались недостаточно сильными, чтобы разрушить то, что осталось, хотя какая-то часть, по-видимому, была утрачена. Но огромный шар из кремния, никеля, углерода, кислорода, азота и урана уцелел...

Тем временем малые спутники, как и планеты поменьше, испарились. Уцелели только три самые большие из них. Разрушение основной породы забрасывало их спиральными витками на новые орбиты, чему в течение тысячелетий препятствовало трение вещества туманности. Возможно, на планету обрушились одна или две луны. В итоге все они приблизились к солнцу.

Когда наконец все утихло, осталась Нику, звезда позднего типа G яркостью в 0,48 солнечной. Ее отличало более высокое процентное содержание металлов, чем у небесных тел ее строения и возраста, — при условии, разумеется, что возраст определен правильно. И осталась Рамну, вращающаяся вокруг Нику на небольшом, практически неизменном расстоянии — примерно 1,1 астрономической единицы, с периодом 1,28 стандартного года. Минимальная масса ее в 310 раз больше массы Терры, а плотность — в 1,1 раза. Такая плотность объясняется тяготением 7,2 g, поскольку верхние слои коры имеют состав, сходный с земным. Наклон оси на Рамну составлял около 4 градусов, период полного оборота был равен 15,7 стандартных суток.

По мере того как гигантский камень охлаждался, из него выходили жидкость и газы, образуя океаны и нечто вроде начатков атмосферы. Началась химическая реакция. В конечном итоге благодаря фотосинтезу стала развиваться жизнь, и эволюция ускорилась. В наши дни атмосфера там напоминает атмосферу Терры, различие только в соотношении компонентов и в их концентрации. И хотя солнечная постоянная* составляет лишь 0,4 терранской,

* Количество энергии, которую получает от солнца единица площади поверхности планеты. (Примеч. ред.)

климат на планете благодаря парниковому эффекту мягкий, хотя и довольно неустойчивый.

Эта планета была открыта не людьми, а цинтианами, в эпоху начала космических исследований. Заинтересовавшись, они организовали на внутренней луне научно-исследовательскую базу; названия же заимствовали из своей мифологии. Политико-экономические факторы, крайне непостоянны, вскоре заставили их покинуть планету. Позднее пришли люди, намереваясь обосноваться здесь надолго и действовать решительно. Однако их возможности и имеющиеся средства были неадекватны задачам и с течением столетий сокращались. Рамну оставалась загадкой даже для планетологов.

Сколько еще в этом сегменте космоса миров, окутанных тайной, почти не изученных!

Как только корона Сола закрыла корабль от взглядов с Терры, «Хулиган» перешел на гипертягу. Осцилляторы придавали ему ускорение, почти вдвое превышающее обычную для корабля псевдо-скорость, — свыше половины светового года в час. И все же им должно было потребоваться не менее месяца, чтобы долететь до звезды в секторе Антареса. Двигаясь с такой скоростью, корабль за двадцать лет пересечет Галактику. Компенсаторы гасили оптические эффекты пространственного перемещения; на экранах видно было медленно изменяющееся небо по мере того, как одни созвездия уступали место другим; если бы не усилители, то на четвертый день солнце Терры уже скрылось бы из виду.

— Вы видите теперь, что мы опережаем собственные планы? — как бы между прочим спросил Флэндри. Они с Бэннер отдохнули после серьезных занятий, потягивая вкусные напитки.

Опираясь локтями на стол, Бэннер серьезно посмотрела на него.

— Смотря по тому, что вы имеете в виду, — ответила она. — Если уж Господь позаботился о том, чтобы сделать таким совершенным простой электрон, то он позаботится и о нас.

Он взглянул на нее. «Да, о тебе Господь и вправду позаботился», — подумал он. Возможно, в общепринятом смысле слова она и не была красива; но ее отлично выпуклое лицо сейчас казалось особенно одухотворенным, и потом эти глаза — зеленые, как листья, как море...

— Вот уж не думал, что вы религиозны, — сказал он. — Правда, Макс был верующим, но никогда этого не показывал на людях.

— Не уверена, что могу назвать себя верующей, — возразила она. — Я не исповедую никакую религию. Но не может быть, что Вселенная создана без определенного замысла!

Он глотнул виски и запил его горечь глотком воды.

— Да, в данный момент я и сам склонен так думать. К несчастью, в моей жизни было слишком много моментов, подтверждающих обратное. Вообще-то я не вижу в жизни особого смысла. А уж наше общественное устройство — Империя, например, — это ведь образец абсурда! Ну, мы не задавались этими вопросами, когда нам было восемнадцать, не так ли? Закурите?

Она взяла сигарету, и они одновременно закурили. Музыкальным сопровождением — по его инициативе — служил им концерт певчих фрейанских птиц. Они щебетали, пускали трели, пели о зеленом лесе и о предзакатном небе... Флэндри повернула какую-то ручку, и воздух наполнился запахом летнего леса. Свет был притущен.

Внезапно Бэннер, казалось, потеряла представление о том, кто рядом с ней. Она шумно вздохнула и пристально взглянула на него.

— Вы не задумывались? — спросила она. — В том возрасте, когда преданно служили Империи? Под началом моего отца? А все, что вы делали потом... О, не притворяйтесь, пожалуйста, отпетым циником, я все равно не поверю!

Он пожал плечами:

— *Touche**. Признаюсь, я слишком поздно созрел. Макс действительно был убежденным сторонником Империи, я же восхищался им, как никем другим в своей жизни, включая того, кому довелось быть моим отцом. Поэтому мне не сразу удалось разобраться в том, что такое Империя. А с тех пор, если хотите знать, я просто за неимением других занятий играл в азартную игру. Оказалось к тому же, что она приносит пользу — Терре и мне, разумеется, — поскольку ощущение своего превосходства намного приятнее, чем подчинение, рабство или смерть. Но если принять всерьез весь этот фарс с Империей...

Он остановился, увидев неподдельный гнев в ее глазах.

— Вы хотите сказать, что мой отец был глуп? — взорвась она.

«Уж не пьян ли я? — мелькнуло у него в голове. — Наверное, нужно лучше следить за собой. Все это действие алкоголя, усталости и — увы! — одиночества!» А вслух продолжал:

— Простите, Бэннер. Я сказал не подумав. Нет, по тому времени ваш отец был прав. Тогда Империя действительно что-то значила. Для него она и впрямь сохранила свое очарование. Впрочем, если он и был разочарован, то считал долгом хранить молчание. Такой уж был человек. Хочется думать, что он жил и умер с надеждой на ее возрождение, — и как бы я желал разделить эту надежду!

Лицо ее смягчилось.

* Касанис (фехтовальный термин).

— А вы не разделяете? — промолвила она. — Но почему? Империя хранит Мир, держит границы открытыми для торговли, отражает посягательства внешних врагов, сохраняет свое наследие. И ведь именно этому вы посвятили свою жизнь!

Увы, она — дочь своего отца, это ясно. И это многое объясняет.

— Извините, — сказал он. — Я просто брюзга.

— Нет, нисколько. Может быть, я не так хорошо разбираюсь в людях, но вы сказали то, что думали. Это бесспорно. Пожалуйста, продолжайте!

Она во что бы то ни стало хочет доискаться правды.

— Ну, это долгая история, как и выводы из нее. Некогда Империя олицетворяла собой силу; она и сейчас до некоторой степени сильна. И тем не менее актуальным было найти спасение от хаоса. А чем вызван этот хаос, что не позволило сохранить изначальную волю к свободе?.. И вот тут, как и всегда, является Цезарь!

...Но установление сильной государственной власти отнюдь не тождественно возрождению цивилизации. Напротив, это начало ее конца, что не раз подтверждала история. Это — медленное течение неизлечимой болезни!

Он отпил, затянулся сигаретой и ощутил легкую приятность того и другого.

— Пожалуй, сегодня я предпочел бы уклониться от назидательных речей, — сказал он. — Я тратил сотни часов, когда не было срочных дел, на чтение и размышления; разговаривал с историками, психоаналитиками, философами. Ни у кого из современных трезвых мыслителей нет убедительных аргументов по этому поводу. А все дело в том, что нам с вами довелось жить в кризисную эпоху Империи, в эпоху междуцарствия, в промежутке между фазами принципата и домината.

— По-моему, вы начинаете мыслить абстракциями, — сказала Бэннер.

Флэндри улыбнулся:

— Поэтому покончим с этой темой. А Чайвз накроет на стол.

Она покачала головой. Легкие тени пролегли у нее вокруг скул и у рта.

— Нет, пожалуйста, не надо так, Доминик... адмирал. Не такая уж я невежда. Мне известно о коррупции и о злоупотреблениях властью, не говоря уже о гражданских войнах и обычной глупости. Отец имел обыкновение произносить магическое заклинание при известии о чем-нибудь особенно тревожном. Но всегда он приучал меня к мысли о несовершенстве человеческой природы и о том, что наш долг — не прекращать попыток...

Он никак не прореагировал на то, что она назвала его по имени, но сердце его дрогнуло...

— Я полагаю, это правильно, но не всегда возможно, — мрачно заметил он. — Еще совсем мальчишкой я стал на сторону мерзавца

Джосипа в его борьбе с Мак-Кормаком — помните восстание Мак-Кормака? Из них двоих он был более достойным, в этом нет никакого сомнения. Но Джосип был законным императором, а законность — это опора и оправдание правителя. А как иначе — вопреки жестокости, вымогательствам, непростительным ошибкам, которые они так часто совершают, — как иначе власти добиться хотя бы верности? Если правитель — не слуга закона, значит, он в лучшем случае временщик, в худшем — узурпатор.

...Это именно то, что мы имеем сегодня. Самая большая вина Ханса Молитора в том, что он восстановил прежние институты власти, а поскольку я помог ему, то это и моя вина. Но мы опоздали. Все уже были вконец развращены, ни в ком не осталось веры. Ныне уже невозможно управлять с помощью Закона — только с помощью силы. Страх делает правителей все более агрессивными, неудовлетворенность порождает новые амбиции... — Хлопнув по столу рукой, он воскликнул: — Нет, не нравится мне этот разговор! Неужели нельзя побеседовать о чем-нибудь более веселом? Расскажите уж лучше о похоронных ритуалах Рамну!

Она дотронулась рукой до его руки:

— Еще одно слово, только одно — и станет ясно, можем ли мы покончить с этой темой. Вы правы: отца никогда не покидала надежда. А вы — вы уже отказались от нее?

— О нет, — сказал он с улыбкой и, по-видимому, искренне. — Малоразвитые расы живучи. При умелом руководстве они способны создать новую процветающую цивилизацию. Особенно многообещающим выглядит синтез культур. Возьмем, к примеру, Авалон.

— Я имела в виду нас, — настойчиво сказала она. — Наших детей и внуков.

Ты собираешься иметь детей, Бэннер?

— Их тоже, — сказал Флэндри. — Просто я не питаю особого оптимизма в отношении нашего с вами времени. Однако все еще может сложиться не так уж трагично. Да мало ли хотя бы того, что все мыслящие существа проживут свои годы счастливо? Достичь этого, правда, будет нелегко.

— Именно поэтому вы занимаетесь тем, чем занимаетесь, — тихо сказала она. Глаза ее смотрели на него не отрываясь.

— И вы, моя дорогая. И добрый старый Чайвз. — Он погасил сигарету. — А теперь, когда вы получили ответ на свой единственный вопрос, — наступила моя очередь. Я тоже хочу побеседовать кое о чем, если можно, более тривиальном. Или включим музыку и потанцуем? Иначе я опять с энтузиазмом погружусь в обсуждение нашего с вами предназначения!

Благодаря огромной силе тяжести, препятствующей образованию значительных возвышенностей, и вследствие наличия большого

количества воды извне на Рамну сравнительно мало суши. И все же ее примерно в двадцать раз больше, чем на всей Терре, а некоторые континенты можно сравнить по размеру с евразийским. На Рамну множество островов.

Уцелевшие луны — то, что осталось от них, — имеют все еще значительные массы: Дирис, например, — 1,69 массы Луны; Тиглайя — 4,45; Элавли — 6,86, что почти равно Ганимеду. Но только первая из этих лун влияет на приливы, причем приливы эти незначительные, хотя и неожиданно резкие. Притяжение Нику ощущается более сильно. Океаны здесь не такие соленые, как на Терре, а течения гораздо слабее.

Слабость приливов отчасти возмещается мощью и скоростью океанских волн. Ветры, медлительные, но тяжелые, несут с собой огромные буруны, с грохотом обрушивая их на берег. Поэтому утесы и фиорды на берегу довольно редки. Как правило, берега представляют собой нагромождения скал, длинных гряд или соловатые топи.

Горы значительно ниже, чем на Терре, — самые высокие едва достигают 1500 метров (на такой высоте давление воздуха уменьшается на четверть), зато холмов по сравнению с Террой больше, чему способствуют сильная эрозия почвы и дующие здесь ветры. А действию этих сил возвышенности менее подвержены, чем равнины. Итак, холмы и равнины, изрезанные ветрами, водой, морозом, оползнями и прочими природными стихиями, — таков ландшафт планеты, на которой в изобилии встречаются и вулканы.

В такой плотной атмосфере, при малой силе Кориолиса* и сравнительно небольшом излучении солнца циклоны слабы, а циклонические ветры очень редки. Точка кипения воды — примерно 241°C на уровне моря — так же сильно влияет на метеорологическую ситуацию. Влага чаще выпадает в виде тумана, чем в виде дождя или снега, и мглистость здесь — обычное явление. Однажды сформировавшись в разреженных верхних слоях атмосферы, тучи надолго заволакивают небо. А уж если низвергается ливень, то он обычно бывает неистовым и радикально меняет погоду.

В атмосферных фронтах доминируют два основных направления. Первое — потоки холодного воздуха, устремляющиеся от полюсов к экватору и оттесняющие более теплый воздух вверх, — так называемые «ячейки Хедли». Второе — горизонтальные потоки, обусловленные суточным температурным дифференциалом. В результате тропические ветры, как правило, направлены к солнцу, ветры из различных температурных зон устремляются к экватору, штормы же встречаются повсеместно и обычно служат предвестни-

* Сила Кориолиса — сила инсцции, отражающая влияние вращения движной системы отсчета на относительное движение тела. Именно эта сила ответственна за образование спиральной структуры циклонов.

ком осадков. В более высоких широтах холодные фронты зачастую объединяются, и результат бывает непредсказуем. По многолетним наблюдениям, хотя, по терранским меркам, ветры здесь довольно медлительны, они, *ceteris paribus*^{*}, достаточно сильны.

Полярные шапки даже в межледниковые периоды весьма значительны и практически никогда не тают. Кроме того, при незначительном наклоне оси циркуляция воздушных масс оказывает большее влияние на климат данной широты, чем это обычно наблюдалось в террестрийных мирах. Тот же наклон оси в придачу к почти сферической форме приводит к тому, что на Рамну практически нет времен года. Основной цикл измеряется не годами, а днем, протяженностью в полмесяца.

Другой цикл — нерегулярный, тысячелетний и опустошительный — цикл ледников, которые обволакивают планету, накрывая ее протяженной грядой облаков. Они препятствуют испарению воды — и Рамну постоянно находится либо на пороге ледникового периода, либо в нем самом. А между тем необходимо лишь одно: воздвигнуть горный кряж на высокой широте! В сочетании с мощным действием вулканов, тысячелетиями наполняющих верхние слои атмосферы пылью, это способствовало бы выпадению снегов. Под действием градиента давлений высота ледового покрова значительно понизилась бы, и ничто не помешало бы таянию снегов.

Последние миллиарды лет Рамну, как уже говорилось, попеременно находилась то в преддверии ледника, то в ледниковом периоде, причем превалировал последний. Когда лед в очередной раз надвигался на Рамну, там появились люди. В последнее время он двигался с ужасающей скоростью, каждый год — на километры. Все достижения экологии были бессильны перед ним. Местные культуры спасались бегством или гибелью, что происходило с незапамятных времен неоднократно.

И теперь Бэннер задалась целью спастиaborигенов. Процветающим звездным цивилизациям это было вполне под силу. Сначала, разумеется, потребуется тщательное изучение вопроса, затем исследования и разработка проектов. Но в принципе решение напрашивалось само собой: гигантские орбитальные солнцеотражатели соответствующих размеров, в необходимых количествах и в нужных местах, оборудованные датчиками, компьютерами и регуляторами, — так, чтобы путем их правильной ориентации постоянно поддерживать оптимальный для данных условий режим, подавая дополнительные порции тепла в регионы, где оно в данный момент необходимо. И проблема будет решена. И тогда

* При прочих равных условиях (*лат.*).

ледники отодвинутся обратно к полюсам и никогда уже больше не появятся...

Бэннер искала помощи. А Великий герцог Гермесский неумолимо стоял на ее пути. И Флэндри догадывался — почему.

На «Хулигане» был небольшой гимнастический зал. Капитан корабля и его пассажирка имели обыкновение заниматься там по вечерам после работы. Потом каждый отправлялся в свою каюту, принимал душ, соответствующим образом одевался, чтобы встретиться перед обедом, за коктейлями.

В один из таких вечеров они играли в гандбол неподалеку от входа в салон. Под дружный смех мяч летал между ними, отражаемый встречными ударами. Босые ноги утопали в упругом эластичном покрытии пола, прыжки доставляли наслаждение. Вдоль спины и по лицу игроков струился соленый пот. Легкие глубоко дышали, сердца стучали, кровь текла быстрее. Бэннер на несколько мячей обогнала его, но это далось нелегко, и она далеко не была уверена, что удастся удержать превосходство. Семнадцать лет разницы в возрасте были почти незаметны. Он был по-юношески быстр и вынослив.

«И почти так жестроен и гибок», — подумала она. Ниже и выше шортов под гладкой загорелой кожей вздымались мускулы — не тяжелые, а упругие, как мускулы борзой или рысака. Он улыбался ей; белоснежные зубы сверкали на загорелом лице, черты которого, лишь слегка отточив, время, казалось, пощадило. Она видела, что и он с удовольствием наблюдает за ней, — более пристально, чем того требует игра. И это приятно возбуждало. Взяв в руки мяч, он подбросил его ногой, и мяч отлетел в сторону. Пытаясь поймать его, Флэндри бросился наперерез. Она тоже кинулась за мячом. Они столкнулись, забавно сцепившись ногами. Оба упали.

Он встал на колени:

— Бэннер, вы в порядке?

К ней вернулась способность дышать, в голосе его она уловила тревогу. Взглянув вверх, она заметила обеспокоенность и в его лице.

— Да, — прошептала она. — Просто дыхание перехватило.

— Вы уверены? Чертовски неприятно, что я так неловок!

— Нет-нет, вы не виноваты, Доминик. Не больше, чем я, честное слово. Я в порядке. А вы? — Она села.

И вновь они оказались рядом, — щиколотки, руки, его грудь у ее груди. Она почувствовала, что он взмок. Запах чистого мужского тела приятно волновал. Губы их разделяло несколько сантиметров. «Мне надо немедленно встать», — подумала Бэннер, но не могла. Взглядом они притягивали друг друга. И тут, как бы помимо ее воли, глаза ее закрылись, а губы приоткрылись...

Поцелуй длился минуты — то были сладостные и светлые минуты. Когда он притянул ее к себе, Бэннер внезапно охватила тревога.

— Нет, Доминик, — услышала она свой голос. — Пожалуйста, не надо!

«Если он будет настаивать, — знала она, — я уступлю». И когда он сразу отпустил ее, она ощущала смешанное чувство...

Он вскочил на ноги и помог подняться ей. С минуту они стояли, глядя друг на друга. Наконец он улыбнулся — обычной своей кривой усмешкой:

— Не буду говорить, как мне жаль, что все так вышло, — не хочу лукавить. На самом деле это было восхитительно. И все же прошу вас извинить меня.

Ей с трудом удалось рассмеяться.

— Я тоже ни о чем не жалею, и не нужно никаких извинений. Мы оба в ответе за происшедшее.

— Тогда... — Он хотел было дотронуться до нее, но рука его дрогнула. — Не бойтесь, — мягко произнес он. — Я достаточно умею владеть собой. Правда, и прежде со мной случалось подобное — причем именно здесь.

Сколько женщин брали с собой в путешествия? И сколько из них смогли отвергнуть его? Если бы только мне удалось разобраться в нем! Если бы я разобралась в себе самой!

Она сжала кулаки, глотнула два раза и выдавила из себя:

— Послушайте, Доминик. Вы чертовски привлекательны, а я не робкая девственница. Но и не распутница.

— Нет, разумеется, — он старался говорить как можно серьезнее. — Дочь Макса и Марты не может быть распутницей. Я просто немного забылся. Больше это не повторится.

— Я ведь уже сказала, что я забылась! — воскликнула она. — О, как бы мне хотелось, чтобы мы... лучше узнали друг друга!

— Надеюсь, узнаем. Хотя бы как друзья, если на большее вы не согласны. Идет?

На глазах ее были слезы, когда они протянули друг другу руки. Она сердито смахнула их с ресниц. Но не смогла подавить дрожь в голосе.

— Черт побери! Будь я нормальная баба — мы бы давно уже были вместе!

Он покачал головой:

— Считаете, что вы не слишком нормальны? Я склонен согласиться с этим. — И помолчав, добавил: — Но это вовсе не порок. Нельзя быть совершенством во всех областях, к тому же ни одна из них не охватывает жизнь в целом. И все же, сдается мне, вы заблуждаетесь. Впрочем, нетрудно выяснить, в чем дело.

Она уставилась на кончики пальцев ног:

— У меня нет большого опыта... по этой части. Да я и не страдаю от этого.

— Причина все та же: вы слишком погружены в свои нечеловеческие проблемы. — Он обнял ее за плечи. — Это во многих отношениях неплохо, даже достойно похвалы, но ваши чувства расходуются не в том направлении, в каком следовало бы. И как раз поэтому в вас появилась закомплексованность. Но не беспокойтесь ни о чем, дорогая.

Внезапно она уткнулась лицом ему в грудь, а он обнял ее за талию, гладил по голове и что-то бормотал. Наконец ей удалось оторваться от него.

— Хотите обсудить эту проблему? — спросил он и добавил с обезоруживающей улыбкой: — У вас есть сочувствующий, хотя и несколько заинтересованный собеседник. Представляю, каково это — проводить жизнь с чуждыми тебе людьми! Быть для них чужой!

— Нет-нет, вы преувеличиваете, — сказала она, чувствуя, как напряжение понемногу слабеет. *Да, я хочу поговорить о том, что для меня так важно. Не могу сейчас просто пойти в душ, как будто ничего не произошло. Хочу "погасить" эту вспышку. Он показал, что мне нечего бояться — разговор будет не о нас двоих...* — Понимаете, мои отношения с Йеввл — это ведь не что иное, как мощная связующая нить между мной и ими...

Воротник, который носила Йеввл, являл собой образец волшебства электроники. Телевизионный сканнер следовал за движениями ее глаз. Аудиоприемник улавливал проинсимиемые ею слова. Термопары, выбросенсоры, хемосенсоры обшаривали окружающее пространство, давая представление о том, что Йеввл чувствует, что вдыхает, что ощущает на вкус. А результат, доходивший до Бэннер, уже не был простой суммой данных. Он трансформировался с помощью самых высоких радиочастот, которые только пропулускала атмосфера Рамну. Мощности хорошо экранированного изотопного генератора было достаточно для передачи сигнала, который мог быть уловлен и расшифрован с помощью анализатора. Сигналы подавались на компьютер станции Уэйнрайт, где их фиксировали чувствительные приборы. Однако для завершения операции нужен был человек — его мозг, его руки, интеллект, воображение, интуиция, выработанная годами. Сидя в шлеме перед видеоэкраном, положив ладони на пару слегка вибрирующих пластин, Бэннер удавалось — почти удавалось — перевоплотиться в свою названую сестру. (Как бы ей хотелось, чтобы связь была двусторонней! Но нет — только став одной плотью, они могли бы поговорить друг с другом, будучи едины до мозга костей. И тем не менее они были названными сестрами. Они действительно ими были.)

— Это не телепатия, — сказала она. — Канал способен передать лишь крохотную долю информации. А большая часть того, что мне удается узнать, — это заслуга интуиции. Она дополняет недостающее. Вся моя карьера посвящена была оттачиванию интуиции. Теперь я пытаюсь проверить, насколько она точна.

— Понятно, — ответил Флэндри. — Причем, как правило, вы ведь не имеете постоянной связи — даже, наверное, общаетесь не более чем полдня подряд. И все-таки вам удалось так глубоко внедриться в это создание! Главная ваша цель — думать и чувствовать так же, как она — правда? Потому что иначе достичь полного понимания невозможно. Поэтому именно вы, как никто другой, заинтересованы в успехе нашего предприятия.

Они сели рядом на эластичное покрытие, головы откинули на переборку.

— И потому я не смогу узнать вас, Бэннер, пока не узнаю всего о Йеввл. Расскажите мне о ней.

— Но как? — вздохнула она. — Столько всего пришлось бы рассказать! Как начать?

— Как хотите. Но знайте: я располагаю уже многими так называемыми объективными данными. Вы хорошо разъяснили все, что касается биологии.

И Бэннер начала рассказывать.

Хотя в процентном отношении компонентов атмосфера Рамну близка к терранской, содержание менее значительных примесей различается. Важно, например, что в большинстве районов под действием давления и температур реже бывают туманы, а содержание окислов азота — вследствие частых и интенсивных гроз, — двуокиси углерода, сероводорода и окислов серы — в результате непрекращающегося действия вулканов — гораздо больше. Однако все это не смертельно, если только вдыхать этот воздух, — перечисленные компоненты просто сделали бы его едким и зловонным. Концентрации, в которых они содержатся, практически не опасны для ограниченного пространства. Но давление, порожденное семикратной силой тяжести, проталкивает эти элементы в легкие и в кровеносную систему быстрее, чем они могут быть усвоены. Это вторжение вынуждает нас надолго не покидать искусственно созданные убежища, потому что наша сосудистая система не приспособлена к таким перегрузкам. Отчасти спасают граванол и плотные скафандры, но все равно напряжение подчас становится невыносимым.

И все же жизнь на Рамну во многих отношениях напоминает нашу. Она тоже построена на водных растворах белков, углеводов, липидов и многоного другого. А вот детали во многом различаются. Например, отличается набор аминокислот; поскольку климат

способствует образованию большого количества нитратов, то азотсвязывающие микроорганизмы представляют собой реликтовые формы, как анаэробные бактерии на Терре — экологическое их значение ничтожно. И таких примеров множество. Хотя в широком смысле Рамну коснулась эволюция, породив необычайные виды растений и животных.

Второй важный элемент — сера. Ее так много в окрестностях благодаря деятельности вулканов, что биология отводит ей роль, подобную той, какую на Терре играет фосфор. Сера на Рамну принимает участие во многих процессах, включая воспроизведение. Растения обычно усваивают ее в виде сульфатов, она входит в их ткани, которыми питаются травоядные и плотоядные животные. Там, где ареал таких растений невелик, жизнь весьма скучна. Вызывают лесные пожары — после них остается зола, и сырья атмосфера жаждно впитывает ее. А важнее всего некоторые микробы, способствующие включению в круговорот элементарной серы.

При благоприятных условиях — например, вблизи действующих вулканов — эти организмы размножаются с такой быстрой, что зачастую их можно даже увидеть: этакий желтый дымок в воздухе или рябь на воде. Умирая, они обогащают почву. Это так называемый золотой поток, возвращающий землям плодородие, когда они истощаются до такой степени, что голод становится реальной угрозой. Аборигены также являются носителями серы, — хотя и в значительно меньших масштабах, но они ее распространяют. Впрочем, торговля серой меньше повлияла на их историю, чем торговля солью — на историю человечества.

Благодаря доступу кислорода здесь легко вспыхивают пожары, которые порой свирепы. Вдали от влажных земель редко можно встретить густые леса — слишком часто выгорает там молодая поросль. Растения пытаются приспособиться к условиям обитания: у них длинные корни или луковицы, они быстро созревают. Самое удивительное явление — это обширное многовидовое семейство, называемое пирасфалы. Они образуют соединения кремния, делающие их огнеустойчивыми. Пирасфалы имеют разительное сходство с терранской травой — они тоже появились сравнительно поздно, захватили огромные площади и дали несметное количество видов. Пик их экспансии может быть отнесен приблизительно на 50 миллионов лет назад. Они вытеснили более старые деревья, и бесчисленные виды животных лишились таким образом привычного убежища от пожаров. Впоследствии деревья все же утвердились в своей нише, оставив новых переселенцев нетронутыми.

Пирасфалы, однако, прижились не везде. Если где-то они и стали преобладающей породой, то лишь потому, что рядом не было конкурентов. Обычный же ландшафт составляют деревья, кустарники и даже тростник.

Животный мир Рамну также напоминает Терру: имеются два пола — мужской и женский, позвоночные и беспозвоночные, экзотермические и эндотермические разновидности. Типичное позвоночное выглядит так: впереди голова с челюстями, носом, двумя глазами, двумя ушами. Четыре крепкие ноги и, как правило, хвост. Однако различий больше, чем сходства.

Прежде всего бросается в глаза малый рост — следствие огромной силы тяжести на Рамну. Вне водной среды самые большие особи имеют массу в две тонны; они населяют регионы, где есть озера и болота, где вода может поддержать их вес. На равнинах пасутся стада самых разных пород, но любая живность величиной не больше собаки. Редкое животное ростом с лошадь на их фоне кажется огромным. Оно тоже имеет свою специфику — но об этом позже. Вообще же человеку покажется очень странным это четвероногое, похожее на портальный кран, причем само оно не больше пони и все органы у него малюсенькие.

Долгие холодные ночи позволяют выжить преимущественно теплокровным животным. Холоднокровные вынуждены перед приходом долгой ночи искать место, где они не замерзли бы и не стали чьей-нибудь добычей, или же рожать новое поколение. У растений свои методы решения подобных проблем — в частности, некоторые виды выделяют своего рода антифриз, у других замораживание является частью жизненного цикла.

Животные промежуточного вида обладают выраженной способностью сохранять тепло в течение ночи, однако везде, за исключением полярных и высокогорных регионов, им, напротив, необходимо укрытие днем, чтобы спастись от жары. Полную эндотерию труднее обеспечить, чем на Терре, потому что вода здесь испаряется очень медленно. У крупных животных эволюция выработала поверхности охлаждения — такие, например, как большие уши или спинной плавник.

Крылатые в этом отношении имеют преимущество — охлаждающими плоскостями у них служат крылья. Характерно, что у них нет оперения. Их множество на Рамну, где сила тяжести в большей или меньшей степени компенсируется плотностью атмосферы. Резкие перепады давления с изменением широты заставляют большинство из них держаться над самой землей. Лишь немногие падальщики способны подниматься выше. Они называются планерами — но об этом тоже позднее.

Среди земных позвоночных существует отряд живородящих теплокровных, которым нет аналога на Терре, — это *плейрокладии*. Между передними и задними конечностями у них имеется каркас из двух ребер, опирающихся на сильно развитый плечевой пояс, и двух позднейших образований, которые правильнее всего было бы назвать подпорками. Считается, что конструкция эта

впервые возникла у примитивных коротконогих существ, которые с ее помощью гораздо быстрее передвигались. Они стали так интенсивно развиваться, что их потомки образовали сотни подотрядов.

Подпорки-экстензоры обеспечивают дополнительную поддержку, помогая захватывать добычу, тащить и толкать ее; кроме того, они дают большую свободу перемещения. Благодаря этим мышцам многие их обладатели сделались величиной с мустангов.

Формирование экстензоров вызвало к жизни ползуче-летающих планеров. У этих от передней четверти тела идут перепонки к концу подпорки, а оттуда — к задней части тела. Вначале, по-видимому, перепонки служили для охлаждения тела. Сохранив эту функцию, они сделались одновременно несущими поверхностями — крыльями. Такое животное может, сложив крылья, быстро уползти. Или, расслабив мышцы, расправить крылья и броситься с высоты вниз. При попутном ветре оно способно довольно далеко улететь или проделать какие-нибудь сложные маневры. Таким образом оно, имея полную свободу передвижения, находит пищу, кров, спасается от врагов.

Большинство планеров не длиннее крикетной биты, но некоторые достигают большей величины; отдельные особи бывают двуногими. К их числу относятся и разумные существа.

Красно-золотая Нику ярким пятном блестала между звездами. Меньше чем через день она станет солнцем. Флэндри видел, что Бэннер неотрывно следит за изображением Нику на экране. Это, должно быть, приятное зрелище — последнее мировое пространство на их пути перед долгим и неизвестным будущим — возможно, перед самой вечностью...

Надев все самое красивое, что у них было, они потягивали вино в промежутках между танцами, пока Чайвз не подал обед — лучший, на какой был способен. Флэндри предложил ему выпить вместе с ним последний бокал, после чего, пожелав им доброй ночи, Чайвз удалился. И тогда...

Коньк приятно щипал язык, холодил ноздри, обжигал горло и кровь. Наслаждаясь волшебным напитком, Флэндри не курил. Отчасти также из-за присутствия Бэннер, ее близости. Они стояли рядом, бок о бок. Когда она поднимала голову, чтобы взглянуть на звезды, ему был виден точеный профиль. Сегодня копна ее волос была перехвачена серебряным обручем. Блестящие каштановые волосы с редкими блестками серебряной седины каскадом падали на плечи. На ней был браслет, подаренный Йеввл, — необработанный жемчуг в бронзе. Он мог бы казаться чересчур массивным на тонком запястье, если бы не удивительно искусная работа.

Темно-синее бархатное платье с низким вырезом и маленькая высокая грудь делали ее похожей на женщин Ботичелли.

Он не был влюблена в нее, так же, по его мнению, она не была влюблена в него, — разве только самую малость, что придавало некую пикантность их дружеским отношениям. Он действительно находил ее привлекательной и высоко ценил как личность — и вовсе не потому, что она была дочерью Макса Абрамса. За время их совместного путешествия он успел проникнуться к ней искренним уважением и уже не испытывал сожаления, что взял ее с собой. А где-то за их спинами, мягкая и влекущая, звучала музыка, как это было для сорока поколений до них, — звучала симфония Нового Света...

Она внезапно повернулась к нему лицом и всем телом; зеленые глаза широко раскрылись:

— Доминик, — спросила она, — почему ты сейчас здесь?

— Почему? — удивленно спросил он и подумал: «Не давай ей быть слишком серьезной. Пусть она будет счастливой». — Ну, смотря что ты вкладываешь в слово «почему». С чисто прагматической точки зрения я здесь потому, что, как ни странно, шестьдесят лет назад одна оперная певица влюбилась во флотского капитана. А с точки зрения философской...

Она положила ладонь на его руку.

— Не паясничай, прошу тебя. Я хочу понять... — Она вздохнула. — Впрочем, возможно, ты не захочешь ответить. Тогда я не буду настаивать. И все-таки очень надеюсь, что скажешь.

Он сдался:

— Что именно ты хочешь узнать?

— Почему ты летишь на Рамну, вместо того чтобы лететь на Гермес? — И быстро добавила: — Я ведь знаю, ты должен был расследовать, что скрывает Кернкросс. Если он и вправду замышляет восстание...

Да, я уверен, что замышляет. Что из этого следует? Как Великий герцог, он сделает все, что сможет, — а он известен как человек безгранично честолюбивый. Он популярен в народе, а народ враждебно настроен по отношению к Империи. Нетрудно было бы подобрать людей, которые смогут отыскать улики, свидетельствующие о его военных приготовлениях, — под его властью множество мест, где такая работа может быть проделана, причем совершенно секретно, — Бабур, Рамну. А когда он будет готов и объявит о своих намерениях, люди стекнутся под его знамена. Если его план будет тщательно составлен, крупных военных операций не потребуется. Он может использовать неожиданность — вломиться в столицу, убить Герхарта и провозгласить себя императором. Если Терра станет его заложницей, нельзя будет открыто атаковать его.

...Борьба безусловно развернется в другом месте. Сторонников у Кернкросса будет много — Герхарта ведь не любят. Кернкросс может заявить, что император принес столько непоправимого зла, и еще больше может принести. Что в такое неспокойное время Империи нужен вождь умелый и надежный. Что в его, Кернкросса, жилах течет кровь Арголидов. Многие из офицеров авиации решат, что имеет смысл поддержать его хотя бы ради того, чтобы прекратить междоусобицы, пока они не зашли слишком далеко, и чтобы не появились новые претенденты на престол. Другие — поскольку цель оправдывает средства — сочтут перспективным для себя присоединиться к узурпатору. Да, у Эдвина большие шансы выиграть, достаточно большие для того, кто никогда оказался побежденным...

— ...Хотя после того, что вы говорили об императоре, — продолжала, запинаясь, Бэннер, — вам не следовало бы заботиться о его судьбе!

Флэндри усмехнулся:

— Я и не забочусь, *per se**. Однако Герхарт в сущности не так уж плох: он достаточно умен и терпим. А кроме того, он — сын Ханса, а я, пожалуй, даже любил этого старого мошенника. Но главное — нельзя допустить новую гражданскую войну; каждый, кто развязет ее, — чудовище!

Пальцы ее сжали его ладонь.

— Вы говорили, что готовы обеспечить людям годы мирной жизни...

Он кивнул:

— Я не слишком сентиментален, но повидал на своем веку немало войн, и мне невыносима мысль, что способных мыслить людей можно сжигать в огне, выплавлять им глаза, так что смерть покажется им спасением! — Он замолчал. — Прошу прощения. Не очень подходящая тема за обедом.

Она слабо улыбнулась:

— Ну, я ведь тоже не очень веселая собеседница. Хорошо, допустим, решено, что войну необходимо предотвратить. Следательно, крайне важно выяснить, начался ли уже государственный переворот, и если да, то намерена ли в нем участвовать авиация. Очевидно, вам удастся кое-что разузнать на Рамну. Но почему вы хотите заняться этим сами? Не лучше ли было бы полететь на Гермес и поразведать в его окрестностях, не подвергая себя опасности? А я тем временем в сопровождении ваших людей полечу на Рамну и помогу им там!

Флэндри покачал головой.

* Здесь: как таковой (лат.).

— Я думал об этом, — ответил он — но, как я уже сказал, мне кажется, что Кернкросс готов начать действовать. Поэтому медлить нельзя.

— Но вы могли хотя бы оградить своих асов!

Он моргнул и засмеялся:

— Возможно. Но, понимаете, ведь на Гермесе я был бы полностью во власти Кернкросса!

— Вы могли под каким-нибудь предлогом остаться дома и в то же время тайком послать разведывательную группу, — настаивала она. — Отговориться болезнью или еще чем-нибудь! Вы слишком умны, чтобы кто-то мог заставить вас отправиться туда, куда вы не хотите.

— Хотите польстить мне, — сказал он. — Вам это удалось. Без ложной скромности должен признать, вы правильно угадали причину: я перепробовал нескольких, но никто не мог сравниться со мной. Ни у кого нет большего шанса на успех. — Он под крутил усы. — И, если быть до конца откровенным, я просто заскучал от длительного безделья. Захотелось опять побуйнить.

Она неотрывно смотрела на него:

— И это вся правда, Доминик?

Он пожал плечами:

— Как принято было говорить когда-то: «А что такое вообще правда?»

— А по-моему, главная причина вот в чем. — Голос ее дрогнул. — Миссия эта очень опасная. Провал ее означал бы жестокое наказание для всех, кто в ней замешан. Тот факт, что человек действовал по вашему приказу, не спасет его от гнева Великого герцога, за чье «оскорбленное самолюбие» Империя считет своим долгом отомстить. — Она задержала дыхание. — Доминик, вы служили под началом моего отца, а он был офицер старой школы. Офицер не пошлет своих солдат туда, куда не пошел бы сам, — правда, другой?

— Ну, что-то в этом роде, — проворчал он.

Она опустила глаза. Как длинны эти ресницы над красиво очерченными скулами! Он почувствовал, как участилось дыхание и кровь бросилась в лицо.

— Я была уверена, но хотела услышать это от вас, — прошептала она. — У нас теперь так много благородных титулов — и так мало благородных умов!

— Ну-ну, — запротестовал он. — Вам известны только лучшие мои стороны. А ведь я лгу, ворую, хвастаюсь, убиваю, прелюбодеяю! Я скверносслов, вымогатель, а однажды не удержался от искушения создать своего рода кульп! Теперь вы можете расслабиться и насладиться чудесным вечером?

Она подняла к нему лицо. Улыбнулась.

— О да, — сказала она. — В компании с вами я готова даже отправиться в ссылку!

Они уже обсудили раньше, что случится, если их миссия окончится провалом, а им удастся выжить. Трибунал инкриминирует ему нечто худшее, чем простое неповинование старшему по званию: нарушение прямого распоряжения императора считается государственной изменой. А она — сообщница. Высшая мера наказания — казнь, однако, как опасался Флэндри, они могут «смягчить» наказание, заменив его пожизненным рабством. Такому риску он не хотел подвергаться. Уж лучше направить свой корабль на какую-нибудь отдаленную планету и превратиться там в другого человека, или обрести покой в Сфере Ифри, или, наконец, вместе с единомышленниками укрыться где-нибудь вместе в абсолютной безвестности...

Как ни горько ей было, Бэннер согласилась с этим планом. Она теряла больше, чем он: мать, сестру, брата, их семьи, Йеввл и дело всей своей жизни.

Неужели теперь, совсем было потеряв надежду, она вновь обретала ее? Сердце так жаждало радости!

Она прижалась к нему. Румянец на щеках поблек, во взгляде и в голосе появилась напряженность:

— Доминик, дорогой, — сказала она. — После того случая в гимнастическом зале вы вели себя как истинный рыцарь. А теперь в этом нет необходимости..

Глава 7

Рамну все увеличивалась на экране, пока полностью не закрыла небо и сияние дня на ней не поглотило звезды. Преобладающий белый цвет на фоне лазури — как на Терре, только здесь все было позолочено смягчающим белизну слабым отблеском солнца. И очертания облаков были иные, напоминая флаги, пятна или клочья, а не спирали. Поверхность планеты была еще скрыта от глаз, только просвечивали смутные тени

Ночная часть планеты призрачно мерцала в свете луны и звезд. Короткие тонкие вспышки у терминатора предвещали зловещие громовые удары магнитного поля — менее сильного, чем на Юпитере, но гораздо более мощного, чем на Терре. Утренняя заря приветствовала вновь прибывших, салютуя им над полярной тьмой.

Флэндри сидел за пультом управления. Автоматически пилотируемый «Хулиган» самостоятельно проделывал все навигационные маневры, но для тайного приземления требовалось руки и мозг человека. К тому же он хотел по контрольным приборам проследить за поведением лун и определить, возможно ли в случае необходимости попасть на эту систему.

«Хулиган» прошел совсем близко от Дириз. Единственное, что удалось разглядеть, был Порт-Лаланд — научная база. Скопление куполов, полуцилиндров, мачт и котлованов, окруженное пустым пространством. Посередине — большое симметричное строение странной формы, напоминающее след копыта Сулливара, коня Ио. Мало что осталось здесь от Цинтии, разве что имя. Некогда Дириз могла потягаться размерами с иной планетой, но вспышка звезды смела с нее все, кроме металлической сердцевины. Вероятно, вообще ничто бы не уцелело, не заслони ее Рамну, которая и сама сильно убыла в размерах. Когда же подтаявший шар охладился и затвердел, ни астероиды, ни метеориты не смогли поцарапать его. Превратившись в газ, они рассеялись в межзвездном пространстве. На Тиглайе можно было заметить следы шероховатостей. Она сохранила первоначальную массу, достаточную для горообразования. На самой дальней и самой большой луне, Элавли, высота гор не изменилась с момента их возникновения.

Флэндри направил свой корабль к Элавли, но не смог разглядеть Порт-Асмундсен, тамошний промышленный центр. Возможно, он смотрел не под тем углом, но подняться выше не решался из опасения, что его засекут. Если его предположения по поводу Кернкросса верны, то там идут сейчас военные приготовления. Бэннер подтвердила, что ничего необычного сверху не заметно. Если что-то злое и замышлялось, оно было надежно закамуфлировано или таилось в специально вырытых пещерах. Нейтронный детектор показывал наличие мощных ядерных предприятий. Да, я считал их способными на большее, чем элементарные подрывные операции. Теперь, когда выяснились планетарные масштабы всей операции, похоже, им целесообразнее провести ее на Гермесе, чем здесь, поскольку те же самые металлы можно добывать ближе к дому. Что же касается Дюкстона...

Он оглянулся назад, на Рамну. Ресурсы для торговли на этой планете тоже были невелики. Правда, богатые серой болотистые местности служили источником биологического сырья, особенно мелкозернистой тяжелой древесины и антибиотика рисина, эффективного средства борьбы с распространенным на Гермесе кожным заболеванием — ципродермитом. Гермесу выгоднее было закупать его здесь в виде сырья, а не синтезировать. Одного этого хватило бы, даже не будь в окрестностях Радужных холмов богатых месторождений палладия и других металлов.

Но в чем все-таки причина того, что и Дюкстон медленно, но неуклонно приходит в упадок? И почему туда все труднее проникнуть и все тяжелее вести с ним дела? Правда, между ним и станцией Уэйнрайт лежит континент протяженностью в пять тысяч километров. Это, в частности, стало аргументом при выборе места для основания здесь города: предполагалось, что его

культурное влияние будет распространяться только на окрестных туземцев, а не на тех, кого ксеноэрги сделали потом главным объектом своих исследований. А между тем туземцы не переставали летать из одного места в другое, зачастую просто в гости!

«Дженерал Энтерпрайз» оказывает Исследовательскому фонду Рамну щедрую помощь в разработках, снабжает оборудованием и материалами. Однако при нынешнем директоре, Нигеле Бродерике... Как сам он старается объяснить, при сложившихся неблагоприятных условиях возможность проникнуть на планету является якобы исключительно его заслугой. Между тем это только часть далеко идущего плана, задуманного Великим герцогом Гермесским, цель которого — возродить славу и процветание Гермеса. Его светлость ввиду возможного саботажа издал ряд строгих указов. Не допускалось никаких исключений, поскольку неискорененные в политике ученые могут без всякого злого умысла передать недоброжелателю ценную информацию. Принятые меры могли бы показаться чересчур суровыми, — но лишь тому, кто незнаком со всеми нюансами сложившейся ситуации... Только его светлости известно все досконально — и не сметь вмешиваться!

«А именно это я и собираюсь теперь сделать, если повезет, — подумал Флэндри. — Пусть я злодей, пусть я не патриот, но у меня действительно есть кое-какие основания сомневаться в мудрости и добной воле правителей!»

«Хулиган» приземлился удивительно мягко для таких условий. Несколько минут Флэндри разговаривал со срочно вызванным офицером Центра разведки. Это был молодой человек Иван Полевой, специалист по электронике, единственный, кто поддерживал связь с внутренними службами рядовых подразделений. Именно они должны были послать машину за вновь прибывшими.

Поблагодарив офицера и заручившись его словом, что никто не узнает об их прибытии, — «Доктор Абрамс объяснит вам, почему это так важно», — Флэндри по привычке проверил багаж, хотя и знал, что Чайвз не покинет борт корабля, не убедившись, что все выгружено. Взгляд его тем временем обегал окрестности. Порт Уэйнрайт состоял из нескольких соединенных между собой зданий, низкие крыши и глубокий фундамент которых как нельзя лучше соответствовали природным условиям. На столбе был укреплен флаг с яркими флуоресцирующими звездами. Открывающийся за зданием ландшафт был поистине великолепен. В послеполуденном свете Нику казалась красновато-золотистой на фоне опалового, подернутого дымкой неба, отчего на память сразу приходила осень на Терре. Но больше ничего общего с родиной не было. Река, широкая и серо-зеленая, текла чуть быстрее, чем от нее ждешь, петляя между скалами и образуя множество проток. Деревья на

противоположном берегу росли не густо. Похожие на лозы, извивались приземистые коричневые стволы. Листья напоминали чаши — темно-оливковые, рыжие или янтарные. Медленный тяжелый ветер шевелил кроны, раскачивал молодую поросьль.

Дальше к востоку простиралось открытое пространство — равнина, поросшая пирасфалами. Большая часть их напоминала высокую траву, колеблемую ветром. Их унылое однообразие кое-где нарушали деревья, тростник или белые цветы каких-то растений. Сквозь туман горизонта не видно было, но там, где он должен был находиться, Флэндри увидел холмик, а темный массив к северу от него был, очевидно, горой. Из нее тянуло дымком — значит, это вулкан. Черное покрывало быстро росло, становясь похожим на гриб, шляпку которого поглотил туман.

Низко над головой кружила птица; крылья ее казались непомерно большими по сравнению с телом, на котором они держались. Он знал уже, что в пирасфалах пасутся стада животных, но они были так малы, что разглядеть их не удалось. А неподалеку от него, не опасаясь никаких врагов, паслось, щипало траву семейство гигантов. Люди предпочитали не охотиться вблизи станции Уэйнрайт, а никого из туземцев-рамнуан в это время поблизости не было.

Флэндри с интересом наблюдал за зверями, узнав в них диких онсаров. Прирученные онсары, он знал, очень полезны в хозяйстве рамнуан. Их использовали для перевозки людей и грузов, а кроме того, они служили платформами, с которых охотнику удобно озирать окружающее пространство, чтобы, высмотрев вдалеке зверя, броситься за ним в погоню. Пока не было этих помощников, рамнуане ограничивались лесами и холмистыми областями планеты, оставляя в покое саванны, пампу, прерии, степи и пустыни.

Онсар был достаточно высок, чтобы человек мог оседлать его, правда, ноги всадника почти доставали до земли. Тело его очертаниями слегка напоминало носорога; спереди был горб, а в задней части спины поднималась черным треугольным плавником. Серая кожа с редкими коричневыми волосинками, и только голова с кривой мордой и большими ушами была покрыта более густой шерстью. Но самыми удивительными показались Флэндри конечности онсара. Они напоминали ноги слона — мускулистые тумбы, вырастающие из горба, — но кончались они лапами и цепкими когтями с шерстинками.

— Прошу прощения, сэр, — это Чайвз обратился к нему, стоя у входа в салон.

Флэндри увидел, что по направлению к «Хулигану» движется закрытая машина. Стряхнув с себя оцепенение, он поспешил к Бэннер, которая ждала у главного служебного входа.

— Привет, — сказал он.

— Добро пожаловать в мой дом, Доминик, — мягко ответила она. Они поцеловались.

Рядом остановилась машина; из металлического корпуса выдвинулась труба, плотно охватила затвор, и дверца открылась. Бэннер скользнула внутрь, Флэнди вошел вслед за ней. Ему не раз приходилось иметь дело с замыкающими устройствами, и на каждой планете они имели свою конструкцию, а замки и ключи — различную форму. И теперь он охотно доверился Бэннер. «Надежная машина, — подумал он. — Продуманно расположены тяги — внутри рамы; вдвое удобно сконструированы сиденья, на них так приятно расслабиться, откинувшись назад». В машине не было компенсатора тяготения, а для такой короткой поездки они не захватили с собой ни лекарств, ни какого-либо подкрепления, и семикратная масса давила на Флэнди, как вагонетка. Дышалось с трудом, сердце колотилось, руки словно налились свинцом. Он чувствовал, что щеки у него обвисли, и боялся лишний раз взглянуть на сидевшую рядом женщину: казалось, еще немного — и он потеряет сознание.

Но вот робот-пилот отключился, трубка втянулась вовнутрь, машина быстро миновала ферромагнитный настил и въехала в гараж; и сразу вернулось блаженное ощущение легкости.

Бэннер выбралась из машины. Ее встречал человек средних лет с изможденным лицом.

— Как прошла ваша миссия? — тревожно спросил он.

Здесь трудился сплоченный персонал, долгие годы совместной работы научили людей без слов понимать и доверять друг другу.

— Ну, это целая история, — сдержанно ответила она. — Познакомьтесь, пожалуйста: адмирал сэр Доминик Флэнди — а это Хван Сю-И, помощник директора и прирожденный лингвист.

— Для меня это большая честь, сэр.

— Для меня также, доктор Хван.

— Как дела? — нетерпеливо вырвалось у Бэннер.

— Да, в общем, все так же. Йеввл наконец позволила отвезти ее домой. Думаю, сейчас она у озера Роа, понемногу приходит в себя.

Бэннер кивнула:

— Она придет в себя. Она не сдастся. Я хочу немедленно связаться с ней.

— Но... — с явным неодобрением произнес Хван. — Вы ведь только что прилетели, устали, должно быть. И потом — мы хотели бы устроить достойную встречу вам и нашему почетному гостю!

— Ваш почетный гость тоже чертовски спешит, — сказал Флэнди, следя за Бэннер. Хван остался в стороне; он хорошо знал характер своей начальницы. Проходя по комнатам и коридорам, Флэнди мог убедиться, что за прошедшие столетия станция по-

рядком обветшала, хотя были видны следы попыток придать ей видимость уюта. На стенах любительские картины, на блюдах и в кашпо разложены и развесаны свежие овощи и цветы. Коллаж на задней стене изображал окна, раскрытые в неведомые миры. По человеческому времени час был поздний, и люди давно отдыхали в своих домах. Те же, кто был на станции, спешили встретить Бэннер и с явным удовольствием приветствовали ее. «А она умеет быть строгой и сдержанной, — подумал Флэндри. — Но ее здесь любят и, похоже, вполне заслуженно».

Она вошла в свой Центр. Увидев, как она волнуется, садясь в кресло за приборы, он ласково коснулся ее волос. Взглянув на него, она ответила отсутствующей улыбкой и стала натягивать защитный шлем. Флэндри отошел в сторону.

Она деловито готовилась к работе. Во мраке комнаты защелкали измерительные приборы, засветились сигнальные приспособления. Здесь все было спокойно, доносилось только слабое колыхание ветра снаружи. В данный момент одна из бесконечно меняющихся настроек соответствовала Терре с ее прохладным, влажным, полным запахов моря воздухом.

Перед Бэннер засветился экран. Наклонившись и слегка подавшись вперед, Флэндри мог из-за ее плеча видеть его. Она положила ладони на две пластины в подлокотниках кресла. Ощущение, которое воспримут ее ладони, и будет полученная извне информация. Она говорила ему, что теперь им удается почти адекватная передача.

— Йеввл! — тихо позвала она и добавила что-то скороговоркой на незнакомом ей мяукающем языке. Звуковая система трансформировала эти слова в звуки, понятные рамнуанину, гортань и рот которого имели такое строение, как у Йеввл. — Ей-еа, Йеввл!

Флэндри пришлось довольствоваться тем, что он видел на экране. Изображение было удивительно четкое. Цвет, перспектива, очертания предметов казались несколько странными: внезапно он вспомнил, что прибор воспроизводил все как бы увиденное глазами чужеземца — такого, как он, например

В поле зрения появилась рука — наверное, это была рука Йеввл: услышав свое имя, она от удивления подняла руку. Пожалуй, только рука соответствовала человеческой, — этот большой палец и четыре других. Пальцы были короткие, заостренные и желтые, вся рука — мускулистая и покрытая как будто дубленой кожей.

Она стояла в дверях — по всем признакам это было ранчо, принадлежащее ее семье. Обстановка была простая, но красивая. На кушетке сидели два существа — по всей вероятности, родственники — мужского и женского пола. И какие бы картины ни представляли потом перед ним за время странствия по экрану — Флэндри не мог оторвать глаз от этой пары

Они были двуногие, ростом немногим больше метра. Коренастые до такой степени, что могли бы казаться карикатурой, если бы не особая грация движений (это стало ясно, когда они поднялись с кушетки), которой, как ни странно, они были обязаны именно такому телосложению. Ступни были четырехпалые, не-пропорционально большие, с когтями. Нижняя часть тела казалась специально приспособленной для поддержания мощного торса; высоко расположенный газовый пояс не давал возможности нагнуться, заставляя их как бы припадать к земле при каждом движении. Возможно, именно поэтому они не вырастали, оставаясь маленькими и по достижении зрелости. Период беременности длился у них очень малое время. Как мужские, так и женские особи имели на животе мешок, в котором новорожденный младенец был хорошо защищен до тех пор, пока не разовьется. Эти мешки, а также половые признаки Флэндри разглядеть не удалось, из-за одежды. Одевания их отдаленно напоминали больничные халаты с застежкой сзади, а спереди на них надеты украшения — это особенно удобно, если на спине у вас крылья... Кожа сплошь покрыта шерстью, ее не было только на подошве и на ладонях.

Голова круглая. Лицо напоминает свиное рыло или морду утконоса с выдающимися вперед челюстями. Нижняя челюсть — тяжелая, под ней подбородок; надменно высокий лоб, широкий рот с тонкими губами, словно специально созданными для высасывания крови и соков и для кормления младенцев; желтые клыки выдавали плотоядных — впрочем, это могло быть и не так. Высоко на голове расположены резко очерченные подвижные уши. Что было прекрасно в них, так это глаза: большие, золотистые, характерные для существ с ночным зрением. Внешность их чем-то отдаленно напомнила Флэндри терранскую рысь. На спине под плечами находились крылья. Женская особь сейчас сложила их перед собой — возможно, ей было холодно в этой надвигающейся ледниковой эре... Мужская же особь при виде Бэннер расправила крылья, словно собираясь взлететь. Флэндри знал, что крылья шли по всей спине вдоль позвоночника; это были густки мускулов, сплошь пронизанные кровеносными сосудами. Их нервные окончания воспринимали многие ощущения, а дрожь вкупе с расположением в пространстве служили своеобразным языком жестов, недоступным пониманию человека.

Пока Флэндри следил за ним, самец согнулся, подпорки расслабились, крылья складками повисли вдоль туловища, и он уселился, оставаясь в то же время настороже. Похоже, Йеввл дала знать своим сородичам о происходящем.

Флэндри украдкой взглянул на Бэннер. На лице ее был ужас, вызванный рассказом о недавних событиях, но оно стало каким-то отрешенным — она была уже не с ним. Она что-то прошептала и

умолкла, желая услышать ответ. Услышать его дано было ей одной.

Изображение на экране резко сдвинулось, потом начало быстро изменяться. Йеввл вскочила на ноги, стала ходить из стороны в сторону — то ли проклиная кого-то, то ли умоляя. Насколько он мог понять, известие, которое она получила от Бэннер, повергло ее в шок.

Флэндри и Бэннер предвидели такое, однако сейчас ему оставалось лишь догадываться, как развиваются события. То, о чем Бэннер просила, вызвало у Йеввл неподдельный ужас.

Наконец Бэннер выключила экран и тяжело опустилась на стул. Глаза были закрыты, она дрожала и дышала с трудом. На бледном лице выступили капли пота.

Флэндри сжал ее щеки в ладонях.

— Ты в порядке? — спросил он почти с испугом.

Зеленые глаза открылись, она откинула голову назад.

— О, я-то в порядке, — промолвила она.

— А она — она согласна?

Бэннер кивнула:

— Да. Она не вполне понимает, зачем все это нужно. Да и как она может понять? Но, будучи верна своей названой сестре, она это сделает, чтобы спасти свою же страну. — Она вздохнула. — Только бы это состоялось!

Он попытался было успокоить ее, но время неумолимо подгоняло.

— Возьмем ее на гору Гуньюр?

— Нет. — Самообладание быстро возвращалось к Бэннер. Она выпрямилась, голос ее окреп. — Нет смысла. По существу, это могло бы только повредить. Пусть лучше действует на своей земле, пусть посыпает запросы другим предводителям племен. Понимаешь, она должна заставить их проникнуться ее идеей и присоединиться к ней. Иначе она окажется на Вулкане единственным представителем клана. А если она возглавит делегацию от всех племен Кулембараха, а возможно, и от пары соседних кланов — ты понимаешь, насколько все сложится по-другому?

Флэндри нахмурился:

— А сколько времени это займет?

— М-м... Три-четыре терранских дня, я думаю. Она ведь совсем недалеко от гор, а рамнуане могут передвигаться очень быстро, если захотят.

Флэндри прищелкнул языком:

— Ты блестяще все продумала. Герцог не сможет опередить нас. У него будет совсем немного времени, чтобы принять решение на Гермессе и снарядить экспедицию на Рамну.

— Да, у нас нет другого выхода, дорогой — Бэннер поднялась. - Я буду неотступно следить за тем, чтобы Йеввл не останавливалась в пути. И потом, у некоторых моих молодых друзей тоже есть связь с аборигенами — не такая тесная, конечно, но можно будет работать в контакте с ними. Мы попросим их отправиться в путь по планете и не упускать малейшей возможности встретиться с Йеввл Едва ли удастся объяснить и моим друзьям, и аборигенам, зачем это нужно. Но я полагаю, что многие согласятся: одни из любопытства, другие из дружеских побуждений. А это нам поможет.

— Ну, тут тебе виднее, — сказал он почтительно. — Что касается меня, то я умею только нетерпеливо ждать.

— Насколько я тебя знаю, — усмехнулась Бэннер, — ты займешься изучением карт и банков данных, разговорами с людьми, обдумыванием непредвиденных обстоятельств. Но .. можем же мы уделить хоть какое-то время самим себе?

Засмеявшись, он потянулся к ней. Прошедшая ночь была малоинтересной, однако в каком-то смысле она оказалась благотворной, поскольку близость — пусть даже деловая — усиливает взаимное притяжение. К тому же он, пожалуй, и впрямь староват, чтобы быть интересным.

Глава 8

Йеввл отправилась в путь на север в сопровождении членов клана как признанная мать семейства, с тем чтобы встретиться с равными себе на Вулкане. Она и несколько ее союзников гостили у ее старшего сына; он, его сестра и их семьи — единственные, кто уцелел. Теперь, когда у нее не стало мужа и младших детей, члены семьи обсуждали вопрос об объединении своих ранчо. Сын ехал сбоку от нее, за ним следовали шестеро его собственных отпрысков. Жена осталась следить за хозяйством в его отсутствие. «Ей это удается лучше, чем ему, — язвительно подумала Йеввл. — Скогда уж слишком импульсивен!»

Перед выходом они разослали гонцов в хозяйства, расположенные неподалеку. Гонцы отправились пешком или полетели, что было быстрее, нежели путешествие на онсарах. Группа Йеввл ехала верхом: нет смысла являться раньше, чем соберутся все остальные. Кроме того, положение обязывало ее сохранять достоинство, а это особенно важно было там, куда она отправлялась, поскольку многие там настроены к ней враждебно. Она избрала путь, лежащий через другие хозяйства, чтобы уговорить глав этих семейств присоединиться к ней. Все они согласились.

Остановки были краткие — иначе можно и опоздать, и теперь они быстро продвигались вперед. Время от времени всадникам

приходилось спать, но они делали это, не сходя с онсаров, независимо от времени суток.

Итак, Йеввл прибыла на Вулкан, как это издревле делали ее предки. *Дзай 'х'у'* Кулембара — люди называли его «клан», потому что не могли правильно выговорить, — доказал числом собравшихся представителей, что большинство готово поддержать ее, поскольку весть о ее намерениях уже успела разнести по округе. И дело не только в том, что члены клана приходились ей более или менее близкой родней; она всегда считалась своего рода главой клана, ее мнение ценили еще со времен самых первых собраний, когда главы хозяйств съезжались, чтобы обсудить волновавшие всех проблемы совместного существования, а заодно поторговать, посплетничать, посвататься, попировать и воздать почести тому, кто их заслужил. Более того, к группе присоединились теперь представители двух других территорий — Арахона и Раавы.

Это особенно важно. Нельзя начать переговоры с Властелином Вулкана от имени всех кланов в присутствии только одного. Но, поскольку у Цха из Арахона и у Нгару из Раавы не было возражений, он сможет, если сочтет целесообразным, снизойти к просьбе Кулембара — в частности, в таком вопросе, как этот, — здесь, по-видимому, не понадобится больше ничье согласие.

Как ни быстро двигалась группа, на место пришли к вечеру. Остановившись передохнуть, Йеввл увидела далеко внизу равнину, озаренную длинными красными лучами заходящего солнца. Мрачная гряда облаков на севере предвещала штурм не иначе как в сумерки... «Но к тому времени, — вспомнила она, — или очень скоро после того, как смеркнется, она уже будет далеко отсюда, в местах, где успеет воцариться глубокая ночь... если только ей удастся выполнить первую часть загадочного плана Бэннер». От снежного покрова на вершине горы Гуньор, который с каждым годом становился все толще, вниз по склону веяло холодом. Внизу подтаяло, и потоки талой воды казались ослепительно белыми на фоне желтого заката и черного дыма из кратера. Раставший снег образовал ручей; он каскадом вился по склону, шумя и рассыпая целые брызги. «Золотой поток» окрашивал их в красный цвет и распылял по ветру. Йеввл все острее ощущала запахи, вкус и остроту жизни. Усталость понемногу проходила.

Благодаря такому мощному орошению нижние склоны гор не были голы. Темную массу их разнообразили нежные белые растения, корнями уходившие в скалы. А под ними парили мириады таких же крохотных мушек с блестящими крыльышками. Но чем выше, тем их становилось меньше, и вместо богатой растительности, которую Бэннер видела, когда была здесь в последний раз, теперь ей попадались лишь коричневые, тронутые морозом пятна проталин. Повернувшись так, чтобы крылом не закрывать себе

север, она увидела над горизонтом сверкающую голубым льдом Страж-гору. Свернув по тропе, Йеввл вышла на равнину — конечное место следования. Равнина сплошь была покрыта сухим, непригодным ни на что дерном, и стук копыт, такой бодрый на подъёме, звучал теперь приглушенно. У самого края обрыва одиноко высилось здание; кланы возвели его для Властителей Вулкана в ту восхитительную пору, когда земля неожиданно стала крайне щедрой, население значительно увеличилось, и доморошенные властители уже не могли справиться с поддержанием общественного порядка. Это было длинное и широкое каменное строение с глиняной крышей. У входа стояло шесть статуй, изрядно потрепанных непогодой, — то были предки каждого клана. Седьмая статуя с копьем в руке несколько выступала из ряда. Она представляла избранное из всех кланов семейство, которое последовательно дало несколько поколений Властителей. Так она и стояла, эта вооруженная статуя, высматривая что-то над обрывом и как бы оберегая свои владения от незнакомых пришельцев из других земель, интересы которых могли расходиться с интересами клана...

Властитель и его домочадцы занимались охотой. Земля у подножия горы была баснословно богата и плодородна, по крайней мере в былые времена. Так уж случилось, что здесь возросло племя ремесленников. Йеввл слышала сейчас, как в одном доме, наполовину сделанном из дерева, что-то ковали, в другом шумел ткацкий станок, из третьего доносился кисловатый запах — там дубили кожу. Все это мгновенно прекратилось, как только стало известно о вновь прибывших, — все высыпали наружу, посмотреть.

Вскоре из дома, стоявшего поодаль, на краю плато, вышел еще кто-то. Он выглядел лет на сто старше остальных — совершенно такой же, как древнее здание, только камень, из которого оно сделано, подточило время, очертания его расплылись от бесконечных дождей, от едких даже в этом разреженном воздухе запахов. Неизменным оставался только огромный ограненный кристалл, светящийся над входом. Этот дом был святилищем — это был Колледж. Здесь жители окрестностей хранили книги, инструменты, ритуальные принадлежности и тайные святыни Искателей Мудрости.

Сначала из окружающих Колледж домов вышли существа мужского и женского пола, вместе с детьми. Половину составляла молодежь, соискатели на получение высших разрядов, а до тех пор служившие сторожами, переписчиками, исполнителями обычных для Колледжа процедур. Остальные были старше; они не обнаружили соответствующих способностей, и им было отказано в присвоении более высоких категорий. Со всеми у Йеввл были хорошие отношения. Но, по правде говоря, она очень редко встречалась

с ними. Но вот из здания Колледжа вышло еще одно существо мужского пола, в белом одеянии с головы до пят и с позолоченной арфой в левой руке. Йеввил узнала его за километр. Широко расправила крылья. Ощетинилась. Из желтых клыков вырвалось шипение.

Скогда махнул крылом в ее сторону. Это значило: *Мать, я с тобой. Что бы ни случилось. Что тебя так встревожило?*

— Эрранда, — сказала она и навострила уши в сторону старшего Искателя. — Похоже, он не слишком гостеприимен для хозяина. — Она расслабила мускулы. — Но я не дам себя провести. Он будет пытаться, но ему не удастся скрыть правду!

А про себя подумала: «Правду? Я и сама не отважилась бы сказать правду — даже то немногое, что мне известно, — они пришли бы в замешательство. Повелитель откажется предпринять что-либо в таком рискованном и опасном деле, пока не узнает мнение всех предводителей кланов. И большинство моих приверженцев согласятся с ним».

Если следовать закону и обычаям, он действительно прав. Быть может, самое печальное заключается в том, что Люди со Звезд привыкли подчинять свою волю и свои судьбы интересам других, с которыми они и не встречаются никогда! Именно это Бэннер внушала мне все эти годы, если я правильно поняла ее. Порой мне хотелось бы думать, что я ошибаюсь!

Однако когда соберутся все предводители, может быть уже слишком поздно. Бэннер сказала — осталось меньше одного дня. На все наши дела. И главная роль принадлежит мне. А иначе случится непоправимое, и Люди со Звезд не смогут одолеть лед!

Все равно мне всего не понять. Нужно просто верить своей названой сестре, которая попросила меня о помощи. Но поможешь ли и ты мне, Бэннер? Мне очень нужна твоя поддержка, чтобы не поддаваться Эрранде. Бэннер, скажи мне что-нибудь. Пожалуйста, скорее.

Но и сейчас она не собиралась сдаваться. «Иди!» — крикнула она себе, а тело ее добавило: «Иди с достоинством!» Выпрямилась так, что стал виден украшенный драгоценными камнями кожаный нагрудник. Расправила крылья. Достала нож и высоко подняла его. Когтями ног тронула бока онсара, и животное с рыси перешло в быстрый галоп. За ней, столь же величественно и надменно, следовали четыре десятка землевладельцев и сочувствующих.

Обитатели коттеджей мрачно стояли в стороне. Хотя некоторая польза от них и была, но их нельзя ставить в один ряд с охотниками, пастухами или Искателями: те ничего не теряли и не приобретали...

Команда Йеввил выехала из холла. Скогда затрубил в рог, извещая об их приближении. Эхо прокатилось по окрестностям. Не получив такого уведомления, Повелитель Вулкана счел бы ниже

своего достоинства выйти навстречу, — это выглядело бы так, словно им движет простое любопытство. Теперь же он вышел. Пурпурная мантия складками ниспадала до земли. В руке он держал копье, которое в знак приветствия вонзил в землю.

За спиной у него толпились домочадцы. Они выглядели уже не так представительно. К тому же их было немного — здесь жили только он сам с женой и детьми да слуги. Остальная родня жила под горой, кроме тех, кто предпочел Колледж или вступил в какой-нибудь клан. Из числа присутствующих будет избран представитель в Собрание после смерти предшествующего.

Йеввл подумала, что прошлые выборы были не слишком удачны. Вайона нельзя было назвать самым мудрым из ныне живущих. Он скорее прислушивался к мнению собственной жены, чем советников, рекомендованных ему Колледжем. Жена его принадлежала к клану Аародзароха. Тем не менее она могла сидеть подле него на Собрании. По решению предков Повелитель Вулкана непременно должен быть мужского пола, женщине же принадлежала решающая роль в домашнем хозяйстве и в делах, касающихся клана.

Вайон приближался. Спешившись, Йеввл официально приветствовала его словами:

— Да будет тебе удача во всех дела, — и продолжала: — Мы явились сюда по поручению многих, чтобы от имени всех попросить у тебя отчета о твоем правлении.

В холле, где шло собрание, горели масляные лампы, освещая фрески на стенах и железные печки, стоявшие в каждом углу. Лампы, печи, географические карты, медикаменты, ветряные мельницы, печатные издания, машины с гидроприводом, — а главное, знания об этом мире и о Вселенной, — всем этим они обязаны Людям со Звезд!

В остальном же ни помещение, ни ритуал собрания не претерпели изменений с древних времен. Вайон расположился на возвышении между двумя каменными изваяниями, напротив стояли два ряда скамей для посетителей. Тот, кто желал высказаться, поднимал руку. Повелитель Вулкана, заметив это, приглашал его подойти, и тот представлял перед ним. Поскольку сейчас собрание было далеко не полным, все здесь хорошо знали друг друга, как и существо дела, то процедура проходила быстрее, чем обычно.

Йеввл обратилась к собравшимся:

— Вам известно, что с наступлением Ледника на нашу землю приходят холод, голод, страдания, причем положение будет только ухудшаться, и многие из нас погибнут. Мы обсудили, что можно сделать. Одни отправятся на юг, другие займутся охотой; у кого-то есть собственные планы. Ничего другого нам не остается!

...Вы ведь знаете, чему нас учили Люди со Звезд. Знаете, что они всегда предупреждали — там, в офисе Бэннер, — что, если мы сами о себе не позаботимся, никто нам не поможет, потому что может случиться так, что им придется покинуть эти места. То, чему они нас научили, улучшило наше положение — не так быстро, как нам бы хотелось, зато надежно и основательно. Подумайте, не следует ли нам уделить больше внимания выплавке стали, или стеклодувному ремеслу, или производству болеутолителей и орудий радикальной хирургии, или почтовым перевозкам, или еще чему-нибудь. И все же, когда угрожает нашествие Ледника, этого недостаточно. Лишившись помощи, мы лишимся всего, и наши потомки забудут старые технологии.

...Вы все знаете также, что я близко связана с начальницей Людей со Звезд, с самой Бэннер. — *Сестра моя названая, где ты? Ты обещала мне помочь!* — Я просила ее, чтобы они нам помогли, но она ответила, что это не в ее силах. А совсем недавно она мне сказала, что помочь может прийти с неожиданной стороны...

Вайон заерзal на сиденье. Присутствующие по обыкновению оставались пассивны, за исключением Эрранды, который приподнял крылья и сжал пальцы, словно готовясь к нападению.

— Вы не представляете, откуда может прийти помочь, — продолжала Йеввл. — Она... — Внезапно Йеввл замолчала: в мозгу зазвучал знакомый голос:

— Йеввл, ты не спиши? Я нужна тебе? О, собрание уже началось? Прости. Я не думала, что вы так быстро доберетесь. — Какое-то замешательство послышалось в ее голосе, — возможно, то было смущение: — К тому же меня задержали личные дела. Как вы там? Чем я могу помочь?

Вайон наклонился вперед:

— Что-нибудь неладно, предводительница?

— Нет. Я обдумываю, как лучше и короче изложить свою мысль, чтобы мы не застряли здесь до ночи.

— *Ты не хочешь, чтобы они знали, что я слушаю?* — спросила Бэннер.

— *Нет, пожалуй, лучше не надо,* — ответила Йеввл тайным языком. — *К несчастью, здесь Эрранда. Ты поймешь, как он ненавидит нас всех. Постарайся не реагировать.*

И вдруг ее молнией пронзила мысль. Когда-то только Искателям Мудрости были доступны глубокие знания, тайны природы, врачевания, поэзия, музыка, сведения о дальнем мире. Они размышляли, утешали, судили, учили мужеству, показывали пример благородства. Да, правы были наши предки, почтая их. Прошло время. Уважение у всех осталось, кроме, может быть, нетерпимой молодежи. Искатели Мудрости все еще делают немало добра. Могли бы делать и больше, но для этого им нужно измениться,

как изменились мы все, а причина — Люди со Звезд. Некоторые мудрецы благосклонны к ним, другие — нет. И вторую группу возглавляет Эрранда, а у него много приверженцев в кланах.

Она поторопилась сообщить Бэннер, что произошло за это время. К счастью, почти ничего. Незримое вмешательство осталось незамеченным, и Йеввл вновь обратилась к собравшимся:

— Не знаю, известно ли вам, что Люди со Звезд решили устроить второй аванпост... — Причем на двух лунах, но лучше не упоминать об этом: Эрранда называет это «осквернением». — Не секрет, что иногда оттуда к нам приходят люди. Однако то, новое поселение не будет иметь к нам никакого отношения, поскольку оно очень далеко от нас, за пределами того, что нам вообще известно о неосвоенных землях. Поэтому нет повода для беспокойства.

...Мне стало известно, что этот аванпост не похож на Дом Бэннер. Он больше, могущественнее, и задача его — не просто собирать сведения, а развивать промышленность. И его начальники обладают большими правами в принятии решений. Насколько мне известно... — Это совсем немного, потому что я не все понимаю, но моя названая сестра не может солгать... — Они могут действовать вполне самостоятельно, не спрашивая ничьих указаний.

...Итак, я, мои сторонники и те, кого мы представляем, предлагаем следующее. Позвольте мне отправиться туда и попросить помощи. Не могу обещать, что получу ее, и не знаю, в какой форме. Возможно, они дадут нам огнестрельное оружие, чтобы легче было охотиться, или транспорт, или печи, греющие без огня. Возможно, они построят для наших стад теплые конюшни — я не знаю и не решилась спросить об этом у Бэннер.

Да и нет в этом нужды. Она давно говорила, что все это возможно — что можно повернуть Ледник назад, но она и ее сотрудники не вправе дать такую команду, и она не смогла добиться согласия того, кто вправе.

— ...За это мы, естественно, должны будем платить. Не знаю, чем именно, — возможно, это будет торговля: у нас есть меха, шкуры, минералы. Возможно, труд — им может понадобиться туземная рабочая сила. Цена может оказаться для нас слишком высокой, и кланы откажутся платить. Прекрасно. Но ведь все может сложиться иначе, и в результате этой сделки мы станем намного богаче, чем прежде.

...Я хочу пойти и попробовать поторговаться, а потом доложу Собранию, и мы все решим. Для этого я прошу полномочий от всего народа, которые должны быть письменно подтверждены.

Йеввл расправила и вновь сложила крылья в знак того, что закончила, и ждала теперь вопросов. Они не замедлили посыпаться. Не опасно ли это путешествие, и сколько дней оно займет?

— Да, опасно. Но я хочу добиться результата, и того же хотят мои друзья. Иначе я ни за что не пошла бы к Леднику, который отнял у меня моих близких.

Но почему нельзя полететь туда?

— Мы не можем дышать тем разреженным воздухом, каким дышат Люди со Звезд. Много лет Дом Бэннер не пользуется своим большим летательным аппаратом с открытой кабиной, потому что он был поврежден во время пыльной бури. И нет средств, чтобы заменить его. А меньшие корабли могут взять на борт только одного пассажира, и он непременно заболеет от перегрузок во время полета.

А почему сама Бэннер не может поговорить с ним — лично или на расстоянии, как, мы знаем, они умеют?

— Она боится, что получит отказ. Помните: она нарушает запрет, выдавая нам то, что не имеет права говорить! Она сомневается, хватит ли у меня мудрости. И потом, в людях очень развито соперничество и зависть. Другие руководители могут не одобрить предложение, которое возвысило бы ее над ними, они могут даже подслушать нас сейчас, если ее там нет.

Еще кто-то высказался. А потом вниз сошел Эрранда, и Йеввл прошептала — одной Бэннер: *Начинается борьба*.

Каждый в своем белом облачении особенно высоким, Искатель Мудрости извлек дрожащий звук из своей арфы. Воцарилось мертвое молчание. И тогда раздался его голос:

— О Повелитель Вулкана, мои друзья и соплеменники! Выслушайте меня. Поверьте: то, что вам сейчас предлагают, — самая безумная из всех когда-либо прозвучавших идей, или самая злонамеренная.

...Осторожно — о, неторопливо и хитро! — чужаки давно стараются прибрать нас к рукам. Минули столетия с той поры, когда они пришли сюда, — пришли как завоеватели, но якобы только для того, чтобы получше узнать нас и нашу планету. Бог свидетель, Колледж приветствовал их тогда, видя в них просвещенных людей и надеясь с их помощью самим приобщиться к высотам науки. Да, мы поверили им... тогда. Но у Колледжа хорошая память, и, оглядываясь теперь назад, мы видим, что получили не то, что ожидали.

...Постепенно мы открывали для себя новые миры, осваивали новые понятия, веря в то, что все это необходимо нам, — и никогда не оставались в долгу. Мы постигли новые ремесла, новые искусства, новые профессии, — и жизнь, казалось нам, становилась богаче. Однако овладевшие этими ремеслами не были больше ни вольными странниками, ни хозяевами, способными обеспечить свой дом всем необходимым. И нарушилось единство нашего народа.

...Возьмем, к примеру, этот венок. Искусство чеканки его веками переходило от старых мастеров к молодым. Теперь секрет этот утерян. Никогда уже столь красивое бронзовое изделие не изготовит ни один ремесленник. Это может показаться незначительным — у нас ведь теперь есть поделки из стали, но сегодняшние уродливые стальные поковки не могут влить в душу бодрости. Это лишь маленький пример нашей нынешней душевной пустоты. А кто теперь поет древние наши былины, кто почитает старинные обычай, кто чтит прежнюю свободу? Прервалась связь поколений, и молодые ныне смеются над старостью и хотят идти своим путем. Да почему бы и нет? Разве весь наш мир — не брошенная на произвол судьбы, плывущая наугад ладья? И разве сами мы — не рожденные ветром существа, бессильные и обреченные? Именно такие мысли внушают нам чужеземцы — мысли, вселяющие отчаяние, но столь потаенные, что осознать их могут лишь немногие.

Опять раздались звуки арфы.

— Но я не раз говорил все это и раньше. Какой же смысл в сегодняшнем собрании? Каков будет наш ответ? Умоляю вас, одумайтесь! Йеввл никогда не скрывала, что она — сторонница чужеземцев. А вот что она действительно от нас скрывает — это о чем просила ее та чужачка, преследуя свои эгоистические цели? В Доме Бэннер нам всегда говорили, что наша жизнь не должна зависеть от их подачек. И это верно. Но не для того ли это говорилось, чтобы усыпить нашу бдительность? Наконец Йеввл объявила, что именно мы должны сделать, чтобы выжить. Говорю вам: если мы пойдем на это, то станем беспомощны, попадем в зависимость от их произвола. И что это могут быть за требования? Кто знает? Йеввл сама признается, что не может понять чужаков!

...Возможно, — в голосе его зазвучал сарказм, — она искренно в своих намерениях, в том, что думает и говорит. Возможно. Но как она может решать за нас? А если возникнет взаимное недоверие, то какие ужасные последствия ждут нас! Пусть уж лучше ледник накроет всю нашу землю, и мы покоримся неизбежному. По крайней мере, останемся свободными.

...Скажите «нет» этой колдунице. Прогоните ее отсюда! — Арфа издала прощальный звук.

Скогда вскочил на скамью, расправил крылья.

— Ты, слизняк, как ты смеешь так говорить о моей матери! — зарычал он.

Он собрался было наброситься на Мудреца, но двое друзей с трудом отташили его и успокоили. Эрранда с торжеством посмотрел на Йеввл:

— Этот поступок заслуживает того, чтобы я сложил сатири!

Бэннер, что мне делать? Я не так красноречива, как он. Если он сложит сатибу на меня, то меня лишат права голоса до конца моих дней!

Ну ничего, держись, Йеввли, не впадай в панику! Я уже давно, много лет назад предвидела, что тебя поджидает такая опасность. Я не говорила с тобой об этом, потому что тема очень неприятная, — больше для тебя, чем для меня. Но я подготовилась к этому...

Вайон зашевелился на своем помосте.

— Нехорошую вещь ты задумал, Эрранда, — сказал он. — Это слишком жестокое наказание для молодого, уставшего с дороги юнца. Такой поступок может вызывать нарекание как тебе, так и всему Колледжу. Лучше позволь ему извиниться перед тобой.

— Хорошо, только пусть его мать и ее команда откажутся от своей безумной затеи, — ответил Эрранда.

Бэннер что-то быстро и взволнованно шептала. Сознание того, что сестра думает так же, как она, Йеввли, успокоило ее. Выступив вперед, Йеввли сказала:

— Нет. Пора покончить с бессмысленной говорильней. К чему он призывает нас — к страху и повиновению! К страху перед завтрашним днем, к повиновению сначала ему, а потом судьбе? Да, Люди со Звезд принесли нам перемены, и не все они к добру. Но как вы будете чувствовать себя, если ваш новорожденный младенец замерзнет у вас на руках? Разве не предпочтительнее, чтобы он рос и становился сильным?

...Разве нам когда-нибудь угрожали Люди со Звезд? Нет, нам угрожают именно те, кто тянет нас в пропасть! Кто требует от нас повиновения! Как раз они и угрожают нам. И если они победят, то погибнет все то, чего мы добились для себя, для своих детей и для детей своих детей. Разве нет смысла в попытке получить помощь?

Ошеломленная аудитория молча слушала. Никогда никто еще не осмеливался так открыто нападать на старейшего Искателя Мудрости, да еще в присутствии Повелителя Вулкана.

До этого Йеввли говорила собственными словами, лишь повинуясь совету Бэннер. Произнеся их, она направилась к Эрранде — крылья распростерты, шерсть вздыбилась, ногти выпущены... И, не дожидаясь, пока ее призовут к порядку, вымолвила:

— Я сама сложу на тебя сатибу, и пусть все узнают, кто ты на самом деле!

С трудом сдержав гнев, он взял аккорд на арфе и спросил:

— Ты? Какую же сатибу ты способна сложить?

— Вот, послушай, — ответила она, приблизившись к нему вплотную. И продекламировала услышанное от Бэннер:

*О ветер! Стань свидетелем того, что слышишь здесь,
И вдаль неси, ревя и завывая,
То имя, что я назову сейчас. И пусть никто*

*Не позабудет этого безумца, ни
Глупого совета, что он дал в момент тревожный...*

— Замолчи! — зарычал Эрранда, отшатнулся от нее, и арфа его упала на земляной пол.

Ему бы понадобилось не меньше ночи, чтобы сложить сатиру. Она же мгновенно бросила ему в лицо свои стихи, да еще столь совершенные по форме!

— Не будь мстительной, — предупредила Бэннер. — *Дай ему шанс.*

— Да, конечно, — согласилась Йеввл. Великодушие сестры удивило ее.

Эрранда выпрямился, огляделся, как бы собирая остатки было-го величия, и сказал едва слышно:

— Повелитель Вулкана, собратья мои и сородичи! Я противился этому предложению. Возможно, я был не прав. Во всяком случае, ссоры между нами... подобные той, что произошла... — самое худ-шее, что может быть. Я беру обратно свои возражения.

Повернувшись, он опустился на скамью. Влекомая неожидан-ным порывом, Йеввл подняла с пола арфу, подошла и подала ему.

После небольшой паузы Вайон — не очень, впрочем, уверен-но — произнес:

— Если других мнений нет, будем считать вопрос решенным.

Несгибаемый пергамент с написанным на нем стихотворением холодил руку. Она аккуратно положила лист в дорожный мешок, лежавший на седле. Невдалеке пасся привязанный онсар и громко чавкал в наступившей тишине. Йеввл нужно было побывать какое-то время одной, чтобы собраться с мыслями. Теперь она шла по направ-лению к лагерю — предстояло еще сделать общее заявление.

Вышли на равнину. Редкий кустарник освещали лучи заходя-щего солнца — красной пирамиды, казавшейся огромной в туман-ной мгле. На западе мрачные краски постепенно сменялись серо-голубыми, а на востоке переходили в багровые. На севере грозно высился в темноте пик Гуньор: дымок с его вершины, пронизанный бликами лучей, закрывал луну. На северо-западе сгустились тучи, извергая пламя и грохот. Было холодно, и холод становился все нестерпимее. Он проникал в тело Йеввл, поднимал дыбом шерсть.

Ее люди уже разожгли костер и подбрасывали в него сучья. Она слышала, как сучья трещат, и уже повеяло теплом костра. Вокруг него сидели шестеро, крыльями заслоняя пламя от ветра. Осталь-ные находились в помещении. Скогда, его помощник и друг Йих (о, эти воспоминания!) и Эх из Арахона были мужского пола; слуги Йеввл — Ииаи и Кузхинн, и Нгару из Раавы — женского. Йеввл была седьмой. Вполне достаточно — быть может, даже семерых слишком много. Но они непременно хотели пойти — из преданно-сти ей или в интересах клана, и она не в силах была отказать им.

Теперь они составят Общее заявление, потом немного отдохнут. Примерно к тому времени как взойдет луна, она успеет переговорить с Бэннер. И тогда придет корабль — новый, на котором можно будет свободно дышать, — и с небывалой скоростью понесет их на восток...

Йеввл вздрогнула. Ей не хотелось бы лгать всем собравшимся. И все же придется. Иначе Вайон не поймет, зачем нужен документ — мандат, где, в нарушение всех правил, не проставлена дата и нет ничего о связях с Людьми Звезд. Во всяком случае он поинтересуется: а разве сами они — не Люди со Звезд? Но ему ни за что не запомнить название города: Дюкстон. Йеввл и сама с трудом запомнила это название, да и произнести его нелегко.

Нелегко ей было понять и то, что между Людьми со Звезд могут быть раздоры, а особенно такие, о которых ей рассказала Бэннер. Мысль об этом очень путала. Но нельзя не верить названой сестре, нельзя не верить Бэннер.

Общее заявление должно было обеспечить мир, дать покой и силу на будущее. Скогда ударил в тамтам, Кузхинн затянула песню. Ноги заскользили в такт. Эх подбросил еще сучьев в огонь.

Это было чисто формальное единство — не все они даже знакомы друг с другом. Просто нужно было забыться — в танце, в музыке, в словах песни, в этой близости, а потом... Потом наступит сон, а вслед за ним пробуждение — и обновление. Похоже ли это на то, что на языке Бэннер называется «поклонение богам» и что неподвластно звездам?

Йеввл отогнала от себя эти мысли. Слишком настойчиво они напоминали о том чужом мире, где ей скоро предстоит очутиться, причем не в роли посла — она предпочла бы эту роль! — а в роли шпиона. И она поспешила к своим.

Глава 9

Ночь была окутана облаками пыли, прорезаемой время от времени молниями. В такие моменты каждая огромная капля дождя становилась видна, раскаты грома в кисельно-густом воздухе напоминали бомбовые удары. Ветер был хотя и сильный, но не пронзительный; завывания его походили скорее на барабанный бой, чем на визг.

«Хулиган» шел на снижение. Даже его детекторы в эту погоду с трудом принимали сигналы, посыпаемые Йеввл. Они вообще бы не дошли, если бы Бэннер заблаговременно не позаботилась об ориентирах для радаров и инфракрасков. Приземление тоже оказалось делом нелегким: пришлось поработать и корабельным системам, и самому Флэндри; уже приземлившись, он почувствовал, как пот заливает все тело.

Однако еще не время со вздохом облегчения закурить вожделенную сигарету. Бросив мимолетный взгляд вокруг, он увидел расположившихся лагерем рамнуан; они были заняты тем, что убирали тент, натянутый для защиты от дождя: большую крепкую шкуру на шестах. Он выругался про себя: зачем им нужна эта шкура — там, куда они направляются! Разве только для того, чтобы рассказ о бедствиях, которые они терпят дома, прозвучал особенно убедительно? Так или иначе, можно пока закурить.

И поговорить с Бэннер.

— Алло. Это я. Мы на месте, — сказал он в переговорник, чувствуя, что говорит не совсем то.

— Да, вижу, — ответил голос Бэннер со станции Уэйнрайт.

Казалось, их разделяет значительно большее расстояние, чем сотни километров. Бэннер явно была занята мыслями о Йеввле. Переговорное устройство обеспечивало только звуковую связь, поскольку видеть ее в данном случае необходимости не было, и ни разу ее изображение не появилось на экране. А Флэндри так хотелось взглянуть на нее сейчас!

— Есть что-нибудь новое со времени моего отлета? — спросил он, просто чтобы нарушить молчание.

— За эти несколько минут? — в голосе ее прозвучало раздражение — или ему показалось? — Ничего, разумеется.

— Да, ты ведь хотела предложить своим сотрудникам правдоподобную версию моей неожиданной отлучки!

— Я сказала Хвану, что мы с тобой решили. По-моему, он засомневался, а впрочем, я не уверена. Теперь можешь быть спокоен. Я должна помочь Йеввле вести корабль, она ведь с этим совсем незнакома. Еще я опасаюсь, что онсары застачатся.

Выключив связь, он зажег сигарету и вдохнул полные легкие дыма. «Хван засомневался? Это может вызвать некоторые осложнения, если — вернее, когда — его, второго по старшинству сотрудника, станет допрашивать представитель герцога. А с чего бы ему сомневаться? — размышлял Флэндри. — Конечно, дотошность и подозрительность — непременные качества тех, кто занимается этим родом деятельности, но он-то, похоже, ученый, причем немного не от мира сего. И тем не менее...» Мысленно он снова проанализировал ситуацию — больше все равно нечем было заняться в эти минуты. Глупо было так уж безоглядно довериться персоналу станции Уэйнрайт: безусловно, не все захотят помочь ему, многих шокирует его вторжение — особенно гермесцев. Все ворчат по поводу того, что медленно продвигаются исследования, все хотят, чтобы работы ускорились, и будут недовольны вмешательством в их дела. Однако между ропотом и готовностью выразить открытое неповинование — дистанция огромного размера, размышлял Флэндри. Не исключено, что кто-нибудь захочет преду-

предить начальство о Дюкстоне или Порт-Асмундсене. Надо надеяться, полиция в этих местах немногочисленна; скорее всего это просто спасательная или милицейская служба. Но много ли нужно, чтобы помешать Флэндри выполнить ее миссию?

Будем считать поэтому, что я прибыл на Рамну по собственной инициативе. Если найду ситуацию благоприятной, обращусь к влиятельным департаментам при Дворе. Пусть думают, что цель моего прилета — изучение здешних условий и что в качестве гида я использую тандем Йеввл—Бэннер.

Внешне все выглядит достаточно логично. Проблемой остаются детали, как это обычно бывает в искусственно созданных ситуациях. Почему, например, он вылетел после заката? Зачем Бэннер подключила своих сотрудников, тоже имеющих связь с рамнуанами, чтобы уговорить тех отправиться с Йеввл на Вулкан? К чему было изучать всю информацию в банке данных? Объяснения звучали не слишком убедительно: она, дескать, надеялась на то, что поддержка всего клана будет моральным фактором, способным убедить Повелителя Вулкана. Оставалось уповать на прирожденную склонность людей принять любой правдоподобный вариант. В конце концов, люди эти жили совершенно вне политики, а кроме того, для них он был достаточным авторитетом. Но версия его расположится по швам, как только ею займется настоящий профессионал. И если перед одним из следователей Кернкросса предстанет такой вот Хван или ему подобный тип...

В любом случае все это затянется надолго. А пока что Бэннер не отходит от приборов. Их нельзя было взять с собой на корабль — ведь они подключены к станции. Что может случиться, если ее арестуют, — об этом лучше не думать — пока, во всяком случае.

«Я успел в жизни спасти немало жизней и осуществить немало дерзких проектов, — думал Флэндри. — Но все они не были связанны с ней. С дочерью Макса. Что же касается былой его галантности и, главное, равнодушия, способного противостоять этой галантности, то в данном случае...» В пальцах дрогнул окурок. Флэндри раздавил его, словно это был заклятый враг.

А ведь она стала самым близким мне человеком, в котором к тому же я абсолютно уверен! Он отгонял от себя мысль о любви. Еще никогда и никому любовь Доминика Флэндри не принесла счастья...

— Рамнуане готовы подняться на корабль, сэр, — прервал его размышления Чайвз, внезапно появившийся перед ним.

— Да? — Флэндри настроил видеоэкран. Действительно — они шли, ведя под уздцы своих онсаров, шли под низвергающимся на них ливнем. Предстояло преодолеть длинный подъем по трапу, чтобы попасть в салон. Он опечатает салон на время полета.

Один из онсаров, внимательно поглядев на металлическую конструкцию перед собой, явно заподозрил неладное и уперся

копытами в землю. Другие онсары последовали его примеру — затоптались на месте, заартачились, стали тыкаться мордами в хозяев, не обращая внимания на угрозы и уговоры. Уж не пустятся ли они в паническое бегство?

— Страшно обременительные животные, — проворчал Флэндри, чувствуя, как в нем закипает гнев. В то же время оставить их нельзя — они часть разработанного плана.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Чайвз. — Мне кажется, я смогу помочь.

— Ты? При такой силе притяжения?

— Я, само собой, полёчу на импеллерах!

— Но что ты задумал? По-моему, я больше приспособлен для такой работы!

— Нет, сэр. У вас есть дела поважнее. Я предвидел подобное затруднение и осмелился захватить специальный костюм. Здесь есть защитная маска, и я смогу въехать внутрь. Случись что-нибудь непредвиденное, знайте, обед в холодильнике, в пакете номер три, нужно только разогреть. А вино к нему — «истмарк камей божоле» 53-го года. Но я надеюсь, вам не придется прибегать к таким крайним мерам, сэр.

— Действуй, Чайвз, — растерянно сказал Флэндри.

Корпус корабля содрогался от порывов ветра, который стучал, подобно молотам по металлу; удары грома сотрясали землю. Как бы хорошо он ни был экипирован, старики-шалмуанин в этой яростной стихии легко мог потерять управление импеллером и оказаться раздавленным яростным притяжением к земле. И все же он верен своему долгу. Впрочем, это ведь единственная доступная ему роль, — он один среди чужаков, а потому и я должен без колебаний выполнить свою. Мы не можем действовать сообща — это танец, в котором каждый исполняет свою партию, сказав партнеру: «Я беспокоюсь за тебя».

Однако, как оказалось, у Флэндри не было оснований для беспокойства. Очень скоро он с истинным удовольствием мог наблюдать, как элегантно Чайвз взлетел в воздух. На нижний балансир он повесил бластер. Шкура у онсаров была толстая — и все же вспышкам удалось собрать их вместе и заставить повиноваться. Как покорные налогоплательщики, они поднялись на борт...

Флэндри с трудом удалось удержаться от смеха.

— Как тебе это зрелище, Бэннер? — крикнул он.

В ее голосе слышалась тревога:

— Корпус корабля экранирует сигналы, которые подает Йеввл. Мы отрезаны от нее. Ты сможешь мне передавать их?

— Боюсь, это довольно сложно.

— Ну, тогда действуй побыстрее! — закричала она.

В этот момент в корабле появился Чайвз. Флэндри подготовил-ся к взлету.

— Прости, Доминик, — вполголоса сказала Бэннер. — Я не должна была на тебя кричать. Нервы сдаются.

— Все в порядке, я же понимаю, дорогая, — сказал он. И подумал: «Она готова без колебаний прекратить всякие отношения. А как будет дальше?»

«Хулиган» взлетел, выровнялся в воздухе и взял курс на северо-восток. Лететь нужно было низко, чтобы какой-нибудь следующий в Порт-Асмундсен корабль на беду не заметил их. И хотя корабль был к этому приспособлен, Флэндри не любил лететь так низко, чувствуя себя словно запертый в клетке.

Несмотря на это полет прошел без всяких неожиданностей — для него и Чайвза, хотя о рамнуанах, по-видимому, этого нельзя было утверждать. Они, вероятно, были насмерть испуганы в своей металлической пещере, ощущая себя в семь раз более легкими, чем обычно, под резким бело-голубым светом, — а снаружи свирепствовал дьявольский ветер, и воздух, который они вдыхали, казался им отвратительным. Должно быть, Бэннер удалось поднять дух Йеввл, потому что теперь она настойчиво подбадривала остальных. Снаружи ревел штурм. Он обрушился на планету и буйствовал всю ночь. Равнины стали серебристыми от инея, на холмах белел снег. Можно было ожидать, что к утру он растает. Не будь у «Хулигана» оптических увеличителей, Флэндри вынужден был бы вести судно вслепую. Можно было различить полумесяц Дирикс — она была видна яснее; крошечной казалась Тиглайя, Элавли еще не взошла — она выглядела бы еще меньше. Немногие звезды как бы плавали в тумане, выделялся только яркий огонь Антареса. Млечного Пути не было видно.

Пролетев пять тысяч километров, они оказались над берегом. Впереди замерцали холмы, на которых в окружении шахт и очистительных заводов раскинулся Дюкстон. За ним по болотистой местности несла свои солоноватые воды река Сен-Карл, некогда богатая всяческой живностью и все еще небезнадежная для промысловиков. А дальше лежал океан, медлительный и величавый, пока ветер не поднимал в нем волны чудовищной высоты. У берега теснились ледовые гряды, нанесенные волнами в последние годы.

Нельзя, чтобы в городе заметили приземлившийся «Хулиган». С помощью навигационной системы Флэндри опознал участок на берегу, который они с Бэннер заранее наметили, — выемка в породе, которую можно было облететь за несколько часов. Осторожно снизившись, он тихо сказал Бэннер:

— Мы здесь.

— Хорошо. Выпусти их. — Голос ее дрогнул. — Покажи им до рогу.

— Подожди минуту, — попросил он. — Послушай. Я мог бы найти предлог, чтобы очень скоро вернуться на Уэйнрайт. Тогда я буду там и смогу вырвать тебя из лап Кернкросса!

— Нет, Доминик. — Голос ее звучал мягче, чем раньше. — Мы ведь условились. Как ты любишь говорить, «не следует класть все яйца в одну корзину»? — Она ласково усмехнулась. — У меня удивительный дар перевирать поговорки!

— Ладно. Я... понимаешь, я смотрю вперед. Действительно, тебе необходимо поддерживать связь с Йеввл, пока она не выполнит задание или пока все не разлетится в прах. С другой стороны, «Хулиган» должен оставаться здесь, пока есть хоть слабая надежда, что можно будет еще что-то предпринять. Однако... Ты, похоже, не отдаешь себе отчет в том, как мощно корабль вооружен: мы можем сокрушить все, что Кернкросс надумает прислать сюда, — во всяком случае, прислать для начала. И преодолеть все, что последует.

Бэннер вздохнула:

— Доминик, мы уже обсуждали это. Ты сам сказал: это значило бы открыть огонь при малейшей провокации, что лишит нас возможности маневра, возможности изыскать окольные пути. То есть подвергнуть смертельной опасности Станцию, ее ни в чем не повинный персонал, выполнивший работу в течение столетий. Встревоженный герцог приложит все силы, чтобы уничтожить или полностью изолировать нас. А если мы ошибаемся и он вовсе не замышляет нападения — тем более нельзя рисковать. И если он узнает, что ты где-то скрываешься...

— Он примет все меры предосторожности, имеющиеся в его распоряжении, — прервал ее Флэндри. — И они будут направлены против тебя, за твою жизнь я в этом случае не поручусь. В общем, я не мог не спросить, хотя и знал, что ты откажешься. Хорошо, будем держаться первоначального плана.

— А пока мы попусту тратим время...

— Согласен. Ладно, я выпускаю рамнуан, мы с Чайвзом будем ждать их в условленном месте.

Без всяких сомнений — из соображений безопасности. Да, нелегкое это будет ожидание по многим причинам, для меня еще более нелегкое, чем для нее. Она окажется в большей опасности — но с ней хоть будет ее названая сестра.

— До свидания, дорогая.

Глава 10

«За все нужно расплачиваться» — гласит народная мудрость. Сегодня у Эдвина Кернкросса были основания пожалеть о том, что не существует средства межзвездной связи, которое можно было бы сравнить с радио. Он поймал себя на том, что пытается

придумать способ, как-то преодолеть это упущение. Так называемая мгновенная вибрация корабля в сверхскоростном полете улавливается в пределах максимум одного светового года. Если эту вибрацию как-нибудь модулировать, можно было бы получить информацию о летящем корабле. К сожалению, в пределах нескольких миллионов километров сигналы поглощаются квантовым эффектом и становятся практически неуловимыми; даже простой двоичный код в этих условиях становится непонятным. Потребовалось бы несметное количество релейных подстанций и несколько сотен промежуточных передатчиков, чтобы наладить такую связь между звездами, расположенными не очень далеко друг от друга. Ясно, у Империи нет ресурсов на осуществление такого проекта.

Быть может, именно поэтому я решил действовать лично, вместо того чтобы так долго ждать Флэнди. Можно было бы поручить это преданному офицеру, но, пожалуй, вернее будет действовать самому. Кернкросс нахмурился. К тому же он способен перехитрить кого угодно. Слишком хорошо я его знаю, чтобы недооценить его способности. Из вентилятора в кабину ворвался порыв холодного ветра. Если он отправился прямо туда, это значит, что он уже несколько дней находится там.

Кернкросс расправил плечи и постарался сосредоточиться. Как удалось этому человеку так мгновенно ускользнуть у него из-под носа? Причем действуя в одиночку? Ну да Нигель Бродерик не потерпит у себя никакой расхлябанности. Ни один человек не получит доступа туда, где он мог бы увидеть нечто такое, что видеть не положено. В конце концов, я хотел заманить Флэнди на Гермес, чтобы обезвредить его.

И все же...

Ждать нельзя. Нужно действовать немедленно и решительно. Через несколько часов он, Кернкросс, будет на Элавли и там отдаст приказ. Пусть Бродерик ведет воинскую часть в Порт-Лаланд и занимает его под предлогом поисков шпиона, что, по существу, недалеко от истины. Не исключено, однако, что Флэнди на Рамну. Следовательно, операция может быть даже планетарного масштаба — цель оправдывает средства. В данном случае цель — это судьба Империи.

Внезапно Кернкросса озарила новая идея. Нужно предпринять еще одну попытку привлечь на свою сторону Флэнди. Этот человек стал бы поистине бесценным приобретением. Да и почему бы ему не присоединиться ко мне? Чем он обязан Герхарту? Ведь при нем он просто слабый, всеми забытый отставник. У меня хватит ума оценить по заслугам такого сторонника и прислушиваться к его советам. Моя задача — дать Империи сильное и мудрое правительство, в котором она так остро нуждается, и основать династию,

которая была бы ограждена от узурпаторов броней Закона... да, а потом, пожалуй, — что же?.. Потом — почему бы не прислушаться к доводам, не остановить продвижение ледников на Рамну? Это будет очередным славным деянием, осененным моим именем! Вся человеческая раса станет прославлять меня, слава моя закрепится навечно.

Но это — лишь малая часть того, что надлежит сделать. И потому обо мне будет помнить вся Вселенная...

Радужные картины, однако, сменились горестным вздохом. Тяжело в одиночку ощущать себя властелином судеб Вселенной! Он давно мечтал о таком единомышленнике, как Флэндри, и о таком друге: оба они умны, причем ироничный склад ума Флэндри как нельзя лучше дополнял бы аскетичную суровость его, Кернкросса. Пока же события складываются парадоксальным образом, ибо он мечтает захватить предполагаемого друга, под гипнозом выжать из него все, что тому известно, и милостиво изгладить из его памяти все оставшееся...

Да, цивилизация смертельно больна, гниение подбирается к самому сердцу. Только радикальное хирургическое вмешательство способно помочь.

Первыми, кто встретился на пути Йеввл, были двое местных рабочих. Ее группа верхом направлялась к Дюкстону, который все еще был скрыт из виду горным хребтом. Привыкшим к ночной тьме глазам всадников городские огни казались бриллиантами. Оттуда, из-за гребня, доносился равномерный шум работающих машин. Здесь же земля выглядела нетронутой: застывшие в белых сугробах мантии холмы, громады утесов над ущельями. Из-под копыт летела промерзшая земля, вырывались осколки камней. Тряслись хвосты онсаров. От холода спасали только крылья, которыми всадники охватили себя. Дыхание мгновенно превращалось в кристаллы льда, они сливались в блестящие струйки. Над головами светило множество звезд; их было столько, что невооруженным глазом невозможно было охватить все, — но все равно меньше, чем Йеввл видела на картинках с Терры. Мать-Луна была сейчас полумесяцем, она только чуть-чуть переместилась по отношению к ним, Отец-Луна оставался в нижней части неба, а на востоке поднималось крошечное Дитя-Луна...

И тут внезапно из-за обрыва появились незнакомцы. Они остановились, замерла и кавалькада. Обменялись взглядами. Йеввл удалось разглядеть их, она только не могла бы с уверенностью сказать, какого цвета у них шерсть. Светлее, чем у нее; и оба незнакомца высокие и тонкие. Они что-то несли, что-то закрепленное у бедра — должно быть, так принято у Людей со Звезд.

Минуту спустя один из них, похоже, спросил о чем-то. Йеввл раскрыла крылья и помахала ими — в знак того, что не понимает. И добавила в подтверждение:

— У нас другой язык.

Тогда, к ее удивлению, один из них — это был он — обратился к ней на англике. С грамматикой и произношением у него было хуже, чем у нее, — благодаря Бэннер. И ни у кого из них не было аудиотрансформатора, который мог бы перевести их на другой язык — понятный человеку (а тут тоже пригодилась бы помошь Бэннер). И все же взаимопонимание состоялось:

— Этот язык ты понимаешь?

— Да, — ответила Йеввл. А в голове раздалось предупреждение Бэннер: *Не показывай вида, что тебе многое известно. Они не должны догадаться, кто вы такие.*

— Немного понимаю, — добавила Йеввл, нервно теребя шарф под воротником. — Как ты догадался?

— Вы издалека, — злобно ответил незнакомец. — Никогда раньше не встречал таких, хотя мне и моей подруге приходится немало бродить по свету. Но я слышал, что на западе есть какое-то обитаемое место, и подумал — уж не оттуда ли вы. Ни у кого из соседей здесь не бывает никаких дел.

Общение шло нелегко. Оно полно было недоговоренностей, непонятных выражений, умолчаний, недомолвок, просьб повторить, досадных переиначиваний. И все же разговор продолжался.

Как многие туземцы здесь, в холмах, и внизу, на равнинах — пара работала на Людей со Звезд. Это были перевозчики древесины, уборщики урожая или еще какие-нибудь рабочие, вплоть до операторов различных машин, — они обходились дешевле, чем роботы. Им платили товарами, которыми этот регион никогда особенно не славился и которых теперь, по прошествии столетий, ему остро недоставало.

Тебе не кажется, что с вами мы на станции Уэйнрайт лучше обращаемся? — прошептала Бэннер.

Эти двое были старателями. Они пытались напасть на след драгоценных металлов, до которых особенно охочи стали в последнее время жители Дюкстона. Колония развивалась стихийно, сказал незнакомец. Почему? Кто знает? Наверное, у людей есть на то причины, но простым жителям этого не понять, особенно чужакам.

Услышав такие слова, Йеввл ощетинилась. Она коротко изложила придуманную легенду своего посещения, и незнакомцы сказали, что им по пути.

— Вот это замечательно!

Она еще раз предупредила своих, сказав:

— Не забудьте, если случится нам встретить кого-нибудь, кто знает наш язык, ничего не говорите о том, что я как-то связана с

Женщиной со Звезд. Мы должны выведать, не скрываются ли враги нашей земли под масками представителей Империи. Я поговорю с каждым из них.

— Не вижу в этом смысла, — заметила Нгару из Раавы. На самом деле смутное ощущение враждебно настроенной силы парализующе действовало на всех.

— Представьте на минуту, что между Бэннер и представителем нашего клана засел враг и что он находится здесь, — сказала Йеввл. — Их адвокаты, естественно, будут его защищать, и мы, таким образом, проиграем!

— Но мы же просим у него — или у нее — защиты, — возразила Кузхинн, — разве мы стали бы жаловаться на Дом Бэннер, от которого видим только добро?

Однако времени на объяснения почти не оставалось, хотя самой Йеввл можно было ни о чем не беспокоиться, положившись во всем на названую сестру.

— Бэннер поможет нам, причем самым незаметным образом, — сказала Йеввл. — Она должна одолеть тех, кто пытается отдалить ее от нас. По ее мнению, к ним принадлежат и здешние заправилы. Не думаю, что они хотя бы пообещают нам помочь. Зачем им это? Именно с Домом Бэннер все наши древние кланы связаны узами дружбы.

— Но что же все-таки мы должны сделать? — спросила Йиаи.

Йеввл взъерошила шерсть на крыльях — это был признак полного изнеможения.

— Все, что я буду приказывать, — огрызнулась она. — Пожалуй, прежде всего нам надо соблюдать осторожность. Я сама буду решать, куда направить поиски.

— *Мне и правда придется искать самой?* — спросила она свою невидимую подругу.

— *Искать буду я, но твоими глазами,* — напомнила та. — *Только не совершайте опрометчивых поступков! Я не переживу, если с вами что-нибудь случится... по моей вине!*

— Я думаю, это будет скорее по нашей вине.

Скогда протянул руку за ножом.

— Если дело примет нежелательный оборот, — сказал он, — я стану тогда во главе. Я им покажу, что без борьбы мы не сдадимся!

Йих, его преданный друг, выразил свое одобрение.

— Пока старшая здесь я, — сердито возразила Йеввл. — И ты будешь поступать, как я скажу. — И усомнилась в душе: способен ли Йих повиноваться? Ей захотелось поделиться своими опасениями с Бэннер. А впрочем — какая от этого польза? У ее названой сестры и без того достаточно забот. Она с места сойти не может, пока все не закончится, — сидит, прикованная к приборам. А уж

какого хладнокровия и мужества это требует! Именно этих качеств, думала Йеввл, ей самой и не хватает.

Путешественники взобрались на гребень; впереди засверкал огнями Дюкстон. Йеввл были достаточно хорошо знакомы эти места — Бэннер много рассказывала и показывала ей их, поэтому вид города не особенно поразил ее. Она узнала центральный комплекс зданий, очень напоминающий станцию Уэйнрайт. По холмам на несколько километров раскинулись новые кварталы с более высокими домами. Она безошибочно могла определить дома туземных рабочих, хотя их форма и материалы сильно отличались от тех, что были у них, на Рамну. А где-то в другом месте расположены гудящие и громыхающие строения.

Загадочные существа, которые движутся вдоль дороги, — это автомобили. Башни для забора воздуха — верный признак того, что под землей находится мощное предприятие (Бэннер всегда узнавала их по этому признаку и добавляла, что для ее расы обязательно нужен другой, разреженный воздух). На мощеном поле чуть поодаль стояли два сооружения — Бэннер называла их «луноходы». Над головой, как крупные дождевые капли, кружили, как именовала их Бэннер, «военные самолеты».

И все здесь кажется какой-то странной мешаниной, от нее кружится голова, устают глаза, разум отказывается принимать такие диковинные очертания! К тому же осветительные трубы над улицами — слишком уж они яркие, они затмевают собой небо! Не будь рядом с ней призрака Бэннер, Йеввл наверняка повернулась бы и умчалась отсюда прочь!

А так — придется ей подбодрить своих спутников. У всех у них крылья широко распахнуты, шерсть дыбом, все они почти в панике, кроме, пожалуй, Скогды: он издал нечто похожее на рычание, что означало ярость. С онсарами дело обстояло еще хуже: их пришлось отдать на попечение людей, вышедших встретить вновь прибывших. Дальше группа пошла пешком — между этими высокими пустыми стенами едва ли удалось бы проехать, они бы чувствовали себя, как в ловушке!

Наконец группа остановилась на площади, где были расставлены ряды скамей. Впереди находился большой экран, вделанный во что-то наподобие купола. — Да, это площадь для собраний, — сказал в голове Йеввл голос Бэннер. Появилось изображение какого-то важного человека: — Мне не довелось встречаться с ним, — сказала Бэннер. — Это главный представитель, доверенное лицо герцога Эдвина... — Второе имя Йеввл не разобрала.

Временами то тут, то там завязывался разговор и сразу замолкал, потом на экране появилась какая-то особа женского пола и потребовала от них объяснений. С помощью вокализатора ей

кое-как удалось говорить и понимать рамнуанский англик — настолько отличалось произношение.

— Чего вы хотите? — спросила она.

И тут выступила вперед Йеввл. Кровь громко стучала внутри, крылья вздрагивали. На экране она видела лицо — удивительно четко, каждую черточку, каждый изгиб, оттенок кожи, — и лицо это было поразительно похоже на лицо Бэннер. Подумать только: стоило этим губам произнести одно лишь слово — и она, Йеввл, и ее сын, и все их люди будут приговорены...

Спокойно, донесся до нее шепот. Я ее знаю, это Джиллиан Винсент, ксенолог. Я знала, что вами займется именно она... Думаю, мы справимся.

Йеввл протянула пергамент, который держала в руке, и развернула его перед экраном, показывая женщине. Раздался сухой смешок Бэннер: *Она не сможет понять, что написано на вашем листке, хотя и не признается в этом. Возможно, она даже не различит твоего имени, если ты сама не скажешь.*

Это означало, что клан не смог всего предусмотреть. Документ должен был служить удостоверением личности вручателя, а отношения Йеввл со станцией Уэйнрайт были здесь хорошо известны. Поскольку имя ее было знакомо, а весь план был продуман, казалось, до мелочей, — можно было надеяться, что не возникнет никаких подозрений. И вот...

— Изложите цель своего визита, — сказала Джиллиан Винсент.

Йеввл ответила, что они просят помочь им справиться с Ледником в обмен на их природные ресурсы или рабочую силу. Сначала женщина ответила:

— Нет, это невозможно.

Тогда, по подсказке Бэннер, Йеввл стала настаивать. Снова на экране появился мужчина. Оба начали совещаться.

Я прекрасно слышу, о чем они говорят. Они не знают, как поступить, и в то же время не хотят выпустить вас из рук, — ликовала Бэннер. — *Типично бюрократический менталитет!* — Последнее слово она сказал на английке, и Йеввл не совсем поняла, что оно значит.

Наконец Джиллиан Винсент сказала:

— Нам необходимо время на размышление. Не уверена, что мы сможем пойти на ваше предложение, но мы обсудим этот вопрос между собой и потом опять позовем вас сюда. А пока наши служащие обеспечат вам пищу и жилье.

Йеввл внезапно охватил небывалый азарт. Эти люди уверены, конечно, что вновь прибывшие — дикари, что они, разумеется, будут шататься по городу и глазеть на его чудеса... Никому и в

голову не придет, что эти дикари могут разгадать замыслы, которые, по словам Бэннер, здесь плетутся, — каковы бы они ни были!

Глава 11

«Хулиган» летел все дальше на запад, пока внизу смутно не замерцало озеро Роа. Буря осталась в стороне, ночь вокруг дышала спокойствием.

Но неспокойно было на душе у Флэндри. Резче проступили морщины на лице, пальцы дрожали от ярости, касаясь рычагов управления. С помощью навигационных приборов и карты он нашел залив у берега, о котором говорила Бэннер. Все отверстия в корпусе запечатаны — об этом позаботился Чайвз. В один момент корабль под действием силы тяжести рассек поверхность воды и погрузился. Метров пятьдесят проплыл под водой и остановился в липкой тине и водорослях.

Флэндри выключил или по возможности заглушил двигатели. Озеро почти полностью поглощало излучение, и все же сильные локаторы могли бы его уловить. А главный принцип Флэндри, которым он всю жизнь руководствовался, — не давать врагу ни единого шанса. От генераторов в нерабочем состоянии требовалось, чтобы их внутренние поля нейтрализовали притяжение Рамну. Это позволит сохранять неизменную длину без специального компонента растяжения, чтобы держать корабль на поверхности, — когда он находится в полете. И все же компенсировать удалось только шесть из семи g . Ему и Чайвзу придется выносить притяжение, вдвое превышающее терранское, в течение всего периода ожидания.

Сначала он применил одну из многочисленных технических новинок, придуманных им для «Хулигана» в последние годы. Она заключалась в следующем. Открывался маленький люк в наружном корпусе, и из него высакивал поплавок с проволочным тралом. Обшивка была необычной формы: на первый взгляд этот предмет можно было принять за что-то вроде диковинной морской водоросли, какие в изобилии водятся на сотнях планет. На самом же деле это была антенна с видеосканнером, похожим на рыбий глаз. Передаваемое на экран изображение, усиленное компьютером и увеличенное оптикой, было, конечно, хуже того, что можно получить в домашних условиях, но сойдет и такое, — решил Флэндри. Он установил монитор, который должен был предупреждать о появлении каких-либо незнакомых объектов, затем уменьшил силу антигравитационных приспособлений, и собственная масса теперь удерживала его на поверхности.

— Вот это здорово, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Чем бы теперь заняться?

«Напиться или еще каким-нибудь образом отключиться нельзя, — думал он. — Ведь действовать придется без особого предупреждения. Попробовать разве что электростимуляцию? Да нет, после нее слишком долго не проходит эйфория. Хорош я буду, если стану ловить здесь кайф, когда Бэннер рискует жизнью, сражаясь за наших друзей!»

Похоже, я становлюсь моралистом. Нужен, пожалуй, дополнительный курс антисенситивов.

Он поднялся и пошел в хвостовой отсек, следя за каждым своим шагом и помня о том, чтобы держаться прямо. В былые дни, желая сократить ненавистные гимнастические упражнения, он, перед тем как начать их, занимался тяжелым физическим трудом. Вообще же в обычных условиях ему почти не приходилось ходить — он летал. Теперь же... Нет, он еще не стар, он еще может побороться с теми, кто лет на двадцать — тридцать моложе; и все-таки сотни различных, пусть и незначительных, сигналов напоминали о том, что жизнь сокращается, как шагреневая кожа! Кто это сказал, что жизнь — слишком драгоценная вещь, чтобы принадлежать молодым?

В отсеке находился Чайвз, согнувшись под непосильным грузом собственной тяжести.

— Сэр, — взмолился он. — Вы не предупреждали, что условия будут так сильно отличаться от обычных! Можно вас спросить, сколько это будет продолжаться?

— Спросить, конечно, можно, но едва ли я смогу ответить, — сказал Флэндри. — Часы, дни? Прости меня, но ты ведь знал, что нам придется затянуться. Я полагал, ты поймешь, с чем это связано. — И заботливо спросил: — Что, очень тяжело?

— Нет, сэр. Просто боюсь, это может отрицательно сказаться на ленче. Я собирался приготовить омлет. А под такой страшной силой тяжести он превратится в подошву. Может быть, сделать вместо омлета сандвичи?

Флэндри сел и рассмеялся. А почему бы и нет? Ведь и боги — если они есть — смеются! *Иногда мне начинает казаться, что вечер, когда боги создавали нас, был вечером фарса! Впрочем, нет — это был вечер высокой комедии.*

Старателя, говорившего немного на английке, звали Айон Орес-саул. Народ здесь жил не единственным кланом, не на общей большой территории. Каждая семья владела своим клочком земли, и дети этой семьи носили одно имя. Айон, по-видимому, пользовался особым доверием правителя Дюкстона (кто был этот человек?), потому что его назначили опекать гостей. В данный момент у него в доме шло обсуждение ближайших планов, а гости тем временем ждали снаружи. Он выглядел озабоченным, когда вышел к ним.

— Вас разместят в моем доме и у соседей, — объявил он. Тело его состояло как бы из трех сферических поверхностей, завершившихся остроконечной головой. Обитатели жилища казались гостям абсолютно одинаковыми, и это было еще более странно, чем необычайный расовый тип и диковинные одежды. Жильцы дома, выйдя из него, молча глазели на пришельцев. Их позы свидетельствовали о том, что они рассматривают так всех — и своих, и чужих, — независимо от языка общения.

— Выходить вы можете только с сопровождающим, и обязательно все вместе!

Йеввл уловила дыхание Бэннер, напоминавшее о том, что ее группа отрезана от дома и что события могут принять опасный поворот. Первой реакцией были гнев и желание стянуть с себя путы. Она подавила свои чувства: это не только скомпрометировало бы все дело, но могло подвергнуть и ее и всех ее сторонников смертельной угрозе. Она готова была умереть в тот день, когда случилась беда, — только бы поднять Робренга и детей из ледяной могилы. Однако теперь, когда самое худшее удалось преодолеть, жизнь снова стала казаться слишком заманчивой, чтобы добровольно уйти из нее. Она пригладила перья и вежливо спросила:

— Но почему? Мы ведь пришли за помощью, мы не сделаем ничего дурного!

— Одни вы можете попасть в какую-нибудь беду, — сказал Айон. — Или — по незнанию — чем-нибудь навредить себе. Здесь работают незнакомые вам машины!

Йеввл ухватилась за это:

— Мы как раз мечтаем посмотреть на них! Нам очень интересно, и потом, мы надеемся позаимствовать что-нибудь полезное, если это поможет спасти нашу землю! Послушайте!

— Ну что ж... Пожалуй, вы сможете позаботиться о себе сами.

— Мы сразу пойдем, хорошо?

— Не хотите даже отдохнуть и перекусить?

— Нет, в этом нет необходимости. К тому же мы опасаемся, что в любой момент нам будет отказано в нашей просьбе. И тогда нас сразу отшлют домой, ведь так? Если только еще раньше не найдем взамен более заманчивого предложения. Поэтому очень прошу вас, друг.

(Разговор этот не был таким уж экспромтом. Между Йеввл и Айоном, пока они шли в город, возникло своего рода взаимопонимание, но общение по-прежнему давалось с трудом. Для нес это было даже некоторым преимуществом: не нужно было скрупулезно — и неискренно — объяснять природу отношений со станцией Уэйнрайт...)

Айон смягчился. Он явно гордился, что служит интересам общества, и готов был всячески доказать это.

— Но мне велено захватить с собой кое-что, когда я буду сопровождать вас, — сказал он и вошел в дом. А когда вышел, к левому запястью у него было привязано что-то — Бэннер поняла, что это был радиотелефон, — а в правой руке он держал большой предмет — бластер, определила Йеввл. — Держитесь ближе ко мне и ничего не трогайте без разрешения, — приказал он.

— Все складывается хуже, чем мы предполагали, — сказала Йеввл сестре. — Мы-то думали, что будем ходить повсюду свободно!

— Это обычные предосторожности, — ответила та. — Они не догадываются о ваших настоящих намерениях, иначе вас бы уже арестовали. Можно даже использовать ситуацию в наших интересах: гид, возможно, ответит на главные наши вопросы... если, конечно, он продолжает считать вас невежественными варварами!

— В чем дело, мать? — спросил Скогда. Он сгорал от нетерпения. — Он-то нам для чего?

Йеввл объяснила. Сын расправил крылья и ощерился.

— Это оскорбительно! — раздраженно сказал он.

— Спокойно, спокойно, — произнесла Йеввл. — Гордость нужно пока спрятать в карман. А потом, по пути домой, заманим с собой побольше их животных и забьем.

Айон пристально поглядел на них обоих. Бэннер заметила и предупредила:

— Ваши жесты не очень отличаются от их собственных. Он явно почувствовал ваше напряжение. Не забывай: он может в любой момент вызвать вооруженных людей.

— Скогда тоже не терпится пойти, — заверила Йеввл Айона. — Может, он слишком нетерпелив, — но ведь мы проделали такой долгий и трудный путь, чтобы все посмотреть!

Он сдался.

— Если так, то вас ожидают сильные впечатления, — сказал он. — Пошли.

Выходя из квартала туземцев, они ступили на улицу, спускавшуюся к лощине между двумя холмами. В лощине стояло одно-единственное здание с белыми стенами и белой крышей. Судя по поднимающимся изнутри башенкам, основное располагалось под землей. Из труб шел дым и пар. То и дело, светя фарами, сновали автомобили.

— Вот это и есть — скорее было — сооружение для очистки палладия, только что-то оно подозрительно разрослось, — раздался голос Бэннер. — Спроси его об этом. Я подскажу вопросы.

— Да, лучше бы тебе подсказать, — не без сарказма сказала Йеввл, — потому что я не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь!

Между тем разгорелся спор. Айон рассказывал, как в печи загружают руду, а оттуда выходит металл (ах, палладий!). Что бруски металла доставляют на летное поле, загружают на корабли

и отправляют. Куда-то в дальние края, где обитают люди. (Голос Бэннер: *Ни одной планете, кроме разве Гермеса, нет смысла импортировать отсюда металлы — а я никогда не слышала, чтобы Гермес потреблял так много палладия!)*)

— А теперь покажу вам кое-что еще более интересное, — предложил Айон.

Улица поднималась на гребень холма, где стояло еще одно большое строение со множеством прозрачных секций — Йеввл догадалась, что они стеклянные — в стенах и на крыше. Внутри, освещенные ярким светом — не таким ярким, как солнечный, скорее таким, какой был на корабле, на котором она прилетела, — ярусами поднимались кадки, а в них цвели необычайно зеленые, причудливых форм растения...

— Здесь люди выращивают для себя еду, которую они любят. Не потому что это так уж нужно — корабли доставляют сюда все необходимое, — но они предпочитают добавлять к своему столу что-нибудь свеженькое. — Бэннер все это уже объяснила Йеввл, теперь той предстояло рассказать это своим спутникам. — Под этим зданием множество помещений под землей. Туземцы участвовали в строительстве, да и сейчас еще многие заняты сбором и упаковкой того, что отправляется в другие места. — Айон прохаживался с важным видом. — Похоже, это и впрямь вкусно, раз люди в других краях интересуются этим!

— *Никуда это не отправляют*, — заметила Бэннер. — *Никуда... кроме военных баз.*

Следуя ее подсказке, Йеввл спросила:

— А что еще вы — ваш народ — собираете для них?

— На равнинах — масло иха и пиломатериалы. А в горах добывают руду, но там работают машины. После того как старатели, такие, как я, найдем месторождение. А в последнее время начали разведку чего-то нового. И как раз в это время многих из нас научили управлять машинами, на которых изготавливают одежду и вооружение.

— Вооружение?! — почти одновременно воскликнули Бэннер и Йеввл.

— Пойдемте, увидите. — И Айон повел их по улице, которая вела к западной окраине города.

— Что происходит? — спросил Скогда.

— Ничего, — ответила Йеввл. Необходимо было молча обдумывать, осмыслить все, что обрушилось на нее.

— Ну нет, в воздухе пахнет чем-то нехорошим, — возразил почти разгневанный Скогда. — Ты взгляни, как твои собственные крылья растопырились! Я ведь не ребенок — не пытайся скрыть от меня правду!

— Да, мы ведь ваши друзья, а не онсары, — добавил Йих.

— Ты — наш друг, ровня нам? — проворчала Йеввл, возмущенная его поведением. — Да ты никого не желаешь слушать!

— А ведь Эх и я — уж точно ровня тебе, Йеввл, и нам придется держать ответ перед своими кланами, — напомнила Нгару. — Для их блага мы потребуем, чтобы ты рассказала нам все, о чем узнала!

— Возможно, так будет лучше. — В голосе Бэннер слышалась тревога. — Если они поймут, что происходит, это успокоит их и они станут помогать тебе. Решай сама, дорогая.

И Йеввл решилась. Очень тихо она сказала:

— Похоже на то, что этот Звездный народ готовит нападение на нас. Не знаю почему. Моя названая сестра попыталась мне объяснить, но я не поняла. Если окажется, что там, куда мы идем, отливают снаряды, это подтвердит нашу догадку.

— Нападение, — выдохнула Кузхинн. — Они, все вместе, в одной связке?

Айон насторожился. Рука его потянулась к бластеру, крылья и уши напряглись, зрачки сузились.

— О чём это вы шепчетесь? Нельзя сказать, что вы ведете себя миролюбиво!

Недаром, однако, у себя дома и на Вулкане Йеввл привыкла укрощать страсти вот уже верных двадцать лет. Она расслабилась, грациозно взмахнула крыльями и сказала спокойно:

— Я им просто переводила, но, похоже, они испугались. Не забудь — мы ведь впервые в таком городе. Эти высокие стены, узкие проходы, свет, шум, запахи, эти шныряющие туда-сюда автомобили — все это пугает. А то, что ты упомянул о вооружении, особенно встревожило всех: они подумали, что вы, местные рамнуане, решили изгнать нас с наших земель, предвидя наступление льдов. А если не нас, то, возможно, хотите напасть на каких-нибудь других соседей-варваров, а это вызовет волну переселенцев на запад, и она может снести нашу страну. — Йеввл вытянула вперед раскрытые ладони: — О, я понимаю, это звучит дико! Зачем это вам, вы ведь и так получили от людей больше, чем могли мечтать! Но нас бы очень успокоило, если бы мы могли видеть, что вы на самом деле производите.

— Отлично, отлично, — ликовала Бэннер.

Айон, казалось, успокоился, хотя посмотрел на них с легким презрением.

— Входите, — пригласил он.

В большом прокопченном помещении стоял шум, лязг металла; в синевато-багровом свете туземные рабочие что-то резали, ковали, обжигали, перевозили на склад, где полки были забиты чем-то вроде шлемов, пуленепробиваемых поясов, защитных перчаток и сапог и еще какими-то жуткими предметами, которые Бэннер как-то называла... — и Йеввл почудился ужас в ее голосе.

— Видишь теперь, что нам тут ничего не подходит, — усмехнулся Айон. — Всё это для людей. И они это куда-то переправляют.

— *Космическое боевое оружие, вспомогательные механизмы, элементы ручного оружия...* — В мозгу Йеввл слова, произнесенные Бэннер на английке, звучали как чудовищные заклинания. — *Похоже, он показывает вам набор изделий, которые собираются сплавить на другие миры, причем все эти изделия не очень большие, так что их можно тщательно спрятать или замаскировать...* — И вдруг добавила, уже на языке клана: — *Спроси теперь про обмундирование!*

— Да, у нас есть обмундирование, мы его шьем по трафарету, — ответил Айон на наводящий вопрос Йеввл. -- Готовые вещи все одинаковые, лишь размеры разные. И носить это могут только люди.

— Униформа, — почти простонала Бэннер. — *Конечно, герцог не станет изготавливать такую важную и, главное, не оставляющую сомнений «одежду» на автоматизированных предприятиях — он использует ручной труд туземцев. И... для чего еще?*

Страх заставил спинной хребт Йеввл расправиться.

— Сестра моя названая, — взмолилась она, — не хватит ли?

— Нет. Еще не все ясно. Узнай все, что сможешь, дорогая моя, отважная Йеввл. — Волнение звучало в голосе Бэннер.

— Ну как, твои опасения подтвердились? — выдохнул Скогда.

— Похоже, что да, — тихо ответила мать. — Но нужно сунуть нос поглубже, потому что если то, чего мы опасаемся, правда, то это просто ужасно.

— Что ж, мы выдержим и это, — заверил он.

Айон выпустил их из помещения.

— Мы уже и так далеко ушли, — сказал он. — Не знаю, как вы, а я проголодался. Пойдемте домой.

— А потом можно будет еще пройтись? — спросила Йеввл. — Здесь такие чудеса!

Он пошевелил крыльями:

— Если люди вас не отвергнут. Лично у меня нет надежды на ваш успех. Что интересного можете вы предложить им?

— Ну а можно вернуться домой другим путем?

Айон снизошел к их желанию, и они зашагали прочь от фабрики, еще долго сопровождаемые металлическим грохотом. Йеввл оглянулась; взгляд ее вобрал все пережитое недавно.

Теперь они шли в стороне от центра. На порядочном расстоянии друг от друга стояли новые дома, окруженные заборами и охраняемые вооруженными рамнуанами. Улица эта по существу была дорогой, она шла вдоль высокого хребта с севера на юг, каменистая, покрытая снегом. Восточный склон тоже был голый, лишь редкий кустарник попадался им по пути. У подножия блестела

замерзшая река. А за мостом высился, шумя и сверкая огнями, Дюкстон. На западе же царила ночь, здесь были только заброшенные аллеи, скалистые вершины, каньоны, обрывы и горные озера. Из пустыни веяло холодным ветром. Несколько звезд, которые можно было разглядеть, казались замершими и совсем маленькими. Бэннер говорила, что это солнца, только они очень высоко, — но как же страшно высоко они должны быть!

Дорога вывела еще к одному бесформенному строению. Трубы здесь тоже показывали, что основное находится под землей.

— Что это? — указала на здание Йеввл.

— Здесь плавят руду, о которой я вам говорил, — ответил Айон.

— Выясни, что это за руда, — прошипела Бэннер.

Йеввл сделала попытку. Затрудненное общение до некоторой степени смягчало прямоту ее вопросов. Члены группы неприязненно смотрели на нее и на гида.

— Р-у-д-а, — ответил Айон. — Другого названия нет. Люди пользуются этим.

— Да это же шиитское слово, — взорвалась Бэннер. И затем: — К чему такая морока? Обычно они употребляют английские названия! Ну-ка, пусть он опишет эту руду.

И опять Йеввл сделала очередную попытку. Айон захотел узнать, почему это ее так интересует. Хорошенько подумав, она объяснила, что, если люди из Дюкстона так высоко ценят эту руду и если случится, что руда попадет в ее родные места, им трудно будет организовать выплавку.

— Ну, она черная, обычно в виде порошка, — неохотно сказал Айон. — Из нее выплавляют что-то вроде металла.

— Возможно, цинковая обманка, — прошептала Бэннер на англ. — И, обращаясь к Йеввл: — Еще что-нибудь.

Но Айон больше ничего не мог сказать. Туземцы выполняли только исходную работу, а дальше все строго засекречено. Он знает только, что здесь сложная аппаратура, что внутренние помещения приспособлены для работы людей и что машины регулярно собирают отходы, потом их бросают в море, а конечный продукт остается здесь в опечатанных ящиках, и они, похоже, очень прочные — возможно, даже свинцовые, потому что очень тяжелые.

— Что-то вроде пороха? Но кто теперь применяет порох? Если только для боеголовок... — Это труднопроизносимое слово прозвучало как вопль отчаяния. Должно быть, Бэннер говорила сквозь плотно сжатые губы: — Теперь последнее, Йеввл. Не знаю только, поймешь ли ты, дорогая...

— Что происходит? — прорычал Скогда.

— Ничего особенного, — поспешила ответить Йеввл. — Просто он рассказывал, что здесь производят. — Знай ее сын, что это фабрика разрушения, он бы совсем озверел!

— Ну нет, — возразил он. — Можешь дурачить кого-нибудь другого, мать. Но я-то тебя вижу насквозь. — Клыки у него выступили вперед, уши прижались плотно к голове, распостертые крылья дрогнули. — Ты ведь согласилась, что мы, твои единомышленники, имеем право знать, что происходит!

— Ну, в общем, похоже, здесь и правда творится что-то неладное, не знаю, что именно, — ответила она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Кажется, мы выяснили все, что могли. Будем сохранять спокойствие, не покажем вида, что встревожены.

Айон отступил назад.

— Этот парень вроде собирается наброситься на меня, — сказал он. Голос и его поза выражали беспокойство. — Да и остальные, похоже, готовы к бою!

— Да нет же, они просто взволнованы всем увиденным! — настаивала Йеввл. Нехорошее предчувствие закралось ей в душу. Айон не верит им. Несомненно, ему кажется странным, что группа странствующих чужеземцев так настойчиво все выведывает...

— Возможно, — сказал он. — Но я всю свою жизнь служу людям...

«И стал предан им, как я предана Бэннер, — мысленно добавила Йеввл. — И ты наблюдал, как эти последние несколько лет они работали над чем-то, что было жизненно важно для них. Они тебе этого не говорят, но ты это чувствуешь. И потому ты так осторожен теперь. И потому именно тебе они поручили опекать нас».

— Возможно, вы и не замышляете ничего дурного, — продолжал Айон. — Или, наоборот, шпионите с целью ограбить город. Или... уж не знаю, что еще. Пусть люди разберутся. — Опять появился бластер. — Прикажи своим стоять на месте, — распорядился Айон. — Язываю помочь. Если будете вести себя спокойно, если у вас и правда нет злых намерений — вам не причинят вреда.

— Что он имел в виду? — спросил Скогда.

— *Йеввл, Йеввл!* — Голос Бэннер дрожал. — *Делай, как он сказал, не возражай — это бесполезно. Доминик и я как-нибудь выручим вас.*

— У него появились кое-какие подозрения насчет нас, — сказала Йеввл своим. — Теперь он посыпает за людьми, чтобы они задержали нас! — ...У нее не хватило времени объяснить. Взревев, Скогда прыгнул. В этот момент мать прочла в его глазах изумление и упрек и мгновенно поняла, что нервы отказали ему...

И тут выстрелил бластер.

Бело-голубой огонь мог бы ослепить ее, но тело сына заслонило от нее пламя. Она увидела, как сын врезался в Айона, перед глазами заплясали два горящих тела, затем оба упали — но Скогда был теперь пустой оболочкой с огромной выжженной дырой внутри...

— Ээх-ооа! — закричала Йеввл и бросилась к нему. Айон пытался вылезти из-под трупа. Левой рукой он поднес свисток ко рту.

— Помогите, помогите, — стонал он. Йеввл была уже на нем. Всадила нож и по тому, как осело его тело, почувствовала силу удара. Вытащила лезвие из раны и увидела, что кровь бьет струей.

Йиаи и Кузхинн трясли ее.

— Надо улетать, — говорили они. — Пойдем, пожалуйста, пойдем! — Зов Бэннер отрезвил ее, она перестала рыдать и сказала ровным голосом:

— Да, улетайте быстрее. У них есть орудия, которые могут подстрелить, — но сначала им придется найти исполнителя...

Убит Скогда. Сын Робренга и мой сын — Скогда, которого я носила и которого родила, которого отпустила в его первый полет, — и видела, как он смеялся и радовался, а потом он женился и подарил мне внуков. А теперь, в Дюкстоне, случилась эта беда. О-о! Знай же, Дюкстон, — я сожгу тебя дотла, я разбросаю по ветру прах твоих обитателей, я стану для тебя разящей молнией. Я здесь, убийцы. Выходите, и вы получите возмездие!

— Уходи, Йеввл! — молила Бэннер. — Если останешься, ты погибнешь. Погибнешь ни за что. Я сама накажу их. Дай мне только дождаться часа. — Еще несколько слов — и ей удалось бы погасить слепую ярость, вызванную горем. Но вдруг...

Хван повернул главный выключатель. Система заработала. На дальнем краю континента ночь понемногу сменялась рассветом. На него в упор смотрело лицо Бэннер, за ней были белые стены.

— Прошу прощения, доктор Абрамс, — услышала она и вскользь подумала, что такое официальное обращение — в данном случае знак уважения и преданности. — Я знаю, вас нельзя беспокоить, когда вы на связи, но вы сами строго приказали...

— Что случилось? — сквозь слезы она не могла ясно разглядеть его лицо.

— Это по поводу вновь прибывших — вы приказали доложить немедленно, при любых обстоятельствах.

— Да, да!

— Так вот, поступило сообщение. Через полчаса приземляются три подразделения космической милиции, на борту сам герцог, он требует вашей помощи. — И добавил с тревогой: — Надеюсь, я не сделал ничего дурного, ответив на его вопрос, что вы здесь?

— Ну конечно, я ведь не приказывала вам хранить это в тайне, — автоматически ответила Бэннер и подумала: «А как бы я могла приказать?»

Хван нахмурился:

— Что же все-таки происходит? Чертовски непонятно!

— Услышите позднее.

В первый момент каждая клеточка в Бэннер, казалось, кричала, что нужно оставаться с Йеввл. И только мысль о Доминике противилась такому решению. А он так красочно описал ей, что будет, попадись она в лапы Кернкроссу, — с ней, а потом и с миллиардами живых существ. Йеввл, Йеввл, Йеввл — о, она лишь атом в этом сонме...

Сняв шлем, Бэннер поднялась на ноги. В ушах звучали слова Флэндри, что необходимо предусмотреть все возможные обстоятельства.

— Слушай, — сказала она Хвану. — У нас сложилась чрезвычайная ситуация. Сам понимаешь, адмирал явился не с визитом вежливости, а по личному поручению его светлости. Я должна отлучиться ненадолго — сейчас, немедленно, — нет, ни слова, не возражай. У меня нет времени. Скажи им, что я скоро вернусь. Его светлость поймет, в чем дело.

О да, он поймет. А я к тому времени буду пятнышком, летящим в огромном мире.

Она выбежала из комнаты, оставив изумленного Хвана. Она бежала от Йеввл — и это было самое тягостное, что ей когда-либо приходилось делать. Даже известие о смерти отца не потрясло ее так глубоко.

Откуда-то из недр собственного существа к Йеввл пришли нужные слова.

— Уходите, — приказывала она своим спутникам. — Рассейтесь, бегите врассыпную. Затаитесь в пустыне. И пробирайтесь домой. Они ведь не виноваты, что поведением своим помогли убить Скогду...

Поняв, что сама судьба против, они ушли. Над холмами проносились ветерок. Сойдя с гребня, они расправили крылья и скрылись в темноте.

А вблизи раздался звук мотора. Пилот приземлился. Йеввл вынула бластер из похолодевшей руки Айона — оружие, убившее ее сына. От своей названой сестры она научилась обращаться с такими вещами — давно, во время занятий спортом. Увидев корабль, она усмехнулась — так дико выглядели пушки на нем — и прыгнула.

Крылья ее вздрагивали. Каждая мышца в них напряглась, пришла в движение и, казалось, готова была унести ее ввысь, чтобы слиться с небом, помчаться над миром. Кровь текла быстрее, она ощущала ее биение и тепло. А вверху горели звезды...

Видел ли ее пилот? Нужно было убедиться в этом. Прицелившись, она выстрелила. Непонятно почему, но яркий луч не слепил глаза. Раздался пронзительный звук, запахло дымом. А когда он рассеялся, в воздухе разлилось сияние.

Пилот изменил направление. Звук мотора раздался рядом с Йеввл. Она взмыла выше, и враг теперь оказался под ней, она могла спокойно парить, как бывало, над добычей...

Затрещал град выстрелов. И она упала. Боли не было — боль не успеет проявиться, пока она жива, — но она знала, что пуля настигла ее. Собрав последние силы, она сложила свои гордые крылья и, описав дугу, опустилась на замершую реку. Корабль замедлил движение и подлетел ближе, словно пилот хотел убедиться, что враг повержен. Неотчетливо, сквозь накатывающуюся волнной слепоту, Йеввл увидела его. Она вновь прицелилась и пустила луч прямо в цель.

Пилот был убит. Корабль отбросило в сторону; пробив лед, он упал в реку и затонул. Между тем приближались новые корабли, но Йеввл это было уже безразлично. Последние силы она потратила на то, чтобы отлететь в сторону и опуститься в чистую воду. Пусть ее кости не лягут с костями поверженного врага.

Прощай, сестра моя названая.

Глава 12

Техник гаража, ответивший на звонок Бэннер, был вне себя от удивления.

— Донна, этого нельзя делать! — сказал он. — Вылетать одной, ночью, без подготовки, не сделав даже укол граванола — это самоубийство!

— Это необходимо, и я надеюсь, мне удастся выжить, — прервала его Бэннер. — Некогда пререкаться; к тому же, пока граванол начнет действовать, пройдут часы. Мне нужно тут неподалеку, по неотложному делу. Я очень скоро вернусь.

— Хм. Позвольте мне, по крайней мере, сопровождать вас!

— Нет. Вы на дежурстве. И потом — пока мы оба соберемся, пройдет не меньше получаса. А теперь помогите мне. Это приказ.

Его сочувствие чуть-чуть утешало. Это был симпатичный молодой гермесец; еще раньше он смущенно намекнул, что дома его ждет девушка и, по окончании срока контракта, имея небольшой капитал, они смогут открыть собственное дело. *Очень похоже, однако, что он состоит в рядах «Пионеров Кернкросса».* И она вновь заговорила строгим, не допускающим возражений тоном. Придергивая язык, он повиновался.

В условиях Рамну необходимо довольно сложное снаряжение — более сложное, чем обычное космическое. Его не так-то просто было надеть. Пульс, казалось, отстукивал секунды. Она чувствовала, как пот стекает по телу. Никогда не предполагала, что это такой бесконечно долгий процесс: сначала белье, потом крепления, ремни, накладки; все это нужно было правильно натянуть на

себя, ударом молотка снаружи проверить крепость, подключить элементы жизнеобеспечения, обвязаться ремнями, опять все осмотреть и проверить и, наконец, надеть защитный скафандр — о, это была подлинная мука!

Казалось, сердце уже готово было остановиться, когда наконец аэросани оторвались от взлетной полосы и бесшумно взмыли в воздух. Пролетели мимо других, более мощных машин, наземных и воздушных, приспособленных в основном для дистанционно управляемых дальних маршрутов. Аэросани — это не просто средство передвижения, рассчитанное на одного или двух пассажиров для кратковременного полета, как правило, независимо от корабля-матки. С их помощью, к примеру, можно с близкого расстояния рассмотреть интересующий объект, а в случае необходимости и послать робота-испытателя для сбора информации или для съемки из открытой кабины, расположенной в кормовой части.

«Когда Доминик предложил этот план, он не предполагал, насколько он опасен для меня, — подумала Бэннер, — а я ничего не сказала». Теперь она не была уверена, что поступила правильно. Дело не в том, что она боялась за себя: напряжение и азарт сейчас как нельзя более кстати. Она боялась одного — не успеть передать Флэндри бесценную информацию, добытую Йеввл...

Вот и въезд на военный космодром. Бэннер подвела аэросани к проходу. На какой-то момент она оказалась в пробке, зажатая, как в могиле, другими машинами. Затем раздался свисток, открывая воздушную линию на Рамну, турникет повернулся, и она двинулась дальше.

В аэросанях не было места для генератора внутреннего поля, и семикратная сила притяжения в первый момент подействовала ошеломляюще. Но самым страшным оказался подъем со взлетной полосы без специального антигравитационного оборудования. Правда, многочисленные приспособления, скрытые в летнем снаряжении, противодействовали силам, тянувшим тело книзу, и помогали дышать. Эластичные ремни, которые шли от запястий и локтей к обрамлению мягкого сиденья, сетка ограждения, да еще несколько таблеток, которые она проглотила, — все это отчасти придавало уверенность и силу. Ощущая, несмотря на это, невыносимую тяжесть в теле, она всматривалась в пространство.

Аэросани не были герметизированы, чтобы в облегченном корпусе не так сильно ощущалось внешнее давление. Несмотря на защитный шлем, каждый звук воспринимался как многократно усиленный и значительно более резкий, чем показался бы туземцу, слуховой аппарат которого не приспособлен к разреженной атмосфере Терры. Ночь была тихой и спокойной, но Бэннер чудилось, что она слышит шаги убегающих животных, шорох

птичьих крыльев над собой и пока еще слабый, но быстро усиливающийся звук снижающихся кораблей. Нужно было спешить.

Опыта пилотирования явно недоставало; она направила аэросани к северу и ворвалась в стихию. Поднявшийся ветер заполнил собой окружающее пространство, и, освещенное ранее планетой Солнца, оно померкло. Одна в кромешной тьме, Бэннер постаралась настроить оптику в шлеме на ночное видение.

Однако света было так мало, что оптика практически не помогла, и Бэннер не удалось ничего разглядеть вокруг. Посверкивали во мраке скопления звезд, луны выныривали из пустоты. Река Кийонг разветвлялась на три потока — черный посередине и серовато-белые по краям: с берегов надвигались льды. Лес выглядел бесформенной массой, степь казалась седой. Пруды и ручейки закованы льдом. А мороз все крепчал, надвигалась ночь длиной в неделю...

Она припоминала, что раньше только в предрассветные часы становилось прохладнее. Теперь предрассветный холод нес смерть. Случалось, что, когда наконец восходило солнце, оно освещало целые стада, полегшие от мороза. Растения же не успевали и наполовину созреть, как наступала ночь... *Йевел, твои внуки увидят, как смерть загонят обратно в логово. Клянусь тебе в этом собственной жизнью.* Если Вселенная остается слепа и бесчувственна к страданиям сущих на ней народов — что тогда достойно сочувствия?

И все же... *Похоже, главное препятствие к улучшению жизни народов — борьба за власть. Не исключено, что, если бы Кернкроссу удалось стать императором — он охотно выслушал бы меня, — разве только наш прежний антагонизм мог бы помешать, — ну, да теперь поздно что-либо менять.*

Она с негодованием отвергла предательскую мысль. Ради спасения одной жизни нельзя обрекать на гибель множество других! А такое возможно. Доминик сказал, что Кернкросс, должно быть, задумал хитрую, быструю и радикальную операцию. Но последствия могут и не быть такими катастрофическими, как мы опасаемся. К тому же все другие планеты для меня — просто абстракция, только названия, когда-то услышанные или увиденные на экране *Тамошние люди — не мои люди.*

«Но Доминик прав, — вдруг дошло до нее. — Я — его заложница. Разве нет? Я так многим обязана ему! Что движет им: память о моем отце, мысль о каком-то ничего не значащем для него народе или привычный азарт — этого я никогда не узнаю. Возможно, он и сам не знает. Он никогда до конца не раскроется».

Где-то в тайниках сознания возник образ отца. Макс Абрамс выбрал трубку, откинулся в старом кресле и с торжествующей улыбкой сказал своей малышке-дочери:

— Мири, многие человеческие качества принято считать достоинствами, но большинство из них просто забавляют человека или приносят ему выгоду. Подлинные достоинства могут проявляться по-разному, но их всегда легко распознать. Самое бесценное достоинство — это верность.

А уж если мы не будем верны своим немногочисленным друзьям, что тогда, в эти страшные дни Империи, нам останется?

Точно отдавая себе отчет в том, зачем она летит, Бэннер взглянула на часы. Скоро Кернкросс приедет на станцию Уэйнрайт и все узнает. Едва ли он станет спокойно ждать, пока она закончит свои дела, каковы бы они ни были. Возможности сыска здесь у него ограничены, — и все же, несомненно, он организует погоню. Пролетая над рекой, она заметила кое-какие признаки того, что охота уже началась. Нужно было изменить тактику. Снизившись, она стала делать зигзаги над степью и между холмами. Однако это было опасно. Автоматика у аэросаней самая элементарная, она же — пилот — с каждой минутой чувствует себя все более усталой и отупевшей.

Малейшая ошибка — и ускорение в семьдесят метров в секунду за секунду расплющит ее о планету!

В горле застрял нервный смешок. Ну что ж, она вдосталь насладится полетом. А уж если так случится — у нее по крайней мере не будет времени на размышления!

Час за часом лед все плотнее затягивал озеро. Флэндри попытался переместиться на более глубокое, еще свободное ото льда место, чтобы не замерзло и не вышло из строя сигнальное приспособление. Внезапно раздался сигнал тревоги, и вынужденному безделью пришел конец.

Он все еще сидел в кабине пилота. На экране возникло изображение, еще неясное, но различимое. С уст Флэндри сорвалось проклятье. На экране был космос. И высоко, почти невидимый глазу, кружил сторожевой корабль, достаточно проворный, чтобы действовать в космосе, и достаточно вооруженный, чтобы сбить другой, пусть даже больший, или разнести в щепки город.

Да, удача, похоже, изменила ему. Правда, нельзя сказать, что она сопутствовала ему в последнее время. Иначе Бэннер была бы сейчас здесь, в безопасности, и рассказала бы обо всем, что успела — или не успела? — выведать Йеввл, и вместе они составили бы план дальнейших действий. Но надо ждать и ждать. Теперь он знает, что в космосе кружит корабль. Возможно, что и до нее дошли слухи об этом. Ему пока удалось скрыться. Ей — вряд ли. Ее кораблик маленький, радиация от него слабая, — а у этого корабля мощное вооружение и чувствительные приборы. Ей пришлось бы виртуозно

уклоняться от него. Мне бы едва ли удалось, Рамну для меня — незнакомый мир. А ей?

Корабль медленно снижался в направлении к горизонту. Если это обычный патрульный рейс, он еще дважды пролетит — сначала ниже, потом выше, чтобы обозреть всю территорию. Минут через сорок пять он снова будет здесь, то приближаясь, то удаляясь.

Где ты, Бэннер?

И, как бы в ответ на этот невысказанный вопрос, из динамика послышался ее голос; Флэндри радостно вскрикнул.

— Доминик, я недалеко от тебя. Побуду в засаде, пока не улетит тот корабль. Я говорю в самом коротком диапазоне. — И дальше — поток слов: — Иеввл нашла — да, нашла доказательства: там производятся боевое оружие, униформа, возможно, военные рации. Несомненно, огромное количество палладия — больше, чем нужно для гражданских целей. И может быть, но не наверняка, там налажено производство расщепляющихся материалов. Была схватка, и я очень боюсь, что она погибла. Как раз в этот момент на нас вышли три корабля, на борту одного из них герцог. Я перехватила сообщение.

...Это главная информация, Доминик. Делай выводы сам. Не вздумай рисковать — не вызывай меня и не пытайся меня подобрать. Со мной все будет в порядке. Будь осторожен, дорогой, и возвращайся домой целым и невредимым.

— Это ад какой-то! — рявкнул он в передатчик. — Настоящий ад! Побудь минут пять на месте, а потом лети к берегу и садись метрах в ста от меня. Мы подкатим вплотную к тебе и откроем грузовой люк. Сможешь пролезть в него?

— Да-да, — заикнулась она. — Но... а если тот корабль тебя заметит?

— Тогда его пилот сильно пожалеет об этом, — сказал Флэндри. — Чайвз, — добавил он, — следи за состоянием веса и плавучести, когда я дам команду принять на борт аэросани. И приготовься оказать донне Абрамс первую помощь, если понадобится!

Почти на уровне верхушек деревьев «Хулиган» взял курс к северу, к Страж-горе. За хребтом находилась снежная равнина ледника; едва ли там могли сторожить люди Кернкросса. Поставив корабль вертикально, Флэндри взметнул его ввысь. Достигнув стратосферы, он вновь включил автоматическое управление, дав указание автопилоту лететь на Дюкстон со скоростью аэроплана — меньше опасность отклонения. А кроме того, он должен побывать с Бэннер.

Она откинулась на подушки дивана — это ложе подготовил для нее Чайвз. Рука, подносившая ко рту чашку с чаем, дрожала. Бледное, цвета слоновой кости, лицо в обрамлении каштановых волос казалось похудевшим: одни лишь красиво очерчен-

ные скулы и огромные изумрудно-зеленые глаза. На экране видны были звезды и освещенное закатными лучами облако на краю Рамну.

— Как ты? — спросил он.

— Лучше. — Голоса ее почти не было слышно. Она с усилием улыбнулась. — Ничего серьезного. Действие стимулятора проходит, и я чувствую теперь бесконечную усталость, но еще час или два могу спать.

Он присел рядом.

— Боюсь, тебе дольше придется бодрствовать. — Он печально усмехнулся. — Все эти стимуляторы, транквилизаторы, внутривенные уколы — чертовски вредные штуки. Ты очень вынослива и без них. А потом, когда все закончится, сможешь взять отпуск — на месяц или больше и отдохнуть. По-моему, у тебя сейчас не должно быть много работы, да и потом, когда вернешься, тоже ее не будет много.

Несмотря на всю усталость, она мгновенно уловила, что сказано не все:

— У меня? Что ты хочешь сказать? А, Доминик?

— Ничего особенного, — поспешил ответить он. — Просто хочу немного снять твое напряжение. Тебе досталась самая неблагодарная часть операции. — Он достал сигаретницу, оба затянулись. — Но сначала я должен узнать все, что удалось выяснить Йеввл, и немедленно составить обращение и подробный доклад.

Он поставил на стол тайпер.

— Основное я уже записал. Расскажи теперь в деталях, что случилось в Дюкстоне.

Голова ее поникла.

— Боюсь, без рыданий не обойдется, — прошептала она.

Он взял ее руку в свои.

— Плачь, если тебе так легче. — Она не видела, как он подмигнул при этих словах: — В разведке привыкли к слезам.

И прижал ее на мгновение к себе. Сейчас они были очень близки к цели. Чайвз помог ему с нужными лекарствами, и, подав руку, Флэндри провел ее в кабину. Спотыкаясь и икая время от времени, она энергично принялась за дело рядом с ним.

Схватка была мгновенной, как падение метеорита. Иначе и не могло быть, потому что база, естественно, располагала наземными средствами защиты. «Хулиган» низвергнулся сверху, неся с собой смерть. Руководимый указаниями Бэннер, Флэндри направил его в зловещее здание на вершине холма. Ею же незримо руководила тень Йеввл. Вниз устремилась торпеда. И в то же мгновение с крыши повалил дым, вспыхнул огонь, полетели осколки. Флэндри направил корабль ближе к цели, смертоносным лучом, как

скалыпелем, расширяя отверстие и проникая внутрь. К «Хулигану» устремились корабли береговой защиты, полетели снаряды. Несколько выстрелами сбив корабли, «Хулиган» высоко задрал нос и взмыл вверх. От скорости задрожали переборки. В считанные секунды «Хулиган» скрылся из виду.

На несколько минут Флэндри передал управление автопилоту. Описав кривую, «Хулиган» улетел с Рамну. Теперь планета казалась лазурным щитом, серебристо-мрачная в свете звезд.

— Вот теперь можешь немного отдохнуть, — сказал Флэндри и проводил Бэннер в лабораторию. И вскоре явился сам. На лице его была непоколебимая решимость.

— Да, — сказал он. — Показания приборов и картинки вдохновляют! Их дело проиграно. Завод выпускал вооружение. Не знаю, куда шли боеголовки, — вполне вероятно, на внешний рынок.

Она смотрела на него. Он стоял рядом, склонившись к ней. Окружающая роскошь казалась сейчас далекой и неуместной. Она уже не чувствовала усталости — наверное, помогли лекарства, — но ей казалось, что тело жило как бы само по себе, и только легкий нервный озноб напоминал о его существовании. А разум был удивительно ясным.

— Значит, все подтвердились? — спросила она. — И можно будет сообщить об этом на Терру, чтобы Космофлот принял меры?

Почему-то он избегал ее взгляда.

— Боюсь, дело не так просто, — глухо сказал он. — Очень скоро Кернкросс получит полный отчет о происшедшем. Он знает, что Герхарта не уговорить, и он не проявит снисхождения в случае, если Кернкросс сдастся. Возможно, он предпочтет скрыться. Но ты ведь знаешь мое мнение. Я уверен: он так воинственно настроен, что готов ввязаться в драку. Наша предупреждающая операция исключает возможность немедленного нападения на Терру, но она не остановит Кернкrossa от того, чтобы мобилизовать и задействовать все свои силы для последующих шагов. Он может затеять изнурительную войну, которая будет тянуться годы, особенно если примет помочь всегда готовых служить мерсейцев. Понадеется на удачу, а тщеславие заставит его поверить, что все миры один за другим придут под его знамена. — Он кивнул. — Да, Кернкросс — прирожденный вояка. И если у него будет хоть малейший шанс, он развязнет войну.

Бэннер оглянулась на Рамну — такую маленькую теперь, что на экране полностью умещались ее очертания. Неужели войнакоснется и этой планеты и навсегда похоронит мечты о разрушении ледников — мечты, которые они с Йеввл столько лет вынашивали!

В одном Бэннер была уверена: если случится такое, ей до конца жизни не справиться с горем.

— Что можно сделать? — спросила она.

Страдальческая улыбка появилась на губах Флэндри.

— Вот что, — ответил он. — У нашего приятеля не так уж много крупных предприятий, а каждое начинено складами оружия. Внезапная потеря еще одного склада окончательно подорвет его способность к сопротивлению. Держим курс на Элавли.

Глава 13

В темноте, холоде, в полной тишине, с выключенными или настроенными на минимальную мощность системами «Хулиган» быстро вышел на гиперболическую орбиту. Практически не было риска, что их заметят. Орбита должна была вывести к луне, где расположен Порт-Асмундсен. Случись так, что луч радара коснулся бы «Хулигана», его наверняка приняли бы за какой-то осколок в космосе. Как правило, на Нику не падали естественные метеориты, однако случайный обломок вполне мог быть занесен туда из межзвездного пространства. А кроме того, за столетия, прошедшие со времен людского нашествия, вокруг планеты скопилось достаточно всякого мусора.

Корабль летел в космосе. Флэндри вошел в салон, где в невесомости повисла Бэннер. Ухватившись за косяк двери, он следил за полетом. Его фонарик выхватил из темноты лицо с изумрудными глазами в обрамлении блестящих волос. Она тоже направила фонарик на него. Помолчали.

Она перевела дыхание.

— Мне кажется, пора действовать. — Голос ее был спокоен, но он легко догадывался, что за этим скрывалось. — Расскажешь мне свой план?

— Прости, что вынужден был держать тебя в резерве, — сказал Флэндри. — Ты заслуживаешь лучшей участии. Но нам с Чайвзом нужно было провести эту дьявольскую операцию мгновенно. И потом, зная тебя, я подумал, что лучше поставить тебя перед *fait accompli**.

— Перед чем?

— Слушай, — сказал он очень серьезно, без тени раздражения или снисхождения. — То место, куда мы летим, нельзя просто так засечь и расстрелять, как это было с Дюкстоном. Это специальная база, приспособленная к военным операциям. — *Если только я не совершу ужасную ошибку, жертвой которой станут ни в чем не повинные!* — Любой корабль здесь столкнется с противовоздушной

* Свершившийся факт (*фр.*).

защитой. Кроме того, как ты понимаешь, необходимо сообщить на Терру о наших намерениях, потому что внезапный удар может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. Не исключено, что вновь возникнет Кернкросс, так же неожиданно, как в прошлый раз. Даже если нам удалось бы подавить его противоядерные заграждения, — такой офицер, как он, не устоит перед искущением «под шумок» захватить герцогство и реализовать свои собственные планы. Все это, естественно, будет обставлено как верность долгу — они ведь там все служат идеи! — Флэндри передернул плечами. — Верность идеи погубила немало людей!

Ее взгляд посупровел:

— Итак, что же ты задумал?

— Я запрограммировал наш корабль. Через несколько часов он самозарядится и рванет отсюда, как черт от ладана. Очень скоро он выйдет из сверхскоростного режима совсем рядом с Солом. Приблизившись к Терре, он затормозит и специальным кодом пошлет сигнал по направленному лучу. Его примут соответствующие... службы. Тебе все это время нужно заботиться только о том, чтобы вовремя поесть, отдохнуть и прийти в себя. В конце путешествия тебе тоже ничего не придется делать. Скажешь только капитану, что я оставил сверхсекретный доклад особой важности. Можешь даже не говорить, что доклад лежит в банке данных, капитан сам поймет. Впоследствии, возможно, тебя допросят, но все будет очень доброжелательно, можно даже ожидать, что ты получишь награду. — Флэндри улыбнулся. — Без сомнения, ты по желаешь вернуться на работу на Рамну.

— А тебя не будет со мной? — сердито спросила она.

Он кивнул:

— Нам с Чайвзом придется заряжать боеголовки. — Улыбнувшись, он предупреждающе поднял руку: — Никаких возражений, дорогая. Ты не можешь участвовать в дальнейшем — у тебя для этого нет ни достаточной сноровки, ни физических возможностей. Ты уже сделала больше чем достаточно. К тому же ты необходима — повторяю, необходима — на Терре.

— Но почему «Хулиган» не может потом подобрать тебя?

— Это рискованно. Он запрограммирован на свободное падение, пока не будет уничтожена база — если, конечно, она будет уничтожена. А потом, если в космосе останется хоть один корабль, им овладеет жажда мщения. Слишком много непредсказуемого. Компьютер не может дать исчерпывающий прогноз.

Она начала было что-то говорить, но замолчала.

— Мы постараемся попасть в Порт-Лаланд, на Дирисе, — сказал он.

— Ты представляешь себе... — и опять она умолкла.

«Я читаю твои мысли, — пронеслось у него в голове. — Наши импеллеры не смогут перенести нас за двадцать миллионов километров — живыми, я имею в виду. Большой разницы не будет, если мы полетим на управляемом снаряде — особенно учитывая зону радиации, которую придется преодолеть. Если же допустить почти фантастический вариант, что это нам удастся, то, без сомнения, милиция рыщет везде, где только расквартирован персонал Федерации, и подвергнет всех подозреваемых наркогипнозу, под действием которого никакая ложь невозможна. В чем же спасение?»

— Согласен, в этом есть элемент риска, — стараясь говорить как можно беспечнее, добавил он. — Но если даже допустить самое худшее — что ж! Я достаточно пожил — и всегда надеялся закончить свои дни в каком-нибудь дьявольском фейерверке!

Она закусила губу. Капельки крови в проблесках света сверкали, как звездочки. Вскочив, он ринулся к ней. Запнувшись за край стола, отцепил ручной фонарик. Положил руки ей на плечи. Взгляды их встретились. Он улыбнулся:

— Прости, я не понял раньше. У нас ведь не было времени для объяснений. Ты, конечно, не считаешь свою миссию законченной. Нашу миссию. Ты ведь дочь Макса Абрамса. Ты верна себе.

— Похоже, ты меня переоцениваешь, — прошептала она.

— Нет — скорее недооцениваю, — ответил он. — Я все время считал тебя девочкой, думал, как много у тебя переди радостей! Хотелось бы узнавать тебя вновь и вновь, но... — Речь его уже не была беспечной, как обычно. — Бэннер, ты очень... настоящий человек. Такие люди встречаются нечасто. Спасибо тебе за все.

Она могла ответить только поцелуем — в нем был вкус соли и слез.

Открылся люк. Флэндри и Чайвз вышли в открытый космос.

Они не могли сразу оторваться от корабля, шедшего на орбитальной скорости. Корпус казался неподвижным в слепящем сиянии солнца. Где-то вдали мерцали мириады звезд, серебряные в свете Млечного Пути, туманные — там, где зарождались новые солнца или новые миры, таинственно поблескивающие — в скоплении сестринских галактик. Элавли заполняла собой большое пространство — три освещенных сектора, мешанина из горных вершин, гребней, крутых откосов, расселин, пустынных равнин, протяженных топей — и все это лишено воздуха, жизни — камень в небесах... Рамну была сейчас серпиком, тоненьким и голубым.

«Сапфир, — подумал Флэндри. — Да — еще один камень в небесах, который вполне мог бы стать расплавленным шаром

звездного шлака, но сохранился как самоцвет, потому что есть существа, которые заботятся об этом. Какое счастье, что последний мой эксперимент связан с таким замечательным явлением... — Губы сложились в непроизвольную улыбку. — С этим чудесным камнем!»

В наушниках раздался голос Чайвза:

— Выпускаю снаряды, сэр. — И впереди, в пространстве, проплыл шалмуанин, нелепый в своем снаряжении; его широкая зеленоватая физиономия была хорошо видна в окошках шлема.

Из «Хулигана» низвергся посланный с минимальным ускорением снаряд. Цилиндр пятиметровой длины со статически нагруженным приводом медленно пошел вниз. Из смертоносного срезанного носа корабля за ним тянулся кабель, который служил движущей силой для обоих. У хвоста Флэндри закрепил буксирный трос с автоматическим электропереключателем. Между носовой и хвостовой частями установил коробку управления. Все это было ему не в новинку: в прошлом не раз случалось использовать торпеду в качестве вспомогательного средства. Аэросани Бэннер не годились для этой цели: во-первых, они оказались бы перегружены, а во-вторых, вообще не приспособлены к планетарным полетам.

Сам Флэндри тоже не сидел без дела. С помощью грузового приспособления он выдвинул из носителей дюжину ракет с бое-головками. Закругленные головки длиной в метр были соединены стальным проводом. Теперь этот агрегат медленно покачивался, словно многоголовая цепь. Однако смельчак, ухватившийся за нее, попал бы в серьезную переделку. Каждая такая серая камера таила в себе мегатонны эквивалентной взрывчатки. Флэндри прошел вдоль всей цепочки, выдвигая одни и задвигая другие снаряды, пока не получилась желаемая форма. Чайвз приготовился управлять снарядами. Теперь вместе с терранином они сбросят эту цепочку...

Задача нелегкая, она могла усугубиться еще многими непредсказуемыми осложнениями. Белье на Флэндри насквозь пропиталось потом. Ныла каждая мышца — лишнее напоминание о том, что он уже немолод. А Чайвз дрожал так, что одежда на нем коробилась.

— Ну и ну, вот так работенка! — тяжело вздохнул Флэндри. — Давай-ка отдохнем немного... Ну а теперь — «по коням», и скажи-ка мне — ты знаешь какие-нибудь древние ковбойские баллады?

— Нет, сэр. К сожалению, я даже не знаю, что такое «ковбойские», — ответил шалмуанин. — Но я помню арии из «Риголетто», которые вы когда-то заставили меня выучить.

— Ну хорошо, хорошо. Пошли.

Широко расставив ноги, он стоял на цилиндре, подкрепленном жесткими ребрами, держа в руках коробку управления. Чайвз

маячил за его спиной. Бросив прощальный взгляд на «Хулигана», Флэндри отметил, каким заброшенным и потерянным выглядит корабль в этом звездном окружении... Захотелось сказать Бэннер последнее «прости». Но нет, она ведь не сможет ответить — нельзя тревожить эфир, и ей станет еще тоскливе. «Удачи тебе», — мысленно пожелал он — и привел механизм в действие.

Ускорение отбросило его назад, но не очень сильно; ему удалось удержаться на ногах. Взгляд в хвостовую часть позволил убедиться, что ракеты идут в стороне, как было задумано. Он вынул из кармана на поясе секстант. Секстант, телескоп и калькулятор — вот все его приборы, да еще, пожалуй, сердце, удары которого заметно участились. Он занялся делом.

Обогнув луну, он взял курс на Порт-Асмундсен. Пришлось всю оставшуюся часть пути ничем другим не заниматься, как следить за курсом. Следовало выбрать очень точную траекторию полета, ибо потом у него будут считанные секунды, пока береговая служба не попытается его сбить. В былые времена ему не раз приходилось при виде базы корректировать по люберсу траекторию в космосе. Это немного походило на то, как ведешь метловище при игре в поло, — только здесь играешь ракетой... Установив прицел, произведя точные расчеты и определив векторы снарядов, он убрал приборы.

— Прошу прощения, сэр, — прокашлялся Чайвз. — Не хотите ли чашечку чая?

— Как?

— У меня здесь термос с превосходным горячим чаем, сэр, очень рекомендую. Фигурально выражаясь, это поможет встряхнуться.

— П... пожалуй, спасибо. — Взяв протянутую флягу, он присоединил идущий от нее шланг к входному отверстию шлема, прижал губы к ниппелю и стал потягивать вкусную крепкую жидкость.

— Это «лапсан сучон», сэр, — объявил Чайвз. — Знаю, вы не очень любите этот сорт, но я боялся, что более тонкий меньше подойдет к данным условиям.

— Полагаю, ты был прав, — сказал Флэндри, — как обычно, впрочем. Но даже если ты не прав, все равно подчиняюсь. — Он помолчал. — Чайвз, старина, — голос его задрожал, — мне чертовски неловко, что втянул тебя в эту заваруху!

— Сэр, мой долг — всегда помогать вам!

— Да, но... ты мог бы вернуться на корабль, когда мы все отрегулировали. Я думал об этом. Но все эти неожиданности — ты можешь очень помочь в данной ситуации.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, сэр.

— Хорошо; и потом, ради всех святых, не позволяй мне ругаться! А как насчет дуэта, — чтобы скоротать время? Например, «Лори из Центавра» — прелестная бессмертная баллада!

— Боюсь, я не знаю ее, сэр.

Флэндри засмеялся:

— Лгунышка! Ты ее слышал сотни раз на моих пьяных вечеринках, а память у тебя — как груз нейтронной бомбы. Просто тебе претят людские непристойности!

— Как прикажете, сэр, — сказал Чайвз. — Если вы настаиваете...
Проходили часы.

Большую часть времени Флэндри отдал воспоминаниям. Он сказал Бэннер правду — в общем, он доволен тем, как прошла жизнь. Приходилось, конечно, падать духом, но всякий раз удавалось вновь обрести силу и способность жить дальше. Самым болезненным, пожалуй, была постепенная утрата веры; совершенное зло, ничем не оправданные разрушения, незаслуженно причиненная боль повергли его в смятение, и во имя чего? Цивилизации? Отпавший от Бога и живущий земными законами, лишенными, как он теперь понимал, смысла. Корпус разведки был, пожалуй, хотя и менее коррумпированной, но такой же бездушной машиной. Карьера? Да, она придавала жизни остроту, но золото ее было оплачено той же ценой, какую пришлось заплатить Нibelungам!

И все же были и сожаления. Все эти бесшабашные приключения, его кажущаяся безмятежность, все эти тайны, красота, роскошь, спорт, лавры, почет и восхищение — бесконечные отражения одного и того же сюжета в разных мирах, на разных планетах, в бескрайнем космосе... А дорогие вина, женщины, враги, достойные того, чтобы сразиться с ними и победить, общение с умными, интересными людьми — да, все это было. Но не было домашнего очага, не было семьи. Казалось, он испытал все наслаждения, какие только могут выпасть на долю человека, и к тому же больше спасал, чем разрушал. Помог сохранить мир миллиардам существ; в будущем, возможно, возникнет новая, более совершенная цивилизация, — и он был в числе тех, кто творил это неведомое будущее...

«Все дело в том, — подумал он, — что я слишком много, чудовищно много знаю. А иначе и не могло быть!»

Из-за лимба Элавли выплыл Порт-Асмундсен. Он был так далеко, что в телескоп виднелось только какое-то сверкающее пятно, но Флэндри разглядел его и проверил свои расчеты. Окончательно отрегулировал приборы.

— Ну, держись, Чайвз, — предупредил он. — Сейчас будет грандиозный взрыв.

Он не стал сообщать ракетам полное ускорение, на какое они были рассчитаны. Иначе они с Чайвзом, вылетев из своей сбруи, были бы выброшены в космос. А так — колossalная сила на несколько минут отбросила их назад, раздавив, казалось, все тело и оставив лишь слабую способность дышать. И когда это кончи

лось, то, несмотря на заранее принятый граванол, Флэндри некоторое время не ощущал ничего, кроме боли.

Вновь обретя способность мыслить, он увидел безжизненную, как ему показалось, фигуру шалманина. Зеленая голова в шлеме беспомощно повисла. Только капельки крови, вздрагивающие у ноздрей, и доносящееся из респиратора слабое сопение свидетельствовали о том, что его слуга еще дышит.

Трясущимися руками, очень неловко, Флэндри вновь занялся приборами, проделав новые вычисления. Благодарение судьбе, изменять траекторию, похоже, не требовалось. Если он ошибается, об этом очень скоро станет известно: поднимется новая волна и окончательно сметет его. Но он надеялся, что этого не случится.

Только надежда и оставалась. Скорость у снаряда огромная, притяжение Элавли будет добавлять к ней еще несколько километров в секунду каждую секунду; на это и расчет — может быть, удастся остаться незамеченными. В то же время появиться над Элавли слишком скоро — тоже чревато, потому что безусловно потребуется подрегулировка, а его реакции были все-таки реакциями человека.

— Чайвз, — пробормотал он. — Проснись, Чайвз. Ну пожалуйста, очнись!

Однако принесет ли это какую-нибудь пользу?

Смертоносный заряд несся вперед. В телескоп уже можно было рассмотреть очертания города. Флэндри знал это место по картинкам, которые видел на станции Уэйнрайт, но то были довольно старые изображения. А здесь... Скопление зданий на плоской равнине, окруженной горами. Все главное, как водится, находится под землей. В окружающем пространстве — множество кораблей, на некоторых крышах можно заметить некие установки — в их назначении Флэндри не сомневался.

Да, бесспорно, это была база, а на ней — генератор антигравитационного поля. Если заметят его снаряды, сразу возникнет защитная зона, которую они не смогут преодолеть, — разве только действие радиации окажется незначительным.

Если снаряды не сдетонируют, их сбьют противоракетные установки, находящиеся под надежным прикрытием. Флэндри мысленно молил судьбу, чтобы их не заметили — по крайней мере не сразу. Возможно, их примут за какое-то неведомое несущееся в космосе тело. Радар, конечно, может зарегистрировать пятно на экране, а оптические приборы — огонек, но компьютеры не смогут идентифицировать летящее тело. Флэндри очень хотелось верить, что противоракетные установки управляются в основном компьютерами. Здесь также не должно быть много людей Кернкросса, особенно опытных офицеров. До поры до времени он не

станет поднимать огромную армию резервистов, чтобы не выдать своих намерений. В Порт-Асмундсене живут главным образом рабочие (а в отношении их у Флэндри не было утрызений совести — они знали, на что идут!). Из летчиков же, если они здесь есть, лишь немногие знали, что такое война!

Вообще же и заслуженный ветеран едва ли способен вообразить нападение, подобное этому. С небес низвергались ракеты — при том, что, как считалось, их вообще не могло быть, кроме тех, что служили замыслам герцога. Рейд на Дюкстон, безусловно, посыпал некоторую тревогу. Но естественно было предположить, что после такого налета «Хулиган» отправится на отдых, домой. Кернкросс наверняка снарядил мощную охоту за ним, мобилизовав все возможные средства, а это означало, что вокруг Элавли не должно быть подобных кораблей.

Скоро, очень скоро выяснится, правильно ли я рассуждаю.

Кто-то дотронулся до его скафандра. В наушниках раздался слабый голос:

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Отлично, — солгал он и почувствовал, что на сердце стало легче. — А ты как?

— Небольшая слабость, сэр... О Боже! Боюсь, термос с чаем унесло ускорение!

Флэндри дотронулся до его бедра.

— Что ж, — сказал он, — придется заменить глотком коньяка. Как, старина?

Нельзя сейчас позволить себе никакой интоксикации — и все же необходимо расслабиться. Восстановить ясность мыслей перед заключительным аккордом.

А потом Флэндри настроился на то, чтобы медленно, слово за словом, шаг за шагом, попытаться припомнить все, что было связано с девушкой, оставленной на далекой планете...

Он выбрал направление удара, ориентируясь по солнцу, лучи которого прорезали тьму, осветив острые, как лезвия, горные пики, скалы, мертвенно-бледные равнины, приземистые домики и вытянутые очертания кораблей. Все они сейчас под ним, в круговороте движения.

«Э-эх!» — взревел он и вышел на максимальную скорость. Приоткрылись защитные приспособления, обнажив боеголовки, сопряженные в пары. Управляемый снаряд взметнулся вверх, этот скакун отозвался в его костях, — казалось, что металл сопротивляется собственной скорости.

— Не гляди вниз! — приказал он. А сам посмотрел на приборы: отклонение от выбранной траектории. Изо всех сил Флэндри старался выровнять корабль. Один Бог знает, удастся ли не врезаться в горы!

Ну и полет! Вот уж подлинно — Дикий Охотник! Вершина горы была раздвоена. Призвав на помощь всю сноровку, Флэндри попытался отыскать перевал. Мрачными и зловещими глядели утесы. Внезапно они озарились — это начали взрываться ракеты...

Он увидел, как задрожала и треснула гора. Двинулись оползни. Отблеск второго взрыва на мгновение ослепил его. Летели первые раскаленные обломки, взметнулась темная, как ночь, пыль.

Как-то удалось преодолеть и это. Теперь под ним зияла пропасть, но он умудрился миновать ее. Оставив ее позади, он падал на голые холмы внизу, но с каждой минутой падение замедлялось... Может быть, удастся... все еще, может быть... Да, черт возьми, он должен увидеть горизонт! Они с Чайвзом опять полетят к звездам!

Приняв такое решение, он повернул корабль. Сквозь облако мутной пыли — вверх, вверх над содрогающейся горной цепью. Из нее все еще вылетали вспышки пламени. Пыль сконцентрируется и зависнет в безвоздушном пространстве, не смешиваясь с ним. Радиоактивность будет отравлять эти каменные руины еще много, много лет. А расплавленное дно воронок будет втягивать в себя осколки. И эти вмерзшие обломки — зловещее предостережение... грядущим узурпаторам.

Да, и все же здесь размещалась неплохо снаряженная бригада. Причем умудрившаяся выжить после всего произошедшего. Пролетая, Флэндри заметил целые закамуфлированные кварталы — здесь сейчас царила паника. Вдруг откуда-то повысакивали торпеды, заработали артиллерийские орудия, вооруженные летательные аппараты взмыли вверх. А ведь, казалось бы, скромному провинциальному губернатору ни к чему иметь такой мощный арсенал!

Безудержная радость охватила Флэндри. Было бы невыносимо, случись так, что его грандиозный фейерверк оказался направлен против беззащитного населения! Теперь душа его постепенно оттаивала, в ней воцарялся покой. Элавли осталась позади. Инерция в сочетании с высвобожденным ускорением вывели снаряд на орбиту — неопределенную орбиту вокруг Рамну, или Нику, или центра Галактики, но только не у несчастной луны, этой злополучной луны. Да и неважно, где проходит эта орбита.. Он все равно попробует пробраться на Дирис, не столько даже ради себя, сколько ради Чайвза. С таким примитивным снаряжением шансы были невелики, ведь в цистернах все меньше воздуха! К тому же их может засечь любой летательный аппарат, движущийся в сторону Элавли, — выяснить, что там происходит. Неважно, замечены или нет многочисленные разряды, — ядерное пламя от них разнесло это известие со скоростью света!

Флэндри усмехнулся: одну боеголовку он сохранил. Попытайся враг захватить его — последует новый пиротехнический эффект,

если только капитан не догадается открыть огонь немедленно — что, впрочем, тоже неплохой выход!

Выключив двигатель, он позволил своей измученной плоти насладиться благословенной невесомостью. Наступил блаженный покой. Позади осталось солнце, а вокруг были его старые друзья, звезды.

— Сэр, — сказал Чайвз. — Позвольте вас поздравить.

— Спасибо, — ответил Флэндри. — Позволь предложить тебе коньяку. — Ничто не мешало им теперь опустошить флягу. На-против, для этого были все основания.

— Вы не голодны, сэр? Рацион, конечно, несколько отличается от привычного.

— Пока еще нет, Чайвз. Поешь сам, если хочешь. А я еще вполне сыт.

Однако вскоре шалмурин вернул его к действительности.

— Простите, сэр. Не начать ли корректировку курса?

Флэндри пожал плечами: действительно, почему бы не начать?

Взяв курс на Рамну, он включил половинное ускорение, которое его спутник сможет выдержать без особого напряжения. Они улетят далеко, и будут лететь, пока... пока не будет исчерпан резерв скорости. Затем, приблизившись к планете, остановятся. Он постарается связаться с внутренней луной и переговорить с кем-нибудь там. Перспективы выглядели крайне туманными — за исключением разве того, что они непременно привлекут к себе внимание какого-нибудь военного корабля; но смерть в бою лучше, чем смерть от удушья.

А через несколько минут Чайвз объявил:

— Сэр, мне кажется, я вижу космический корабль примерно в шести часах лета плюс-минус тридцать секунд. Похоже, он движется нам навстречу.

Флэндри достал телескоп.

— Да, — сказал он и мысленно добавил: «Если он вооружен, будем драться. А если это торговый корабль — у меня есть бластер. Возможно, удастся подняться на борт, заставить повиноваться... Корпус корабля все более различим. Нет, это не фрахтер — не те очертания».

Он выругался вслух.

— Сэр, — сказал явно смущенный Чайвз. — По-моему, это наш «Хулиган»!

Флэндри пробормотал что-то нечленораздельное.

Похожий на стрелу корабль быстро приближался.

Флэндри выключил ускорение: встречный корабль мягко выровнял траекторию. Еще несколько сотен метров — и корабль распахнул боковую дверцу. Они с Чайвзом освободились от своей упряжки и подлетели к «Хулигану».

Никто не встретил их внутри. Флэндри слышал размеженный шум включенного на полную мощность двигателя, почти физически ощущал его биение. «Хулиган» летел домой. Сбросив скайдандр, Флэндри ринулся в разреженное пространство. Чайвз следовал на почтительном расстоянии.

Из кабины пилота вышла Бэннер. Остановилась посередине корабля. Он тоже остановился. Несколько ударов сердца длилось молчание. Наконец он простонал:

— Как? И почему, почему? Это ведь могло свести на нет всю операцию...

— Нет, не могло. — Вновь сама гордость глянула на него. — Никто не собирается вас преследовать. Я проверила. А главное, прежде чем вернуться, я отправила подробный письменный отчет в вымпеле для донесений. Ты считаешь, что дочь Макса Абрамса не знает, как поступают в таких случаях?

— Но... Послушай, ведь шансы на спасение у нас были ничтожны. Надо быть сумасшедшей, чтобы...

Она улыбнулась:

— Я выше оценила твои шансы, Доминик. Я уже достаточно хорошо знаю тебя. А теперь вы оба ляжете в постель и будете освобождаться от воздействия радиации.

Но тут силы покинули ее. Прислонившись к переборке, она спрятала лицо в ладонях, тело ее содрогалось от рыданий.

— Прости меня, я не должна была так поступить. Знаю, ты презираешь меня. Я... я нарушила приказ — а еще дочь флотского! Но я никогда не умела выполнять приказы...

Он привлек ее к себе.

— Ладно, — сказал он и для большей убедительности добавил: — Я и сам никогда не умел!

Глава 14

Осень в Верхней Сьерре наступает рано. Когда, покончив с делом Кернкросса и со всем, что за этим последовало, Флэндри прилетел сюда, на северо-запад Америки, дни стояли уже холодные, а ночи — морозные. Он приобрел хижину и несколько гектаров земли. Бэннер осталась на Терре; вначале ее с пристрастием допрашивали в Службе разведки, затем в гражданских службах Гермесского герцогства, пока наконец не подтвердилось, что она вне подозрений.

Наконец он решился позвонить и пригласить ее провести у него отпуск. Она согласилась.

Утром, выйдя из хижины, они отправились на экскурсию. Чайвз пошел в другую сторону, обещав к обеду форель. Воздух был кристально чист. Пар от дыхания смешивался с холодным воздухом,

пахнущим хвоей. Темные сосны перемежались золотистыми осинами, листья их дрожали и шелестели. Жидкий лесок справа кончился. Между стволами и сучьями показался каньон. На другой его стороне, примерно в километре, высилась скала, вершина которой уже была покрыта снегом. На небе — ни облачка, солнце неправдоподобно яркое. Пролетел ястреб, крылья его светились на солнце.

Глядя прямо перед собой, Бэннер сказала:

— Мы вчера не поговорили о политике и вообще ни о чем!

— У нас ведь было чем заняться, правда?

Но к ней вернулась обычная серьезность:

— Так какова же ситуация? Никаких интересных новостей до меня не доходило!

— Интересных новостей, похоже, и нет. Император ведь не станет публиковать сообщение о том, что мы с тобой проделали. Да это и чревато — создает опасный прецедент. Конечно, нельзя совершенно утаить тот факт, что замышлялся переворот, — но его можно как бы не заметить, сделать вид, что он не заслуживает серьезного внимания, и вытеснить его из сферы повышенного интереса другими, более захватывающими сообщениями.

Она сжала его руку:

— А тебе известны такие сообщения?

Он кивнул:

— Я, конечно, не должен говорить об этом, но ты умеешь держать язык за зубами; ни с кем другим я делиться бы не стал. А главное — ты заслужила право знать все, что тебя может интересовать.

— Что же все-таки произошло?

— Не углубляясь в детали, можно сказать, что заговор разлетелся вдребезги. Одни сдались добровольно, перейдя на сторону Империи, и ограничились легким наказанием, а то и просто легкой трепкой. Другие улетели — то ли растворились где-то на Гермесе, то ли образовали новые поселения в разных частях Империи, то ли вовсе покинули ее.

— А Кернкросс?

— Вот это неизвестно. — Флэндри пожал плечами. — Прости, что не могу точно ответить на твой вопрос. Но в жизни ведь столько белых пятен! Известно только, что его спидстер охотился за нами, когда мы вышибли из-под него базу на луне. Предполагают, что он успел спрыгнуть. Так или иначе, наведя справки, я понял, что люди на борту его корабля не пожелали иметь командиром человека вне закона, неудачника, планы которого провалились. Возможно, они взбунтовались, покинули его и рассеялись кто куда...

В общем, это неважно. В худшем случае верх одержат какие-нибудь мерсейцы или варвары, захватив этого энергичного офи-

цера, и он до конца своих дней будет страдать от одиночества и отчаяния. А вот что действительно важно — пришел конец ему и его козням. И нам удалось предотвратить войну.

Повернув голову, она взглянула на него:

— Это твоя заслуга, Доминик.

В ответ он поцеловал ее.

— В не меньшей степени и твоя. Ты унаследовала талант своего отца, дорогая. — Они пошли дальше, держась за руки.

— А как насчет Гермеса и остальных планет? — спросила она.

Флэндри вздохнул:

— Вот здесь дела обстоят хуже. У Гермеса были все основания для недовольства, и они до сих пор в силе. Я советовал императору проявлять терпимость к людям; никаких партийных чисток, массовых конфискаций или чего-нибудь в этом роде. Император и Корпус разведки согласились со мной, что на Гермесе должны быть исключены силовые методы воздействия. Авторитет Гермеса среди других планет пошел на убыль. Теперь он вынужден расплачиваться за свои так называемые реформы. Однако возлагать вину на Герхарта не стоит. Кроме того, как я уже говорил тебе, там созданы вполне приемлемые условия жизни для рядовых людей. А ведь именно они — опора государства. Только с их помощью Гермес обретет бойкий вес в Империи... и в любом последующем устройстве.

В ее взгляде промелькнуло удивление:

— Император поддерживает тебя?

— Да, пожалуй. Мы по-прежнему не питаем особой симпатии друг к другу, но он понимает, что я могу оказаться полезен. И я действительно готов дать ему дальний совет. Что же касается его сына и наследника, тот вообще малый что надо. Похоже, я кончу свои дни признанной знаменитостью. — Он помолчал. — Хотя, наверное, в очень узких кругах.

— Ты потом расскажешь все подробнее, — сказала она. Голос ее задрожал: — А что насчет Рамну?

— Как, разве ты не знаешь? Одобрен проект улучшения климата!

— Знаю. — И почти неслышно добавила: — Это будет лучшим памятником Йеввл.

— Работы не начнут, пока не наладят соответствующую организацию. На это уйдет года два, я думаю. А еще лет десять продлятся сами работы. И еще тридцать или сорок лет, пока не очистится ото льда вся территория. Но на это время рамнуанам будет предоставлена помощь — обещаю тебе.

— Спасибо, — выдохнула она. Большие зеленые глаза загорелись.

— Скоро будет наложен запрет на путешествия. А тебе очень хочется вернуться?

— Я могу оказаться там полезной!

Флэндри пощипал усы.

— Ты не ответила на мой вопрос. Тебе ведь не обязательно оставаться на Терре. Могла бы поехать к семье, на Дейан!

— Да, могла бы.

— Но не поехала. Почему?

Она остановилась, он тоже. Так они стояли под аркой, образованной кронами деревьев. Желтый лист упал ей на волосы. Он взял обе ее руки в свои. Руки были холодные. С решительностью, которая, должно быть, далась ей нелегко, Бэннер заговорила:

— Мне нужно было подумать. Многое понять. Все изменилось, все пошатнулось; возможно, кое-что удастся восстановить, но прежнего не вернуть. Половина меня умерла вместе с Йеввл. Мне нужна перемена, и я поняла... — Она говорила медленно, с трудом подбирая слова, потому что правда открылась ей ценой мучительных раздумий. — Я не хочу начинать все заново с другими рампунанами. Наше сестринство — мое и Йеввл — было чудом. Мысль о нем всегда будет согревать мне душу. Но оно возникло, когда мы обе были молоды, а это — не восстановимо.

Шелестел лес. Из каньона несло ветерком.

— Я осталась на Терре потому, Доминик, что надеялась снова встретить тебя.

— А я все время мечтал услышать от тебя эти слова, — ответил он.

Поцелуй длился долго. Потом Флэндри сказал:

— Мы должны быть всегда честны друг с другом. Мы не влюбленная юношеская пара. Мы люди уже немолодые и не очень веселые. Но главное — мы друзья. И вместе составляем отличную команду! Будет жаль, если она распадется. Хочешь сохранить ее?

— Пожалуй. Во всяком случае хочу попытаться. Спасибо, дорогой мой друг.

И они вместе вошли в осень...

**ИГРА
ИМПЕРИИ**

Глава 1

Она сидела на башне Санта-Барбары, барабаня пятками по парапету. Над ней было чистое, глубокой голубизны небо; маленькое, но яростное солнце — Патриций — стояло в зените. Бледнели над головой две луны. К горизонту небо выцветало, скрываясь на востоке за белым облачным морем. Ветер был прохладен. До того как ее народ пришел на Имхотеп и изменил климат, было бы гораздо холоднее: вершина Маунт-Хорн возвышалась над уровнем моря на все двенадцать километров.

На западе Диане горизонт виден не был — центр города сильно вырос вверх за последние десятилетия. Там, над городком института, состоявшим почти сплошь из новых домов, возвышалась Пирамида, в которой располагались имперские учреждения, а от нее расходились ряды фабрик, магазинов, отелей, жилых домов.

Диане больше нравился старый квартал, где она сейчас и находилась. Он тоже изменился, но больше по численности жителей, чем по размерам или архитектурному стилю. Кипящий, многоязычный, многорасовый, половина — приезжие, заброшенные сюда космическими приливами.

«Кто владеет Санта-Барбара, владеет планетой».

Поговорка устарела уже на несколько столетий, но определенное уважение к месту сохранялось. Хотя старой исследовательской базе больше не угрожали топочущие стада ледовых быков, хотя Смута, выбросившая на планету десятки враждующих мародерствующих отрядов, окончилась, когда до планеты дотянулась рука Терранской Империи, хотя старые оборонительные сооружения стали бесполезны против тех переворотов, что сотрясали планету прошлое столетие, и давно были снесены — но все же один реликт сохранился в Лагере Ольги — там, где теперь расположилась базарная площадь. Пушки давно отправили на переплавку, в казематах гудело эхо, выонок карабкался по желтому крошащемуся камню стен, но Санта-Барбара все еще стояла; со стороны девчонки-сорванца было довольно дерзко вот так залезть и усесться наверху.

Но Диана часто так делала. Соседи уже привыкли и не обращали внимания — в конце концов, она была им другом, а для чужих это ничего не значило; только мужчины-люди иногда махали рукой и кричали приветствия симпатичной девчонке. Диана улыбалась и махала в ответ, однако научилась отклонять приглашения.

Она забиралась не просто полюбоваться на постоянно меняющийся вид. Иногда выпадал шанс заработать кредит-другой, когда приезжему требовался гид — показать местные виды и развлечь. С не-людьми это было безопасно. А иногда знакомый — тогда это мог быть и мужчина — мог попросить ее сбегать по делу или раскопать нужную информацию. Если у него не было денег с ней расплатиться, можно было накормить ее обедом или сделать подарок или еще что. Сейчас у нее своего дома не было, если не считать разрушенного храма, где она прятала свои небогатые пожитки и, если не подворачивалось ничего лучшего, расстилала на ночь спальный мешок.

Жизнь выхлестывала из узких улиц и закипала прибоем между ограничивающими площадь стенами. Самые первые дома строились из кирпича и никогда в условиях гравитации Имхотепа не поднимались выше трех-четырех этажей. Выцветшие, невыразительной архитектуры, они все же были очень заметны, поскольку двери их были распахнуты и вели в лавки, а вокруг них повсюду сгрудились лотки, киоски, будочки. Товары были так же разнообразны, как и продавцы — все что угодно, от плодов из лесной глуши и зерна до железного товара из кузниц, от которого наполнялся грохочущим звоном воздух, от вельвиловых тканей и микро-компьютеров из внутренней Империи до драгоценностей, кож и резьбы из сотни разных миров. Рядом с дешевой терранской видеопеской на соседнем экране показывали редчайший танец, записанный за морями Ян и Инь, где жили ваз-шираво. Тут же предлагал свой товар торговец оружием: самодельные химические винтовки, станнеры военного образца и — из-под полы — парочку бластеров, несомненно, найденных на разбитом космолете после отраженного мерсейского вторжения. Доносились из харчевен горячие заманчивые запахи. Летела музыка, хохот и звуки танца из окон нескольких таверн. Моторные экипажи попадались редко и небольшие, но рикши так и кишили. То тут, то там пробивался через толпу фургон, влекомый домашним копытным.

Народ в основном состоял из людей, но вряд ли многие из них видали мать-Терру. В их облике сказывалось влияние родных планет. Жители Имхотепа поневоле были мускулистыми и никогда — толстыми. Те, кто жили здесь уже поколения, с тех пор как Лагерь Ольги был научной базой, образовали новый тип — темно-

кожий, с орлиными чертами лица. У мужчин обычной одеждой были свободные брюки и рубашки, они были коротко стрижены и носили бороды. Женщины предпочитали юбки, блузки и косы. В этих краях одежду шили из простых тканей, но красочных до вульгарности. Военнослужащие в увольнении — несколько из местного гарнизона, большинство с Дедала — своей формой создавали резкий контраст, как бы ни веселились сами. У этих хватало сил нормально ходить в условиях гравитации выше терранской, а вот люди из экипажей торгового флота зачастую шагали неуверенно и очень боялись упасть.

Мимо башни прошли космофлотчик с космическим пехотинцем. Увлеченные разговором, они не заметили Диану, что было необычно. До нее донесся обрывок едкой фразы:

— Ага, они мне ее отрастили, — космолетчик помахал рукой. Он был в безрукавке, а рука была тонкая и бледная. Регенерированная ткань для восстановления нуждается в долгой тренировке. — Только сказали, что восстановление ДНК после радиационного поражения по смете не предусмотрено. Всю жизнь надо будет сидеть на биоподдержке, а детей заводить и не думай.

— Гады мерсейские! — буркнул космопех. — Я почти жалею, что они не прорвались и тут не высадились. Мы бы с ребятами их так встретили — мало бы не показалось.

— Скажи спасибо, что этого не было, — ответил его спутник. — Ты что, в самом деле хочешь, чтобы по нашей планете прошлись ядерные заряды? Со всеми своими ранами я каждый день, что мне остался, буду благодарить адмирала Магнуссона. Это ведь он их погнал, с той горсточкой кораблей, что Терра нам позволила использовать. — И горько добавил: — Уж он-то не стал бы скаредничать на лечение человека, что воевал под его началом.

Они скрылись в бурлящей толпе. Диана поежилась и стала высматривать что-нибудь повеселее, чем напоминание о прошлых событиях.

Негуманоидов было много. Большинство — тигране из долин, приехавшие по делам. Они двигались, ярко поблескивая оранжево-черно-белыми шкурами, почти не скрытыми скучной одеждой. Обычно они носили воздушные шлемы с пристегнутыми за спиной компрессорами, но у некоторых были оксигиллы на плечах прямо за головой, как элегантные брыжи. Со знакомыми Диана перебрасывалась приветствиями. Еще она заметила кентавроподобного донаррианина, сияющую внешнюю оболочку трех ирумклайцев, пару хвостатых зеленокожих шалмуанцев и...

— Что за черт!

Диана вскочила на ноги — они были босые, и ими было приятно стоять на теплом камне — и застыла в шатком равновесии, всматриваясь во все глаза.

Из-за угла дома Крылатого Дыма выходил великан. Он шел со стороны Пирамиды, но в том же направлении лежал космопорт, значит, он сегодня прибыл, а то слухи о нем уже распространились бы по окраинам. И потом, он должен был пройти все эти километры пешком, потому что никакой общественный транспорт Имхотепа ему бы не подошел, а вел он себя не как официальное лицо. Хотя при виде его разразился разноязыкий гвалт и толпа раздалась в стороны, он шел очень неуверенно, будто извиняясь. Да, устал, бедняга. Сила у него, должно быть, неимоверная, но идти при повышенной гравитации пришлось долго.

«Ага», — сказала себе Диана. И громко заявила на английке и тоборко, предупреждая возможных конкурентов:

— Это я первая его увидела!

Она не стала терять время на спуск по лестнице, а отчаянно заскользила вниз по лианам. Башня была не очень высокой, но на Имхотепе падение с такой высоты могло быть смертельным. Она спрыгнула на мостовую и побежала.

— Эй, малышка! — крикнул Хасан из дверей своей гостиницы. — Если он пить захочет, зарули его в «Золотого светлячка»! За каждый литр децикредит получишь!

Она рассмеялась и врезалась в плотную массу тел, пробиваясь сквозь толпу. Какой-то пьяный схватил ее за руку, неправильно истолковав ее непосредственность. Она на ходу отбила руку ударом каратэ, пьяный завопил, но тут же подался назад, увидев, как вспыхнула и бросила руку на рукоять ножа оказавшаяся рядом тигранка. Кузан была подругой Дианы по детским играм, и они оставались друзьями до сих пор.

Незнакомец заметил около себя девушку, остановился и посмотрел на нее в легком удивлении. Он был с планеты, которую люди называли Водан. Она давно уже входила в сферу влияния Империи, была знакома с Технической цивилизацией, считалась частью Большой Терры, и ее обитатели, конечно же, имели все права граждан Империи. Но на Имхотепе никто из них до сих пор не появлялся, и Диана была знакома с ними лишь по книгам и компьютерным базам данных.

Этот кентавроид на раздвоенных копытах был длиной четыре с половиной метра, если считать мощный хвост. Длинномордая голова с костиистыми ушами возвышалась где-то метрах в двух от земли. Мощные надбровные дуги, пугающая пасть с клыками, зато большие, добрые светло-карие глаза. Две массивные четырехпалые руки были, казалось, способны разорвать пополам стальную плиту. Верхний торс был полностью покрыт броней темно-зеленой чешуи, переходящей в янтарь на горле и животе. От самой макушки до кончика хвоста вдоль хребта тянулся гребень роговых

пластин. Пара перекинутых через холку выюков и пара таких же выюков, но побольше, на крупе явно содержали весь его багаж. Подойдя ближе, Диана заметила несомненные признаки долгой прожитой жизни — шрамы, выцветшие пятна, морщинки вокруг ноздрей и кожистых губ и пару свисающих с шеи на цепочке очков. Старческая дальтоноркость, решила она и тут заметила небольшую хромоту. Значит, лечение ему не по карману?

Она все собиралась начать откладывать деньги на превентивное лечение против старости. Если ей придется умереть раньше ста лет, пусть эта смерть будет насильственной.

Остановившись перед чужаком, она просияла, широко развела руки и произнесла:

— Добрый день и добро пожаловать! Никогда еще наш мир не был осчастливлен визитом представителя вашей достойнейшей расы. Но даже я, на нашей отдаленной и заброшенной границе, слыхала о славе воданитов от дней Адзеля Путепроходца и до нашего времени. Чем могу я служить вам, добрый сэр?

Выражение лица незнакомца Диана прочитать не могла, но в позе его сквозило удивление.

— Как бы это... — пробормотал он. — Как красноречиво говоришь ты, дитя! Таков местный обычай? Просвети меня, будь добра. Я не желал бы быть невежливым из-за незнания, — он помедлил. — Мои намерения, как я надеюсь, всегда направлены к лучшему.

Англик в его исполнении звучал рокочущим громом, в речи слышался причудливый акцент, но она была беглой и разборчивой. Диана привыкла разговаривать с негуманоидами, особенно с тигранами, у которых тоже был свой акцент.

Она гордо выпрямилась:

— Сэр, я не дитя! Мне девять — то есть семнадцать терранских лет, и последние три из них я живу сама по себе — и в горах, и на равнинах! — Спохватившись, Диана сбавила тон. — И потому я хорошо разбираюсь в здешних делах и буду рада быть вашим гидом, советником, помощником. Могу представить рекомендации от нескольких представителей различных рас.

— Храа... Боюсь, я не в состоянии предложить, м-м, хорошую компенсацию. Я путешествую — э-э — на подножном корму, так у вас говорится? Случайная работа, меновая торговля — к которой я не чувствую склонности — все, что позволяет этика. И так с планеты на планету, гораздо дольше, чем ты существуешь во Вселенной, ди... юная леди.

— Можем договориться потом, — пожала плечами Диана. — Вам повезло. Я не профессиональный погонщик туристов, который сдирает с клиента стоимость недельной аренды императорского дворца, чтобы затащить его во все места, где цены вздуты до

звезд, да еще ожидающий в конце жирных чаевых. — Она склонила голову набок. — Вы могли бы пойти в центр приемов возле Пирамиды. Там офис для ксенософонтов. Отчего вы туда не обратились?

— Грух, я — честно говоря, я сбился с дороги. Улицы так петляют... Если бы ты могла отвести меня к должным функционерам...

Диана потянулась вверх и взяла его за кожистый локоть:

— Погоди! Послушай, ты устал, у тебя деньги не рвут карманы, а я могу для тебя сделать больше этого агентства. Пойдем-ка туда, где ты сможешь отдохнуть, а там мы поговорим. Если окажется, что я только и могу, что отвести тебя в город, пусть так и будет. — Она остановилась и потом медленно добавила: — Но ты здесь за чем-то необычным, это сразу видно, а я хорошо знаю почти все, что необычно на Имхотепе.

Он хмыкнул, гулко, как пустая бочка:

— Ты очень живая душа, правда? Что ж, хорошо. — Он стал серьезным. — Может быть, даже мой святой покровитель откликнулся на мои молитвы и специально привел меня сюда, заставив сбиться с дороги. Меня, э-э, зовут Франциск Ксаверий Аксор.

— Да? — она была удивлена. — Ты христианин?

— Иерусалимский католик. Я выбрал при крещении имя, чей первый носитель был странником по дальним краям, каким и я надеялся стать.

«И я тоже», — у Дианы подпрыгнуло сердце. Она всегда так искала встреч с гостями со звезд, потому что они были странниками Галактики... О боги тигранские, пусть и она когда-нибудь сможет отправиться путешествовать! И за все время жизни в Старом Городе, где один другому — волк, она никогда не принуждала негуманоида к договору выше его средств, не вымогала денег и не обманывала.

И куда больше чем любые деньги ей нужно было расположение Аксора. Независимо ни от чего он был очень мил. И может быть, только может быть, он откроет ей путь...

Но бизнес есть бизнес, а выпивка у Хасана не хуже, чем у других.

— Пойдем! — она протянула руку. — Меня зовут Диана Кроуферз.

Он протянул свою, широкую, твердую, сухую и теплую. Водянины — не млекопитающие, но они и не пресмыкающиеся. Они теплокровные, двуполые и живородящие. Однако Диана знала, что размножение у них сезонное. Поэтому им легче давалась деятельность, требующая целомудрия, чем ее виду. Ей пока что удавалось обходить эти запреты — поскольку ограничения все больше и

больше становились запретами — но чем дальше, тем становилось труднее.

— Для меня честью является знакомство с тобой, — сказал Аксор. — *Xraa*, а не является ли это необычным — то, что столь молодая женщина столь самостоятельна? Может быть, это принято на Терре или ее старых колониях, но там... Только я не хотел бы быть излишне любопытен, ни в каком случае, видит Бог.

— Мой случай особый, — ответила Диана.

Он осторожно оглядел ее. Ее родители не были рождены на Имхотепе и оба были высокими; она была на них похожа. От гравитации она окрепла, сохранив грациозность, мышцы покрывали округлости изящных бедер и длинных ног. Маленькая твердая грудь не обвисала под собственной тяжестью. Круглая голова, широкое лицо, сужающееся к подбородку, высокие скулы, прямой нос с чуть раздувающимися ноздрями и полные губы. Под дугами бровей большие карие глаза с золотыми искорками. Тонкая блузка и нескратимые далее шорты открывали солнцу почти всю бронзово-коричневую кожу. На поясе справа у нее висел кошелек для всякой мелочи, слева — зловещий тигранский нож.

— Ладно, — рассмеялась девушка, — пойдем наконец, — голос ее был чуть сплюснутым. — Ты пить хочешь? Я — да.

Толпа перед ними медленно подалась, больше интересуясь теперь собственными делами, чем чужеземцем, на которого уже кто-то предъявил права.

«Золотой светлячок» оказался внутри обширной и затененной комнатой. С подиумины мужчин — судя по их грубому виду, шахтеры с гор — пили за столом с парой веселых девиц и с интересом наблюдающей тигранкой. Она пила через трубку, вставленную в жевательный люк воздушного шлема. Звук его насосов почти не был слышен за шумом голосов. Оксигилл, конечно, был бы куда лучше, но немногие могли себе это позволить, да и не все хотели подвергаться необходимой для этого операции, пусть и простой. Эту тигранку Диана не знала, но по ее одежде было видно, что она принадлежала к другому сообществу — не тому, что обитало вокруг Тоборкозана. Компания окинула Аксора долгим взглядом и вернулась к своей выпивке, болтовне и костям.

Воданит заказал соответствующее количество пива. По биохимии он был совместим с человеком, если не считать микродобавок, которые можно было принимать отдельно. Диана про себя порадовалась: ее комиссионные будут куда выше, чем если бы кентавроид пил более крепкий напиток. Себе она заказала стейн и наслаждалась его мятым холодком.

— А-ах! — выдохнул Аксор с искренним удовольствием. — Отлично утоляет жажду. Да благослови тебя Господь. Теперь, если ты еще сможешь помочь в моем искаении...

— А в чем оно?

— Это долгий рассказ, милая леди.

Диана откинулась в кресле, ее спутнику пришлось лечь на пол. Она давно уже на горьком опыте научилась не давать волю своему любопытству.

— У нас впереди целый день, или еще больше, если захочешь.

А в голове у нее гудело: «Искание! Что же он ищет, бродя от звезды к звезде?»

— Может быть, сначала я должен рассказать о себе, как бы ни был незначителен я сам, — начал Аксор. — Хотя это и не очень интересно.

— Мне интересно, — заверила его Диана.

— Ну что ж, — дракон внимательно смотрел в огромный бак-кружку, — используя английские названия, я родился на планете Водан, хотя мой хайзак — племя? община? прайд? — мой народ до сих пор относительно примитивен. Мы кочуем по Утренней Земле, отделенной морем Правды от Сверкающего царства, а на западе ее живут терране и развивается принесенная ими цивилизация. Страна моя почти вся степная, но на холмах Аскетов выветривание обнажило развалины, оставшиеся от Древних. Мы давно о них знали, и не раз я еще юношей с благоговением их созерцал. Поколением раньше весть о них достигла города. Я смотрел, как работают археологи, слушал их речи и был заворожен. Во мне расцвело жгучее желание узнать более, да, самому стать таким же искателем. Я заработал на проезд морем в Сверкающее царство в надежде выиграть право на образование. Так часто поступают грамотные воданиты. Мне посчастливилось учиться в университете, который содержит в Порт-Кемпбелле орден галилеян.

— Орден Галилеян? Это не священники иерусалимской церкви? Я никогда их не видела.

Аксор кивнул, совсем как человек:

— Это наиболее научно умонастроенная организация в иерусалимской церкви. Им более всего подходит изучение остатков культуры Древних. Под их водительством я был обращен в Веру. И конечно, был принят в орден. — Голос его ожился. — Отец Джаспер открыл мне великую и святую мысль, что в этих реликтах может быть заключен ответ на загадку Универсального Воплощения.

— Эй, погоди, — Диана подняла ладонь, — кто такие Древние?

— В разных мирах их знают под разными именами. Предшественники, Старшие, Другие — много имен. Таинственная цивили-

зация, что процветала в Галактике — очевидно, куда шире, чем в той части ее спирального рукава, которую мы хоть как-то исследовали, — и исчезнувшая миллионы лет назад, оставив редкие и славные осколки своей работы... — в глубоких тонах голоса послышались нотки уныния. — Ты об этом не слыхала? Ничего такого нет в этой планетной системе? Были ясные признаки, что искать надо здесь.

— Постой, постой, — Диана, нахмурившись, всматривалась в тень. — Образование у меня — чего сама нахваталась, понимаешь ли, но... что-то припоминаю. Развалины стен, что-то там еще. Говорят, их когда-то построили херейониты, хоть я и не знаю, кто они такие. Только я думаю — ага, мне говорил один космолетчик с Энея, что у него на планете есть такие места. Он думал, что шенны — так он их называл — родом с планеты именно такого типа, и колонизацию вели так же.

— Не обязательно. Я склоняюсь к мысли, что просто на таких планетах развалины лучше сохранились. Материал их столь же прочен, сколь красивы, наверное, они были. Но все в нашем космосе смертно. На планетах без воздуха все разрушают метеориты. Там, где атмосфера плотная, то же самое делает выветривание, а геологические процессы делают свою работу всюду. Все же иногда в террестроидных мирах руины сохраняются. Превращаются, так сказать, в окаменелости. Например, их покрывает вулканический пепел или грязь, которые потом окаменевают. Нечто подобное случилось на холмах Аскетов на Водане. А нанесенная потом почва и камни выветрились, открыв эти чудеса. — Аксор заговорил спокойнее: — Но ты не знаешь ни о чем таком в системе Патриция? — закончил он свою речь.

Диана соображала быстро.

— Я этого не говорила. Послушай, Имхотеп — мир суперземного типа. Его поверхность на треть больше, чем у Терры — или Дедала — могу спорить, немногим меньше, чем у Водана. И даже за столетия не была составлена полная карта. Он был всего лишь одиноким научным форпостом в Старкацком секторе заселения. Тигране его начали исследовать — ага, они всякие истории рассказывают, что тут видели, но я не могу на них полагаться — только надо бы как следует поискать и расспрашивать подробно, и можно было бы попасть на морской корабль и сплавать, если нас что-то заинтересует.

К Аксору вернулась надежда.

— Да, и в этой системе есть и другие планеты, и их главные луны, — добавил он. — Я полетел сюда просто потому, что на Имхотеп шел тот торговец, на который я смог попасть. Есть же еще эта планета поближе к светилу — Дедал, да?

— Там тоже может быть. На Дедале я не была с тех пор, как умерла моя мать, а тогда я была мальком.

Диана рассматривала варианты. По нервам пробежала дрожь близкого решения. Нет, она не втянет этого милого старого чудака в заведомо безнадежный поиск. Но и отставать от него за здорово живешь она не собирается — ведь есть надежда, что его поиск сможет привести ее к звездам.

— Раз уж ты на Имхотепе, — сказала она, — можно начать здесь, а я здешние обычай знаю не хуже всякого другого. Для начала можешь ли ты объяснить, что ты ищешь и почему считаешь, что ответ может быть здесь?

Она допила стейн и махнула рукой, приказывая принести еще. Хасан заодно принес и ведро — долить кружку Аксора. А тем временем вновь обретший безмятежность воданит говорил:

— Понимаешь, следы Древних — это больше чем просто загадка археологии. Эти находки, неимоверно древние сами, могут дать нам знание Воплощения.

Ибо видишь ли, юная леди, прошло почти три тысячи стандартных лет с тех пор, как Господь наш Иисус Христос явился на Терру и принес спасение впавшему в грех человеку. Потом воспрянувшее человечество распространилось на световые годы вокруг, и с Технической цивилизацией распространялась вера, завоевывая народы, народы и народы.

Трудно что-нибудь сказать о таких независимых путешественниках, как имириты. Они слишком другие. Может быть, они не испытали грехопадения, и тогда им не нужно Слово. Зато до боли ясно, что каждый дышащий кислородом вид не находится в состоянии благодати, но подвержен греху, заблуждению и смерти.

Но Господь наш был рожден единожды на Терре и повелел тем, кто пошел за ним, нести весть по планете. А как же другие планеты? Должны были ждать миссионеров-людей? Быть может, хоть некоторым из них дана была благодать собственного Воплощения? Большинство церквей не отважилось принять такую догму. От мира к миру так отличаются жизни и души, но то там, то здесь можно найти религию, выглядящую до странности знакомой. Совпадение? Параллельное развитие? Или тайна лежит глубже?

Он замолчал. Диана хмурилась, пытаясь понять. Вопросы такого рода ее мало беспокоили.

— А что за важность? То есть если ты хороший или плохой независимо от этого?

— Знание Бога всегда важно, — ответил Аксор серьезно. — Дело здесь не только в личном спасении, нет. Подумай о том, как важно для учения о Мире знать правду — какова бы она ни была.

Если наука сможет показать, что весть о Христе — не миф, а биография, и если сможет эмпирически показать, что служение Его было вселенским — тогда ты, например, моя дорогая, разве не решишь ты, что единственно разумное — признать Его своим Спасителем?

Диана от неловкости попробовала сменить тему:

— Так ты думаешь, что сможешь что-то найти в работах Древних?

— Я лелею надежду, как и те исследователи, что пестовали эту мысль до меня. Подумай о неохватном времени, о миллионах лет. Пойми, что Строители должны были охватить всю Вселенную и быть неисчислимими, такими мудрыми и могучими — да, слишком могучими после всех лет их истории, чтобы нечто материальное могло их уничтожить. Нет, конечно, они оставили свои достижения, а мы, подрастая, отложили детские игрушки и вышли на новый уровень существования. Конечно же, они не могли не питать милосердного желания облегчить путь тем, кто пойдет следом. Они должны были оставить надписи, послания — ныне затемненные временем, почти исчезнувшие, но, быть может, писавшие их не предвидели, сколько веков пройдет, пока снова начнутся полеты среди звезд. Но все же — что лучшее могли они завещать нам, чем свое наследие Окончательной Истины?

У Дианы были крупные сомнения. Очевидно, у других тоже, иначе Аксору не пришлось бы пробираться через всю Империю на свои скучные средства. Но у нее духу не хватало это сказать прямо.

— И что тебе уже удалось найти? — спросила она.

— Не мне одному, никак не мне одному. Я по большей части просто изучал отчеты археологов, а потом отправлялся смотреть сам. Но иногда... — Воданит глубоко вздохнул: — Я не должен хвастать. Я работал с таинственными остатками случайно найденных записей. Вытравленные на стенах и камнях схемы, иногда почти совсем стертые. Запечатленные в молекулах и кристаллах коды, читаемые электроникой, но столь же стертые и раздробленные. Некоторые никто понять не может. Другие могут быть астрономическими символами — например, обозначением пульсаров со значками атомов водорода, с числами, дающими периоды и пространственные соотношения. Можно оценить, как замедлились и сдвинулись в пространстве пульсары, и попытаться их идентифицировать, тогда можно будет предположить, на какое солнце указывает запись... На пустынной планете в пяти парсеках отсюда, среди легенд о заброшенных шахтах я нашел такие намеки. Мне показалось, что они указывают на солнце Патриций.

Аксор прервал свою речь, глядя куда-то вдаль.

Помолчав, Диана набралась храбрости заговорить снова:

— Но ваше... ваше преподобие, вам еще рано впадать в отчаяние. Что вы скажете, если мы на несколько дней обоснуемся в городе? Вы отдохнете, а я организую конференции, транспорт и все такое прочее. Видите ли, в горах едва ли что-нибудь найдется, а вот ти格ране говорят о каких-то островах, где вроде бы есть какие-то естественные формации, которые могут оказаться и разрушенными стенами. На Имхотепе никогда не было своей разумной жизни. Если это не поможет, я могу расспросить космонавтов, организовать наш отлет с планеты — куда вы захотите. И это не будет вам слишком дорого стоить.

Аксор улыбнулся. Крокодилий оскал его пасти вызвал у одной из веселых девиц жуткий визг.

— Воистину ты Богом послана! — заревел воданит.

— Да нет, я не святая, — ответила Диана. Неужто он так наивен, что подумал, будто она тут же воспылала любовью к его делу? Хотя оно может оказаться забавным. — Я почему предлагаю? Я так себе на жизни зарабатываю. Договоримся о моей дневной плате, и я начну выискивать. А к тому же мне это нравится.

Упоминать свои мечты было пока преждевременно.

Аксор надел очки — получше ее рассмотреть.

— Вы — выдающееся юное создание, донна Кроуфезер, — сказал он, неожиданно применив куртуазное обращение. — Если позволено будет спросить, то как вам удалось ознакомиться с этой планетой?

— Я тут выросла. — И неожиданно, то ли от возбуждения, то ли оттого, что голова слегка кружилась от пива, она добавила: — И мой отец ответствен почти за все, что вы тут видите.

— В самом деле? Я был бы очень рад узнать подробнее.

Откровенно говорить со случайным знакомым ксенософонтом не в пример легче, чем со своим братом — человеком. И к тому же манера Аксора располагала к общению, и никаких секретов не было в том, что она собиралась рассказать. Ее историю знал весь квартал и все ти格ране в радиусе тысяч километров.

— Мой отец — Доминик Флэндри. Может быть, ты о нем слышал. Он потом стал адмиралом Флота, но сорок с чем-то лет назад он был новоиспеченным лейтенантом с назначением на планету Старкад, в этот самый сектор. Тогда как раз заваривалась эта каша с мерсейцами, и... В общем, как бы оно ни было, он понял, что планета обречена. Там тогда жили две разумные расы — сухопутные ти格ране и подводные моряне, и оставалось всего пять лет на эвакуацию всех, кого удастся, пока солнце не сошло с ума. А единственная подобная Старкаду планета была вот эта. К счастью, на Имхотепе уже существовала научная база и кое-какая промышленность для ее поддержки, а Дедал был колонизирован и стал

важным форпостом Флота. И все равно переселение было дикой суматохой, не хватало ни денег, ни людей, и все наспех.

— У Терранской Империи множество потребностей, начиная с обороны, и они поглощают почти все ее ресурсы, — заметил Аксор. — И хотя любое насилие достойно лишь сожаления, нельзя не восхищаться элегантностью, с которой адмирал Магнуссон отразил прошлогоднее нападение мерсейцев.

— Двор императора и бюрократия тоже очень дорого обходятся, — отрезала Диана. — Ну ладно, не обращай внимания. Я-то налоги не плачу.

— Я... да, я слыхал рассказы об исследованиях адмирала Флэндри, — спешно сменил тему Аксор. — Но ведь он никак не мог провести на Имхотепе много времени.

— И не провел. Он только заглядывал от раза к разу, когда бывал поблизости. Естественное любопытство. С моей матерью он... — я всегда сама себе говорю, что не буду его винить. Она не винила.

Когда-то Мария Кроуфезер призналась дочери, что завела ребенка от Доминика Флэндри в надежде, что из этого выйдет что-то постоянное. Не получилось. И когда он узнал о ее беременности при своем очередном посещении, он очаровательно и печально с ней рас прощался. Мария осталась предоставленна самой себе.

— Твоя мать работала в программе переселения? — тактично спросил Аксор.

— Ксенологом, — кивнула Диана. — Погибла при несчастном случае — внезапная приливная волна на незнакомом берегу. Три стандартных года назад.

Мария Кроуфезер родилась на планете Атейе в автономной общине Дакотия. Ее основали в годы Прорыва, когда Содружество покидала одна этническая группа за другой, чтобы избежать ассимиляции в его однообразии. Народ Дакоты хотел воскресить чувство идентичности с Северной Америкой. Правда, до самой Дианы дошли только обрывки воспоминаний о древних традициях — неясные и грустные. Свою жизнь она провела среди тигран и морян.

— Оставив тебя, по сути, сиротой, — ответил Аксор. — А почему никто о тебе не заботился?

— А я сбежала.

Мужчина, живший в те времена с Марией, не проявил себя плохим человеком. Он оказался очень официальным, что было куда противнее. В свое время он хотел законным образом жениться на матери девочки, а теперь намеревался отправить ребенка в школу для детей космофлотчиков на Дедале, и пусть она в конце концов выйдет за какого-нибудь достойного офицера. А порывы

ветра колыхали лес на холмах, где охотились тигране, и под тремя лунами разбивались волны прибоя о берега девственных островов.

— А как отнеслись к этому власти?

— Сначала не могли меня найти. Потом забыли.

Аксор издал носом какой-то звук, который мог быть эквивалентом смеха.

— Ну что ж, маленький друг-эльф всего мира, посмотрим, каким гидом будешь ты для бедного странника. Подготовь все и оставь меня наедине с материалами и молитвами до тех пор, пока не будет все готово к отъезду. Но можешь ли ты мне хоть идею дать, чего следует ожидать?

— Постараюсь, но обещать не могу, — ответила Диана. — Особенно в эти дни. Вы не в лучшее время прибыли, сэр.

Над дугами бровей колыхнулись платы чешуек.

— Прости меня, что ты имеешь в виду?

Ее обуревали мрачные предчувствия. По мере сил она старалась не обращать внимания на новости. Что она может сделать? Она мысленно вспомнила разных беженцев, прикидывая, где она окажется, когда начнется — если начнется — заваруха. А вот теперь она сама себя втравливает в экспедицию, которая может забросить куда угодно, и...

— Та битва с мерсейцами в прошлом году — это всего лишь стычка где-то в космосе, — ответила она. — Но с тех пор ходят слухи — и попроси своего Бога, чтобы это были только слухи, ладно? Короче, сэр, может быть, мы на грани настоящей войны.

Глава 2

На Дедале, планете без горизонта, тигранин все еще был непривычным зрелищем и потому привлекал общее внимание. Таргови был исключением. В столице Аурейе, в глухи, в общинах вдоль всей реки Высокой Дороги до самого Фосфорического океана, в немалом числе поселков по всей планете народ к нему привык. Он садился в космопорту на своем потрепанном «Лунном кузнецом», перебрасываясь шутками с охранниками и чиновниками, пытался им что-нибудь продать, потом грузил товары в столь же непрезентабельного вида фургон и отбывал. Его товар с Имхотепа был примером бесконечного разнообразия, свойственного любой планете. Были у него изделия ремесла его народа, ножи, ножницы, гобелены, духи; вещи странные и тонкие, сделанные под водой морянами, экзотические произведения природы, кожи, минералы и самоцветы, сухопутный жемчуг, странные пряности и продукты — по иронии судьбы, на большом Имхотепе

была жизнь, могущая прокормить терран, как и старкадцев, а на террестроидном Дедале ее не было.

Много лет он странствовал, торговал, выменивал, забавлял себя и тех, кого встречал, — вполне обаятельная личность, которой — как кое-кто слишком поздно понимал — крайне опасно становиться поперек дороги. И даже когда напряжение между Мерсейей и Террой привело к стычкам, когда то здесь, то там вскипали схватки и наконец адмирал сектора Магнуссон собрал силы для отражения армады вторжения Ройдхуната, даже тогда торговле Таргови никто не мешал.

Так что он обычным образом по приземлении через двенадцать месяцев после предыдущего визита зарегистрировал товар, и младший офицер порта предупредил:

— Вы лучше держите с нами контакт. Межпланетное сообщение может быть сокращено внезапно. Вдруг окажется, что вы не сможете покинуть Дедал неопределенно долго.

— Эйлда *шкор!*! — вырвалось у Таргови. Ноздри его застыли, рука упала на рукоять ножа. — Это еще что?

— Возможность чрезвычайного положения, — ответил человек. — Вы поймите, я же хочу по-хорошему. Будет же короткий льготный период. И если вы вернетесь немедленно, я, может быть, смогу вам дать разрешение на взлет. А иначе вы можете застрять и даже на пропитание себе не заработаете, когда товары продадите, а траты останутся.

— Хм. Я так думаю... как-нибудь выживу, — буркнул Таргови себе под нос.

Офицер пристально глянул через стол:

— Наверное, вы правы. Однако способ, который вы найдете, может не понравиться нам. Мне бы прискорбно было видеть вас в тюрьме или расстрелянным.

Надо сказать, что вид тигранина давал повод для тревоги. Сходство его с человеком ограничивалось очертаниями. Тело примерно среднего человеческого роста опиралось на непропорционально длинные ноги с широкими когтистыми ступнями. Сзади подергивался короткий твердый хвост. Торс массивный, руки с четырехпалыми кистями перевиты бугрящимися мышцами. Круглая голова, плоская сверху, сходилась к остому подбородку, на носу посреди лица была одна дыхательная щель, в широком рту поблескивали зубы хищника. Ниже выдавались вибриссы хеморецепторов, раскосые глаза блестели алым блеском. Большие подвижные уши напоминали крылья летучей мыши. Покрывающий тело шелковистый мех сейчас ощетинился. Был он оранжевый с черными полосами, и только на горле сверкал белый треугольник. Голос мурлыкал, шипел, иногда рычал или поскрипывал, и беглый англик казался в его устах чужим диалектом.

Из одежды на нем были только короткие шорты, ремень с карманами, нож на поясе и амулет на шее, да еще оксигилл. Он возвышался за головой, обрамляя ее. Было странно видеть такой на молекулярном уровне работающий аппарат на этом почти первобытном существе и думать, какое остроумие инженерной мысли потребовалось для того, чтобы можно было ловить из воздуха кислород и по хирургическим вживленным трубкам подавать его прямо в кровь. Но именно это давало Таргови свободу быть варваром, потому что иначе ему пришлось бы ходить в шлеме с компрессором — или погибнуть. Его вид развивался при атмосферном давлении в девять раз больше терранского.

— Боюсь, как бы ваши усилия не пропали даром, — низким голосом произнес Таргови. И уже более весело: — Однако ничего ведь такого не случится. С вашей стороны очень любезно дать мне совет, Досабхай Пател. И ваша жена в ближайшей почте может найти кое-что для себя приятное. Но что это за чрезвычайные обстоятельства, которых вы ждете?

— Я не говорил, что обязательно что-то такое произойдет, — быстро вставил офицер.

— Которых можно было бы ожидать?

— Много ходят диких слухов. И офицерам Флота, и чиновникам гражданских служб дан приказ их не распространять.

Стул, на котором сидел Таргови, был рассчитан на человека, но тигринин оказался достаточно гибок, чтобы на нем устроиться. Прикрыв веки, он сложил кончики пальцев.

— Мой добрый друг, вы же понимаете, что мне необходимо знать эти слухи. Не лучше ли вооружить меня правдой, чтобы я мог встретить опасность? Я, конечно, простой странствующий торговец, который никаких секретов не знает. Но даже у меня возникает подозрение о возможности нового нападения мерсейцев.

— Ну уж не это! Адмирал Магнуссон дал им урок, который они надолго запомнят, — Пател откашлялся. — Понимаете, то, что случилось, — это не война.

Таргови не выразил открытой обиды за то, что последовавшая лекция была предназначена для полуцивилизованного ксенософонта.

— Слишком часто случаются кровавые инциденты. Это неизбежно, когда у двух огромных сил и заклятых соперников вдруг оказывается плохо определенная и слабо населенная буферная зона, поскольку она, по сути, становится для них ареной. Последняя серия стычек началась с переговоров о нарушении определенных сфер влияния, а коменданты некоторых районов стали, скажем так, скоры на выстрел. Правда, что Ройдхунат направил войска «восстановить порядок». Если бы им удалось, мерсейцы бы наверняка оккупировали систему Патриция, отчего весь сектор

стал бы практически незащитим, а выступ этот вошел бы в тело Империи, как кинжал. Вы знаете, что адмирал Магнуссон их отбил, и теперь дипломаты решают вопросы... Нет, извне нам не грозит непосредственная опасность.

— Тогда изнутри? — медленно протянул Таргови. — Даже мы, бедные, лишенные корней ваз-тоборко — да и даже ваз-шираво в глубине своих морей — хоть и немного, но знаем о вашей великой Империи. Мятежи и попытки мятежей, увы, становятся не слишком редкими, особенно в последние полстолетия. Ведь и нынешняя династия, разве не пришла она к власти...

— Славная революция была необходима, — торжественно заявил Пател. — Император Ханс восстановил порядок и искоренил коррупцию.

— Да, но его сыновья...

Кулак Патела ударил по столу.

— Послушай, ты, наглый варвар! Дедал, вся эта система, да и вся Империя были в смертельной опасности в прошлом году! Адмирал Магнуссон спас положение, но угроза не должна была возникнуть! Силы Империи в этой части Вселенной должны быть гораздо мощнее. Был бы не такой блестящий командующий, нас бы просто смели! — Пател облизнул губы. — Пойми, тут нет нелояльности. Никакого *lésé majesté**. Но мы на Дедале — особенно персонал Флота — у нас такое чувство, что император Герхарт и его Политический Совет... ну, скажем, были плохо информированы... что у их консультантов были коварные намерения... в общем, что сейчас, как никогда, нужны решительные реформы. Адмирал направил на Терру тщательно обоснованные рекомендации. А тем временем недовольство ведет к волнениям. И может быть введено военное положение или... ладно, хватит. Такие дела не тебе и не мне решать.

Тем не менее рвение звучало в его голосе и осветило черты лица, когда он сказал:

— Я вас предупредил, Таргови. Езжайте, но поддерживайте контакт, держитесь вашей торговли и не лезьте ни во что другое, и тогда, может быть, для вас все обойдется.

Торговец поднялся, изысканно попрощался и вышел. В условиях здешней почти терранской гравитации подушечки на его ногах ступали мягко и бесшумно.

Аурея чуть ли не вся состояла из новых домов, построенных специально для размещения сил обороны бурно растущего сектора, расквартированных на планете вместе с гражданской службой

* Оскорблеснис всличства (*фр.*).

и частными предприятиями, которые при них возникли. Архитектурная мысль произвела здесь на свет смело возносящиеся ввысь башни, растекающиеся по равнине широкие заводские корпуса. Экипажи кишили на улицах, под землей, в небесах. Круглые сутки не замедлялся пульс их движения.

От старого города, снесенного и поглощенного новым, не осталось практически ничего. Он был мал, как бы там ни было, потому что колонизация шла скачками, приводя к возникновению анклавов в дикой природе, которую нельзя было покорить, а лишь постепенно уничтожить. Все же какие-то реликты старых дней кое-где лепились к крутым склонам плато. В тот район и пошел Таргови, направляясь к знакомой гостинице.

И быстро затерялся в толпе. Будь он даже единственным представителем своей расы на Дедале, это было бы нетрудно: тут было полно других ксенософонтов. В зыбко определенных границах Терранской Империи лежало четыре миллиона солнц, и жители планет ста тысяч из них активно сотрудничали между собой. И вне этих границ многие хотели приобщиться к мудрости Технической цивилизации — если даже не научиться ничему другому, то узнать, как путешествовать к звездам. Они занимались матросами на торговые корабли, поступали на Флот и в гражданскую службу, а еще много было таких, кто приезжал по своим делам. И потому колонизация Дедала никоим образом не велась только людьми. Толпа была пестрой, что Таргови было на руку. Больше всего ему хотелось выбраться из этой планетной системы на свободу Галактики.

Он спускался по серпантину вдоль обрыва. Слева от него была изъеденная временем невзрачная стена, как в старом городе Лагеря Ольги. Справа шло ограждение, за ним пропасть; вид открывался потрясающий. Блестели серебром величественные изгибы текущей по долине на запад огромной реки. Земля в темной зелени лесов, где более светлым тоном выделялись борющиеся с ними за существование фермы и плантации. На севере поднимались окруженные ледниками горные вершины, на юге терялись, уходя за горизонт, необозримые равнины.

Ближе к городу ревели водопады, образующие истоки реки. Склоны гор покрывала местная растительность. Ветер на этой высоте был прохладным, но к нему примешивался резкий, едкий запах. По небу скользили серебряные капельки аэромобилей. Взлетел космический корабль на бесшумных гравитаторах, но от вибрации корпуса пошел приглушенный гром.

Ветхая гостиница Жу Шао притулилась на краю обрыва. Таргови вошел в бар. Ему навстречу поспешила хозяйка — цинтианка, маленького роста, с белым мехом и пушистым хвостом.

— С возвращением! — пискнула она. — До чего ж приятно видеть тебя снова после всего этого хулиганья, что тут последнее время околачивается! Что будешь?

— Обед и комнату на ночь, — ответил Таргови. — А еще... — он окинул взглядом комнату. Кроме него было лишь четыре посетителя — люди в мундирах Космофлота, беседующие вокруг стола за выпивкой. — Что ты имеешь в виду — «хулиганье»? Я считал, что твои посетители умеют себя вести, а тех, кто не хочет, выкидывают отсюда остальные.

— Много всяких горячих, — буркнула Жу Шао. — Молодые, из Флота или Космической пехоты. Волят, что Империя бросила нас на произвол судьбы, что нам нужна сильная рука — всякая такая чушь. Напиваются, шумят и бросаются предметами. Потом приходит патруль, и мне еще час приходится давать показания, прежде чем можно будет прибрать бардак.

Она потрепала его по руке:

— Вот ты — другое дело. Всегда ведешь себя тихо, пока не придется кого-нибудь убить, и то без лишнего шума. Можем тебе подать отличное жаркое — натуральную говядину. И есть у меня еще пакет той штуки, что выращивают на Имхотепе — *рюшка*, так она называется? — если тебе нравится.

— Спасибо тебе, только Крылатый Дым я себе позволяю, если могу отдохнуть и не думать об опасности. Ты мне принеси кружку чая, а я пока поговорю с моими... друзьями, вон теми. А потом — ага, твои бифштексы хороши на вкус, тем более когда ты к ним добавляешь свой соус, от которого язык сворачивается, о Мать Чудес!

Он подошел к занятому столу.

— Здоровья и силы тебе, Жанис Комбареллес! — произнес он, переведя формальное приветствие с тоборко на англик.

Блондинка с нашивкой лейтенанта-командера на гимнастерке — крылатой планетой — подняла глаза.

— Таргови, ты? — воскликнула она. — Садись с нами! Я не ждала тебя так рано, старый негодай! Ты же не мог не слышать, что тут творится, а для твоей торговли это не сахар.

Он принял приглашение.

— Это правда, но купцу надо знать, откуда дует ветер. Я надеялся найти тебя здесь.

Он сказал правду, хоть и не всю.

— Сначала познакомимся, — предложила Комбареллес своим спутникам. — Это Таргови. Вы могли его раньше видеть — он иногда появляется здесь со своими товарами. Мы с ним познакомились, когда я получила назначение в гарнизон Имхотепа. Он очень мне помог развеять тамошнюю скучу.

Она служила в разведке, в которой на той большой планете было мало надобности. Старкадцы всех рас не собирались восстать против Империи, спасшей их от уничтожения.

Жанис назвала остальных — мужчин ее возраста.

— Мы тут в увольнительной, развлекаемся, пока можем, — объяснила она. — Скоро увольнения могут вообще прикрыть.

Таргови лизнул чаю из поданной Жу Шао миски.

— Простите иностранца, — начал он вежливо, — но политические тонкости ускользают от его слабых мозгов. Против чего собираете вы силы? Это ведь не могут быть снова мерсейцы?

— И да и нет, — ответила Комбареллес. — Они воспользуются любой нашей слабостью, если заметят.

— А мы с ними, что ли, не так поступим? — буркнул человек, который до того как следует пил. — Только эта Империя размякла и раскисла и готова чем хочешь откупиться, только чтобы при них еще держался мир, а дети и внуки могут катиться к черту. И когда только у нас снова будет такая династия, как Арголиды?

— Ша! — прикрикнула на него Жанис. И к Таргови: — Хотя он в определенном смысле прав. У его величества плохие слуги. Мы тут на границе служим козлами отпущения за их неумелость. Кабы не адмирал Магнуссон, мы бы уже погибли. Вот он старается исправить дело... ладно, мне не стоит об этом говорить, — она закурила и нервно затянулась. — И мерсейцы в этом смысле тоже не каменные. Я нашла среди них недовольных.

— Как это может быть? — наивно спросил Таргови. — Мерсейя ведь так далеко.

Комбареллес рассмеялась:

— Мерсейя, но не все мерсейцы. Ладно, чтобы тебе было понятно, я говорила с пленными. Их много взяли после битвы, а насчет обмена пока не договорились. Ими занимался мой сектор, и... ладно, хватит. Скажу только, что нам здорово повезло. Хотя в этом было бы мало толку, не сумей адмирал воспользоваться везением. Ты нам лучше расскажи, что там на Имхотепе. По крайней мере это место, где мы, люди, сделали что-то достойное.

Таргови разразился серией смешных историй. Почти все они были связаны с контрабандой.

— Ara, — рассмеялась Комбареллес, — у нас тут те же проблемы.

— Как это может быть, миледи? — удивился Таргови. — Я не знаю способа приземлиться незамеченным на планете, которая охраняется так, как эта, и мой скромный груз тут всегда досматривается.

— Фокус в том, чтобы приземлиться открыто, но в таком порту, куда не заглядывают инспекторы. В Захарии, например.

— За... кажется, название знакомое, но...

На самом деле он отлично его знал. Знал и кое-что о способах доставки контрабанды, которые власти тоже были бы рады узнать. Притворное невежество было хорошим способом вытянуть сведения.

— Большой остров в Фосфорическом океане. Автономный со времен пионеров. Народ там скрытный. Будь я адмиралом Магнуссоном, я бы наплевала на договор. У него есть власть делать, что он считает нужным, а я сочла бы это очень нужным, — Комбареллес пожала плечами. — Не потому, что время от времени вверх по реке уходит беспошлинный товар. А вот я подняла отчеты Управления Флота по перевозкам. И мне не верится, что кое-какие суда, которые приземлялись на Захарии, указанной как место назначения, — простые контрабандисты. Слишком они для этого широкие.

— Адмирал знает, что делает! — напористо заявил один из космополетчиков.

— Ага. И чего он не делает — тоже. Может, это корабли его... ладно! Рассказывай дальше, Таргови.

И Таргови стал рассказывать. Он припоминал истории о путешествии к ваз-шираво в их моря. На Старкаде его и их раса были смертельными врагами. Этим чувствам не мешала даже разделявшая их бездна различий. В теперешние времена они старались сосуществовать, и обычно это более или менее получалось, но бывало трудно. От этого разговор перешел на проблемы ухода за мерсейцами и их кормления...

Пленники не подвергались жестокому обращению — хотя бы потому, что другая сторона могла отплатить тем же. Фодайх Эйдхафор Храбрый из ваха Датир, старший по рангу из всех снятых с подбитых кораблей Ройдхуната, жил в отдельном доме со штатом прислуги. Дом предоставил процветающий бизнесмен, предвидевший благосклонность правительства в ответ на свою лояльность. Охранялся дом электронной системой и парой живых часовых. Пленных рангом ниже содержали почти так же вольготно. Да и куда им было бежать на планете, где вне городов им пришлось бы голодать, а любая живая душа в любом поселке узнала бы их по внешнему виду сразу же? Дом находился в фешенебельном жилом районе в ста километрах к северу от Ауреи. Располагался он уединенно на холме в окружении клумб, беседок и живых изгородей.

На Дедале никогда не бывало настоящей ночи. Вдалеке миниатюрной мозаикой огней переливался город, довольно тусклой, поскольку в уличном освещении нужды не было. На небе сияло красно-золотое кольцо; оно было широким и ярким на западе, где

закатился Патриций, утончавшимся и исчезавшим к востоку, но в этот час видимым целиком. На серо-голубом небе терялись почти все звезды.

Эйдхафор проснулся от легкого прикосновения руки к плечу. Он сел в кровати. Из окон лился сумеречный свет. Возле него стояла какая-то темная фигура, но не человек и не мерсеец...

— Тсс! — прошипел прищелец. — Сохраняйте спокойствие.

Пальцы сжали плечо сильнее — не больно, но достаточно, чтобы показать скрытую в них силу.

— Я не причиню вам вреда. Напротив, я желаю вам пользы. Если вы не станете кричать, мы будем говорить. Только говорить.

— Кто вы такой? — рявкнул Эйдхафор, тоже на английке. — Как вы сюда попали?

Незнакомец хмыкнул. Под янтарным отсветом глаз белым сверкали зубы.

— Что до последнего, фодайх, это было нетрудно, тем более что меня не ждали. Аэромобиль, севший достаточно далеко отсюда, охотничья сноровка, позволяющая подобраться незаметно, пара небольших приспособлений — фодайх может догадаться сам.

Эйдхафор пришел в себя. Если бы замышлялось убийство, его бы убили, пока он спал.

— Ради моей присяги ройдхуну и чести моего ваха я не могу разговаривать с неизвестным, — заявил он.

— Понял, — мурлыкнул незнакомец. — Я не буду выспрашивать ваших секретов. Ничего, кроме откровенности, такой, как, я подозреваю, вы себе уже позволили и, несомненно, позовите снова, когда вернетесь домой. И она может оказаться вполне в интересах вашего дела.

— А в чем ваш интерес? — повысил голос Эйдхафор.

— Тише, умоляю вас, тише. Вы согласитесь, что крайне неразумно было бы сейчас поднять на ноги весь дом.

Незнакомец разжал пальцы и сел, свернувшись, в ногах кровати.

— Мое имя не представляет интереса. Предметом нашей беседы будете вы. Потом я уйду той же дорогой, что пришел, а вы сможете спать дальше.

Эйдхафор сощурился в темноту. От прикосновения руки незнакомца осталось ощущение контакта с мехом. А уши и вибриссы — да, такое было на рисунках во время инструктажа перед отбытием флота.

— Вы — старкадец с Имхотепа, — сказал Эйдхафор, констатируя факт.

— Может быть.

Глаза смотрели, не отрываясь. Может быть, они в темноте видят лучше, чем глаза человека или мерсейца?

Если так, то они видят нечто, напоминающее размером и формой тела высокого и грузного человека. Если бы Эйдхафор встал, он опирался бы на пару мощных ног и массивный хвост — как тираннозавр. Однако руки и общий вид были примерно гуманоидными, если отвлечься от множества мелких деталей. Ушных раковин не было. Кожа безволосая, бледно-зеленая, покрытая мелкими чешуйками. Теплокровный, мужского пола, женатый на женщине, подарившей ему трех живорожденных детей. Вид его был настолько биохимически близок к человеку, что их интересовали миры одного и того же типа. Может быть, и склад ума у них не слишком различался.

— Что может быть нужно старкаду от мерсейца?

— Правда, есть между нами обида, — донесся в ответ шепот. — Поступи Ройдхунат по-своему, вся жизнь на Старкаде давно стала бы пеплом. Кое-кого из нас спасли терране. Но все это — уже дела прошлого поколения. Времена меняются, благодарность вечно не длится, и вражда тоже, хотя она живет дольше. Допустим, я старкадец. Тогда представим себе, что кое-кто из нас решил пересмотреть свои интересы. Далее, Мерсейя чуть не захватила контроль над этим сектором — значит, над Имхотепом тоже. Следующий раунд может иметь иной исход. И для нас было бы хорошо иметь о вас представление. Если я — старкадец, то я воспользовался возможностью кое-что узнать.

— Ага, — выдохнул Эйдхафор.

Капитан Джерролд Ронан отвечал за разведку Флота в системе Патриция. Дело это было более важным и ответственным, чем могло показаться с виду или чем можно было счесть по невысокому чину начальника. У его подчиненных были причины верить, что он пользуется доверием своего начальства, в том числе и адмирала Магнуссона.

Личное свидание просто разоблачило бы прикрытие Таргови, темного бродячего торговца, и потому тигранин позвонил из своего фургона с приличного расстояния от столицы. Сообщение прошло через схемы шифратора и несколько кодирующих программ.

— Ну? — рявкнул Ронан. — Говорите быстро. У нас тут дела идут к взрыву, и мне некогда тратить время на каждого собирателя слухов, который воображает, что нашел сенсацию, — он вздохнул. — И зачем я только дал вам прямой выход на себя?

По шкрупе Таргови прошла еле заметная дрожь. Но голос его остался спокоен.

— Очевидно, благородный капитан действительно перегружен работой, если забывает обращаться к тем, кто с ним работает, так, как обязывает его достоинство. Да позволено мне будет напомнить,

что много лет назад он имел случай убедиться, как подобный индивидуум может оказать несравненную помощь в сборе определенного рода сведений.

Тонкие черты веснушчатого лица свело гримасой.

— Ваша проклятая гордость на грани нарушения субординации!.. — Он успокоился. — Извините. Я перегружен, и из-за этого мог быть грубым. В прошлом вы дали нам несколько полезных следов.

Те сведения не были чем-то сверхъестественным, но оказались полезными. Как и люди, мерсейцы использовали агентов не из своего народа. Такое лоскунное одеяло рас и культур, как Дедал, было весьма уязвимо для подрывной деятельности — и не только со стороны мерсейцев. Империи приходилось бороться с преступностью, раздорами, безграничными амбициями. Чтобы удерживать сектор, Флоту приходилось играть роль полиции на своей базовой планете. Колонисты свободнее себя чувствовали с симпатичным торговцем чужой расы, чем с кем-нибудь, кто казался бы более подходящим на роль тайного агента.

— Мне кажется, что в этот раз у меня действительно существенная информация, — сказал Таргови.

Человек на экране запустил пятерню в рыжие волосы.

— Вы давно на Дедале?

— Да, сэр. Проехался по своим обычным маршрутам и по некоторым не столь обычным. Смотрел, слушал, говорил, вынюхивал. Вряд ли я должен рассказывать капитану о том, сколько вокруг недовольства, ощущения у людей, что их предали, желания перемен — особенно во Флоте, — хотя, быть может, при мне разговаривают свободнее, чем при ком-нибудь другом. Сэр, я не могу избавиться от чувства, что кто-то эти настроения специально разжигает. К естественному раздражению, которое вылилось бы максимум в ворчание, добавляются заявления, повторяемые до тех пор, пока все не привыкают принимать их за бесспорную истину, зажигательные лозунги, издевательские шутки...

— Это всего лишь ваши впечатления, — прервал Ронан. — Я не имею в виду ничего обидного, но вы — не человек. Вы даже не воспитаны в Технической цивилизации. Надеюсь, у вас есть какие-то более определенные сообщения.

— Есть, сэр. Во-первых, вряд ли можно сомневаться, что на остров Захария в последний год подозрительно часто летают космические корабли. Я собрал свидетельства очевидцев — жителей материка и моряков, наблюдавших это с моря. Их это мало интересует. Но когда я сопоставил данные с архивом Управления перевозок, получилась очень любопытная картина. Там идет какая-то бурная деятельность, и я не сомневаюсь, что это не просто безобидная контрабанда. Это могут быть мерсейцы?

— Нет. И поосторожнее. Помните, что Флот выполняет и секретные операции. Вы никому об этом не скажете ни единого слова. Вам ясно?

Таргови не стал отвечать на этот вопрос.

— Сэр, меня беспокоит еще одна вещь, непосредственно касающаяся мерсейцев. Я слышал слово из зеленых губ.

— Что? — вытаращился Ронан. — Как? От кого? Как вы посмели?

Таргови изобразил человеческую улыбку, отчего угрожающе сверкнули белые зубы.

— Да позволит мне капитан сохранить свои маленькие тайны. Разве мы не согласны в том, что моя главная ценность — в возможности работы не по правилам? Разумеется, если это не причиняет вреда. И к тому же я предал бы доверие, которое в ином случае не было бы мне оказано — скажу только, что обрывки воспоминаний и чувств, которые прорываются у мерсейцев в присутствии охраны, надлежит исследовать куда более внимательно, чем это делается теперь.

Ронан с трудом сглотнул:

— Говорите.

— Офицеры, знающие, что произошло на самом деле, сбиты с толку. Некоторые озлоблены. Создается впечатление, что Дедал бросили перед лицом опасности, но за этим впечатлением есть резон. Сэр, мерсейский флот действовал с беспрецедентной глупостью. Передовые соединения влетели прямо в ловушку, которую поставил адмирал Магнуссон возле черной дыры 1571 — хотя риск был понятен любому капитану, хоть сколько-то знающему астрофизику или военно-космическую историю. Далее, вместо перестройки для выполнения спасательной операции синтакс Мервин разбивает главные силы на два крыла, и второй эшелон Терры их разрушает по одному. Так просто не должно было быть.

— А вы не рады, что так было? — сухо спросил Ронан. — Позвольте себе предположить, что в Ройдхунате кое-кому из высших командиров пришлось несладко. Они не распространяются о своих провалах.

— Сэр, слишком гротескный был этот провал. И это признал в беседе со мной опытный старший офицер. Он так злился, что его чуть не стошило. — Таргови остановился. — И еще, капитан. И еще. Наш Флот мог использовать достигнутое преимущество куда эффективнее. Мог перебить куда больше. А вместо этого основной армаде противника дали отступить.

— Кто вы такой, чтобы рассуждать тут о стратегии! — вспыхнул Ронан. — Что вы знаете такого, чего не знает адмирал Магнуссон? Вам не приходило в голову, что его первая задача — сохранить наши силы, а не рисковать ими?

— Капитан, я лишь предположил...

— Вы сказали достаточно, — отрезал Ронан. — Не потрудитесь ли вы представить подробный рапорт? Нет, не надо. Это бесполезно. Хуже чем бесполезно в теперешней взрывной ситуации.

Лицо капитана стало жестким.

— Агент Таргови, вы немедленно прекратите расследование в этом направлении. Это приказ. Возвращайтесь на Имхотеп. Не предпринимать, не повторять никаких новых попыток дилетантских расследований в делах, которые вас не касаются. Если для вас найдется новое задание, вас известят.

Какую-то секунду тиогрин молчал.

— Могу ли я спросить, что так рассердило капитана? — рискнул он.

— Нет. Служебная тайна.

— Слушаюсь, сэр. Если тронул запретное, то... прошу меня простить.

Ронан чуть заметно смягчился:

— Я понимаю, что вы не могли знать.

— Очень хорошо, сэр. Только вот — мой «Лунный кузнец», сэр. Все, конечно, думают, что я купил его вместе с пилотскими правами на свою долю приза после штурма пиратской крепости на Имхотепе. Я могу сейчас вернуться с нераспроданным наполовину товаром, сославшись на семейные обстоятельства. Но если я вскоре не вернусь на Дедал, не вызовет ли это удивления?

— Вас так хорошо знают? — человек задумался. — Как хотите. Вам тоже надо зарабатывать на жизнь.

Внештатные агенты получали за свои усилия гроши, хотя вознаграждение при выходе в отставку — если они могли доказать, что сбережений у них нет, — было вполне приличным.

— Только следите за собой. Переступите границу — считайте себя покойником.

— Понял, сэр. Что-нибудь еще? Нет, сэр? Конец связи.

Наедине с собой Таргови погрузился в раздумья. Точнее сказать, мысль его побежала сразу по десяткам путей, охотничий азарт струился по нервам. Подозрения крепли.

Нужна была помощь, и он не знал, где ее искать. Ладно, раз все равно надо возвращаться домой, можно начать оттуда. Копнул бы он глубже — мог бы погибнуть. Очень вероятно. Но если удастся — он сделает такое, что даже на Терре заметят...

Глава 3

В космопорту Лагеря Ольги Таргови вывел фургон из трюма корабля. Он был такой же потрепанный с виду — длинный угловатый металлический ящик, поцарапанный и побитый. Предназна-

чен он был для перевозки всякого барахла, и впереди у него была кабина водителя и пара скамеек для пассажиров. Втяжные колеса и понтоны, казалось, нужны не только для передвижения по суще и воде, но и для страховки — а вдруг откажут гравитаторы.

Но в отличие от корабля, фургон внутри был куда лучше, чем снаружи. Когда разведка Флота завербовала и кое-как натаскала молодого Таргови, ему выдали всю аппаратуру, в которой только может возникнуть потребность. Вообще-то это было не принято для агентов, чья работа — просто держать при разъездах глаза открытыми и сообщать обо всем необычном, но Таргови был не только агентом, но и сыном Драгойки, а она — вождем сестричества, которое правила тиранами Тоборкозана. И более того, она была другом Доминика Флэндри. Хотя он уже лет пятнадцать в системе Патриция не появлялся, они иногда обменивались веснушкой; Флэндри дослужился до адмирала Флота, и сам император к нему прислушивался. Так что непоседливый сын Драгойки получил кое-что дополнительно.

Машина Таргови тронулась с мягким жужжанием. Сзади величественно громоздились горы, почти все в белых шапках. Ледники под далеким солнцем отсвечивали сине-зеленым. Пионеры растопили снега на Маунт-Хорн и поставили термоядерный обогрев для поддержания приятной теплоты воздуха и скал. Так что ледовые быки ушли вслед за морозолюбивыми растениями, которыми они питались. Ниже начинались сельскохозяйственные угодья, идущие до самого уровня моря. Но там люди не могли дышать иначе, как через шлем с редуктором: атмосферное давление было таково, что газы, необходимые для их легких, становились ядами.

Но не для Таргови. Оставив гряду гор сзади, он направился вдоль подножия холмов и вынул оксигилл из его миниатюрных гнезд — из-за него уже приходилось дышать неглубоко. Таргови осторожно вложил прибор в футляр, хотя его ткань трудно было повредить, и продолжал путь вниз, где для него начиналась зона полного комфорта. Спуск был нелегким, поскольку плотность воздуха в условиях Имхотепа менялась быстро.

Под ним проплыval континент — сплошной лес, неохватная зеленая и золотая тень с серебряными нитями и пятнами рек и озер, таинственная, как Дальняя Страна Деревьев, куда, по верованиям стариков, уходят души умерших. Над головой в глубокой голубизне неба плыли обрывки облаков, огромный полукруг луны Зосер призрачно парил над всплывающим в поле зрения морем. Прекрасный мир, подумал Таргови. Не Старкад — второго Старкада не может быть — но зачем горевать о навеки потерянном? Его поколение начало жизнь здесь, а не там. И пусть их мало, пусть их подавляет или ломает чужая для них природа, но постепенно они

найдут путь к ее пониманию, потом — овладению, и наследники их будут хозяевами планеты.

Таргови этого было мало.

Он нашел реку Хрустальную и двинулся вдоль ее течения до впадения в Рассветную Бухту. Здесь, где лежала природная гавань, защищенная от приливов и отливов, карсавики построили свой новый город. Разные общества селились кто где, желая сохранить свой образ жизни, а народ карсавиков состоял из морских бродяг.

Еще они поддерживали самый тесный контакт с терранами, миссия которых располагалась на горной гряде к западу. Низкие, окрашенные в мягкие тона здания казались всего лишь пристройками серой каменной массы на вершине холма. Таргови знал, насколько это впечатление иллюзорно. То был Замок Сестричества.

Как бы там ни было, а Тоборкозан укоренился и пошел в рост. При необходимости он выжил бы и без дальнейшей поддержки. Дома — бревенчатые, часто с резными тотемами на крышах — широко рассыпались вдоль беспорядочно раскиданных улиц. Морские суда в порту тоже почти все были деревянными — архаичные парусники, потому что корабельцы знали, как их строить. Но на большинство поставили вспомогательные двигатели, и было несколько судов на воздушной подушке вполне современной конструкции. На железобетонном поле северного мыса могли приземляться аэрокары, а также глейдеры и пропеллерные летающие лодки, которые многие тигране конструировали для себя сами.

Таргови, имея такую привилегию, посадил машину во внутреннем дворе замка и вышел. Стража вскинула в салюте традиционные алебарды. Огнестрельное оружие у них тоже было. Эмиграция не загасила старой кровной вражды и не мешала появлению новых вендett, не говоря уже о просто беззакониях, и лучше было самому позаботиться о своей защите, чем полагаться только на терран. Узнав, что мать в своих покоях, Таргови ускорил шаг.

Драгойка жила в башне Гаарнох. Гаарнохи не вошли в число видов, которые удалось акклиматизировать на Имхотепе, но в памяти народа жила их длиннорогая мошь.

Мать стояла посреди комнаты со сланцевым полом и гранитными стенами. Суровость комнаты слегка смягчали гобелены. Книги и единственный кубок из морской раковины вывезли со Старкада. Все остальное — бронзовые канделябры, стекло и серебро, массивный стол, кушетка, формами напоминавшая корабль, — было местного производства. Возможность межзвездной перевозки грузов была ограничена, приходилось принимать куда более горькие решения, чем оставить на гибель результаты целой истории. Драгойка стояла у открытого окна, подставив лицо солнечному ветру и глядя на прибой, налетающий на дальние рифы за бухтой.

— Привет тебе, мать и предводитель, — сказал Таргови.

Драгойка обернулась, заурчала и подошла, чтобы взять его руки в свои. Рассыпанная по плечам женская грива уже была тронута сединой, но двигалась Драгойка легко. Женские округлости тела слегка исхудали, но груди гордо выдавались вперед. Они, правда, не были украшением из жировой ткани, как у людей, а состояли из мышц и сосудов — органы, из которых дети сосали не молоко, а кровь. Таргови был знаком с терранскими рассуждениями на эту тему, говорившими, что необходимость повышенного производства крови сделала ее пол более сильным и потому доминирующим в большинстве тигранских культур. Но его мысли по этому поводу никак не уменьшали уважения к матери.

— С возвращением тебя, младший сын, — ответила она. — Где ты кочевал?

— Среди ветра, что пахнет злом, — сказал Таргови. — Как наш народ?

— Ничего... пока что. Но ты вернулся раньше обычного. Не для того ли, чтобы сказать «да» на этот раз?

— Нет, мать. Еще нет. Я говорю тебе, ветер на Дедале пахнет смертью. Я должен вернуться.

Вибриссы на ее лице грустно опустились.

— Ты уходишь и будешь уходить — и когда-нибудь, если не погибнешь, уйдешь совсем. Ты слишком храбр, мой сын.

— Не более чем ты была, о мать моя, когда вела корабль через Златоварское море и ваз-шираво поднялись вокруг него с оружием.

— Но ты — мужчина, — вздохнула Драгойка. — Примеру терран следуешь? Тебя тянет делать все, что должна делать женщина, как, слыхала я, когда-то их женщин потянуло делать все, что должен мужчина? Я надеялась, что ты подаришь мне внука.

— Так оно и будет. Как только ты найдешь мне жену, которая не будет ворчать, что меня так часто нет дома.

— Или никогда нет дома, как того, кто породил твою подругу Диану? — Драгойка слегка ожила. И послала последнюю стрелу: — Не скоро наступит время, когда на Дедале, не говоря уже о звездах, появятся другие ваз-тоборко, кроме тебя. Неужто тебе нравится твое целомудрие?

— Не очень. Суди же сама, каковы мои чувства к тебе, мать, что я сначала пришел сюда, а не бросился за девчонками в прибрежный квартал. Однако долг природе платить придется — никто его надолго не может отсрочить, да и вперед не заплатишь.

Она весело присвистнула:

— Ладно, повеса, пойдем покурим, а заодно поговорим. — И пристально его оглядела: — Не только сыновние чувства привели тебя ко мне, и не они главные. У тебя есть просьба.

— Есть, — признал он.

Его кровь возбужденно пульсировала в теле. Драгойка знала все, что творится на этой планете. Если кто-нибудь и может ей помочь, то это она.

Ветер дул медленный, но ровный. Он наполнял квадраты верхних парусов, раздувал спинакер, стаксели и кливера, под которыми шла на юго-восток «Огненная рыба». Море шумело, налетало валами, окатывало горькими брызгами с их гребней. Волны шли от солнца, рубиново-красные на просвет, и уходили за корму, подставив солнцу зеленые спины. Над кильватером корабля парила стайка летучих змей.

Резко крикнул впередсмотрящий. Моряки бросились к ограждению и на снасти, взглядываясь вдаль. Капитан Латажанда сохранила спокойствие. Услышав доклад по корабельному радио, она отдала приказы.

Фургон мягко снизился, выпустив понтоны, стараясь лечь на параллельный курс. Несмотря на осторожность маневра, Таргови чуть не опрокинулся. При этой гравитации волны набегали по-настоящему быстро и сильно.

Второй заход удался. Высунувшись в дверь, Таргови поймал брошенный ему конец и пристроился на буксире в кильватере. Потом на портативном гравилете перебрался на борт.

Не только команда, но и пассажиры высипали на палубу ему навстречу. Отбросив в сторону благование, которое охватило его при виде первого в его жизни воданита, он повернулся к Диане Кроуфезер. Она перепрыгнула через перила прямо в его объятия.

— Таргови, старая ты зараза! — разразилась она птичей трелью. — Что ты тут делаешь?

И вдруг, нахмурившись, отпрянула, не снимая рук с его плеч, и пристально всмотрелась ему в лицо через покрывавший ее голову витрил. Кроме шлема и компрессора, на ней было мало что надето. На Имхотепе, несмотря на его удаленность от светила, парниковый эффект был заметен даже на море.

— Что-нибудь случилось?

— И да и нет, — ответил Таргови на своем языке, который она понимала, а воданит скорее всего нет. — Мне бы стоило поговорить с тобой наедине, мой маленький друг. — И промурлыкал: — Но не страшись. Я, торговец, хочу дать тебе взамен этого твоего приключения другое — интереснее и опаснее.

— Но я ведь обещала Аксору...

— Он будет участвовать. Я рассчитываю, что ты его убедишь. Только дай я исполню свой долг.

Приветствовав Латажанду, Таргови объяснил, что везет срочное сообщение. Она и ее экипаж были неотесанным народом, но у них хватило воспитания не спрашивать о его содержании.

— Смею думать, ты знаешь, куда мы идем, — заметила она. — Острова Штирбorta и Бакбorta, где эта сумасшедшая парочка хочет искать развалины, оставленные легендарным древним народом, — она хохотнула. — Они нормально заплатили за фрахт.

— Мне придется их у тебя забрать. Но я возмешу тебе убытки, госпожа. Четверть всей платы за проезд.

При этих словах Таргови чуть дернулся. Платить надо было из своего кошелька, и он очень сомневался, что разведка хоть когда-нибудь утвердит этот расход.

— Четверть? Ты еще больше псих, чем они! Я ради этого рейса от такого груза отказалась! Три четверти как минимум.

— Послушай, такая соблазнительная киска должна привлекать столько пылких агентов, что только успевай отбиваться. — Большую часть всех коносаментов, брокеража и прочих береговых операций вели мужчины. — Как я им завидую! Твое обаяние заставляет меня повысить возмещение убытков до одной трети.

Латажанда посмотрела на него долго и внимательно:

— Слыхала я о тебе, торговец, ходивший за пределы неба. Если у тебя есть время принять мое гостеприимство, то ради твоих историй я соглашусь на две трети.

Дружелюбная торговля пополам с флиртом длилась до тех пор, пока они не пришли к соглашению, куда входила еще и веселая ночь в ее каюте. Она любила разнообразие, а он так против этого пункта вообще не возражал.

Пошли дальнейшие представления и неторопливые ритуалы установления знакомства с Ф. К. Аксором, так что Диана и Таргови смогли поговорить наедине не раньше заката.

Они расположились в вороньем гнезде на грот-мачте. Таргови сохранял равновесие при качке не хуже любого другого из своего народа, а Диане так это понравилось, что она даже не сразу могла успокоиться и слушать.

Порывами налетал ветер, окутывая их запахом йода. Корабль потрескивал и переваливался с волны на волну. Лучи низкого солнца вставали мостами над водами. Не так-то легко будет пощетвовать этим путешествием ради другого.

— Моя мать Драгойка рассказала мне о тебе и твоем спутнике, — начал Таргови. — Ты к ней обратилась, и она помогла тебе с этой поездкой. Благодарю богов, ибо это явно они мне вас послали.

— Что ты от нас хочешь? — спросила она.

— Как ты смотришь на то, чтобы слетать на Дедал и там пошататься по планете?

— Восхитительно! Я видела только Аурейю и ее окрестности... — Диана взяла себя в руки. — Но я обещала Аксору быть его гидом, переводчиком и помощником.

— Аксор отправится с тобой. На самом деле в этом весь смысл.

— Как ты не понимаешь? Он не для собственного удовольствия путешествует, и не с научной целью, собственно говоря. Для него это... ну, вроде паломничества. Мы никуда не можем тронуться, пока он не осмотрит камни на этих островах.

— Они там лежат уже тысячи лет — миллионы лет, если он прав. Могут подождать еще чуть-чуть. Ты ему скажи — и это правда, — что есть шанс, который лучше не упускать. Скоро между планетами Патриция будут летать только военные корабли.

— Как? Почему?

— И один только Джавак Огнеметатель знает, когда опять откроют космические линии. Если Аксору придется застрыть, то лучше на Дедале, чем на Имхотепе. Кажется, этот воздушный шлем причиняет ему боль.

— Кажется, да, хотя он ни разу не жаловался. Пришлось делать для него специальный образец. В Лагере Ольги он чувствовал себя нормально.

— А что ему там делать? И притом Дедал может оказаться как раз тем миром, который он ищет. Куда вероятнее, я бы сказал. На планетах размеров Имхотепа когда-нибудь что-нибудь такое находили? Возможно, он зря тратит усилия. Ты, мой юный друг — нет, потому что тебя просто путешествие радует. Но точно так же и даже лучше ты можешь путешествовать по Дедалу. И шлема не нужно. И много красивых молодых людей.

Диана фыркнула и откинула голову назад, насколько смогла это сделать, сидя на мачте.

— Спасибо, с этим я как-нибудь сама разберусь. Ты знаешь там что-нибудь, что могло бы оказаться следами Древних?

— На своем пути я видел любопытные вещи, а о других слышал. Как только мы там окажемся, я начну спрашивать многих и более целеустремленно, пока не найду вам объект-другой, а то и третий.

Она пристально глянула ему в глаза:

— Тебе зачем это нужно?

— Ну, понимаешь, торговцу, который чует, что пахнет грозой, хочется иметь информацию получше...

Она рассмеялась:

— Хватит лапши на уши. Нас никто не подслушает. Ты такой же бродячий торговец, как и я, и я это уже много лет знаю. Кто ты такой на самом деле, невежливо было спрашивать — до этой минуты.

Он присоединил к ее смеху свой едкий смешок:

— Ну, маленький друг всего мира, ты дочь своего отца! Я подозревал о твоих подозрениях. Кое-какие замечания, даже пока ты еще была мала, не совсем такие, каких можно ожидать от ребенка, когда он взбирается на колени к сыну подруги своей матери, чтобы послушать о его приключениях... Ладно, я верю, что ты будешь молчать, и признаю, что время от времени честно зарабатываю пару кредитов, используя свои органы чувств на благо того войска, где служит твой отец. Это ужасно?

— Наоборот! — ответила она с энтузиазмом. — Тебя ведь субсидировал Флот? Этой сказочке про пиратов я никогда не верила.

— Ладно, — проворчал он неохотно, — поговорим подробнее в другой раз. Сегодня важно, что дьяловов спустили с цепи. Меня на Дедале слишком хорошо знают. А безобидный старый священник и его юная спутница — какое подозрение могут вызвать их странствия с чисто религиозной целью?

Диана напряглась:

— А что мы будем делать на самом деле?

— По сути дела, отвлекать от меня внимание. У меня там есть дело, которое сейчас лучше не обсуждать. А вы будете все время на виду, не представляя ни для кого угрозы.

Она нахмурилась:

— Использовать Аксора я не стану.

— И не придется, — Таргови развел руками. — Кто сказал, что вдоль реки Высокой Дороги нет реликтов Древних? Или на дальних островах? Там уже и миллионы лет назад было хорошее место для поселения. Я тебе помогу собрать о них информацию.

Она закусила губу:

— Ты меня искушаешь. Так нечестно.

— А ты подумай, зачем я это делаю, — потребовал он.

— Зачем?

— Потому что все, что я на Дедале видел, слышал, раскопал — ведет к одному: адмирал Магнуссон задумал мятеж. Войска прогласят его императором, и он их поведет свергнуть Герхарта.

Наступило молчание, и были слышны лишь море, ветер и корабль. Диана вцепилась в ограждение вороньего гнезда, безбожно швыряемого качкой, и уставилась на горизонт. Наконец она низким голосом произнесла:

— Не слишком неожиданно. В Лагере Ольги тоже про это слухи гудят. Народ в основном боится контратаки Империи. Я себе нашла кое-какие укрытия. Только это глупость, наверное. Кому надо будет наносить удар по Имхотепу? Просто дождемся, чем все кончится.

— Бунт и гражданская война, а тебе все равно?

Диана пожала плечами:

— А почему нет? Такое будет не первый раз. Судя по тому что я слышала, адмирал Магнуссон будет отличным императором. Он силен, умен и с мерсейцами сумеет разобраться лучше.

— Что заставляет тебя так думать? — медленно спросил Таргови.

— Ну а как же? Он на этой границе уже годами с ними имеет дело, так? И когда произошел взрыв, то не по его вине. Он их встретил и задал им трепку. Силу они уважают. Слыхала я, как его обвиняли, что он не воспользовался победой и не разнес весь их флот, но я думаю, он был прав. Этого ройдхун не мог бы простить. Разве не ты меня учил, что всегда надо оставить врагу путь отступления, если ты не собираешься его убить? А так у нас снова мир и дипломаты работают над договором.

— Ты еще молода. А я уже потерял веру в то, что реки могут вдруг потечь вверх, чайник, поставленный на лед, закипит, а правительства проявят мудрость и добрую волю. Скажи мне, что ты знаешь про адмирала Магнуссона?

— Ну, то же, что и все.

— А что именно? Произнеси это для меня. Я-то всего лишь ксенософонт.

— Не надо так язвить! — вспыхнула Диана, но, успокоившись, сказала:

— Ладно, раз ты настаиваешь. Он родился на Кракене... м-м... сорок с чем-то терранских лет назад. Планета эта для людей суровая. Они вырастают закаленными — или погибают. Независимая порода: их космонавты ведут торговлю и внутри Империи, и вне, рядом с Бетельгейзе и с самой Мерсейей. Но рекрутов оттуда к нам приходит больше, чем могла бы быть их доля. Магнуссон смолоду вступил в Космическую пехоту. Отличился в нескольких тяжелых ситуациях. Во время заварушки с Мерсейей у Сиракса принял командование подбитым кораблем после гибели офицеров и вывел его из боя. Тогда его начальство перевело его во Флот и послало в Фаундри — офицерскую школу в секторе Альдебарана. У нее репутация будь здоров.

— Что он делал во время последнего кризиса престолонаследия?

— Которого? Тройной схватки за трон, которую выиграл Ханс Моллитор? Сейчас... он тогда... ага, он тогда должен еще быть в академии. Но я читала статьи, как он отлично действовал при подавлении пары следующих мятежей и на переговорах с мерсейцами, так что нельзя сказать, что он был нелоялен. Он вообще редко бывал на Терре и никогда не лез в политику, как говорят, но по службе продвигался быстро.

— И что он женился на наследнице с Ньянзы, ему тоже не повредило.

— Да брось ты! Чтобы продвигаться по службе, гражданской или военной, деньги нужны. Это даже я знаю. И это не значит, что он ее не любил.

— Это официальная биография. А что ты знаешь о нем как о личности?

— Ну, только такое, как обычно в новостях показывают... Нет, я еще говорила с ребятами, которые у него служили. И мне нравится, что они говорят. Он мужик без юмора и суровый, но всегда справедлив. Самого последнего рядового выслушает, если это по делу надо. Обычно немногословен, но если разговорится... — Диана поежилась. — Слыхала его речь — в прошлом году, конечно, когда он нас спас от мерсейцев. У меня еще и сейчас мурочки по коже, как вспомню.

— То есть герой, — сказал Таргови как бы про себя.

Взгляд Дианы стал жестче:

— А почему бы и нет?

— На этом этапе мне лучше помолчать, — задумчиво ответил Таргови. — Может быть, я в своих опасениях ошибся. Только ты спроси себя, какие элементы — допустим, преступные — могут сговориться, чтобы воспользоваться хаосом. Спроси себя, какой вред могу принести я кому-нибудь вообще, пытаясь докопаться до правды, какой бы она ни оказалась.

— Хм-м-м... — она смотрела вдаль. — Аксора уговорить — потому что дурачить я его не буду, Таргови, хотя могу как-то оттеснить факты — м-м-м... Ладно, если я скажу, что Дедал для его поисков лучше, и нам бы неплохо было добраться туда, пока еще можно, а ты нас берешь с собой, потому что сам слегка заинтересовался — это может сработать. Понимаешь, он искренне верит в существование Добра.

— В чем ты и я не очень уверены. Зато мы точно знаем, что зло существует, — сказал Таргови. И в голосе его вдруг зазвучала сталь. — А еще, Диана Кроуфезер, подсчитай, во что обойдется гражданская война, начатая твоим героем. Разрушение, смерть, опустошение, боль, горе — и все это миллионократно. Ты больше склонна к сочувствию, чем я.

Глава 4

Дом адмирала сэра Олафа Магнуссона стоял в уютной зеленой роще в ста километрах от Ауреи к северу. Для человека его богатства и положения дом был маловат, а интерьер скромен. Но так пожелал адмирал, а приняв решение, он умел добиваться его

исполнения. Единственной роскошью, если можно так ее назвать, был гимнастический зал, где адмирал проводил не менее сорока минут из каждого пятнадцати часов, и площадка для наблюдений, где он при необходимости предавался медитации. Конечно, так бывало лишь тогда, когда адмирал был дома, что последнее время случалось нечасто.

Адмирал стоял на площадке, рассеянно глядя вдаль — высокий мужчина с крепкой мускулатурой, с крупными чертами широкого лица, с белобрысыми бровями над сапфировыми глазами, редеющими песочного цвета волосами. Лицо загорелое и изрыто морщинами, на левой щеке боевой шрам, который он не дал себе труда убрать и который стал чуть ли не фирменным знаком. Перед ним расстилалась необъятная ширь земли и неба. Поблизости земля была отдана терранской флоре: траве, розам, остролисту, кустарникам, дубам, кленам и еще разным деревьям; вокруг домов, принадлежащих людям, цвели сады Империи. Дальше свое брали исконная природа Дедала, деревья и кустарники, тень чернозеленых блестящих листьев, ни одного цветка. В высоте пролетали не птицы, хотя крылья их сияли в вечернем солнце, подобно орлиным. Заходящее на западе солнце уже начало терять форму диска. Вокруг него переливалась дымка, и можно было видеть, как все толще становится слой воздуха, сквозь который пробиваются его лучи. Над светилом парили золотые облака.

Олаф Магнуссон если все это и видел, то воспринимал лишь краем сознания. Не был он увлечен и созерцанием Всего, как предписывала его неосуфийская религия. Он старался ему предаться, но мысли уходили в сторону, пока наконец он не осознал, что размышляет о той ипостаси Божественного, что предстояла перед ним в этот вечер.

Сила. Сила бесстрашная, не знающая колебаний, служащая воле, что не жестока и не милосердна, но лишь твердо идет по дороге своей судьбы.

...Это видение ему не удалось задержать надолго. Слишком оно было прекрасно для человека. В сознании его продолжали мелькать голые факты, практические соображения, вещи, которые нужно сделать, вопросы о том, как их сделать — да, крестовому походу тоже нужны интенданты.

До его слуха донесся звук шагов и дыхание. Он повернулся уверенно, владея своим телом, как фехтовальщик или альпинист, поскольку был и тем и другим. Это оказалась жена. Она остановилась в метре от адмирала.

— Что такое? — спросил он требовательно. — Срочное?

— Нет, — ее тихий голос был еле слышен сквозь холодный посвист ветра. — Извини. Я не стала бы тебе мешать, но уже

поздно и дети есть хотят. Я хотела узнать, будешь ли ты с нами обедать.

Бас загремел:

— И ради такой ерунды ты прерываешь мою медитацию?

— Извини, — повторила она. Но не съежилась, а стояла пред ним со своей собственной гордостью. И собственной грустью. — Вообще я не стала бы. Но раз ты уезжаешь надолго и Бог знает, вернешься ли когда-нибудь...

— Откуда такие мысли?

Вида Лонве-Магнуссон улыбнулась краями губ:

— Ни за какие деньги ты никогда не взял бы в жены дуру, Олаф. Вспомни, что я знаю тебя долгие годы, и внимательно слушаю новости, и историю изучала. В какой день войска вдруг провозгласят тебя императором? Завтра?

Пораженный против своей воли, он посмотрел на жену долгим, пристальным взглядом. Она ответила на его взгляд, не сморгнув. И тонкая фигура в простом платье не склонилась. Да, хорошая порода выросла на Ньянзе. Ее предки прошли такой же жесткий отбор враждебной природы, как его собственные, хотя потом их океаническая планета достигла процветания, невозможного на холодном и массивном Кракене. Когда он женился, среди прочего была и такая мысль: скрещивание даст замечательных отпрысков.

У него потеплело внутри.

— Я хотел уберечь тебя от тревоги, Вида. Может быть, даже слишком, я ведь не сомневался в твоей верности. Но чем меньше народу знает, тем выше шансы на успех. Преждевременное раскрытие тайны — катастрофа, как ты сама понимаешь. Теперь все готово.

— И ты в самом деле собираешься это сделать?

— Ты будешь императрицей, милая, императрицей звезд, которых на Дедале никогда не видно.

Она вздохнула:

— Мне бы лучше, чтобы ты был со мной... Нет, жалость к себе — самое презренное чувство. Позволь мне лучше спросить, Олаф, зачем ты это делаешь?

— Чтобы спасти Империю.

— Правда ли? Тебя всегда звали суровым человеком, но человеком чести. Ты давал присягу.

— Это Империя нарушила верность, а не мы, которые сражались и умирали, пока дворяне на Терре попивали вино, а взяточники наживали состояния.

— Война — единственный путь к реформам? Что будет с Империей? Что будет с нами, твоими людьми — твоей семьей — если ты уведешь силы обороны? Ты удержал этот сектор для Терры. А теперь ты приглашаешь мерсейцев явиться и взять его.

Магнуссон улыбнулся, шагнул вперед, положил руки ей на талию:

— Об этом не волнуйся, Вида. И ты, и дети будете в полной безопасности. Я все объясню в прокламации, а подробности пойдут в публичные банки данных. Тебе надо просто подумать, и ты поймешь. Этот сектор — основа моей силы. Пока мы не зайдем и не организуем значительную территорию где-то еще, здесь наши ресурсы и наши резервы. А система Патриция — ее краеугольный камень. Почти любая планетная система в окрестности либо отсталая и нищая, либо вообще бесполезна для дышащих кислородом. Вот почему наша база здесь, вместе со всей необходимой промышленностью. Первой мыслью Герхарта будет ударить по Дедалу, отрезать меня от источников снабжения. Так что я должен оставить здесь достаточно сил, чтобы это не было возможным и чтобы иметь обеспеченный тыл. А мерсейцы хорошо знают, что соваться сюда не надо. Обещаю тебе.

Она вздрогнула, напряглась и сказала с вызовом:

— Что ты еще обещаешь? Почему кто-то должен пойти за тобой, кроме преданных тебе частей? Нет, я не говорю, что ты плохой правитель. Но кто может быть настолько хорош, чтобы цена оправдалась?

— Ты слышала мои речи и дома, и на людях, — ответил он. — Я не объявляю себя суперменом или кем-то в этом роде. Может быть, есть кандидаты и получше. Только где? Кто еще сможет снова сделать Империю сильной и доблестной?

Он понизил голос, и в нем послышалась дрожь волнения.

— И, Вида, я возмешу потерянные жизни, так, как требует величие Империи. Потому что я забью последний гвоздь в гроб этой бессмысленной, многовековой вражды с Ройдхунатом. Мерсейцы — не чудовища. Да, они агрессивны, но такими были и люди на заре своей истории. Они прислушиваются к сильному — и я покажу им, что я силен. Это уже случалось — в небольшом масштабе. В Галактике хватит места на обе наши расы. Разве не привлечет эта мечта усталые миры?

Наступившее молчание длилось. Солнце стало разливаться красно-золотой дугой.

Вида склонила голову на грудь своего мужа. Он обнял ее за плечи.

— Да будет так, — шепнула она. — Буду удерживать форт, как смогу. Понимаешь, пусть мне часто кажется, что это глупо, но так оно и есть — моя любовь к тебе не исчезла. И я не хочу, чтобы она ушла.

— Хорошая девочка, — шепнул он в аромат ее волос. — Пойдем порадуемся семейному обеду.

Неплохой случай вдохновить сыновей.

Глава 5

«Лунный кузнец» вырвался из гравитационного колодца Имхотепа с трудом, но теперь, в чистом космосе и при такой конфигурации планет, его гравитаторы могли перебросить корабль к Дедалу меньше чем за пятьдесят часов. Внутри прочного корпуса Таргови нарочно установил терранские давление и вес, а сам надел оксигилл. Поставив корабль на автопилот, он присоединился к пассажирам в салоне. В изысканных выражениях извинился за тесную каюту, где Аксору приходилось сворачиваться в клубок, а Диане — устраиваться на столе.

В салоне убавили свет, и все с интересом смотрели на обзорный экран. Там уходил вдали шар планеты, ослепительно белый и зелено-синий, с серебряно-пепельными лунами; хрустальная тьма сверкала алмазными огоньками звезд — лучистой дорогой Млечного Пути.

— Величайший из всех художников — Господь! — пророкотал воданит и осенил себя крестным знамением.

Таргови — язычник, если вообще тут стоило говорить о вере, — тронул висящий у него на шее талисман, аквамариновый шестигранник с золотой инкрустацией в виде переплетенных треугольника и круга.

— Непревзойденный и удивительный, — согласился он.

На него накатила тоска дальних странствий. Был бы у этой жалкой лоханки гипердрайв, можно было бы свет обогнать и увидать чудеса без конца и края!

Но даже и одна планета может подносить сюрпризы в течение всей жизни. Штука в том, чтобы избегать тех, которые смертельны.

— Я считаю, вам следует хорошо понимать, чего мы можем ожидать по прибытии, — объявил он. — Дедал имеет некоторые неповторимые особенности. Диана, мне, чтобы добраться к холодильнику, пришлось бы перелезть через нашего друга. Ты не накроешь на стол? Там есть мясо, пиво, холодный чай и хлеб для тебя и его преподобия, если он пожелает.

— А вот я бы пожелала, чтобы ты не забыл заморозить пару пакетов фруктов, — упрекнула его Диана. — Я люблю мороженые ягоды и обещала Ф. К. дать попробовать.

— В Ауреи могут найтись привозные. — Таргови прыгнул к столу и свернулся возле девушки. В поле такой слабой гравитации это было просто, а к оксигиллу он привык так, что тот почти и не мешал. Только надо было поддерживать активность, а то мышцы размякнут. Он вернулся к несколько щекотливому вопросу. — И не забудьте мне напомнить, чтобы я вас снабдил деньгами, если только у Аксора не осталось больше, чем я думаю. Вам придется

всю еду покупать, и многое другое тоже. На Дедале еда недешева, а вам ее будет нужно много.

— Ах-ха... Да, я слышал, местные формы жизни для нас несъедобны.

Диана кивнула, делая сандвич:

— Ядовитые не попадаются, и заболеть от них не заболеешь, а только ничего наши тела из этой еды не извлекут. Там есть и растения, и животные, но не того типа, что твои, мои или Таргови. Белки у них с правыми аминокислотами. Держи, — она сунула Аксору сандвич.

Он был огромный, но исчез в глотке быстрее, чем капля на раскаленной плите. Диана присвистнула и отрезала ему кусок ростбифа — примерно половину.

— Так что пришлось ввозить терранские и другие растения, а потом животных? — осведомился Аксор.

— Ага, — ответил Таргови, — и это было нелегко. Растениям нужны микробы, черви и вообще вся экологическая среда, иначе они расти не будут. И местная жизнь тоже не хотела уступать. А она к тамошней среде приспособилась. Каждый клочок земли надо было стерилизовать вплоть до скального ложа — радиацией или химией, — а потом терпеливо выращивать новые организмы. А старые тем временем пытаются его отвоевать. С водными организмами не проще.

— Зачем же поселенцы предприняли столь трудную работу?

— Дешевле, чем зависеть от синтеза. А в долгосрочной перспективе — и надежнее. Куда проще разрушить заводы, чем фермы.

— Ты не так воспринял мою мысль, сын мой. Прежде всего я имел в виду, что не понимаю, зачем люди решили поселиться на такой планете.

— О небо, да ты в самом деле не от мира сего, дорогой? — сказала Диана, подавая ему еду. — Правда, вы, воданиты, никогда не имели, в отличие от нас, такой адской тяги колонизировать планеты. Наверное, потому, что вы не размножаетесь как сумашедшие. К тому же планет, где люди могут жить без всяких технических штучек, не так-то много. Очень хороши искусственные мини-миры... если ты не имеешь ничего против комнат, где локтями в стены упираешься, жестких законов, зависимости от внешних поставок и уязвимости для нападения. Если тебе это не нравится — берешь что подвернется. Когда Дэвид Джонс открыл Дедал, лучшие места в исследованном космосе уже расхватили, а идти в неисследованный — это такая долгая история, что поселенцы совсем оторвались бы от своей цивилизации.

— Цивилизаций, во множественном числе, — указал Таргови. — Туда не только люди прибыли. Еще представители многих рас с такими же или похожими требованиями к среде. Кое-кто хотел

осесть на землю или просто подзаработать. У других был какой-то свой интерес. Да, на Дедала интересное вышло лоскутное одеяло.

— Занимательно, — хмыкнул Аксор. — Рискну предположить, что, в силу политической необходимости, эти общины должны пользоваться широкой автономией.

— Ага. Одни добились ее в первые годы в переговорах со слабой тогда планетной властью. У некоторых регионов Дедала велик экономический потенциал. Особенно на островах — их легче всего защищать от проникновения местной жизни. И началось это все со времен Содружества — правительство тогда всюду отпустило вожжи. Когда все прибрала к рукам Империя, самые большие баронства оказались достаточно богатыми, чтобы приобрести имперскую грамоту, гарантирующую от вмешательства властей, пока они платят дань и не затевают смуту.

Диана разлила выпивку и положила себе горчицы на хлеб.

— Империя всегда была на редкость терпимой, правда? — заметила она.

— Боюсь, все меньше и меньше в наши дни, — задумчиво сказал Таргови. — А если подумать, как пометят «новая метла»...

— А тогда, — бросила ему в ответ Диана, — вопреки всему, что ты говорил про адмирала Магнуссона, выходит, он с орбиты сошел, если решился на попытку переворота. Я что говорю: ему надо начинать с Дедала, а если тамошним жителям это не понравится и они станут упираться...

— Они послушаются, как бараны, лишь бы он не трогал черный рынок и все такое прочее, — прервал ее тигранин. — Как солдаты. Уверен, что многие будут не так уж сильно рады, когда их потащат из дома снова на войну, да еще так скоро. Только что им останется делать, как не кричать «ура» вместе с остальными? Ваш вид — восхитителен в своем роде, мой маленький друг, но у всякого вида — свои видовые слабости.

Таргови почесал подбородок. Вибриссы его улеглись, сверкнули клыки.

— И еще, — добавил он тихо. — Магнуссону, который отнюдь не дурак, придется заключить альянс с главными автономиями Дедала. Они помогут сохранить порядок в тылу до тех пор, пока он не завоюет достаточно пространства, чтобы не так зависеть от системы Патриция. Это — Пас де ла Фронтера... Лулах... Гундрунг... Захария — да, Захария... С ними и с другими регионами он точно договорится.

Аксор очень расстроился.

— Наш разговор принимает ужасный оборот, — сказал он. — Что же нам остается — только заниматься своими делами и молить Господа смилиостивиться над беспомощными созданиями Его по всей Галактике?

— Нам? Добраться до Дедала раньше, чем Джавак Огнеметатель выпустит пламя войны на волю и нам запретят передвижения, — ответил Таргови, уже не в первый раз.

— Да-да, я понимаю, и с вашей стороны очень благородно оказать мне помощь в поиске, — вздох Аксора чуть не опрокинул бутылку пива перед Дианой. — Но мы обсуждали не столь печальные темы. Вы мне, кх-гм, описывали Дедал — саму планету, чистое создание руки Господней до прибытия туда грешных софонтов. Кажется, я вспомнил, что ее считают во многих отношениях необычной.

— Ага, — пробормотала Диана с набитым ртом, — там горизонта нет.

Аксор поднял змееподобную шею:

— Извини?

— Тамошние условия — в основном давление и температурный градиент — они такие, что свет преломляется по кривой и обходит всю планету. Теоретически, если там посмотреть в телескоп, увидишь собственную спину. На самом деле не так — из-за гор, туманов, еще всяких помех. Зато суточный цикл там — пятнадцать с половиной часов, что вообще для внутренней планеты мало — это впечатляет.

— Как интересно!

— Я читал, что такое есть еще кое-где, — вступил Таргови. — Но те миры для жизни не годятся.

— А вообще-то, — добавила Диана, — сама Терра тоже была бы такая, если бы при той же самой атмосфере была на несколько километров поменьше радиусом — так мне говорили. На сколько километров? Кажется, на тринадцать. В смысле гравитации сущая мелочь. Вот на Дедале так и получилось.

— Так пожелал Господь, а зачем — это узнали Древние, и, быть может, нам тоже будет это дано, — продекламировал Аксор, как слова гимна. — Что за чудо!

Весть пришла, когда «Лунный кузнец» вышел на посадочную кривую. Планета заполнила весь передний экран. Ослепительно сияли полярные шапки. Меж ними, сияя голубизной морей, отсвечивая желтизной песков и глубокой зеленью лесов, легли шириной в семьдесят градусов тропики и субтропики, а над всем этим парили облака, завитые вращением планеты в тутие спирали. Чуть в стороне пятнышком отсвечивала единственная луна — Икар.

Неожиданно приемник поймал сообщение на правительственный частоте. Против своего желания, когда были отвергнуты его жизненно важные рекомендации о военной и политической реформе, адмирал сэр Олаф Магнуссон склонился на единодушный

призыв своих доблестных легионеров и согласился принять бразды правления Терранской Империи, дабы не допустить ее ввержения в хаос и дабы не стала она жертвой ничьей злой воли. Он вводит военное положение. Гражданское космическое сообщение приостанавливается, вылет может быть произведен лишь по специальному разрешению. Народ должен отнестись к этому с пониманием: средних размеров космическое судно, движущееся на межпланетных скоростях, несет энергию малой или средней ядерной боеголовки.

Гражданам следует продолжать свою обычную деятельность, насколько это будет возможно, и оказывать повиновение властям. Сопротивление будет сурово наказано. Но нет оснований для каких-либо опасений, скорее наоборот — наступает рассвет надежды. В ближайшие шесть часов новый император выступит по видео с объяснениями, заверениями и воодушевлениями для своего народа.

«Оставайтесь с нами. Божественное — в какой бы форме Оно ни проявляло Себя для вас — Божественное с нами!»

— Эйяда *шкор!* — выдохнул Таргови. — Читал я когда-то про одно надгробие на Терре. Там было написано: «Я ждал этого, но не так рано»

— Что делать будем? — спросила Диана, погруженная в противоперегрузочное кресло, втиснутое у пульта управления. — Повернем?

— Нет. Нас уже Планетный Контроль засек. Они нас, правда, точно отпустили бы, но... с моей стороны было бы естественно продолжать, как задумано. Цель всей игры была поставить ногу на тот шарик.

Таргови нахохлился. И вдруг разразился речью:

— Послушай, не будь ты дочерью Марии Кроуфезер и Доминика Флэндри, я бы жалел, что втравил тебя в такое дело. Но теперь я должен работать с тем, что у меня есть, и слава богам, что это настоящая сталь. Я собирался рассказать тебе больше, когда будет случай, но сейчас это может подождать. И так я сообщил больше, чем нужно для твоей безопасности. Почти все, что у меня было, — это мои подозрения о том, что грядет, да еще страхи — как кое-кто сможет использовать этот хаос. Конечно, не я один до этого додумался. Если ты больше ничего знать не будешь, то больше ничего тебе скрывать не придется, и я не думаю, что тебя будут особенно сильно допрашивать, тем более что Аксор явно в этом не замешан. Сохраняй спокойствие, поступай по-своему, как ты всегда делала — и все будет в порядке.

Она протянула к нему руку, на полпути отдернула и сказала слегка неуверенно:

— Ты это о чем?

— О том, что для моего здоровья может оказаться не полезно, если я промедлю после посадки, — ответил он. — Так что я этого не сделаю. Представь себе, что меня подозревают в контрабанде оружия, в преданности династии Моллиторов, в невосторженном образе мыслей — да в чем угодно. Да, для тебя просто удар, что твой спутник в чем-то таком замешан. Ты знала только, что тебе предложили полет на Дедал, чтобы вы с Аксором были моим прикрытием в каких-то целях, которые у тебя не было никаких причин полагать противозаконными. Ты поняла?

И они ударили по рукам.

На Дедале погода не управлялась. Когда «Лунный кузнец» спустился, над Ауреей бушевала буря с ливнем. Таргови это было на руку, хотя он бы и без этого обошелся.

Взвод Императорской Космической пехоты уже ждал приземления, чтобы арестовать находящихся на борту лиц. В последнюю минуту Таргови отключил наземный контроль и посадил корабль вручную в дальнем конце поля. Выскочив прямо через шлюз, он исчез за завесой ливня. От попыток отыскать его по химическим следам пришлось вскоре отказаться, поскольку их заглушали разнообразные запахи старого квартала. Известные властям его контакты, такие, как хозяйка гостиницы Жу Шао, отрицали осведомленность о его местопребывании. У сил безопасности было полно работы, и дальнейший розыск был прекращен. В конце концов, оказавшийся вне закона тиагрин будет на Дедале абсолютно беспомощен и безнадежно подозрителен для каждого.

Тем временем взвод окружил его пассажиров и препроводил их в комендатуру. Поначалу космопехи нервничали и держали оружие наготове, но сопротивления никто не оказал. Симпатичная девушка приятно улыбалась, а дракон раздавал благословения.

Глава 6

— Настал наш час!

Тахвир Темный, Рука ваха Датир, выдержал паузу в тридцать ударов пульса, дабы слова его врезались в умы слушателей. Это были члены Великого Совета, на заседании которого он председательствовал — подвластные ройдхуну правители Мерсейи и ее доминионов.

Их лица заполнили многочисленные экраны коммуникатора, перенесенного на крышу башни замка. В эту великую минуту он желал, чтобы перед ним открывались все земли его ваха и чтобы древние боевые знамена плескались над его головой. Солнце Корих заливало сиянием лесистые склоны гор, широкие поля и

редкие поселения долины, дальние снежные пики. В бескрайней высоте парил в охотничьем полете клыкастый гриф. Под ним на террасе стояли по стойке «смирно» его сыновья в древних доспехах, отдавая честь предкам и потомкам — целостности Расы.

— То, что готовилось в глубокой тайне, свершается ныне в кличе фанфар! — говорил Тахвир. — Ныне мы пожинаем плоды нашего терпения. Сегодня мне доложили, что Магнуссон восстал. Его корабли уже летят в битву.

Общее радостное шипение. Взгляды наполнились обожанием, граничащим с обожествлением. Он, Тахвир Темный, командор космических эскадр, унаследовавший титул Руки ваха Датир и получивший звание пэра Мерсейи — он, худощавый стареющий воин в простом черном мундире, привел их к этому триумфу.

Эту мысль он понимал и потому поднял предостерегающе руку.

— Но рано еще ликовать, — произнес он. — Мы только начали. И победа может ускользнуть от нас, как ускользала от поколений и поколений наших предков. Великий Брехран Железный Рок создал план, который должен был окончательно погубить терран, и план этот рассыпался в руках его. Во имя Брехрана — после имени ройдхуна — должны мы преуспеть.

— Каковы в точности известия? — спросил Одхар Немногословный.

— Немногим подробнее, чем я уже сказал, — ответил Тахвир. — Сообщение попадет в ваши личные базы данных, на досуге изучите его, но не ждите особенных подробностей через океан глубиной во много парсеков.

Ему вдруг остро захотелось, чтобы был какой-то межзвездный эквивалент радиосвязи — мгновенный — вместо курьерских судов и посыльных торпед, которые в лучшем случае покрывали половину светового года в час. Вот если бы можно было модулировать пульсацию искаженного пространства, которая позволяла обнаруживать их на расстоянии вдвое большем... Да ее и можно было модулировать, но лишь в диапазоне обнаружения. Та же квантовая неопределенность, которая позволяла обходить релятивистские ограничения в скорости, не давала построить релейные станции. Но как бы там ни было, а технические ограничения были общими для всех. И многое в плане Тахвира зависело от того, удастся ли их использовать во вред противнику.

— Отправили инструкции в наше посольство на Терру? — спросил Алвис Длиннохвостый.

— Пока нет. Сначала я хочу, чтобы здесь присутствующие рассмотрели мой проект этого письма. Хочу слышать ваши предложения, и вы в любом случае должны быть знакомы с его содержанием.

— Есть ли какие-то причины, по которым это важно?

— Нет, в этом отношении ничего не изменилось. Мы должны доверять Хвиоху в его действиях в любой могущей возникнуть ситуации.

Для такой веры были основания. Пусть Хвиох и носил в молодости кличку «Щеголь», но и тогда он уже был судьей Дхангодхана, а теперь ему больше подошла бы кличка «Проницательный» — хотя он предпочитал, чтобы терране его недооценивали. Он найдет — нет, создаст предлог для срыва переговоров по договору о ненападении, которые до сих пор так искусно затягивал. Это вызовет волну недовольства среди дворянства, богатых простолюдинов и интеллектуалов по всей Империи, а тогда начнут кричать о необходимости «новой политики», ведущей в более благоприятном направлении.

А тем временем Хвиох при каждом найденном или созданном им удобном случае будет объяснять, что в отсутствие подобного договора неизбежны инциденты, ведущие к вооруженным стычкам. Если один линейный корабль может нести оружие, достаточное для уничтожения целой планеты, и если Империя не может поддерживать порядок в собственном доме, Мерсейя обязана принять меры к защите спорных районов. Иногда это требует преследования по горячим следам и вторжения в пространство, объявленное Империей своим. Ройдхунат сожалеет о каждом таком случае и сохраняет готовность возобновить усилия по установлению прочного мира, как только терранское правительство готово будет к этим усилиям присоединиться.

К сожалению, терранское правительство будет в ближайшие годы слишком для этого занято собственными делами...

— Когда приведем Флот в полную боевую готовность? — спросил Гвинафон из Сверкающих Вод.

— Может быть, и никогда, — ответил Тахвир. — Если да, то не скоро, с учетом всех непредвиденных обстоятельств. В конце концов, терранское посольство будет докладывать обо всем, что узнает. Командиры выделенных частей уже готовы к делу. Но с этим тоже не надо торопиться. Пусть какое-то время все идет своим чередом.

Вопрос был просто смешной — стратегия обсуждалась на совете неоднократно и подробно. Но Гвинафон был в Совете новичком, да к тому же не слишком умным, а еще — племянником ройдхуна. Приходится работать с тем материалом, что дает тебе Бог.

Тахвира кольнула внутренняя боль. Был бы жив Айхарайх — исходный план принадлежал ему, и на всех этапах разработки он тоже участвовал. Но Айхарайх погиб при бомбардировке его планеты денницианами. Во всяком случае, он тогда пропал без вести

с херейонитами никогда ничего нельзя точно сказать. И после него вся машина мерсейской разведки забуксовала. Ройдхунат наполовину ослеп, оказался до ужаса уязвимым, неспособным ни к какой инициативе, и так было десятилетие, пока не удалось создать новые структуры. Да, если бы Терра ударила в тот момент...

Но это не было в природе Империи — старой, сырой, коррумпированной. Вместо того терранские политики недоумевали, почему бы это им с Ройдхунатом не прийти к мирному соглашению. Неужто они не могут поделить целую Галактику?

Как будто хоть сколько-нибудь разумный мерсейский лидер мог думать о чем-то другом, когда за спиной у него затаилась такая сила! Когда-то, давным-давно, у человечества были такие же всесленские амбиции, какие были ныне у его Расы. И никто не сказал, что они не могут возродиться снова — пусть не на Терре, так в ее дочерних мирах. Или у других, но союзных им рас, у цинтиан, например, или у шотлан. Даже в упадке своем Империя была смертельной угрозой. И чтобы Раса могла пойти навстречу своей судьбе по дороге, уготованной ей Богом, Империя должна быть уничтожена.

Мы сделаем это, о тень Айхарайха, сделаем. За эти годы нашего унижения плоды твоего плана созрели. Сегодня — день начала победы.

Глава 7

Когда военные корабли ушли с орбиты, направляясь к звездам, фактическим правителем Дедала стал генерал-лейтенант Чезаре Гатто из Императорской Космической пехоты. Гражданский губернатор и чиновники продолжали свою рутинную работу, но они мало что значили. Поскольку Дедал стал штаб-квартирой сектора, почти все функции управления взял на себя Флот — от обязанностей планетарной полиции до посредничества между общинами. Гатто действовал как заместитель Магнуссона, почти вице-король.

И было несколько удивительно, что человек, столь перегруженный работой, велел привести задержанную Диану Кроуфезер к себе в кабинет. А может быть, и не было. Чезаре Гатто, муж и отец, никогда не терял чувствительности к женскому обаянию. А кроме того, здесь был случай необычный, который он не хотел перепоручать своим подчиненным.

— Прошу вас присесть, — сказал он, когда за Дианой закрылась дверь. Она села в кресло и поглядела на него через стол. Перед ней был невысокий, отлично сложенный мужчина с высоким лбом, крючконосым заросшим бородой лицом и бледно-

голубыми глазами. Воротник его был расстегнут, на мундире не было ни одной из заработанных им наград. Между пальцами дымилась сигарета.

Диана же выглядела вполне прилично, хотя слишком просторный комбинезон сидел на ней мешковато.

— Боюсь, что последние две недели были для вас не очень приятны, — продолжал генерал. — Надеюсь, что хоть физические условия были приемлемы.

— Вполне, — ответила она. — Меня, конечно, утомили допросы, а главное — тревога за моих друзей. Мне никто ничего не хотел говорить!

В ее голосе звучало скорее возмущение, чем жалоба.

— Раздельный допрос — это стандартная процедура, донна. Но могу заверить, что воданиту не причинили никакого вреда. Мне докладывали, что он почти все время сканирует книги из общей базы данных. Ученые труды и слезливые романы.

— А Таргови?

— Тигранин с Имхотепа? Я сам хотел бы знать. Скрылся из виду. Можете ли вы или воданит что-нибудь добавить к своему заявлению, что не знаете причины его бегства? У вас нет на эту тему новых мыслей?

— Нет, сэр, — она выставила подбородок. — Может быть, если бы мы знали, за что нас немедленно схватили, это навело бы на мысль.

Гатто взглянул на дымящуюся сигарету, затянулся, поднял глаза на Диану и сказал:

— Хорошо, я буду откровенен. Видите ли, вы и ваш спутник признаны абсолютно чистыми. Вас хорошо знают на Имхотепе, а проверка рассказа воданита подтвердила религиозную цель его путешествия — экзотическую, может быть, но безвредную. Ни его, ни вас нельзя представить себе участниками заговора, и допросы тоже ничего такого не выявили. Самое худшее, что за вами есть, — вы настойчиво искали оправданий для тигранина. Вас обоих можно было бы освободить раньше, если бы из-за срочности подготовки отбытия императора Олафа не пришлось отложить все остальное.

— Так мы можем идти? — просияв, вскочила на ноги Диана. Отлично!

— Прошу вас сесть. Мы еще не закончили. Слушайте. Я мог бы даже не узнать о вашем существовании — у меня много других дел, — если бы не особые обстоятельства. Главой разведки флота в нашем секторе является капитан Джеррольд Ронан. Он лично приказал поставить на контроль все данные по этому, э-э, Таргови. Поэтому по его прибытии на Дедал приказ о задержании для расследования

был издан автоматически. При обычных обстоятельствах ведомство капитана Ронана решало бы этот вопрос по своему усмотрению. Однако капитан отбыл с императором для выполнения аналогичных обязанностей в период кампании. Поскольку приказ о задержании был отдан на столь высоком уровне, он среди прочего был передан мне, когда я принял должность коменданта. В противном случае вас бы, несомненно, освободили намного раньше. Но вышло так, что никто не знал, что с вами делать, а движение информации по бюрократическим каналам — дело не слишком быстрое. Меня заинтересовал рапорт, и я решил лично исследовать чуть глубже. Что-то делалось не совсем понятное.

Диана снова увяла.

— А что именно? Я понимаю ничуть не больше вашего. Таргови бросал намеки на какую-то большую игру, но так, ничего определенного.

— Это мне известно.

Диана гневно вспыхнула. Допрос под наркозом — унизительная процедура, хотя у них хватило такта поручить ее офицерам-женщинам.

— И радуйтесь, что вы ничего другого не знали, как выяснилось. Тогда понадобилось бы гипнозондирование — все вытащить. В конце концов, у нас нет ни наркотиков, ни оборудования для обработки воданита.

Диана слегка сглотнула слюну, подавляя гнев и возмущение, и смогла лишь сказать:

— Тогда вы знаете, что мне известно, что Таргови был — и есть — секретный агент разведки. Аксор об этом, кстати, не слышал. Он бы только расстроился из-за такой... такой двойственности. Но какого лысого черта собственный начальник Таргови — капитан Ронан — захотел его проверять?

— Это в деле отсутствует, — ответил Гатто. — Но и так все очевидно. Императора Олафа поддерживают не все. У капитана Ронана были основания подозревать, что Таргови симпатизирует режиму Герхарта и может каким-то образом создать помехи. Тот факт, что он сбежал от ареста и скрылся, вполне подтверждает эту мысль. — Гатто сожурился: — Ваш допрос показал, что это его действие не было для вас полной неожиданностью.

— Ни один тигранин никогда не согласится по доброй воле попасть в клетку. И я его понимаю.

— Каково ваше отношение к текущему кризису престолонаследия?

Диана осторожно подбирала слова:

— Это должно было выясниться на допросе. Но, быть может, не слишком отчетливо, поскольку мне самой не очень это понятно.

Может быть, Магнуссон лучше будет править Империей. Я — всего лишь деревенщина и в политике не очень разбираюсь, — она подняла голову и заговорила уверенно: — Чего я боюсь — это гражданской войны, и черт меня побери, если я собираюсь стоять в толпе и хоть кому-то кричать «ура!».

Гатто улыбнулся:

— Ваша откровенность мне нравится. Но на людях лучше ее не проявлять... Ладно, вас с Аксором освободят, как только я отдаю приказ. Я также выдам вам обоим разрешения на отъезд первым доступным транспортом на Имхотеп, хотя такого случая придется подождать. Держите контакт с управлением космопорта, и вас известят.

Она покачала головой:

— Спасибо, но мы прибыли сюда для поисков следов Древних, и я не хочу подводить Аксора.

— Ха, а я бы сказал, что вас просто тянет на приключения. Будьте осторожны. Воздушные сообщения жестко ограничены и контролируются, наземный транспорт — медленный и ненадежный, — его голос посурошел: — А если вы хотите связаться с предателем, из ложного понятого чувства верности — даже не думайте. Если встретите его, немедленно сообщите патрулю. Любое другое действие будет сочтено изменой и наказано соответственно.

Диана вздохнула:

— Не знаю, как бедняга Таргови мог бы со мной встретиться.

— Действительно, он скорее всего погиб. Иначе его бы уже обнаружили. Я очень сожалею, донна Кроуфезер. Мне понятно, что он был вам дорог. Но вспомните, как он вас обманул и использовал.

Она издала какой-то странный звук и встала:

— Хорошо, так я пойду.

— Еще секунду. На меня ложится определенная ответственность. Вы — молодая привлекательная дама, непривычная к космopolитической среде. А на Дедале сейчас очень неспокойно. Большая часть личного состава Флота отбыла на битву за его величество, и в патрулях людей осталось мало. Приходится сосредоточиться на охране самых важных объектов. Вы хотите отправиться в дальние земли. С моей точки зрения, это крайне неблагоразумно.

— Почему? — Диана снова села. — Разве не поддерживает народ вашего славного вождя?

Гатто сморщился:

— Я говорю об обычных гражданских беспорядках и преступности. Любая контрреволюционная деятельность будет немедленно и беспощадно раздавлена.

— Вы и в самом деле отдали ему свое сердце? — тихо спросила Диана.

Он покраснел и зажег новую сигарету.

— Донна, я офицер Космофлота Империи. И в качестве такого-вого выполняю приказы вышестоящих начальников. Но присягу я давал самой Империи, ее цивилизации — нашей цивилизации. И я верю, что сэр Олаф может обеспечить такое правление, кото-рое нам остро необходимо.

— Вы не сказали, какой ценой.

— Не мое дело выражать политические мнения, — Гатто сделал рубящий жест рукой. — Хватит. — Он улыбнулся и сменил тон. — Тема моего разговора еще на две минуты — это вы. Ваша судьба меня заботит. Корабль и планетарный экипаж Таргови под аре-стом. Вам и Аксору будет разрешено взять оттуда лишь деньги и личные вещи. Согласно описи, денег у вас немного. Какое-то время на это можно прожить, но у воданита серьезные пищевые потребности, и любое путешествие, которое вы предпримете, бы-стро истощит ваш кошелек. Прошу вас, оставьте ваше сумасброд-ство. Я вам обоим обеспечу уютное и безопасное пристанище, пока вы не сможете вернуться на Имхотеп. И вы, может быть, захотите полюбоваться видами планеты с — э-э — местным гидом, когда у меня выдастся свободная минутка.

— Благодарю вас, сэр. Но у меня есть обязательства, которые надо выполнить. А о моей безопасности, когда я с Аксором, можно не волноваться. Он-то на самом деле и муhi не обидит, но ведь людям не обязательно это знать, правда?

Как бы нетерпеливо ни рвалась Диана на волю, она сознатель-но потратила еще полчаса на очаровательную беседу с генералом.

Глава 8

Два лица у войны.

Первое — техника, организация, стратегия, тактика и — да, и философия. Именно оно было обращено к адмиралу Магнуссону, будущему императору, и к служащим ему высшим офицерам.

У Патриция собрался не весь его флот. Адмирал собрал больше кораблей, чем обычно, но по необходимости многие базировались по всему сектору — на куда меньших станциях, чем были на Дедале и Икаре. Другие несли караульную службу вдоль космиче-ских дорог. Он знал, что многие командиры этих соединений бросятся на его зов, когда услышат. Другие, если предоставить их самих себе, — нет. Нужно было привлечь на свою сторону как можно большую часть Космофлота.

И потому его передовые силы устремились, опережая все сообщения, по сложному пути, выводившему их на расстояние связи с большинством эскадр. По пути всем встречным кораблям он объявлял свою прокламацию и отдавал приказ следовать за ним. Поскольку в каждом случае на его стороне было огромное огневое преимущество и поскольку именно он был комендантом сектора, сопротивления он не встречал. Кое-кого из командиров кораблей он заменил — собирая многие годы досье на всех, он хорошо знал каждого, — но смещенных он просто отправил чуть остыть, не выказав немилости. Очень вероятно, что добрая половина этих капитанов, обдумав все еще раз, принесет ему присягу на верность.

Но было неизбежно, что курьерские суда и посыльные торпеды будут разлетаться, разнося вести о восстании. Почти половина соединений, их получившая, оставалась на месте, поджидая его — пусть даже всего лишь потому, что их командующие не знали, что еще делать. Другие снимались с места, чтобы соединиться с силами Герхарта. Но не все корабли доходили до цели. На некоторых случались перевороты, матросы и офицеры сменяли командиров и возвращались к Магнуссону. Он был кумиром многих — и мужчин, и женщин, и других рас.

Второе лицо войны — для каждого свое. Вот, например, младший лейтенант Элен Киттредж. Имя выбрано наугад из списка личного состава. Там говорится только, что ей двадцать терранских лет, родилась и воспитывалась на бедной планете Виксен, прошла по конкурсу в Фаундри, была отличным кадетом, недавно получила назначение в качестве специалиста по лучевому оружию на легкий крейсер «Дзета Стрельца». Корабль входил в отряд капитана Фатимы бинт-Сулейман и действовал в поясе астероидов безжизненной планетной системы безымянного солнца. Бинт-Сулейман была среди добровольно примкнувших к эскадре Магнуссона. Можно предположить, что Киттредж от всего сердца это приветствовала. Помимо идеализма молодости, она должна была понимать, что теперь продвижение по службе пойдет быстрее.

Магнуссон не думал об обороне своего сектора, если не считать систему Патриция и других ключевых звезд. Нет, он сам перехватил инициативу, направив свои силы, как копье, внутрь Империи. Можно было бы предположить, что он таким образом оголяет свои линии снабжения и коммуникаций, давая противнику их перерезать. Но дело в том, что межзвездное пространство невообразимо широко. Чуть изменить маршруты, варьируя их от рейса к рейсу — и корабли уже не перехватить, разве что по самой невероятной случайности.

Еще Магнуссон не собирался долго держать все корабли вместе. Даже выросший, его флот был в пугающее число раз меньше

той мощи, что могла собрать против него Империя. И все же адмирал разделил его на пять частей. Четыре из них, под командой надежных адмиралов, разлетелись на север и на юг по часовой стрелке и против, по сути лишь маскируя его намерения. Основные силы с самим Магнуссоном во главе взяли направление на сектор Альдебарана. «Дзета Стрельца» шла вслед за флагманом, супердредноутом «Туманность Орла».

Это была здравая мысль. На самом деле Империя не могла бросить против него больше малой доли своего Флота — остальные корабли должны были оставаться на своих постах, иначе варвары, бандиты и сепаратисты устроили бы такой хаос, что не осталось бы чем править. Еще была страшная угроза со стороны мерсейцев. Кроме того, навязать бой в космосе практически невозможно. Тот, кто не хочет драться, всегда может сбежать. Дальше чем один световой год вибрации гипердрайвов не засечь.

И потому Магнуссон мог ударить с огромной силой куда захочет, по крайней мере в наружных секторах Империи. Районов, близких к Солу, самых населенных и хорошо защищенных, он должен избегать, пока не наберет достаточно сил для вторжения. Этим он и собирался заняться.

Может показаться, что он слишком растянул свои силы и что сторонники Герхарта могли просто взять его измором, если ничем другим. Но у него были причины считать, что для этого его продвижение будет слишком быстрым и слишком решительным. Так или иначе, начальные этапы кампании носили прямолинейный характер.

На поверхностный взгляд процедура была проста. Пять повстанческих флотов направлялись к планетным системам, важным из-за своего расположения, населения, промышленности, природных ресурсов или вообще чего-нибудь, имеющего значение. Каждый флот разбивал вдребезги местный гарнизон, превосходя его по численности и огневой мощи. После чего планета оказывалась под угрозой ядерной бомбардировки с орбиты. Даже если у нее и были оборонительные сооружения, их применение обошлось бы так дорого... А кроме того, кому какая разница, кто там император? Что такого хорошего сделал этот Герхарт, чтобы за него умирали живые существа, города, континенты? Военное положение, объявляемое людьми Магнуссона, обыденной жизни рядовых граждан почти не мешало. Приверженцам Магнуссона обещали славу и лучшие времена. Чаще всего они и были рождены на этой планете и завербованы заранее.

Дисциплина у олафистов была строгая. За некорректное поведение следовала быстрая, справедливая и публичная кара. И потому отношения с местными жителями складывались доброжелательные.

А сами ребята были молодые, дружелюбные, энергичные, и рассказы их вносили оживление в унылую жизнь провинциалов.

Можем представить себе младшего лейтенанта Элен Киттредж в увольнении — на Ансе, например, которая похожа на терранскую идиллию. Переливается на озере лунный свет в теплую летнюю ночь, из павильона слышится музыка, но она и местный молодой человек ушли с танцев и теперь бредут вдоль кромки воды под деревьями, насыщающими воздух ароматом. Чуть раньше она серьезным голосом читала ему лекцию о новом дне, который принес император Олаф, но теперь она покачивается в его объятиях и счастливо смеется, и они садятся на мягкий дерн, и, может быть, она отвечает ему: да, когда закончится война, она приедет сюда в долгий отпуск, но это еще может быть не скоро, а пока что вся ночь наша...

Увольнения были краткими, поскольку эскадра должна была лететь к следующему солнцу, и к следующему, и к следующему... Можно бы спросить, почему герхартисты не поступали так же после отбытия противника и не отвоевывали планету обратно. Ответ был бы неоднозначен. Во-первых, такие попытки стоили бы дорого как Флоту, так и мирам: оставленные гарнизоны олафистов, пусть очень малочисленные, сильно укрепляли оборону и были готовы драться, пока есть надежда. Во-вторых, Империя была дезорганизована, захвачена врасплох, высшее командование никак не могло составить себе ясную картину по нечетким и запаздывающим рапортам. В-третьих, имела место разумная мысль, что отвоевывание нескольких миров будет не слишком осмысленным, пока вокруг рыщет волчья стая Магнуссона. Сначала надо уничтожить ее. Тогда у мятежников не останется другого выхода, кроме капитуляции, особенно если им будет обещана полная амнистия.

И потому медленно, зачастую беспорядочно, регулярный Флот собирал силы и искал битвы.

Первое серьезное столкновение случилось возле тусклой звезды — красного карлика, — имевшей тогда только номер в каталоге; потом уже странники космоса прозвали ее Солнцем Битвы. Там рыскали корабли-разведчики обеих сторон, зондируя, наблюдая, сканируя компьютерам каждую крошку данных, возвращаясь с рапортами. Постепенно стала вырисовываться общая картина, и командиры пришли к решению. Будет схватка.

Контр-адмирал Ричард Бленкирон, командующий сектором Альдебарана, лично вел армаду. Он не был трусом. Уроженец Терры, он отличался еще остроумием и определенным обаянием. К сожалению, он не слишком подходил для своей должности — был политическим назначенцем, отывающим необходимое время на этой должности с прицелом на что-нибудь менее опасное и

более заманчивое. Никто ведь не предвидел, что до такого глубинного сектора Империи может добраться война.

Это предвидел Магнуссон, и от нескольких возможностей сражения по дороге уклонился. По аналогии с войной на поверхности планеты можно было бы сказать, что он совершил обход ради определенной цели. Если удастся разбить альдебаранский флот, вражеские силы в тылу угрозы представлять не будут. С гарнизонами можно будет разобраться поодиночке. И ужас на Терре станет его союзником. Поэтому он тоже искал битвы.

«Внимание всем!» — произносит интерком «Дзеты Стрельца». Далее следует речь адмирала Магнуссона, обращенная к экипажам. Он ожидает, что каждый выполнит свой долг и вместе они добудут победу, которая никогда не будет забыта. Конечно, младший лейтенант Киттредж присоединяется к обычным приветственным крикам. Потом, с бьющимся сердцем, но холодной головой, заступает на свой пост.

Поскольку оба полководца хотят встречи, они объявляют о себе, идя строем с максимальной сферой обнаружения. После контакта каждый перестраивается согласно своим планам. Столкновение внезапно.

Межзвездная война похожа на межпланетную не больше, чем та — на войну на поверхности. Уход и выход из квантового мультипространства тысячи и даже миллионы раз в секунду делают корабль с гипердвигателем практически неуязвимым для обычного оружия. Луч сосредоточенной энергии или материальное заграждение может случайно нанести ему существенное повреждение, но шансы против этого очень высоки, да и к тому же у военного корабля есть защита — броневые плиты, поглотители, компьютерно управляемые поля, отталкивающие встречную материю. И лишь когда двигатели двух кораблей оказываются в совпадающей фазе, они становятся друг для друга материальными, видимыми и уязвимыми.

В фазу попасть не так уж сверхъестественно трудно. Есть определенный диапазон частот прыжка, которые можно использовать, и этот диапазон свой для каждого типа корабля. Такой диапазон не бесконечно делимый, а квантованный. Разумеется, стандартной тактикой бегства является смена частот, и от преследователя требуется умение предсказать следующую. В этом очень помогает высокоскоростной стохастический анализ, хотя и он не безошибочен.

Поскольку корабль стремится поразить противника, уход путем изменения фазы — это только один маневр из многих. Разумеется, не так уж редко по странному молчаливому соглашению корабли выключают гипердвигатели и дерутся в релятивистском режиме на скоростях намного меньших световой.

Достаточно сблизившись, Бленкирон на квазимгновенных мондилированных гиперволнах вызвал Магнуссона и потребовал капитуляции. Ответ был вежлив и холоден. Обмен посланиями был всего лишь формальностью.

Передовые линии флотов смешались друг с другом, и битва началась. Летели лучи и ракеты. Мертвенно мгновенной красотой вспыхивали ядерные разрывы. Там, где они достигали цели, плоть и металл обращались в раскаленный газ, и тот уносился в пространство. Через миллиарды лет он станет кирпичиком в строительстве новых звезд.

Старые звезды окутывают все сиянием. Призрачно ярко светится Млечный Путь. Таинственно сверкают туманности и другие галактики. Мелькая, вертятся корабли, грациозные, как танцоры. Элен Киттредж ничего этого не видит. В ее вселенной — лишь сталь, приборы, показания, ручное управление, короткие команды из невидимых уст. В воздухе пахнет озоном. Раз или два содрогается корпус от дальнего взрыва.

В середине армады Магнуссона величественно движется «Туманность Орла». Ее планетоидные размеры, ее сотни живых космополетчиков и тысячи машин — они не для нападения, хотя она способна опустошить целый мир. Нет, их задача — создать такой барраж оборонительных ракет, снарядов, лучей, такую плотность защитных экранов, чтобы адмирал и его штаб оставались живы и могли принимать решения и отдавать приказы.

«Дзета Стрельца» защищена куда слабее. Ее цель — сбивать корабли противника.

Права древняя пословица, что первой жертвой битвы становится составленный штабом план. Магнуссон это знал и на это рассчитывал. У него была главная идея, поставленная цель, но он был гибок и предоставлял своим капитанам достаточную свободу.

Бленкирон же не мог придумать ничего другого, как держать свою армаду в стандартном строю или так близко к нему, как это удастся. Это увеличивало общую оборонительную способность его кораблей. Снизив в достаточной степени численность противника, строй должен был раскрыться, охватить уцелевших и обрушить на них смерть из каждого квадранта. Так гласила теория.

Магнуссон заманил его как раз туда, куда хотел, и подготовил это заранее. Его корабли находились на орбите вокруг Солнца Битвы в нормальном пространстве, затемненные, работа электрогенераторов была сведена к жизнеобеспечивающему минимуму. Они стали практически необнаружимы. Обнаруживающая себя часть флота была меньше. Флоту Бленкирона надо было бы осмотреться в поисках спрятанного резерва, но он был слишком занят, а к тому же Солнце Битвы окружено газом и пылью — остатком

мертворожденной планетной системы, что затрудняло наблюдение. Когда Магнуссон решил, что момент созрел, он отдал приказ.

Его резервные силы резко вошли в гипердрайв — рискованно столь близко от звездной массы, но их двигатели были особенно хорошо отрегулированы, так что потери были невелики — и ринулись в битву.

В этом ударе участвовала «Дзета Стрельца» и получила снаряд в кормовую часть. Попадание было касательным, еле зацепило, и потому корабль не испарился. Но сектор двигателей был разрушен, и весь корабль заполнила радиация и летящие осколки раскаленного металла. По крайней мере так можно предположить. Единственное, что мы знаем, — что корабль погиб.

Бленкирон впал в панику. Не настолько, чтобы потерять дар членораздельной речи, но он видел, как разносят его флот, а что делать — не знал. Капитан его флагмана, некто Тецуо Огава, стал героем, спокойно подавая ему «советы». Потрепанным и разбитым, терранам удалось выйти из боя. В основном даже не очень нарушив строй. Большая часть кораблей спаслась.

Но флот потерял возможность продолжать бой. Магнуссон мог теперь наложить руку на весь сектор Альдебарана.

А тем временем «Дзета Стрельца», остывший и перекрученный кусок металла, дрейфует на субсветовой. В меньше других пострадавших отсеках компьютеры поддерживают нормальную температуру и циркуляцию воздуха. Но этого не хватает. Спасательное судно, рыщущее среди обломков битвы, не успеет подойти к нему на расстояние обнаружения — слишком огромны межзвездные простиры, — как эскадра должна будет идти вперед. Уцелевшие будут умирать от жажды — те, кто не изойдет кровью и рвотой от радиационного поражения.

Можно себе представить, что случилось с младшим лейтенантом Киттредж. Допустим, орудийный отсек треснул от взрыва. В вакууме космоса она потеряла сознание за тридцать секунд. Осколок металла в сердце или в висок был бы еще быстрее.

Победа адмирала сэра Олафа Магнуссона вошла в анналы военного искусства как образец.

Глава 9

Гость поразил Диану. Ей приходилось встречать цинтиан — поскольку они бывали повсюду — но не часто, и не именно этого. Какое-то мгновение они обменивались оценивающими взглядами. Это был самец, что было заметно. Будь на нем что-нибудь, кроме сумки и собственного шелковистого белого меха, это было бы не так очевидно — вторичные половые признаки у цинтиан мало

заметны. Двуногий, хотя руки были почти не короче ног, роста он был около девяноста сантиметров. Пальцы на руках и на ногах — их было по шесть — обладали почти одинаковой хватательной способностью. Пушистый хвост торчал вверх над круглой головой и остроконечными ушами. На тупоносом лице с длинными бакенбардами была естественная серо-голубая маска вокруг блестящих изумрудного оттенка глаз. Голос высокий, визгливый, речь на англике вполне разборчивая, хотя из-за заостренных зубов приобретала какой-то дребезжащий и шипящий оттенок.

— Не вы ли будете миледи Кроуфезер? — спросил он. — Разрешите самопредставление. Я буду Шан Ю из Лулаха. Присутствует ли ваш воданитский товарищ?

— Нет, — ответила она. — К сожалению, не знаю, когда он будет. Чем я могу вам помочь?

— Может быть, это я могу оказать вам услугу, миледи. Я слышал, что ваше товарищество находится в поиске реликтиов Древних.

Ну что ж, подумала Диана, это понятно. Она — просто человек, каких много, но насчет Аксора не могли не пойти слухи.

— В общем, да. И пока что мы ничего не нашли. В общедоступных базах данных не обнаружено ничего, что было бы хоть как-то перспективно. Воданит сегодня отправился говорить с местным священником своей церкви — на случай, если падре что-нибудь известно. Я так поняла, что его приход занимает обширную территорию, — Диана криво улыбнулась. — Не сомневаюсь, что они двое устроили долгий богословский диспут.

— Нельзя ожидать найти много записанной информации о планете, где почти вся поверхность дикая и не поддается колонизации, — заявил Шан Ю. — Геологи, плотононы и прочие исследователи без научных целей мало имеют желания составлять научные отчеты. Географическая разделенность общин препятствует распространению доступной информации, — он согнул хвост дугой. — Но я, быть может, могу навести вас на некоторые следы.

У Дианы подпрыгнуло сердце.

— Вы? Как? Сейчас?

— Покой, прошу вас. Я не квалифицирован лично, чтобы быть вашим проводником. Я буду капитан речного судна. Вскоре оно будет отплывать в Лулах. Плавая по великой реке год за годом, слышишь много историй, и в них я вспоминаю о говорении там и тут о впечатлительных руинах. Слухи о вас и еще более о вашем спутнике дошли даже до водных границ, и я подумал, что мне следует пойти побудить вас к дальнейшему поиску информаторов.

— А где?

— Ну, вдоль самой реки. В одном Лулахе есть много купцов, которые широко путешествовали по этой планете, много искател-

лей естественного богатства, испытавших различные приключения на дикой территории. А еще за Луахом... как бы там ни было, я могу перевезти вас туда и снова обратно, после того как вы откроете ноль и решите не искать шире. Хотите ли вы осмотреть мой корабль?

— А где он?

— В долине, возле Пас де ла Фронтера, где начинается навигация.

Диана думала недолго. Ей уже до чертиков надоел дешевый отель, где они с Аксором нашли себе жилье. Сперва ей нравилось шататься по Аурейе, разглядывая то, что того стоило, и, когда предоставлялась возможность, расспрашивая о непонятных строениях. Потом это себя исчерпало, и Диана просто сидела в номере и смотрела от скучи телевизор. К концу этих двух недель она уже просто не знала, куда себя девать.

Она даже начинала жалеть, что отказалась от предложения Гатто. Непосредственной причиной этого было то, что они с Аксором уже на Дедале, а если сейчас улететь, то они сюда еще долго не вернутся, если вернутся вообще. Почему тогда не остаться и не вести исследования, как изначально намечалось? Она была уверена, что комендант по-прежнему согласится обеспечить им место на корабле, если Дедал окажется туником — хотя в ожидании корабля придется отбиваться от его ухаживаний. Последние несколько дней почти подвели ее к решению — спрятать гордость в карман и обратиться к коменданту. Какая, черт побери, потеря времени — теперь исследования на Имхотепе придется начинать сначала.

Второй причиной оставаться было, как и предположил Гатто, абсолютно нелогичное желание узнать, что же случилось с Таргови. Когда прошла первая радость освобождения, ее все сильнее начали терзать гнев и горе из-за него. Здесь был шанс забыть их хоть на время, а может быть, и чего-то добиться.

— Отлично! — радостно завопила Диана. — Одну минуту!

Оставив для Аксора записку, она сбросила домашнюю одежду и скользнула в узкие шорты и короткую блузку. Прицепила к поясу кошелек и нож. Всунула босые ноги в сандалии.

— Побежали, друг!

Воздушное сообщение было ограничено из-за тумана, но все еще работала система поездов, построенная в дни пионеров, и ее станция была вблизи отеля. Когда вагон, в который они залезли, загудел, поднялся с земли и двинулся вниз по холму вдоль ведущего троса, Диана и Шан Ю устроились на сиденьях. Она села у окна и уставилась на проплывающий пейзаж. Шан Ю, ничуть не обиравшись невниманием, вытащил трубку, набил ее сухими листьями,

запахшими мокрой седельной кожей, когда он их зажег, и завел беседу.

— Разбойничья река всегда была главной транспортной артерией, — ответил он на какое-то ее замечание. — Теперь ее важность еще вырастет. Дороги между поселками вдоль нее разнообразного качества — от разбитых до отсутствующих. Что до полетов, теперь омнибусы являются объектом бесконечных и неожиданных проверок, задержек и прочих неприятностей. Лодки пока не трогают. Если вы решите, что хотите в Лулах — что ж, мой «Водяной цветок» — не гоночное судно, это точно, зато плата скромная, каюты удобные, еда хорошая, а прогулочная скорость позволит вам узнать по дороге побольше о нашей планете — что весьма рекомендую, если вы хотите забираться в ее глушь. И компания вас развлечет. В этом рейсе у нас будет настоящая странствующая труппа.

— А? — переспросила Диана. Ее взгляд был устремлен на горы, туда, где кручи и обрывы переходили в заросшие джунглями холмы. Вдали громоздились тучи, готовые пролиться дождем, в их толще сверкали зарницы. Ветер посвистывал, врываясь в щели ветхого вагона.

— Цинтианка, только с Катавраянниса, не из родного мира. Привезла свои фокусы, а еще — дрессированного зверя и отрабатывает затраты в путешествиях по Дедалу, как всюду делала. В моей расе часто встречаются подобные непоседливые индивидуумы.

Дианой овладела задумчивость. Может быть, ей тоже придумать что-нибудь подобное и отправиться к звездам, зарабатывая себе на дорогу и жизнь?

— А тут вдруг космические рейсы к Дедалу и обратно, ранее полностью неограниченные, оказались так же полностью запрещены, — продолжал Шан Ю. — Бедняга Во Лиа оказалась заперта в Аурейе, и народ из-за событий сидел по домам и смотрел новости, так что на ее представления было некому ходить. Она что-то пыталась сделать, но была уже близка к отчаянию, когда я пришел в гостиницу Жу Шао, где она остановилась.

Имя привлекло внимание Дианы. Жу Шао — где она слышала это имя? От Таргови? Вспомнить не удавалось.

— А что это за гостиница?

— О-ай, такое место в квартале трущоб, с самой различной клиентурой, — потому что там дешево и вопросов не задают. Я предложил Во Лиа вложить остатки средств в путешествие со мной. В наших портах народ будет рад увидеть ее представление, а в Лулахе, среди представителей ее расы, она сможет найти работу, которая позволит ей подняться.

Диана понадеялась, что шкипер — не просто красноречивый торговец. Ладно, она спрашивает его команду, и если ее это

устроит — путешествие по реке обещает быть занимательным во всех смыслах.

Поезд остановился на центральном вокзале Пас де ла Фронтепра. Это было довольно далеко от реки. Диана двинулась туда, направляемая Шан Ю, скользившим рядом походкой древесного жителя, и по дороге с интересом осматривалась по сторонам.

Воздух был как в парной бане, наполненный запахами — прогорклыми, дымными, сладкими и вообще ни на что не похожими. Пасмурное небо нависало низко, но дождь падал лишь случайными тяжелыми каплями, разбивавшимися на земле в брызги. Какое-то время они пробирались через плотную толпу между стенами и вдруг оказались на открытом пространстве. На пыльной почве росли далеко отстоящие друг от друга кусты и колючие деревья. Вдали можно было заметить фермы, там паслись на земных травах животные, на полях колыхались под ветром колосья. Поближе по обе стороны были застроенные жильем участки. Каждая группа домов, магазинов, общественных зданий имела собственный стиль — тут фасады квадратные и гладкие, там — купола и шпили, подальше — широкие окна из стекла и металла, и так далее, и так далее. Дома не поднимались выше нескольких этажей, большинство были одно-двухэтажными. Расстояние между ними было различным — от ширины дороги до двух сотен метров, но всегда было ясно, что это — границы, буферные зоны. Движение было редким, в основном — закрытые наземные машины, водители которых осторожно поглядывали на пешеходов. По деревянной эстакаде прохаживалась группа мужчин в обыденных субтропических костюмах, но с алыми нашивками. Огнестрельного оружия при них не было — только ножи и дубинки, но это явно была местная милиция.

— Из-за последних событий, переворота, неуверенности ни в чем в Пас де ла Фронтера стало напряженно, — заметил Шан Ю. — Слышатся беспорядки. Я рад буду отсюда отбыть.

Диана кивнула. Историю этой области она знала — в общих чертах. Основана на заре Империи как колония ветеранов, решивших после отставки остаться с семьями на Дедале. Каждое домовладение получило помочь на обустройство — в особенности на преобразование земельного участка для земной флоры. Такая практика сохранилась до сих пор.

Беда была в том — и с каждым десятилетием ситуация становилась все хуже, — что Империя набирала своих защитников из самых пестрых человеческих обществ дочерних и внучатых планет Терры. И эти люди, вполне готовые осесть рядом с себе подобными, никак не хотели жить рядом с отличными от них. Положение могло бы быть не столь серьезным, если бы было больше связей с внешним миром, но Дедал, находящийся в пограничном районе,

был относительно изолирован. В результате здесь царила вражда. Негуманоиды давно уже оставили мысль жить в Пас де ла Фронтара.

Она вспомнила едкое замечание отца, которое мать любила цитировать: «Терранская Империя — огромный плавильный тигель. Только плавится сам тигель».

Пройдя сквозь пару деревушек, где жизнь, казалось, течет обычным порядком, дорога привела их в еще одну, где на улицы выходили лишь глухие каменные стены. Никого не было видно. Двери были заперты на засовы, окна занавешены или закрыты ставнями. Нависала тишина, нарушаемая только дальными раскатами грома и шлепаньем редких дождевых капель по мостовой. Шан Ю беспокойно оглянулся.

— Нам бы лучше поспешить, — посоветовал он. — Тут происходили беззакония, и мирные жители ушли до тех пор, пока Флот не пришлет патруль.

И тут из переулка вышли четверо и встали поперек дороги. Были они грязными, нечесанными, воняли кислятиной, заросли щетиной. У одного за поясом был заткнут пистолет, другой помахивал дубинкой, у третьего был нож, а у четвертого в руке раскачивалось боло.

— Ага, — сказал первый. — Ну-ну-ну. А стойте-ка, где стоите, если вам не трудно.

Шан Ю сжался, съежился, поджал хвост. У Дианы по спине пробежал холодок.

— Что вам нужно?

— О, ничего такого, ничего плохого, — они, пригнувшись, шагнули вперед. — Добро пожаловать в нашу честную компанию, юная леди. Не желаете ли поразвлечься?

— Будьте любезны нас пропустить.

— Ну-ну, не надо так торопиться, — человек с пистолетом погладил рукоять. Большим пальцем другой руки он дал знак человеку с боло, и тот ухмыльнулся, со свистом махнув в воздухе шаром на веревке. — Спокойней, спокойней, не надо горячиться. Просто дружеское предупреждение. А то вы можете побежать, а у нас Чело — так он, понимаете, уже несколько дней живой мишени для тренировки не имел. А такая штука может вам ноги переломать, леди. Мы только и хотим вас как следует развлечь, ну и еще чуть повеселиться с этой кошачьей макакой. Давай-ка сюда.

Диана бросилась на бандита. Нож вылетел вперед. Это была тигранская сталь, черная, тяжелая, шероховатая, заточенная так, что могла волос на лету перерубить. Рубашка пистолетчика вдруг покраснела. Он взывал. Диана толкнула его на человека с дубинкой, и они упали оба. Она ударила ногой по кадыку того, кто был с дубинкой, услышала, как хрустнул хрящ, и тут же бросилась на

человека с ножом. Он взмахнул клинком, проявив некоторое умение, но она парировала выпад, ударила его по лицу плащем и взрезала руку с ножом от локтя до кисти, после чего он потерял интерес к чему бы то ни было, кроме попыток остановить кровь. Искусник с болю на таком расстоянии не мог как следует воспользоваться своим умением. Диана рассекла веревку между летящими к ней шарами, уклонилась от них и гналась за бандитом еще несколько метров, прежде чем позволила ему удрать.

— Давай! — бросила она цинтианину. — Валим отсюда, пока легавые не приперлись!

— Хии-йо! — вдохнул Шан Ю, когда они оказались за пределами деревни. — Я-то думал, что умею выбираться из передряг, но ты...

— Ну, я драк не ишу, — ответила Диана. — На самом деле я их не люблю. Мне бы надо было попробовать их уговорить или запугать и пройти мирно. Но ведь они не слушали. А вообще я выросла среди тигран Имхотепа, а они, когда видят опасность прямо перед собой, не тратят времени на мандраж.

Ее пронзила боль.

«Таргови, это ты меня научил. Какая судьба тебя постигла, брат мой?»

— Как ты думаешь, эти... пострадавшие — выживут?

— Я не старалась бить насмерть, но и миндальничать было некогда, правда? А вообще, какое нам дело?

Хотя ей удавалось внешне сохранять хладнокровие, она испытала потрясение и ощущала его все сильнее. Ей не приходилось раньше делать ничего такого — взаправду, — хотя Таргови ее заставлял много тренироваться, и она бывала поблизости, когда у тигран скора вдруг становилась кровавой, и ей самой три или четыре раза приходилось как следует применять физическую силу, когда людям-мужчинам приходила в голову неверная мысль и убедить их по-другому не удавалось.

«Меня еще немножко потрясет, пока адреналин вернется в норму. Только недолго, надеюсь. Нельзя слишком долго об этом задумываться. Я сделала лишь то, что было справедливо. Война — война другое дело. Там убивают тех, против кого нет никакой злобы, кого даже не видели ни разу. И все же есть в истории войны, которые оказывались меньшим злом? Или нет?»

Не знаю, — подумала она с возрастающей усталостью. — Просто не знаю. Как будет хорошо плыть себе по реке с Аксором, если это выйдет».

Она потеряла ощущение времени и слегка удивилась, когда они вышли к воде. Возле причалов, где стояли суда, громоздились склады, сновали представители самых разных рас. Между ними пробивали себе путь машины. За причалами мощно текла широкая коричневая река. Другой берег был еле различим за усиливающимся

дождем. Шан Ю по-кошачьи недовольно поежился от воды, но Диану радовали ее теплые струи. Они очищали.

Шан Ю с Дианой вышли к причалу, где стоял «Водяной цветок». Корабль был длиной в добрых сотню метров, но такой широкий, что это не бросалось в глаза. Четыре погрузочные башни и пара трехъярусных рубок не слишком его загромождали. Низкий борт был ярко раскрашен красными и золотыми полосами, надстройки были белые с бронзовой отделкой. Капитан сказал, что корабль построен из терранского и цинтийского леса, который для организмов Дедала неуязвим, и оборудован электродвигателем. На случай, когда не удается зарядить конденсаторы, есть паровой генератор, работающий практически на любом топливе.

На палубе оказались с полдюжины цинтиан и два человека, весело закатывавшие клетку на колесах под навес от дождя.

— Ай-ах, вот это Во Лиа, артистка, — показал Шан Ю. — Пойдем на борт, познакомишься. Выпьем по чашечке доброго сидра.

Диана нахмурилась. Она не любила, когда хоть кого-нибудь сажали в клетку. Однако с этим зверем, похоже, обращались хорошо. Размером примерно с человека, четвероногое тело было покрыто черным мехом, голова скрывалась в густой гриве. Сзади Диана заметила короткий хвост, а передние лапы выглядели как-то странно — как сложенные вдвое. Ладно, кто может знать все формы жизни, все чудеса всех видов на всех планетах Империи, не говоря уже о Галактике и всей Вселенной? Вперед, в путешествие!

Шан Ю провел ее на борт, и Диана прошла мимо клетки.

— Тс-с-с, маленький друг! — послышался шепот. Этот звук, глубокий и грудной, показался бы обычным звериным голосом любому, кто не знает языка тоборко. — Стой спокойно. Поговорим потом. Постарайся, чтобы ты с твоим *камарадо* уехали на этом корабле.

Диана еле смогла себя не выдать. Люди, несомненно, заметили, как она напряглась, но могли отнести это за счет экзотического окружения. Цинтиане же на ее резкое движение даже внимания не обратили.

Диана заставила себя снова поднять глаза вдаль, к другому берегу реки. Из-под спутанных прядей гривы на нее смотрело лицо Таргови.

Глава 10

«Водяной цветок» отошел, когда штурм, достигнув высшей точки, уже пошел на убыль. Пронесясь по долине с огромной силой и скоростью, порожденными быстрым вращением планеты,

он очистил воздух. Устроившись на носу, Диана смотрела на запад и видела на тысячу или больше километров вперед.

Это была первая спокойная минута за последние несколько часов. Время летело как бешеное, пока она возвращалась в Аурею, искала Аксора, убеждала его — что было нелегко, потому что аргументы у нее оказались не слишком убедительны, а ее возбуждение их не усиливало, — паковала багаж, возвращалась среди пронизанного молниями водопада дождя, разбиралась в своей крохотной каюте и организовывала помещение для воданита в трюме с грузом. Обед подали, когда штурм прекратился. Команда отдала швартовы, и корабль отошел от берега.

Двигателя Диана не слышала, но стоящие на палубе босые ноги ощущали дрожь, как от мурыканья огромной кошки, и еле слышное бурление воды за кормой выдавало работу турбодвижителя. Скорость была небольшой, как и следовало ожидать от такого пузатого и тяжело нагруженного судна. Поначалу движение на реке было оживленным, от весельных лодок до судов на подводных крыльях, но Пас де ла Фронтера остался позади, и река постепенно стала пустынной — коричневая гладь шириной два километра от одного лесистого берега до другого, бурлящая на каменистых и песчаных мелях, и только пара барж и ведомый на буксире лесославный плот маячили вдали. Стало тихо и намного прохладнее. Пикировали и взмывали какие-то летающие создания, отсвечивая на солнце янтарными крыльями.

Диане никогда еще не открывался такой широкий вид на мир без горизонта. Впереди тянулась вдаль река, окруженная широкой долиной. Чем дальше, тем сильнее они сужались, сливались в тонкую блестящую линию в зеленой тьме и все же были различимы. Там, где в окружающих лесах открывался просвет, была видна такая же неохватная даль. Слева зелень становилась светлее — там лес переходил в прерию, скрывавшуюся в дымке тумана. Справа за холмами можно было разглядеть игрушечные снежные пики, горную гряду, сохранившую лед еще с ледникового периода Дедала.

Заходящее солнце вдруг вспыхивало отсветами где-то далеко впереди. Это же океан там! Сердце Дианы забилось быстрее. Испарения окрашивали опускающийся диск в красное и золотое, смягчали его сверкание, так что стало можно смотреть прямо вперед. Светило стало раздаватьсь в нескольких направлениях, пока не превратилось в огромную уступчатую пирамиду, раскинувшись все дальше и дальше, выгибаясь светящимися арками на север и на юг вокруг того, что на другой планете считалось бы краем света.

Настоящей ночи не было. День медленно превращался в мерцающие сумерки без теней и звезд, только сверкал ослепительный Имхотеп. При этом свете можно было свободно читать, хотя

дальность видения снизилась до трех-четырех километров и все, кроме Пас де ла Фронтера позади и нескольких деревенек впереди, скрылось за дымкой. Постепенно солнечное сияние слилось в цельное кольцо. В стороне Патриция оно было толще и ярче, чуть шире, чем дневной диск. Оно сияло всеми оттенками оранжевого и лишь снизу чуть-чуть — пронзительно белым. Кольцо сужалось и краснело, уходя вдаль, пока не замкнулось с другой стороны, и тогда оно стало огненной полосой. Небо в кольце меняло цвет от бледно-голубого на стороне солнца до фиолетового в зените, ниже кольца была темнота — поверхность планеты.

Взошла луна — Икар, — сначала хаос серебра, превратившийся, поднимаясь, в сверкающий щит.

В прибрежных лесах лежала густая тень, но шепчущая река сияла, как ртуть.

Диана не знала, сколько времениостояла она на палубе, глядя на смену красок, форм и теней. Когда палуба содрогнулась под копытами и зарокотал глубокий бас, она пришла в себя, вздрогнув, как от падения с обрыва.

— Ах, какое красивое, просто невероятное зрелище! — произнес Аксор. — Что за художник Создатель наш! Одно то, что мы это увидели, может почти оправдать это наше путешествие.

Диану кольнуло предчувствие.

— Почти?

— Да, я боюсь, что наша экспедиция не имеет под собой основы. Я был в салоне, говорил со всеми по очереди, командой и пассажирами, в том числе с обоими людьми. Никто не может охарактеризовать ни один объект как след Древних. Один говорит о больших развалинах в предгорьях северных гор, другой, кто там бывал, говорит, что это следы терранской шахтной разработки, заброшенной столетия назад, когда золото истощилось.

Раздался тяжелый вздох:

— Нам следовало остаться на Имхотепе и закончить наше исследование. Теперь же мы заперты на Дедале неопределенное время, а я... я ведь уже немолод.

Диана ощутила свою вину — к горлу подступил комок.

— Прости меня.

Аксор поднял руку:

— О нет, нет, мой дорогой друг. Я не виню тебя ни в малейшей степени. Ты побуждала меня к тому, что тебе казалось лучшим в твоей — твоей стремительности. И жалости к себе у меня также нет. Это самое презренное из всех чувств. Мне не следовало соглашаться на это поспешное путешествие. Ошибка эта моя, но не твоя. Зато вдоль всего пути мы будем видеть чудеса.

Диана собралась с мыслями.

— Мы даже можем найти то, что ты ищешь, — сказала она как могла уверенней. — Эти пассажиры — просто обычные речные путешественники, да еще одна из другого мира. А в Лулахе мы найдем таких, кто больше ездил по планете. Скажем, захарийца. — Она помолчала. — Это вообще загадочный остров. Ты мне, помню, говорил, как реликты Древних на Энне повлияли на всю культуру поселенцев. Может быть, так было и на Захарии.

— Что ж, надеяться мы можем, — голос Аксора чуть оживился. — И да будешь ты держаться веры, надежды и милосердия — трое их, но важнее всего милосердие, — процитировал он. — Но и надежда — не младшая в этой триаде.

Ей снова стало противно от того, как она с ним поступает, и она подумала, удастся ли ей когда-нибудь это искупить. Пока что трудно было сказать. Она сознавала, что действует согласно вере — вере в Таргови, и надежде — надежде на приключение, но чертовски мало занята милосердием.

Диана расправила плечи. Дасть Бог, где-нибудь на Дедале найдется что-нибудь и для ее старого пилигрима.

Аксор от души потянулся — угрожающее зрелище для тех, кто его не знал.

— Я так думаю, перед сном недурно бы поплавать. Не хочешь ли пойти со мной? Я потом легко догоню корабль и тебя довезу.

Минуту Диана боролась с искушением. Понаслаждаться купанием в мощном течении... Но у нее не было купальника, а рисковать показываться обнаженной мужчинам наверху она не хотела. Они с виду были весьма достойными, старого закала людьми, но после инцидента в Пас де ла Фронтера ей не хотелось создавать у кого-нибудь ложное впечатление.

И что еще важнее, до нее вдруг дошло, что это ее шанс поговорить с Таргови.

— Нет, спасибо, — ответила она так поспешно, что он взглянул на нее вопросительно. — Я, знаешь, устала и к тому же хочу еще посмотреть на это зрелище. Давай, доставь себе удовольствие.

Воданит скользнул через планшир. Удивительно, как грациозно мог он двигаться, когда хотел. В воду он вошел почти без всплеска. Рассеянный свет поблескивал на чешуе и спинном гребне. Мощный хвост быстро понес его прочь.

Диана огляделась. Кто-то — по виду цинтианин — сидел на мостице, где лоцман вел корабль. Никто из них не обращал на нее внимания и тихий разговор тоже не смог бы подслушать. Все остальные ушли вниз: они привыкли к созерцанию волшебных колец, в отличие от нее. Диана сбежала по трапу.

За задней рубкой был натянут тент, защищавший от дождя дрессированного зверя Во Лиа. Он несколько затенял сидящего в

клетке Таргови. Диана видела его как неясное очертание, ритмически двигающееся — тренировка, чтобы и в плену сохранять форму. Она скрючилась у прутьев.

Его кошачьи глаза узнали ее тут же.

— А-а-ах, наконец, — выдохнул он и присел с другой стороны лицом к лицу с ней. — Как оно там, эльфенок?

— Я нормально, только ничего не понимаю, а бедный Аксор здоровово обескуражен, — сказала она полушепотом. — Слушай, что вообще происходит?

Он перешел на тоборко. Хотя в монотонном бормотании пропадали бесчисленные нюансы этого музыкального языка, зато случайный наблюдатель увидел бы только, как человек слушает странную звериную песню.

— Ты вполне заслужила любого объяснения, которое я мог бы дать, о бесценное дитя, тем более что я не раз еще обращусь к тебе с просьбой послужить мне и принять на себя риск, который никто из нас предвидеть не может. Высоки ставки в этой игре, а правил никто не знает, и они меняются, как погода весной.

Ты поняла, что я не просто бродяга-торговец, но еще и тайный агент разведки Империи. Моя роль была в основном передавать начальству все, что я находил интересного в этом мире невдалеке от мерсейских дорог, посещаемом самыми разными расами. Но мне довелось открыть один случай шпионажа и найти следы других.

И все равно, когда я унюхал в воздухе что-то по-настоящему большое, то не только мои предупреждения были оставлены без внимания, но мне было запрещено их повторять или продолжать расследование. Об этом позже, когда будет время для подробного разговора. Сегодня достаточно только сказать: у меня была причина верить, что бунт Магнуссона — это не просто восстание разозленного человека против плохих хозяев. А с Захарии Запретной доносилось дыхание еще чего-то куда более странного.

Правда, я хотел использовать Аксора как передвижное прикрытие для себя самого. Внимание он привлечет, но вряд ли попадет под подозрение. Такого беззрредного пропустят и туда, куда заказана дорога другим, а я — я тем временем затаюсь позади. Ты же, Диана Кроуфезер, пойдешь посередине и между. Какую роль придется играть тебе — скрыто пока рассветным туманом. Думаю, ты сыграешь ее хорошо. Ты знаешь мою тигранскую натуру — тяжело мне было бы потерять тебя, но бесчестно было бы беречь тебя от риска. И я не думаю, что ты на меня гневаешься. Тебе предстоит заслужить славу со всем тем, что она несет. И как бы там ни было, лишь через тебя мог я завербовать простодушного Аксора.

Несчастье наше, что мятеж вспыхнул, когда мы подлетали к Дедалу. Иначе мы могли бы сесть и направиться своими путями,

исчезнув в глубине материка, и никто и не думал бы за нами следить. Но теперь я, зная стандартные процедуры, предвидел, что мое возвращение в критический момент автоматически вызовет превентивное задержание — если ничего больше. И тогда учужанный мной гигантский заговор развернется без помех.

И потому я сбежал. Было вероятно, что вас с Аксором освободят после допроса, потому что на самом деле вы ничего не знали. Проблема была в том, как мне сохранить свободу, когда на меня шла облава, и как воссоединиться с вами.

Так что я спрятался до той поры, пока не уверился, что патрули посетили Жу Шао в Нижнем Городе, а тогда направился к ней. Мы давние друзья, и я ей оказал несколько услуг, когда имперские власти занимали... гм... слишком официальную позицию. Ты понимаешь, что такие связи тайному агенту необходимы. Она меня спрятала, кормила и тем временем наводила справки.

Вскоре появилась Во Лиа. Она и в самом деле межзвездная авантюристка — да, с Катавраянниса, хотя возвращаться в родной мир ей не рекомендуется — в основном она профессиональный игрок, но не брезгует и случайным мошенничеством. Корабль, на котором она прилетела, отбыл, запрещение на гражданские космические полеты длилось, а суматоха да еще то, что все заняты политическими событиями, давали ей в Ауреи мало возможностей. В Лулахе она тем или другим способом могла бы поправить свои дела, пока обстановка в Империи не нормализуется, и Во Лиа убедила нашего доброго капитана, что если он уговорит тебя на поездку, то еще пару билетов продаст.

И так мы отбыли. Мне придется находиться в клетке до прибытия в Лулах. Там я сбегу, и все будут сочувствовать бедной Во Лиа, у которой сбежал дрессированный зверь и которой теперь придется умирать с голоду в джунглях с несъедобной жизнью. А я... у меня в Лулахе кое-какое дело.

— А ей можно доверять? — шепнула Диана. — Она может выдать тебя за награду. Боюсь, ее уже назначили.

— Она, как и Жу Шао, рассчитывает на куда более весомую награду, если нам удастся наша затея. А почему нет? Тогда откроются огромные средства, да и путь к звездам.

— Если нам удастся — что? Ты на стороне императора Герхарта? Зачем? Предотвратить гражданскую войну? Поздно, она уже началась. А вдруг Олаф Магнуссон окажется на этом месте лучше? И что мы вообще можем сделать, мы, застрявшие на Дедале, что изменит хоть что-нибудь?

Она, забывшись, перешла на англик.

— Т-с-с! — прошипел Таргови. — Иди с миром. Поговорим потом.

Он устроился на подстилке и притворился спящим.

Диана ощутила чье-то присутствие. Обернувшись, она увидела, что к ней, спустившись с палубы, подходит молодой человек.

— Привет! — окликнул он. — Я думал, что вы на палубе, наслаждаетесь видом и свежим воздухом. Что такого интересного в этой живности?

Диана поднялась и вышла из-под навеса.

— Я просто раньше таких не видала, — ответила она. — Даже не знаю, с какой оно планеты. А вы?

— Тоже нет. Во Лия на вопросы отвечает уклончиво. Может быть, их запрещено вывозить.

Молодой человек улыбнулся. Был он действительно молод и с виду симпатичен.

— Слушайте, не хотите пройтись по палубе? Такой прекрасный вечер. У меня сна ни в одном глазу.

— И у меня тоже почему-то, — согласилась Диана.

Они вышли на палубу.

— Нам всем следует получше познакомиться, — сказал он. — На этом судне нам еще очень долго вместе плыть. Могу вам показать все порты по дороге, если захотите, и Лулах, когда дойдем. Мне это было бы приятно.

— Большое спасибо, — улыбнулась Диана.

Пофлиртовать будет неплохо, если не выходить за рамки. А кроме того, можно узнать что-нибудь полезное.

Глава 11

За дюжину световых лет отсюда сияли два голубых гиганта-солнца, составляющие альфу Креста. Даже их изображения на экране оставляли длительный послеобраз, и было опасно смотреть на них незащищенным глазом.

Но ближе была более непосредственная опасность, там, где экспедиционный корпус мерсейцев столкнулся с терранской флотилией, которой, на свое несчастье, случилось оказаться у него на пути. Синтас Гадрол из ваха Инвори, прозванный Пушечной Броней, откомандированный с дредноута «Ардвир», поставил западню и постарался нанести как можно большие повреждения, прежде чем теснимая численно превосходящим противником имперская флотилия смогла оторваться и удрать. Где взрывались ракеты, там зажигалась на мгновение ужасающая красота новых звезд. Где взбухало розовое клубящееся облако, быстро растворяясь в черноте, там погибал корабль. На триллионы километров раскинулось в космосе поле битвы.

Но это была лишь акция сдерживания, прикрытие для эскадры, проскользнувшей незаметно и направляющейся к истинной цели

на предельной псевдоскорости. Канриф Брайадан Скорая Стрела из ваха Халлен час за часом глядел на желтый клуб с острями света, пока на исходе пятого часа он не стал ярче альфы Креста и не превзошел ее по размерам. Несмотря на свою кличку, вполне заслуженную дома, Брайадан умел сохранять спокойствие сколько надо: он вышел на охоту. Странными вибрациями, пронизывающими до костного мозга, проходили сквозь него импульсы энергии, несшей крейсер «Тринтаф». В потоке воздуха из вентиляционного отверстия — холодном, потому что дом синтаса был на арктическом берегу океана Дикого Простора, — угадывался запах озона и машинного масла. Мигали сигнализаторы, щелкали счетчики, экраны дисплеев вспыхивали и гасли в этой пещере — рубке управления. Операторы, сидевшие на своих местах, обменивались только необходимыми словами, но их, казалось, не говорили, а выпевали, как в мечте о будущем триумфе.

Когда крейсер и его армада вошли в кометное облако, Брайадан стукнул по кнопке интеркома. Появившееся на небольшом экране лицо принадлежало юноше с зеленым цветом лица, но с примесью легкой желтизны — наследие лафдиганских предков. И он был удивлен.

— Впередсмотрящий! — воскликнул афал Урох из ваха Руэт. И тут же, приложив руку к груди и щелкнув хвостом по сапогам в формальном салюте, добавил: — Жду приказов капитана!

— Во имя его превосходства ройдхуна, — столь же формально ответил Брайадан. — Вы готовы?

— Да, впередсмотрящий. Команда готова и горит рвением. Хочет ли канриф сказать нам нечто новое?

— Да и нет, — Брайадан наклонился вперед. — Я хочу подчеркнуть некоторые подробности вашего задания. Вам поручается самое важное дело во всей операции. Если вы выполните его как следует, велика будет сердечная радость.

Урох позволил себе улыбнуться:

— Храйх, меня прозвали «Счастливчиком» не за просто так.

— Никак не задевая вашу честь, — сказал Брайадан, подбирая слова, — напоминаю вам, что молодые и честолюбивые офицеры иногда не различают храбрость и опрометчивость. Согласно вашему служебному списку вы были выбраны для данного задания. Однако до сих пор ваши действия требовали больше решительности, чем мудрости. Не то чтобы ваше решение было когда-либо неразумным — в тех конкретных обстоятельствах, в которых вы действовали. В этот раз обстоятельства будут другими. В наших руках не меч, а скальпель хирурга. В вашем случае особенно важно их различать. Бог один знает, как выйдет на самом деле. Вас могут застигнуть врасплох, в отчаянном положении, и у вас будет искушение пустить в ход всю огневую мощь — ибо вы отвечаете за

ваших подчиненных, тем самым за их жен и детей. Или вы можете увидеть, как противник раскрылся, подставляя себя под полный разгром. В обоих случаях, афал, вы устоите перед соблазном. Умрите, если будете должны, умрите со всеми, кто верил вам, или возвращайтесь без успеха, если придется, и живите годы и годы под презрительными взглядами ваших братьев-офицеров, объясняясь с которыми вам будет запрещено, но ограничьтесь точно той задачей, которая вам поставлена.

Легкая перемена цвета и позы, почти незаметное движение губ, обнаживших зубы, — все, что выразило чувства Уроха.

— Есть, впередсмотрящий!

Брайадан сделал жест признательности — редкий у старшего по отношению к младшему — и смягчил тон:

— Повторяю, афал, мое уважение к вашей репутации — высочайшее. И таково же мое уважение к вашему разуму. Разве иначе утвердил бы я вас на это задание? Если угодно Богу — а я в это верю — вы вернетесь покрытый славой. Да, мы не сможем объявить об этом на всю Вселенную — но будут знать равные вам, а может быть — и ваш ройдхун.

Боль на лице сменилась строго сдерживаемой радостью.

— Это я должен был сказать и потому именно к вам обратился, — говорил далее Брайадан. — Перед потерей связи с главными силами синтакс Гадрол передал сообщение. Корабли-разведчики доложили о подходе терранских подкреплений, но таких небольших, что мы их можем оттеснить. Если на выполнение нашей задачи понадобятся дни, то так и будет — раньше противник не сможет подтянуть такие силы, что вынудили бы нас отойти. Так что, афал, время у вас есть. Перед принятием решения исследуйте все возможности. Помните, что как бы ни была полезна наша работа, она лишь часть скрытого пока пути, по которому ведут нас наши командиры. Судьба Расы решается на миллионы лет вперед. Доброй охоты, афал!

— И вам, впередсмотрящий! — ответил Урох.

Мелькнуло его торжествующее лицо, и экран погас.

Мерсейцы вошли на гипердрайве в гравитационный колодец солнца Горзуна так глубоко, как только могли. Вернувшись в релятивистское пространство, они обладали тщательно согласованными внутренними скоростями, нацеленными на обитаемую планету системы. Зазор они прошли меньше чем за три часа с таким торможением, что живая ткань была бы размазана в молекулярный слой, если бы не внутренние поля.

Собственный флот горзун не имел ни единого шанса. Те корабли, что находились на орbitах вокруг планеты, могли пред-

ставлять собой лишь символическую защиту. Команда Брайадана ее смела. Прибывали другие эскадры, он разносил их в клочья. А тем временем его радиостанции на частоте местных передатчиков вещали на основных языках региона:

— Как понимает народ, мы не желаем никому вреда. Мы здесь только по просьбе ваших законных вождей — Совета Освобождения, желающих положить конец векам гнista. Его превосходство ройдхун признает Совет Освобождения легитимным правительстvом Царства Горзуни. Но даже при этом мы, мерсейцы, не желаем вмешиваться в ваши внутренние дела. Вспомните хотя бы, как далеки друг от друга наши регионы. Лишь ради чистого альтруизма пересекли мы столь обширные просторы космоса, с риском нападения со стороны агрессоров Терранской Империи, чтобы ответить на призыв — не оказать военную помощь, нет, не ради каких-либо военных целей, но лишь для того, чтобы доставить госпитальное оборудование и лекарства доблестным армиям вашего Совета Освобождения. Если мы вооружены, то лишь для самообороны. Если мы сражаемся, то лишь в ответ на нападение, совершенное без малейшей провокации с нашей стороны. Обратите внимание, что мы не преследуем удирающие корабли беззаконного и дискредитированного себя режима Фолькмута...

Урох этого не слушал. Ему было достаточно знать: лидеры Расы в мудрости своей решили, что следует выполнить здесь определенные действия, порученные ему, и что это должно сопровождаться определенной трепотней. А кроме того, он был занят.

Когда «Тринтаф», проносясь по гиперболе, мелькнул вблизи планеты, из его люков вылетела эскадрилья Уроха. Это были корабли типа «Клыкастый гриф», нечто среднее между терранскими кораблями класса «Комета» и «Конкистадор» — шестиместный корабль, узкий и смертоносный, одинаково уверенно чувствующий себя в атмосфере и в межпланетном пространстве. Они врезались в атмосферу на такой скорости, от которой прошла дрожь по корпусам, вспыхнуло вокруг красное пламя и гром пронесся за ними от горизонта до горизонта.

В резком торможении находящийся за пилотским пультом своего корабля Урох увидел проносящиеся под ним море и сушу: морщины гор, зеленеющие долины, сияющие воды. Дома, видимые на увеличивающихся экранах, были в основном круглыми, низкими, широкими, вздымались к небу немногочисленные башни, подобно своим гордым сестрам на Мерсее и на Терре. В настуре этой расы было строительство обширных подземных помещений — «в груди Матери», как они говорили. Несмотря на редкость наземных ориентиров, Урох знал свой путь. Он его хорошо выучил на выматывающих инструктажах.

Чего он не знал, это того, что на пути попадется — хаа, теперь уже знал! Из-за облака вынырнула стайка истребителей — на перехват.

— Маневр ухода! — хладнокровно скомандовал он по радио. — Плотным строем. До приказа огня по противнику не открывать. Сосредоточьтесь на собственной безопасности.

Но сердце его стучало от возбуждения.

Группа мерсейцев резко свернула на северо-запад, несясь всего в километре от поверхности. У горзуни ушло какое-то время на перестройку и переход к преследованию. Засверкали пули, ракеты, лучевые пучки. Канониры мерсейцев, превосходящие противника мощью компьютеров, сбили почти все снаряды. Те, что прорвались, по большей части прошли мимо цели. Те, что попали в цель, были отбиты силовыми полями и броней. Летевший в арьергарде корабль эскадрильи был сбит — вспышка света, хвост дыма, удар, сотрясший землю. Урох вскинул руку в салюте. Храбрецов будут помнить, пока живы их товарищи.

Солнце скрылось сзади. Он летел сквозь ночь, под звездами и скользящей над ним луной. Идущая в космосе битва обозначалась случайными вспышками над головой. Вокруг пульсировал металл. Визжал раздираемый кораблем воздух. На дисплее появилась информация с орбиты: с востока на перехват идут новые силы противника.

Но впереди, зияя черными обрывами, сверкая снежными вершинами и ледниками, возвышался горный хребет. Его контуры врезались Уроху в мозг не хуже чем в программы его компьютеров. Вот почему он так, не щадя себя, долбил географию планеты на всем долгом пути от Мерсей — теперь он мог построить правильный план. Найденный им маневр был абсолютно в его стиле, а своих пилотов он подбирал сам и заставил их выучить местную географию не хуже себя.

Он взмыл резкой свечой. Когти утесов протянулись к брюху корабля. Впереди был проход между пиками, а после него — обширный разветвленный каньон. Ни один пилот из плоти и крови не мог бы провести по нему корабль на таких скоростях, еле-еле мог бы робот. И живой мозг отдал приказ роботам.

Из бездонной тьмы взмывали утесы. Звуковой удар потрясал снеговые поля и бросал их вниз лавинами, взмывали в воздух снежные тучи и протуберанцы, блестя под луной. Грохот лавин заглушал вой разрываемого воздуха.

Немало горзунских летчиков не успели отвернуть и врезались в хребет. По склонам покатились обломки и трупы. Остальные закружились в отчаянии. Контакт с противником был потерян.

Вынырнув над зимней равниной, Урох преодолел искушение. Он мог быстро вернуться обходным путем и ударить по преследо-

вателям сзади, поймать их врасплох и разгромить противника, имеющего численное превосходство от трех до четырех к одному. Вот это было бы дело! Песни о нем не смолкали бы столетиями на кораблях и в пиршественных залах Ройдхуната!

Он вспомнил слова капитана, стиснул зубы и продолжал лететь вперед. Приказ был ясен: «Уцерб, не связанный с непосредственным выполнением задачи, должен быть сведен к минимуму. В случае, когда это не противоречит заданию и ради максимального сохранения собственных сил, следует уклоняться от схватки. Если выяснится, что для выполнения задачи требуются крупномасштабные действия, со всей возможной быстротой отступить на корабль-носитель или на любой другой транспорт, ориентируясь по обстановке».

Никогда еще не было ему так трудно следовать приказу. Становилось понятно, что значит быть старшим командиром. Может быть, мелькнула мысль, была и другая причина, что для этого задания выбрали его. Не намечен ли он для чего-то большего? Брось это, сказал он себе. Веди свою охоту.

Ему неизбежно была предоставлена большая свобода выбора. Быстро просмотрев данные, он принял очередное решение и отдал приказ. Мерсейская эскадрилья взмыла вверх.

Под ним серебром и сапфиром сияла планета, восходящее солнце окрасило ее край в рассветные переливы, но внимание Уроха было приковано к пространству впереди, где два военных корабля метали друг в друга молнии. Как бы ни была разрежена оболочка ионизированного газа, держащаяся несколько секунд после ядерного взрыва, ее хватало, чтобы скрыть эскадрилью Уроха от обнаружения, когда они вышли по его приказу на орбитальную траекторию свободного падения. Так он стряхнул с хвоста очередную флотилию наземного базирования, вышедшую на перехват.

Орбита вскоре снова привела фрайеры в атмосферу. Спрятавшись в тени урагана, пересекавшего южный океан, они пристроились ему в хвост. Это требовало везения не меньше чем искусства, но не зря Урох носил кличку «Счастливчик».

И удача ему сопутствовала. Ураган шел к тому самому берегу, куда летел Урох. Иначе пришлось бы придумать что-нибудь еще, может быть, потратить несколько дней. А теперь можно было крикнуть: «Хаа-аа и домой!»

Его воины вырвались из туч и ветров. Как стреляющие звезды, пронеслись они над иссущенными холмами и широкой зеленой долиной с жилками каналов.

) Она была слабо защищена. Горзунчики полагались в основном на космические силы. Единицы наземного базирования были рассеяны по всей планете, немалая их часть еще была в другом полушарии — пытались найти рейдеров Уроха. Ракет и самолетов взлетело мало.

Мерсейцы их смели и вышли на цель, зависнув над ней на гравитаторах.

Там, кроме мачт обнаружения и коммуникаций да еще башни местной метеостанции, ничего особенного не было видно. В ландшафт среди зреющей зелени были вкраплены несколько куполов. В нескольких километрах сгрудились три сонные деревушки: археические земного типа строения — горзуны были консервативным племенем, сколько бы солдат-наемников ни вышло из этого мира. Большое современное здание, угловатое и ярко раскрашенное, как требовали их вкусы, могло быть школой или музеем или чем-нибудь в этом роде.

Урох этого не знал. Официально ему даже не сообщалось, какой объект предстоит уничтожить. В процессе изучения он пришел к выводу, что это, возможно, ключевой командный центр — полицейский, военный — как бы там ни называть силы, старающиеся подавить революционную герилью. Без него Совет Освобождения тоже не будет иметь сокрушительного преимущества над Фолькмутом, но войну с повстанцами придется начинать сначала.

Слишком тривиальная причина послать эскадру через сотни световых лет и влезать в драку с самими терранами. Но Урох был приучен сдерживать недоумение. Правители государства составили план. Его долг — сыграть отведенную ему роль.

И во имя Бога, во имя всех языческих богов его праотцев — он был готов!

— Вышли на цель, — сказал он спокойно по внешней связи, хотя кровь пела от радости. — Огонь по номерам!

Первая ракета сорвалась с его флаера. Она блеснула в лучах солнца, ударила, расцвела бело-голубым пламенем ярче альфы Креста. Поднялся столб пыли, дыма и пара, заклубился серым, достиг стратосферы и расплылся по небу. Летели мегатонна за мегатонной. После них остался огромный кратер, оплывающий расплавленным стеклом. Темнели отравленные каналы. Посевы пылали до горизонта.

— Уходим, *арах*! — крикнул Урох.

Как он со своими ребятами пробился сквозь мстительные рои металла, как они вышли к «Тринтафу», как «Тринтаф» со своими собратьями вернулись к победоносному флоту Гадрола, как мерсейцы, понеся минимальные потери, ускользнули от преследования терран и вернулись домой без дальнейших боев — это был героический эпос. Но в его основе лежала хладнокровная работа интеллекта, чье дорогое добытое знание и тщательно разработанные планы сделали возможным героизм.

Уроху было достаточно лишь того, что он вернулся к жене — единственной пока что своей жене и к первому сыну, которого она

успела ему родить, с рассказом, который будет манить парнишку к собственным свершениям в начале тех бесконечных славных лет, что предстоят Расе.

После налета опустилась ночь. Над тем, что было когда-то деревней, взошла луна. Свет мерцал, шевелились тени под ее белым щитом. Шуршал ветер. Он был холодным, едким от пепла, смертельность его не ощущалась.

Большая и мохнатая, сидела под развалинами стены самка-горзуни. В своих четырех руках она укачивала мертвого ребенка. Грубый голос напевал колыбельную — ту самую, что он всегда любил.

Глава 12

Мириам Абрамс Флэндри собралась домой как раз вовремя. Новость о гражданской войне пронеслась недавно, и на линиях между Солом и Нику еще ничего не случилось, но обстановка в Империи становилась напряженной. Ходили слухи, что то здесь, то там недовольные всех мастей объявляли себя приближенными будущего императора Олафа и устраивали беспорядки или настоящую смуту. Страховочные тарифы пошли вверх галопом, и фирмы-перевозчики закрывали маршрут за маршрутом. Естественно было ожидать прекращения сообщений с планетой Рамну — Нику-IV — в любой момент. Продолжать их не имело бы экономического смысла, поскольку вскоре было объявлено о приостановке проекта изменения климата до прекращения чрезвычайной ситуации.

Мириам была на поверхности, в поле, среди примитивных туземцев. Она исхитрилась поймать последний транспорт к Майе. Конечно, если бы она застряла, то адмирал Флота сэр Доминик Флэндри предпринял бы шаги для возвращения своей жены. Он мог бы вывести из дока скоростного «Хулигана» и сам отправиться за ней. Но выжила ли бы она тем временем в суровом мире, который так любила, — сомнительно.

Но вышло так, что сообщение с Майей-III — Гермесом — из-за своей важности все же еще не прервалось, и ей удалось отправиться оттуда прямо на Терру. Корабль, на который она попала, был роскошным лайнером с целой толпой благородных пассажиров на борту. Весь путь его сопровождал вооруженный эскорт, хоть эти корабли могли бы оказаться очень полезны на линии фронта.

Мириам в путешествии довольствовалась собственным обществом, не принимая участия в развлечениях и интригах пассажиров. Во время еды с соседями по столу она была минимально вежлива. Они и их игры не то чтобы ей были скучны. (Однокая-

красивая женщина могла бы выстроить в очередь любовников; и после месяцев в обществе негуманоидов это было бы отличное ощущение, но с ними пришлось бы говорить и, хуже того — их слушать. Лучше уж подождать Доминика. А то, что он ее, быть может, и не ждет — в этом смысле — роли не играло.) Дело было в том, что горе и страх наполняли ее.

Горе по милым ее рамнуанцам, которые дали ей имя «Знамя» — имя, носимое ею до сих пор. Она прибыла посмотреть, как подвигается проект, который должен был положить конец разрушающим цивилизацию обледенениям планеты, и как он оказывается на изученных ею задолго до отставки культурах. И вскоре после ее прибытия пришел приказ о прекращении работ. Прикинув, каковы будут действия правительства, если восстание Магнуссона будет подавлено немедленно — а этого никак не произойдет, — она решила, что работы не возобновятся еще много месяцев. Погибнут еще тысячи рамнуан, если не больше.

Страх за Империю, Техническую цивилизацию и — да, и за другие общества, входящие в Империю. Пусть она стара и прогнила, ее форпосты рассыпались не потому, что исчезла сила, а потому, что воля быть сильной иссякла. И все же Империя была тем единственным, что защищает наследие людей и союзников людей. Когда-то Флэндри сбросил при ней маску спокойствия и сказал о Долгой Ночи, что последует за падением Империи.

И еще ей нужно было думать о своих родичах на Дайане, о туземцах на Рамну, о друзьях на всех звездах и... и у них с Домиником могут быть еще дети в их возрасте. Не то чтобы наверняка — ему было около семидесяти, ей — близко к пятидесяти, но за лечение против старения и восстановление ДНК они смогли себе позволить заплатить. И к тому же она когда-то поместила в биобанк несколько своих яйцеклеток.

Но они всегда были слишком заняты, он и она, а теперь еще эта заваруха затянулась.

Он встретил ее у выхода, одетый в мундир, из-за которого их пропустили через таможню, не задерживая, и повез в квартиру, которую они держали для себя в Архополисе. Там были подготовлены икра и шампанское, но деликатесам пришлось подождать.

После праздничного ужина они выключили свет. Мириам попросила сказать ей правду — не новости, а именно правду. Доминик неохотно рассказал:

— Последние полученные сообщения очень неприятны. За последние недели Магнуссон вбил клин чуть ли не до Альдебарана. Конечно, он не может всем руководить со своей базы у Патриция. И блицкриг его не может не замедлиться, когда он станет консо-

лидировать свои приобретения. Но это ему не очень нужно, сама понимаешь. У него под контролем хороший кусок пространства. Он может перерезать любые транспортные потоки, если они пойдут не так, как ему нужно, и опустошить начисто любую планету, которая откажется выполнить его требования. И ни одна не откажется, и кто ее может осудить?

Пока что его войска выигрывали все битвы, кроме пары мелких стычек. Сражения пока что не очень масштабные, но, если учесть, что может сделать один линейный корабль, каждая такая победа дает колossalный перевес его стороне. Он блестящий тактик, а стратегия у него та же самая, что привела на трон Ханса Моллитора... — тут Флэндри сощурил серые глаза и потрогал усы. — Та ли? — задумчиво произнес он.

Мириам посмотрела на него через стол и развела руками — раньше этого жеста у нее не было. Она была худой, с резкими чертами лица, сияющими зелеными глазами и спадающими до плеч каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой.

— Ты думаешь, он может победить?

— Мог бы, — Флэндри закурил и глубоко затянулся. — В свете последних событий шансы у него очень и очень не слабые. Когда я последний раз видел нашего дорогого императора Герхарта неделю назад, он просто слюной исходил.

Одной из причин такой высокой платы за квартиру было включение в контракт самой современной системы против подслушивания. Лично преданные Флэндри техники регулярно ее проверяли и удостоверялись, что она по-прежнему работает.

Мириам вздохнула:

— Риторический вопрос — или не совсем? Что такого ужасного будет, если Магнуссон и в самом деле возьмет верх? В конце концов, как пришла к власти нынешняя династия, и чем так уж хорош Герхарт?

— Не раз я тебе говорил, милый ты мой ученый, что побольше надо было бы интересоваться историей и политикой человечества, — ответил Флэндри. — И не потому повторяю, что это так непонятно, а потому, что ты этого не делаешь. Грязная тема. Хотел бы я быть рожден в эпоху вроде сегуната Сугимото, когда каждый мог культивировать свои виноградные лозы или винные ягоды, или собственные искусства, или пороки, не особо волнуясь, кто там следующий лезет наверх, — он перегнулся через тарелки и бокалы и потрепал ее по щеке. — И тогда бы я, уж конечно, тебя не встретил.

Он резко поднялся на ноги. Халат заколыхался вокруг его лодыжек, когда Флэндри широкими шагами подошел к оконному экрану и остановился там, затягиваясь сигаретой. Сколько хватал глаз, сквозь завесу слабого дождя переливался лихорадочными

огнями в начинающемся рассвете город. А в комнате напоминанием о бесконечности веял запах роз и еле слышно звучал концерт Моцарта.

— Я — против революций, — тихо, но твердо произнес Флэндри. — Пусть они оправданы, но никогда они не стоят непосредственной цены — жизней и достоиния, которых не сосчитать — или, в долгосрочной перспективе — разрыва ткани общества. Ты помнишь, как в дни моей молодости я сделал, что мог, чтобы сорвать пару таких попыток. Если я потом встал на сторону старого Ханса — ну что ж, династия Ванг пришла в полнейший упадок, а привлечь на свою сторону восначальников он никак не умел. Зато Ханс оказался терпимым императором, верно? Не марионетка, но и не чудовище. Чего еще можно ждать? А сейчас у нас что-то намечается вроде Эдвина Кэрнкросса, и хотя его попытка узурпации и привела к нашему знакомству, ты согласишься, что такая личность крайне нежелательна.

Она затянула пояс кимоно и подошла к нему. Он обнял ее за талию. Жесткие черты его лица смягчились в улыбке.

— Прости за это ораторство, — сказал он тихо. — Отныне постараюсь держать его в узде.

Она прижалась к мужу:

— А я не против. Приятно видеть, как ты хоть на секунду отыхаешь от вечной необходимости паясничать, — и тут ее врожденная серьезность взяла верх. — Но ты ведь мне не ответил. Ладно, пусть Империя мирно себе паслась, а мятеж Магнуссона — катастрофа. Будто я этого сама не знала? И все же — мои родители учили меня смотреть на любой вопрос с двух сторон — успех Магнуссона тоже будет катастрофой? Я хочу сказать: ты ведь сам говорил, что такой вещи, как легитимное правительство, у нас уже давно нет. Так не будет ли Магнуссон лучше Герхарта, который, надо сказать, свинья порядочная?

— Свинья-то он свинья, — согласился Флэндри, — хотя и хитрая свинья. Вот тебе пример средней важности: ты знаешь, что он меня не любит, однако принимает мои советы, поскольку считает это практическим. И к тому же кронпринц Карл высокого обо мне мнения, а он весьма достойный юноша. Если, когда он взойдет на трон, я буду еще жив, — заговорщики подмигнул Флэндри, — я постараюсь излечить его от этого.

Она выглянула наружу, подняла глаза вверх. В свете стоящих повсюду башен терялся блеск звезд, но...

— Такая ли разница, кто именно будет императором? Что может изменить один человек, одна планета?

— Как правило, очень немногое, — согласился Флэндри. Это был первый раз, когда у них совпали точки зрения. Они оба

хорошо разбирались в обстановке и интересовались ею, но она была менее цинична, чем он. Но есть открытые раны, которые не дают себя забыть, и сегодня они оба ощутили, что появилась еще одна. — Политический Совет, провинциальное дворянство, чиновники и офицерство, просто огромные размеры... но даже ничтожное изменение курса коснется миллиардов жизней, а некоторых из них перемелет. Иногда же случаются поворотные события. И я все больше и больше сомневаюсь: не происходит ли такое сейчас.

— Что ты имеешь в виду?

Флэндри запустил пальцы в седые приглаженные волосы.

— Сам точно не знаю. Может быть, и ничего. Но понимаешь, каждый шепот интуиции, каждый чувствительный нерв, что выработались у меня за десятилетия, бесплодно потраченные на службу тайного агента, когда можно было посвятить их рыбалке — какое-то животное чувство мне подсказывает — творится что-то странное.

Он привычным щелчком отбросил сигарету точно в пепельницу и повернулся к Мириам, кладя руки ей на плечи:

— Слушай, Бэннер. Ты была в дальних краях и не следила за приходящей информацией, которую ты читала бы вместе со мной, если бы осталась дома. Мерсейцы должны ударить.

Она скрупо улыбнулась:

— Это тебя удивляет? Разве они не использовали всегда любое преимущество, связанное с беспорядками в Империи? Укусы там и тут, никакого *casus belli**^{*}, который нас бы против них объединил, — так чего им упускать этот случай, если они о нем узнали?

— Здесь как-то все странным образом по-другому, — ответил Флэндри. — Да, были вполне предсказуемые стычки на окраинах. Без крупных столкновений. Но вот они послали экспедиционный корпус, прошедший напрямую через пространство Империи — ударный корпус к Горзуну на противоположной от них стороне.

— Как? — она напряглась. — Зачем? Это же бессмысленно.

— Осмысленно, и еще как осмысленно, если посмотреть на это под нужным углом, — он говорил тихо и спокойно, как и всегда при обсуждении страшных вещей. — Да, Царство горзуни — опереточная попытка создать империю, несколько колоний и сателлитов на второстепенных мирах одного солнца. Да, у его правительства хлопот полон рот с восстанием под знаменами новой блестящей идеологии — о Боже, сколько еще будет терпеть Вселенная новые и блестящие идеологии? Да, и все знают — кроме наших журналистов и академиков, — что повстанцев вдохновляет и поддерживает Мерсейя. А как же — заварушка у нас в тылу. Да я

* Повод для войны (*лат.*).

бы сам устроил такую штуку в мерсейском тылу, будь у меня возможность.

Но теперь... — он перевел дыхание. — Теперь настал новый день. Мерсейцы послали «миссию милосердия». Они объявили необходимость столь срочной, что им пришлось пересечь наше пространство, в надежде, что мы не станем замечать, но у нас хватило злобности наброситься на них в секторе альфы Креста — возле места их назначения. Стыд и позор, что мы заставили их разгромить те силы, которые смогли собрать. Теперь дипломаты будут спорить, кто виноват, и кто кому должен платить reparations, и прочий треп еще на годы вперед. Да, обычное дело.

Но штука в том, что мерсейцы могли бы проскочить незамеченными, если бы в самом деле хотели. Они специально обозначили свое присутствие при подходе к нашей границе у альфы Креста. У наших сил не было выбора, как только атаковать и нести потери. А тем временем отряд мерсейцев прошел к самому Горзуну. Разнес в клочья местный оборонительный флот. И мог взорвать все правительственные здания. Мятежники одержали бы полную победу. Нам бы оставалось либо совершить интервенцию и влезть по колено в болото мерзкой и долгой локальной войны, либо, что более вероятно, мы бы ничего не сделали и по всем правилам получили бы промерсейскую силу в нашем тылу — мелкую и слабую, но источник постоянной головной боли.

А рейдеры ограничились разрушением главного центра управления Фолькмута. Правительству нанесен сильный удар, но оно сохранило боеспособность. Гражданская война на Горзуне продолжается.

— И что из этого следует?

Ответ она знала сама.

— То, что когда об этом узнают, как неизбежно случится, среди основных сил Империи начнется страшный спор. Одни предложат собрать силы и вести пристальное наблюдение там, на противоположном конце от сектора Магнуссона, пока не разразился взрыв у нас в тылу. Другие будут заявлять, что там нет никакой опасности — то ли потому, что Совет Освобождения еще не победил, то ли потому, что этот Совет представляет собой прогресс, а прошлые инциденты показывают, как мы были не правы, провоцируя мерсейцев. Распыление сил и путаница, которые при этом настанут, могли бы показаться невероятными, если бы не было так много предцентров, — Флэндри пожал плечами. — О, мерсейцы нас изучили. Они нас понимают куда лучше, чем мы их. И... за Магнуссоном тянется слава победителя мерсейцев в битве, но он же обещал, что, когда станет императором, договорится с ними о вечном мире.

— И как ты это трактуешь? — прошептала она.

— Ты имеешь в виду внутренний смысл? — смех его перешел в стон. — Я не пытаюсь. Слишком хорошо знаю последствия. Я только вижу, что самые полезные элементы психологической войны оказались на стороне Магнуссона. Совпадение? Или попытки форсировать желанный мир? Я могу лишь лелеять подозрения. Отсюда, с Терры, как я могу узнать что-нибудь наверняка? Каким образом?

Он снова рассмеялся, на этот раз от души, и притянул ее к себе:

— Так что не думай ни о чем, милая! Давай лучше радоваться тому, что мы вместе. Пока можем.

Глава 13

Населенный в основном цинтианами Лулах казался меньше, чем был на самом деле. Дома прятались под деревьями, крыши зачастую были полными зелени террасами, а по стенам вились цветущие лианы. Много домов стояло на ветвях — где листва скрывала их в игре света и тени. Улицы были покрыты дерном, узкие, извилистые, экипажей по ним ездило мало, и те небольшие. Где только возможно, жители предпочитали передвигаться по деревьям, а не по земле.

Вдоль берега стояло несколько зданий побольше, среди них кое-как сколоченная бревенчатая гостиница. Диана с Аксором остановились в ней и решили исследовать местность. Во Лиа заняла номер там же и поставила своего зверя в конюшню — местные жители использовали животных под седлом и в упряжке, хотя к северу фермы были механизированы.

К рассвету, когда туман с реки приглушил ночной свет Дедала, Во Лиа вышла из гостиницы, объяснив на ходу солнному поваренку, что должна проведать зверя. Поваренок не обратил особого внимания на какой-то сверток тряпья в руках Во Лиа — наверное, клетку почистить.

В конюшне было тепло, полутемно, в воздухе ощущался сладковатый запах лошадей и терпкий — чангтасов. Во Лиа пробралась к клетке и открыла защелку. Таргови выскочил наружу.

— Хар-руу! — зарычал он. — Долго же ты возилась.

— Должна я была подождать, пока ты сможешь выскочить незаметно, нет? — ответила она. — Антрепренерам этот солнечный круг сильно жизнь портит.

Таргови потянулся и широко зевнул:

— До чего же хорошо! Молись своим маленьkim богам, чтобы никогда не дали они тебе попасть в клетку.

По его расчетам с момента отхода «Водного цветка» из Пас де ла Фронтера прошло две терранские недели. Вряд ли выдержал бы

он заточение, если бы Во Лиа не выводила его на цепи на каждой остановке — танцевать и делать фокусы под ее аккомпанемент на флейте.

— Что-нибудь новое слышала? — спросил он.

— Пришло свежее слово с фронта войны, его принесла курьерская шлюпка на Аурею. Все просто кипят. Адмирал Магнуссон предложил императору Герхарту переговоры. Хватило же у него духу?

— Ну, немедленного мира ему бояться не надо. Просто звучит хорошо и подготавливает почву для следующего его нападения. Даже если Империя всерьез готова на переговоры, для нее уже слишком поздно — разве что Магнуссон может позволить Герхарту с советниками уйти в отставку, поселиться в далеких дворцах и пирорвать до смерти, — Таргови развернул сверток и осмотрел его содержимое. — О мерсейцах что-нибудь слышно?

— А как же. Кто же на Дедале откажется посплетничать о ближайших соседях? Только все как-то туманно, лишь представитель Флота настоятельно заявил, что нам с их стороны бояться нечего. Потом несколько ученых академиков указали, что, поскольку мерсейцы хотят долгосрочного мира не меньше чем трезвомыслящие терране, они предпочтут видеть на троне Магнуссона, пусть он им не раз в прошлом наносил поражения. И потому они воздержатся от действий, могущих создать впечатление, будто мерсейцы пытаются воспользоваться созданной им для них возможностью.

— А что же еще говорить ученым академикам? — Таргови открыл кошелек и пересчитал деньги. — Что-то мне помнится, их тут было больше.

— У меня были расходы, — вежливо возразила Во Лиа.

— Что ж, ты не слишком была к себе щедра, как я вижу. Эти средства все равно должны были к этому времени истощиться — как и, боюсь, средства моих спутников.

Гораздо важнее, что его боевой нож был на месте. Таргови поднялся:

— Мне лучше отбыть. Не подведи в той роли, что тебе осталось сыграть — неудача может быть роковой. А если справишься — бакшиш может быть колоссальный.

— Знаю. А если ты провалишь свою роль, я поставлю свечку твоему призраку. *Ван дзин рао*.

Таргови скользнул в дверь и исчез в тумане. Во Лиа подождала, а потом влетела в гостиницу и завопила, призывая хозяйку. Ее зверь, бесценный дрессированный зверь — где он? Ее единственный кормилец! Она все вокруг обегала — нигде никаких следов! Конюхи ночью проспали, и он убежал? Украли? Она требовала, чтобы ей тут же, немедленно помогли организовать поиски! Все

работники гостиницы, патрули, жители-добровольцы! Если не найдется это несравненное, незаменимое животное, она потребует компенсации. Она потребует справедливости, она в суд подаст, она этого так не оставит, пока не получит, что ей положено!

У берега за причалами, надежно скрытый кустами Таргови с облегчением снял гриву с головы. Она не только спуталась и вызывала зуд, но еще и мешала работе оксигилла, создавая хронический недостаток кислорода. Быстрое протирание химикатом из бутылки, что дала ему Во Лиа, и последующее купание в реке сняли с меха черную краску. Таргови насухо вытерся и надел одежду, что принесла ему сообщница. Кроме бриджей с ремнем, там была еще свободная длинная рубаха с капюшоном, которую Во Лиа купила в Ауреи по его указаниям. Поскольку пока что дальнейшие попытки маскарада не планировались, полный костюм может оказаться впоследствии полезным.

Солнце снова стало диском, поднявшись невысоко над горизонтом. Хотя кишки Таргови терзал голод, он решил найти сначала пристанище, а потом еду. Таргови отправился обратно в город сквозь синий полумрак, сохранявшийся под деревьями. Прохожие на него поглядывали, но тревогу никто не поднимал.

На это он и рассчитывал — собственно говоря, поставил свою жизнь. Шумные объявления о его розыске вряд ли были ограничены окрестностями Ауреи. Но никто бы и не вообразил, что он так далеко заберется необнаруженным через обжитые места: вот пробовал бы он пройти лесными чащами — это было бы действительно опасно. Разосланные по планете бюллетени просто добавили неразберихи в и без того неспокойную обстановку.

Здесь, в Лулахе, он представлялся все тем же простым торговцем с Имхотепа, каким его здесь знали. Он вполне мог приехать на одном из кораблей, приходивших и уходивших круглые сутки. Цинтиане по натуре любознательны, даже, может быть, больше чем люди, но здесь в этой общине у каждого был свой маленький бизнес, а потому никто в чужую частную жизнь не лез.

Таргови знал, что он включен в список разыскиваемых, висящий на каждой станции патруля. Такая информация распространялась автоматически. Каждый, кто обращался в банк данных местного штаба, получал полное описание его и его преступных деяний, а также информацию о вознаграждении. Сидя в клетке, Таргови много думал о том, как это обойти.

Здание патрульной станции представляло собой куб в охряной роще цветущих плодовых деревьев. (Позор, что ни одному колонисту от них не было пользы — только красота. Мякоть плодов не была ядовитой, зато практически безвкусной, а в желудке ложилась

бесполезной массой.) Поскольку на Дедале находилась большая база Флота, то Флоту и подчинялись почти все полицейские станции, кроме таких мест, как Захария, пользовавшихся автономией. Мало где поддержание законности требовало больших усилий. И потому персонал почти всегда состоял из местных жителей, служивших ранее в других местах, а теперь подошедших к возрасту отставки. При необходимости они могли быстро вызвать помочь извне.

Войдя внутрь, Таргови обнаружил цинтианку, щеголявшую кометой лейтенанта на воротнике (который и составлял большую часть ее наряда), занятую болтовней с двумя местными унтер-офицерами.

— Привет! — удивленно сказала она. — Что тебя сюда привело?

— Нечто такое, что требует конфиденциального разговора, Рику Ах.

Она засмеялась мурлыкающим смехом:

— Контрабанду привез на продажу, старый негодяй? А то на рынке все стало так дорого — не по моему тощему карману.

— Нечто более интересное.

Она провела его в приемную, закрыла дверь и свернулась в ожидании.

— Я доверю тебе тайну, которую ты должна сохранить, — сказал он. — Я только с виду бродяга-торговец. На самом деле я давно уже секретный агент разведки.

Ее хвост распушился.

— Как ты говоришь?

Он предостерегающе поднял руку:

— Да нет, я же не Флэндри. Я один из тех, кто бродит вокруг, докладывает, что узнает, а иногда помогает во всяких мелких операциях. Ты про нас знаешь. Ты только не знала, что я один из таких. Теперь мне приходится тебе открыться.

Рику Ах была неискушенной, но достаточно сообразительной.

— Доказательства?

— А как же, — он показал на компьютерный терминал. — *Нг-рр*, чтобы не было ловкости рук, сделаешь сама?

Она прыгнула к компьютеру.

— Вызови Центральную Базу Данных. Теперь запроси ограниченный доступ — я отвернусь, пока ты будешь вводить свои данные и подтверждать, что имеешь право знать... Готово. Так, теперь — вот это, — он произнес строку букв и цифр.

Внутри его росла готовность к бою. Но он не напрягся — это бы было бы опасное ограничение собственных возможностей. Наоборот, он расслабил мышцы, как можно сильнее напрягая все чувства, пока не уловил малейшие завихрения воздуха и пыли, самые

слабые звуки городского утреннего шума. Это был критический момент.

Могли измениться все коды агентов. Он лишь надеялся, что никто не взял на себя мороку выполнить этот неуклюжий и трудоемкий процесс вне расписания в разгар кризиса.

Объявление о розыске сбежавшего из-под ареста преступника характеризовало его просто как Таргови, купца. Никто никогда не вскрывает прикрытия без необходимости. В этом случае народ стал бы думать: а кто еще из незаметных личностей может быть агентом? Таргови полагал, что ордер на его арест был введен в базы данных патруля, но не его тайной службы. Это было бы лишь ненужным напоминанием о том, как разделен внутри себя Флот, а поймать его вряд ли помогло бы.

Куда разумнее было бы продолжать, как есть, и вносить перекрестные исправления. Но Таргови считал, что такая мудрость в наши дни — товар редкий. Восстание Магнуссона неизбежно внесло общую и нескончаемую путаницу. И более того, наверняка напугало многих в вооруженных силах. На Дедале они не решались протестовать, но приказы будут выполнять спустя рукава, особенно если эти приказы менее конкретны, чем были бы при нормальных обстоятельствах.

Если он в своих предположениях ошибся, то он сгорел. Если удастся, он не причинит особого вреда Риху Ан и ее подчиненным, которых знал и с которыми был в хороших отношениях. Поблизости у него были друзья, которые дадут ему приют, пока он состряпает новый план.

Наконец она повернула к нему расширенные глаза и выдохнула:

— Ты, грязный торговец и пьяный скандалист, ты тоже среди защитников? Ладно, что ты требуешь?

По телу прошла волна освобождения от тревоги.

— Я мало что могу сказать на это, разве что всегда держал свою шкуру не менее чистой и ухоженной, чем твоя. Плохие сейчас дни.

— Правда, — уныло согласилась она.

— Мы, ты и я, и все нашей породы, мы не можем встать на сторону ни одного из императоров-соперников, верно? Чему мы служим — это самой Империи. Чему мы подчиняемся — это приказам нашего начальства.

— Верно, — снова сказала она.

Ясно, ей все это не нравилось. Зная ее так, как он, Таргови на это и рассчитывал. Она не восстанет против восстания — это было бы бесполезным самоубийством, — но и ревностно служить ему не будет. Оказался бы сейчас на службе ее начальник, лейтенант-командер Мигель Гомес, Таргови подождал бы, пока он уйдет. Гомес был вполне достойным офицером, но слишком далеко

заходил в обожании сэра Олафа Магнуссона. К счастью, коменданты обычно не несут ночные дежурства.

— Так вот, — сказал Таргови, — моя просьба касается возможных шпионов и подрывных элементов. Неважно, на кого они работают — на его величество Герхарта, или на мерсейцев, или еще на кого. Я подозреваю некую Во Лиа, только что прибывшую на корабле Шан Ю «Водный цветок» из Пас де ла Фронтера. Жуликоватая личность. Следя за ней, я стал подозревать, что этим дело не ограничивается. И раньше, чем ей представится возможность выполнить ту задачу, которая ее сюда привела — что бы это ни было, если это не просто добыча нескольких левых кредитов, — мне нужно посмотреть, что за ней есть — все, что записано.

Риху Ан махнула на терминал:

— Угощайся.

— М-м-м, тут не просто надо выбирать данные. Ты понимаешь, какое было сложное и неустойчивое положение в момент заявления сэра Олафа — а примерно тогда она и высадилась на Дедале. Можно воспользоваться вашим служебным компьютером?

Он снова приготовился к неприятностям. Просьба была против правил. Риху Ан вполне могла настоять на обращении к Гомесу, а тот мог бы начать задавать трудные вопросы. Но надежда Таргови на хаос снова оправдалась. Она легко согласилась, провела его во внутренний кабинет и оставила одного.

«Хо-хо», — подумал он в терранской манёре, усаживаясь за клавиатуру.

Жизнь убедила его в том, что у каждой силы есть своя внутренняя слабость. Здесь был еще один тому пример. Если важные данные доступны любому, кто знает код доступа, то они доступны с любого терминала. Выход из этого затруднения был найден в том, чтобы сделать их доступными лишь с определенных устройств, которые можно было физически охранять — дополнительный уровень защиты. И вот он сквозь него проник. Теперь он может не только черпать сведения из базы данных, но и делать в ней записи.

В его тайное обучение входила, разумеется, и компьютерная техника. Изучение ее он продолжил самостоятельно. А многолетнее пилотирование слабо автоматизированного межпланетного корабля давало ему широкие возможности тренировки и импровизаций.

Его мощные короткие пальцы затанцевали по клавишам. Нужна была осторожность. Попытка сделать слишком много могла поднять тревогу, а он не знал точно, что было бы «слишком много». И потому введенная им информация была строго местного значения и лишь слегка фальсифицированной. Она сообщала, что он, Таргови, был задержан в момент прибытия в Аурейю с

Имхотепа. Это было вполне понятно в связи с неразберихой и с тем, что о лояльности граждан приходилось в основном строить догадки. Расследование очистило от подозрений его и его спутников. Они были признаны безвредными, пусть и эксцентричными.

Как секретный агент он сообщил, что согласно произведенной им проверке Во Лия не замешана ни в каком политически значимом неблаговидном деле — на случай, если кто-то, может быть, сама Риух Ан, решит проверить. Факт, что этим агентом является он сам, остался секретной информацией.

Ничто из его стряпни не пошло в Центральную Базу Данных в Ауреи. Тамошние программы легко могли бы обнаружить вмешательство. Таргови удовлетворился тем, что модифицировал записи в Лулахе и добавил команду: «Корректиды: Внести». Откуда бы у дальнего поста могла быть слишком мощная система защиты?

Конечно, тот, кто решил бы справиться в самой Ауреи, получил бы иные сведения. Если бы после этого сравнили, что говорят два разных терминала, чья-то шкура сильно запахла бы паленым.

Но этого Таргови не ожидал. В Ауреи, если официальные инстанции о нем еще иногда вспоминают, его считают мертвым. В Лулахе он никаких сомнений не породил. Гражданский чиновник, решивший его проверить, без сомнения обратится в общедоступные записи собственного города. Там будет сказано, что он простой торговец с Имхотепа. Если этот чиновник имеет доступ к записям патрульной службы — против чего страховался Таргови, поскольку это вполне вероятно — они тоже ничего особо отличного не покажут... в Лулахе. И очень маловероятно, что это лицо вызовет вместо этого — или в дополнение к этому — Аурею. Зачем? Шум насчет тигранина вне закона давно стих и хорошо забыт. И практически невозможно, чтобы запрашивающий мог прорваться через упрямое сопротивление, с которым давала доступ к своим файлам разведка.

Конечно, существовала вероятность, что такой чиновник окажется ультраперестраховщиком. Маленькая вероятность, но была. Если она реализуется, то остаток жизни Таргови будет коротким и неприятным. Это его не волновало. Риск придавал его жизни дополнительную пряность.

На выходе он нагнулся и шепнул в ухо Риух Ан:

— Ошибся я. Нам до Во Лия дела нет. Она собирается чуть облегчить карманы местных жителей, но не так, чтобы они потом тебе жаловались. Мне придется последить кое за кем другим. А ты помни — я всего лишь торговец, которого каждый знает. Неплохо было бы, если бы ты объяснила своим, что я приходил с деловым предложением, которое ты должным образом отвергла.

— Так и будет, — ответила она столь же тихо.

Пока он сидел во внутреннем кабинете, она оставалась одна в приемной, будто продолжая с ним разговор. В секретной работе чем меньше даешь людям видеть, тем лучше.

— Пребудь в мире и изобилии, — попрощался Таргови. Ему нужно было заглянуть еще в одно место, но сначала он хотел позавтракать.

Глава 14

Со своего острова захарийцы экспортировали разнообразные пищевые продукты и высококачественные товары на весь Дедал. Держа деловые связи в своих руках, они имели торговые представительства во всех основных общинах. Здешнее занимало целое здание недалеко от берега. Оно надменно выделялось искусственным материалом, закругленными контурами и металлическими переливами цвета. Таргови пришлось встать перед сканером и попросить впустить, чтобы дверь открылась.

Вышедшая к нему женщина была на его взгляд красива, а на человеческий взгляд — соблазнительна. Среднего роста, с полными бедрами, но изящная, с несколько маленькой грудью, она двигалась так же грациозно, как он сам. Короткое белое платье обнажало сверкающе-оливковую безупречную кожу. С округлой головы стекали на плечи светло-каштановые пышные волосы. Высокие скулы, прямой нос, твердый подбородок, тонко вырезанные губы и брови дугой над золотисто-карими глазами, величина которых не скрадывалась складкой век, делали ее красавицей.

— Приветствую тебя, Минерва Захари! — произнес Таргови.

Она улыбнулась:

— Минерва отслужила свой срок и отправилась домой, — голос был певучим контральто. — Меня зовут Пеле. Кто вы, что знаете ее?

— Прошу вашего прощения, донна.

— Поскольку даже представители нашей расы часто не могут нас различить, я вряд ли могу быть к вам в претензии.

Захарийцы всегда вежливы настолько, насколько требует случай — по их мнению.

Приглядевшись, Таргови заметил различие. Тонкие черты лица показывали, что Пеле заметно старше Минервы. Люди их породы старели медленно, но бессмертными не были. Она говорила с легким акцентом, заставляющим предположить, что у нее в детстве англик не был основным языком — у островитян в повседневном быту использовались несколько других языков. И ходила она не в точности так, как ее предшественница.

— Ваше имя, прошу вас? — скорее потребовала она, нежели просила.

— Таргови — с Имхотепа, что очевидно. Я — торговец, который уже много лет мотается между своей планетой и этой. На Дедале я часто ездил вдоль Разбойничьей реки. Меня тут отлично знают.

Пеле посмотрела на Таргови оценивающим взглядом. Он явно пришел не заказывать ее дорогие товары.

— Мне не нужны безделушки.

— Мы могли бы поговорить наедине? Я уверен, что миледи это будет интересно.

— Ладно, — она пожала плечами и провела его внутрь.

Передняя часть дома была офисом, задняя, отделенная от нее, — резиденцией. Те гости, которых факторы считали нужным занимать, говорили, что комнаты в ней — те, которые гости видели, — были слишком уж убраны и украшены, хотя все было самое лучшее, и все красиво — в своем роде. В комнате, куда провели Таргови, мебель была обычной, хотя и регулируемой для удобства. Коммерческое оборудование не бросалось в глаза, но было первоклассным — давало возможность одному оператору управлять всем. Немногочисленные картины были заменены — Пеле предпочитала ландшафты чужих планет более обычным сценам, которые выбирала Минерва. Музыкальный фон стал теперь сложным, атональным, почти недоступным восприятию тигрина. Не менялись ли вкусы захарийцев с возрастом?

— Прошу сесть, — предложила Пеле. Они сели на повернутые друг к другу кресла на синем ковре с богатой текстурой. — Каково ваше поручение?

Он мало знал эту породу. Знакомство с Минервой было поверхностным, инициировано ею, когда он ее заинтересовал, и не длилось долго. Других захарийцев он видел только случайно, в основном в Ауреье. Они никогда не покидали свой остров помногу сразу, если только не летели космическим рейсом не из своего космопорта. Они были обществом отшельников. Это не было результатом секретности, не требовалось правительством или что-то в этом духе. Они просто мало общались с внешним миром и не принимали никого, кроме нескольких специально допущенных гостей. Ни одного журналиста среди таковых не бывало. Возвращавшиеся свободно рассказывали о виденных там уникальных вещах, двое или трое написали книги об этом острове. Но ничего больше. Как будто каждое захарийское лицо было улыбающейся маской.

И все же Таргови мог заметить, что Пеле ждет, когда он перейдет к делу.

— Я пришел к вам, донна, более от лица своих двух друзей, чем от своего собственного, — начал он. — Не будет оскорблением для вас сказать, что у меня в этом деле нет личного интереса. Мое положение ненадежно. Я приземлился в Ауреье как раз тогда,

когда сэр Олаф Магнуссон провозгласил свою... гм... декларацию. Гражданское космическое сообщение было запрещено без специального разрешения, которое пока что мне не светило. Привезя с собой пассажиров — тех двоих, о которых я говорил, — вместо товаров, я не имею ничего, чем торговать для удовлетворения жизненных потребностей, и в кошельке у меня осталось немного.

Женщина нахмурилась:

— У нас не благотворительная организация, и работы у нас тоже нет.

Таргови изобразил человеческую улыбку, не разжимая губ, поскольку клыки хищника могли создать неверное впечатление.

— Я не прошу об одолжениях, донна, — сказал он любезно. — Я и так у вас в долгу, — он коснулся оксигилла, поднимающегося над его плечами. — Ведь этот предмет, позволяющий мне дышать, сделан на Захарии?

Лесть пропала зря.

— Вы за него заплатили, или кто-то заплатил вместо вас. Я слыхала, что вашему виду свойственна физическая сила. Постарайтесь устроиться грузчиком, матросом, поденным рабочим или кем-то вроде этого. В большинстве лесных общин не хватает механизации.

— Нет, дослушайте меня, прошу вас. Мои пассажиры с Имхотепа необычны. Я думаю, они могут предложить нечто, что ваш народ сочтет ценным. По крайней мере воданит может предложить.

Это привлекло ее внимание.

— Тот воданит, что вчера прибыл? Я видела, как он здесь шествовал, и хотела пригласить его для разговора. Может быть, и на обед, — тут Пеле добавила толику юмора, — хотя подавать пришлось бы много.

— Могу представить его вам, миледи. Позвольте рассказать его историю?

Он описал ей поиски Аксора — лаконично, поскольку хотел разжечь ее любопытство к подробностям.

— В Лагере Ольги он нашел проводника — девушку-бродягу по имени Диана Кроуфезер...

Пеле подняла руку:

— Постойте. Это та темноволосая оборванка, что шла рядом с ним?

— А кто же еще? — Таргови увидел, как она задумалась и в то же время слегка заинтересовалась. И продолжал: — Мы с Дианой старые знакомые. Я хотел оказать ей услугу и обеспечил проезд на Дедал, где, как я думал, будет вероятнее найти реликты того рода, что они искали на Имхотепе. Если даже ничего другого они не найдут, может быть, они получат материалы уже открытые, но не опубликованные. К тому же Диане должна понравиться эта планета,

более ей близкая и совершенно новая. И я был уверен, что Аксор мне заплатит.

Быстро выдав эту ложь, Таргови говорил дальше:

— К сожалению, как я уже говорил, разразилась война, и мы застряли на Дедале. Нас даже арестовали и допросили.

Когда нас освободили, Аксор с Дианой стали собирать сведения о реликтах Древних. Найденная информация подсказала им решение отправиться вниз по реке. Я остался в столице, стараясь найти способ вернуться на Имхотеп, но не нашел ничего. Тогда я сам поехал в Лулах. Корабль оказался экспрессом, и я прибыл очень быстро.

Учитывая, сколько таких кораблей курсировало по реке и насколько быстро они оборачивались, Таргови не думал, что кто-нибудь станет проверять его рассказ.

— Занимательная история, — сказала Пеле, — но какое она имеет ко мне отношение?

— Существенное, миледи, по моему мнению, — ответил он. — Могу я задать вам вопрос? Есть ли на Захарии таинственные развалины?

Она пристально на него посмотрела:

— Нет.

— В самом деле нет?

— Мы живем на этом острове уже столетия и переделали каждый его квадратный сантиметр. Мы бы знали.

Таргови вздохнул:

— Тогда соображения моих друзей оказываются ложными. Ох как мне не хочется им этого говорить! Они так надеялись.

— Распространение таких необоснованных слухов о нас всегда неизбежно. Зачем мне вам лгать? — Пеле взялась за подбородок. — Я сама слыхала о массивных и непонятных стенах и о чем-то подобном — но далеко, в джунглях и на ледниках материка. Быть может, это всего лишь сказки путешественников. Вашим спутникам стоит продолжить поиски.

— Это может оказаться не так легко, донна, — у них кошельки тоже показывают дно. Вы лично ничего определенного не знаете о реликтах Древних, кроме существования их на других планетах. Однако за сотни лет жизни захарийцев на Дедале их исследователи и работники факторий должны были узнать всю планету, а также дальние миры. Должны существовать обширные записи, а может быть, и конкретные люди, от которых мы можем узнать, что правда, а что нет. Это сэкономит нам — Аксору то есть — много усилий, которые иначе могут оказаться бесплодными.

— Значит, вы хотите, чтобы я для вас посмотрела в нашей базе данных? — женщина задумалась и сердечно согласилась: — Это я могу. Вы возбудили мое любопытство.

— *Нг-нг*, миледи более чем любезна, — сказал Таргови, — но это, честно говоря, не совсем то, что было у меня на уме. Не могли бы мы лично отправиться на Захарию и продолжить наши исследования? Вы знаете, что печатное слово и изображение, как бы ни были ценные, — это еще не все. Они не заменяют общения, взаимодействия умов.

Пеле выпрямилась, взор ее стал резче:

— Вы ищете бесплатного стола и крова?

Таргови хмыкнул:

— Откровенно говоря, это мой главный мотив. Дайте мне несколько стандартных дней вздохнуть свободно, ну неделю-другую, и я найду способ прожить на Дедале. Даже, быть может, заключу с вами торговые соглашения или любой ценой получу вашу помощь в попытках убедить Флот отпустить меня домой. У вас есть влияние.

— Я говорила вам, что мы не подаем милостыню.

— И я не нищий, донна. Мои скромные товары вас могут и не интересовать, но сейчас у меня в торговом активе сам Аксор. Кажется, он первый воданит на Дедале. И уж во всяком случае — на памяти нынешнего поколения. Он может рассказать вашим ученым не только о своем мире и народе — причем такие факты, которые не попадают в сводки, — но он еще и странствовал по всей Империи. Он не только выдающийся авторитет в исследовании загадочных Древних, у него большой опыт знакомства с многочисленными и современными обществами. Давайте признаем, что этот наш сектор — провинциальный, почти не затрагиваемый течениями цивилизации. Аксор для вас — глоток свежего воздуха. И могу вас заверить, что он весьма приятен как личность.

Таргови несколько секунд помолчал, чтобы важная мысль упала в подготовленную почву.

— И еще одно. Общая ситуация в Галактике так неустойчива... Случиться может все — от смертельной опасности до лучезарной возможности. Аксор — не политолог, не искатель богатства или могущества. Но он много путешествовал и глубоко задумывался над тем, что видел — со своей, не человеческой, не цинтианской, не мерсейской точки зрения. Кто может знать, сколько будет полезного для выбора между действием или воздержанием в том, что он расскажет? Решитесь ли вы отказаться от сведений, которые он может вам дать?

Наступившее молчание затянулось. Наконец Пеле спросила:

— А что хочет от нас девочка?

— Да просто прелести новизны. Все, что вы захотите ей показать. Она молода и любит приключения... Мы, видите ли, путешествуем вместе.

Пеле смотрела куда-то за него.

— А она и в самом деле хороша, — пробормотала она.

Репутацию мужчин-захарийцев Таргови знал. Практически никогда они не женились вне своей общины — это влекло за собой изгнание. Однако они раздавали свои великолепные гены низшим людским породам при любой возможности и старались почаще такие возможности для себя создавать. Пеле могла задуматься — а не доставить ли развлечение своим собратьям.

До некоторой степени Таргови и это включил в свои расчеты. Он не считал при этом, что предает Диану. Она была способна сама принимать решения и заставлять других с ними считаться. Если нет — ей все равно должно понравиться, и вряд ли шрамы останутся на всю жизнь.

Захарийские женщины вели себя по-другому, это он тоже помнил. Они принимали иногда любовников-чужаков, и те до конца жизни тосковали по такому счастью. Но от этих мужчин они никогда не беременели. В крайнем случае, если кандидат признавался достойным, они отдавали яйцеклетку для оплодотворения *ин витро*. Собственное чрево было лишь для детей своей породы.

Пеле очнулась от задумчивости.

— Я свяжусь с Домом и сделаю запрос, — сказала она деловым тоном. — Со своей стороны я буду рекомендовать дать согласие. Ваша причина вполне уважительна. Они кого-нибудь пришлют для более тщательной проверки, и с вами захотят поговорить с каждым. Где вы остановились?

— В гостинице «Спокойный сон». То есть мои друзья там, и я тоже там хочу поселиться.

— Когда мы вас пригласим, вы найдете этот дом более гостеприимным, — сказала Пеле. — Совместный пир открывает возможность лучше узнать сотрапезника. — Сейчас же у меня есть работа. Будьте здоровы.

Диана, прыгая по замощенному двору гостиницы, бросилась ему навстречу.

— Таргови, черт тебя побери! — она так стиснула его в объятиях, что затрещали его ребра под слоем крепких мышц. Обонятельные вибриссы наполнились ароматом ее плоти и волос. — Как здорово, что ты здесь!

— Как у вас дела?

Она отпустила его и затанцевала в солнечных лучах.

— Расчудесно! — пропела она. — Слушай. Мы тут всюду разговариваем и только что услыхали про одну штуку, которая точно должна быть древними развалинами, даже с надписями! Это в джунглях к югу от Гудрунга.

— Доннарианский поселок? Да это же куда ниже по течению, и вам потребуется снаряжение для сухопутной экспедиции. Откуда взять денег?

— А, заработка! У Аксора уже есть предложение от лесопильной компании. Он может протащить бревно через лес куда дешевле, чем любой гравитрэйлер. А я всю сознательную жизнь живу на случайные заработки. И тут без труда найду — город-то оживленный! — Диана постаралась стать серьезней: — Мы и тебе что-нибудь найдем, если хочешь.

— Столько, сколько вам нужно, еле-еле за год заработкаешь! — взорвал Таргови. — А война пока что идет.

Диана склонила голову набок и внимательно посмотрела на тигранина:

— А нам-то что до этого? То есть война — это, конечно, ужасно, но мы же ничего не можем с этим сделать, да?

Глава 15

Таргови глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Отойдем отсюда и поговорим.

Ее веселье испарилось, как только она заметила его озабоченность.

— Давай, — она взяла его под руку и повела в сторону. — Я тут нашла дорожку из города, ведущую прямо в лес, где никто нас не подслушает, — улыбка Дианы стала слегка натянутой. — И вообще я хотела узнать, что ты собираешься делать, и как ты будешь прятаться от ареста, и вообще, ну, все

— И ты узнаешь — столько, сколько будет для тебя безопасно.

Тут она вспыхнула:

— Погоди-ка! Либо ты мне доверяешь, либо нет. Я дала тебе затащить меня сюда, и Аксора уговорила с нами ехать, поскольку у тебя не было случая объяснить — по крайней мере так ты говорил. Больше так не будет, друг

Он поднял уши торчком:

— Да, ты дитя своего отца — и своей матери тоже, да, маленький друг? Ладно, ты не оставляешь мне выбора. Хотя после сегодняшних переговоров у меня и так немного степеней свободы. Я просто считал, что такая честная девочка будет лучше играть нужную роль, если будет думать, что это взаправду.

— Ха! Не так ты меня хорошо знаешь, как я думала, — поморщилась Диана. — Но от Аксора правду надо будет затенить. Мне это не по душе, но надо

— Может, я и в самом деле все эти годы тебя недооценивал? — мурлыкнул Таргови.

И они не сказали больше ни слова, пока не углубились в лес к востоку от города. Тропа бежала вдоль реки, невдалеке от обрыва высокого берега, и вода проглядывала между стволами деревьев за камышовыми зарослями. Под кронами темнеющих листьев, в испещренной солнечными пятнами тени было прохладнее, чем на открытом месте, но все равно это была субтропическая жара. Воздух был полон незнакомых запахов — сладких, гнилостных, пряных и не имеющих названия в англике или тоборко. Вокруг порхали крошечные бледные создания. Пения птиц не слышалось, но время от времени сверху доносились загадочные свисты и глиссандо. Ошеломляло чувство неистощимого, неутомимого плодородия. Становилось понятно, что за войну приходится вести для удержания земной жизни в этом — неожиданно похожем на Терру — мире.

Диана это заметила.

— Правда, все здесь заставляет задуматься: как крепко мы вцепляемся во все? — голос ее звучал приглушенно. — В нашу собственную Империю, в самое цивилизацию.

— Зато мерсейцы давно уже пытаются нас заставить выпустить из рук само наше существование, — буркнул Таргови.

Она тревожно взглянула на друга:

— Не могут же они быть такими чудовищами! Или могут? Для тигранина естественно так о них думать. Они бросили всю вашу расу — и морян тоже — умирать на Старкаде; от этого зависел успех всего их плана. Только это были не «они», не десять миллиардов мерсейцев — заговор плело правительство: несколько личностей на ключевых постах. Никто другой этого не знал и на события не влиял.

— Согласен. Заговорился. Людей слишком много и слишком много места они занимают, чтобы просто их истребить. Но их можно разгромить, рассеять, завоевать, лишить силы. Такова цель мерсейцев.

— Зачем? — спросила Диана с болью. — Вся Галактика, вся Вселенная перед ними, техника, которая может сделать богатой всех живущих до последнего — почему они так замкнулись на этой бессмысленной кровной вражде?

— Потому что и у нас, и у них есть правительство, — ответил Таргови, успокаиваясь. И добавил: — Терра спасла достаточно представителей моего народа, чтобы у нас был шанс выжить. Я не неблагодарен и знаю, в чем истинный интерес Имхотепа. Моя мечта — служить Терре на поле шире, чем любая одиночная планета. Вот это была бы игра!

— И я бы тоже отсюда выбралась, — Диана встряхнулась. — Ладно, бросим этот разговор, достойный умудренных жизнью восемнадцатилетних...

— Здравая мысль, особенно в устах семнадцатилетней.

Она рассмеялась и продолжала свою мысль:

— Ладно, к делу. Ты — тайный агент Флота, неважно, насколько низкого ранга. Ты нашел что-то, имеющее отношение к схватке за трон. Тебе нужна помощь от меня и Аксора. Это все, что мне известно.

— Я сам знаю ненамного больше, — сознался Таргови. — У меня только намеки, следы, несовпадения. И это мне подсказывает, что сейчас творится не то, что кажется, что мы — жертвы гигантского обмана, как ледовый бык, которого охотники гонят к обрыву. Но доказательств у меня нет. Кто будет слушать меня, объявленного вне закона?

Диана стиснула его руку, ощущив бархатистость меха.

— Я буду.

— Спасибо тебе, маленький друг, который уже больше не маленький. Но даже и тебе трудно плохо думать об адмирале Олафе Магнуссоне.

— Как? — она на секунду удивилась, но потом вспомнила, что тигранин уже заводил об этом разговор. — Ну, он слишком честолюбив, слишком высокого мнения о самом себе. Но у нас тут было дело швах, и если бы не он, мерсейцы бы нас задавили...

— Команды его кораблей тоже кое-что сделали. Многие погибли, другие остались калеками.

— Правда, правда. Но это не отменяет факта, что вел их сэр Олаф и что он нас спас. И не в первый раз. К тому же он хочет мира. Сильный и честный человек на троне, человек, имевший дело с мерсейцами и заставивший их себя уважать — а вдруг он даст нам то, чего никто другой не может? Длительный мир? Может быть, это стоит той крови и скорби, которой будет стоить сопротивление Герхарта?

— Может быть, и нет.

— Кто знает? Только не я. В Империи случались кризисы престолонаследия. Вероятно, будут и еще. Что можем мы, обычные граждане, кроме как пытаться их пережить?

— Этот кризис может оказаться особым, — Таргови тщательно подобрал следующие слова: — Давай я сначала дам тебе общее описание, а детали потом. Не только терранские военные злились из-за стычек последних лет. Мерсейские военачальники вели себя непроходимо глупо. А это совсем на них не похоже. Все поводы для драки не стоили того топлива, которое требовалось для перелета — если не использовать их как предлог для тотальной войны против Терры, а все, кто занимался этим вопросом, знают, что Мерсейя к ней не готова. С виду вышло так, что их дипломаты сильно лопухнулись, линии коммуникаций запутались, кое-кто из

слишком горячих офицеров взял на себя слишком много — вот и полыхнуло.

Но уж когда конфликт разразился, мерсейцы должны были победить. У них в этой части Галактики несомненное превосходство в силах. Все шансы были за то, что они взломают нашу оборону, захватят сектор и только тогда согласятся на прекращение огня, и за столом переговоров у них на руках будут карты лучше, чем у Терры. Так что они должны были остаться в большом выигрыше.

Но они проиграли битву в космосе. Флот Магнуссона при всем численном превосходстве противника заставил их отойти с большими потерями. Нам говорят, что дело тут в его блестящей тактике. Это не так. Во всем виновата глупость командования мерсейцев.

Глупость ли?

Он замолчал. Под впечатлением его речи Диана молча шла по тенистым джунглям среди испарений и мелькающих световых пятен.

— Я потом объясню, как получил эту информацию от самих мерсейцев, — сказал Таргови после долгой паузы. — Кое-что было очевидно, если бы кто-нибудь позаботился записать и сравнить показания пленников. Никто этого не сделал. Странно, *нг-нг?* И когда я копнул более точные данные на более высоком уровне, на меня обрушился водопад неприятностей. Тебя позабавит эта история.

Я случайно услышал рассказы очевидцев, что космические корабли стали прилетать и улетать в районе Захарии чаще, чем раньше. Никто не сомневается, что захарийцы используют свои привилегии по трактату для небольшой контрабанды. Им нужно всякое сырье и детали из разных мест. Взамен они обслуживают клиентов вне системы Патриция. Зачем платить больше пошлин, чем это неизбежно? Захарийцы никогда контрабандой не злоупотребляли, а Дедал в целом получает выгоду от свободной торговли. Однако в последние полгода народ на материке или вдали от моря — на этой планете без горизонта — стал замечать посадки и взлеты вне расписания кораблей неизвестного класса. Очевидцы мало об этом задумывались. Я, сопоставив их свидетельства, задумался всерьез.

— Тебя беспокоят захарийцы? Этот клонированный народ? Да ладно, сколько их хотя бы нос высовывают со своего острова?

— Если быть точным, они не клонированные, — напомнил он.

Диана мало жила в этом мире, да и то лишь когда была ребенком. Ее невежество объяснялось этим. Нужно было ввести ее в курс дела.

— Они размножаются обычным образом. Но генетически они почти идентичны, если не считать половых различий. Это замкнутое

сообщество, несмотря на широко ведущуюся внешнюю деятельность. Никто не знает, что в нем творится на самом деле — только захарийцы, живущие в других местах Империи.

— Ну, Таргови, — запротестовала Диана, — такой индивидуалист, как ты, последним должен ставить кому-то в вину отличие от других и желание оградить частную жизнь от вторжения.

— В опасные времена — а сейчас в воздухе прямо-таки воняет опасностью — нельзя позволить себе роскошь считать надежным хоть кого-нибудь. По крайней мере до проверки. С моральной точки зрения этого следует стыдиться, но тайные агенты не могут и морали себе позволить.

— И что ты сделал?

— Что требовала служба, дорогая. Учуяv этот след, я доложил своему начальству. Каковым является глава секретных операций на Дедале капитан Джерролд Ронан. Это логично, поскольку система Патриция никогда не нуждалась в слишком пристальном наблюдении. Что было *нелогично* — это реакция Ронана. Он запретил мне идти по этому следу хоть на шаг дальше или упоминать о нем кому бы то ни было и приказал немедленно вернуться на Имхотеп, несмотря на то что для торговца с наполовину нераспропаданным грузом это было бы по меньшей мере странно.

— Но ты этого не сделал! — воскликнула Диана. — Ты пошел по следу на свой страх и риск. Да, ты истинный тигранин!

— Да, это было непреодолимо, — признался Таргови. — Мне не было прямо запрещено появляться на Дедале — просто предупредили, что я могу тут застрять в изоляции, что тоже было странно, потому что откуда бы могло командование этого сектора ждать новой опасности? В вас с Аксором я увидел отличных... подсадных уток, так на человеческом языке? Слегка подталкивая вас туда или сюда в ваших вполне невинных поисках, я отвлекал бы внимание от себя на вас. Никак не собираясь подвергать вас опасности...

— Ты все же не задумался нас использовать, — Диана вновь поймала его за руку. — Не переживай. Я не в обиде. А в старого доброго Аксора кто же станет стрелять? И к тому же убить его — это работа ой какая непростая.

Блеснули клыки — это Таргови улыбнулся.

— Какая потеря, что он пацифист! — Он снова тут же перешел к делу: — Итак, мятеж начался — не так уж неожиданно для нас — когда мы подлетали к Дедалу. Я должен был принять решение. Мы могли вернуться на Имхотеп и пересидеть там в безопасности и бессилии, а тем временем события разворачивались бы своим ходом. Мы могли продолжить путь и приземлиться. В этом случае очень было вероятно, что в компьютерную программу уже заложен

приказ о немедленном задержании этого настырного типа — меня то есть. Я решил рискнуть. Удастся мне удрать — вам с Аксором вряд ли придется претерпеть больше чем небольшое неудобство.

Остальное ты знаешь вплоть до сегодняшнего дня.

Они шли дальше. Тропа выводила из леса к берегу реки. Под легким ветром шелестели длинные зеленые листья, напоминавшие стекло, но не стеклянные. По реке шли суда. Отсутствие в воздухе летательных аппаратов создавало странное ощущение. Патриций тонул в тумане, окрашенный им в цвет серы, скрывавшем морскую даль. Хотя стояло лето, а ось Дедала наклонена сильнее, чем у Терры, световой день был всегда короток — или, если считать солнечное кольцо, никогда не кончался.

— А что было сегодня? — тихо спросила Диана.

Таргови рассказал. Она в восторге захлопала в ладоши:

— Вот так трюк, вот так фокус!

— Будем надеяться, что никто не видел этой *mise-en-scene*, — Таргови много нахватался слов из разных языков людей, помимо англичика. — Я думаю, основной твоей ролью в этой пьесе будет отвлекать мысли зрителей от истинного положения дел.

Диана, прищурившись, глядела на закат:

— Твоя цель — попасть на Захарию?

— Ага, и там порыскать.

— И что, ты думаешь, может найтись?

Таргови пожал вибриссами, как человек плечами:

— Фундаментальная ошибка — строить теории до получения данных. У меня, естественно, есть подозрения. Кажется ясным, что у захарийцев тесный контакт с Магнуссоном. Например, леди Пеле упомянула о скором прибытии некоего лица — значит, по воздуху, и это тогда, когда воздушные сообщения запрещены. Может быть, с их точки зрения Магнуссон будет лучшим императором. Но в любом случае — какую поддержку могут они ему оказать? Точно можно сказать, что важную. Что они надеются выиграть? Не думаю, что им так уж дорого мистическое обаяние Терранской Империи само по себе.

— А кому оно нынче дорого? — вяло заметила Диана.

— Кое-кто из нас считает его существование меньшим злом. Но не в этом дело, — и тут тиогрин остановился. — Здесь я замолкаю. Скажи я тебе о своих догадках, и ты можешь занервничать, насторожиться, собраться — и захарийцы это заметят. Они не глупы. Ох, до чего не глупы! И потому я редко даже себе признаюсь в своих мыслях. Захарийцев можно не так понять. Я надеюсь оказаться там с открытыми глазами, без собственных шор.

— А я? — спросила, помолчав, Диана.

— Веселись и радуйся, — ответил он. — Это лучшее, что ты можешь сделать.

— И быть готовой, — она дотронулась до рукояти своего тигранского ножа.

— И вот еще — не давай Аксору как-нибудь неуклюже проговориться, — сказал Таргови. — Сможешь?

Диана задумалась.

— М-м... он вряд ли знает больше, чем ты хочешь, чтобы он знал. Главная неувязка в том, что ты говоришь, будто заработал на его поездке на Дедал — ты ведь рвач-торговец и сшибаешь кредиты, где только можешь — а он считает, что ты отвез нас исключительно по добной воле. Я ему намекну, что заплатила тебе из заначки, о которой ему не говорила, — чтобы путешествие не сорвалось. Вряд ли его будут спрашивать, но если спросят — такой ответ должен их устроить. Что еще? Он видел, как ты удрал в Аурейе... ага! Есть. Ты записывал, потому что тигране не переносят долгого заключения. Тебе было неудобно сказать об этом Пеле Захари, потому что тебя вскоре поймал патруль. Но тебя проверили и выпустили, и ты догнал нас на экспрессе — как ты и говорил, — она засмеялась. — Слушай, это выставит тебя именно таким полуцивилизованным бродягой, каким ты хочешь казаться!

В его взгляде мелькнуло уважение.

— Да, ты отлично придумала. — И все же он не мог не сказать: — Помни, не дай себе на этом слишком сосредоточиться. Играй спокойно и осторожно. Меньше всего нам нужен шум.

— Это я понимаю, — ответила она, — только спорить могу, он так и так начнется.

Глава 16

Аэрокар прилетел с востока.

А значит, почти наверняка — из Ауреи, а это могло значить что угодно: драку, бегство, объявление вне закона по всей планете. В обычной ситуации у Таргови таких предчувствий не было бы. Кое-какие летательные аппараты все еще летали, бывало, садились в Лулахе, и не все они были военными. Даже не большинство. Были потребности и у гражданской службы, если Лулах должен был продолжать военные поставки Магнуссону.

Но этот вышла встречать Пеле.

Сначала у Таргови не было причин для опасений. Скорее даже кровь стала струиться по его жилам быстрее, когда он увидел, как она вышла из дома и зашагала к аэродрому. Ему уже надоело ждать. Игра, которую он вел, начинала становиться рутиной, а это немедленно вызывало у него скуку.

Большую часть каждого суточного периода хорошей погоды он проводил под тенистым деревом *кура* недалеко от главной улицы, пополняя свои финансы: рассказывал народные сказки тоборко всем, кто только останавливался, получая за это монетку-другую. В таком способе заработка не было ничего подозрительного, а что эта позиция открывала вид на Дом Захарии — так это ведь ничего не значило, правда?

Иногда же он просто прохаживался вокруг, когда никто не смотрел, забирался на необитаемые деревья, сквозь листву которых можно было наблюдать, оставаясь незамеченным. Он редко выпускал Дом из виду и в таких случаях заранее договаривался с Дианой.

Девушка проводила время «шатаясь туда-сюда и треплясь с кем попало», так что ничего не было удивительного, если она вдруг иногда оказывалась вблизи от дерева *кура* и смотрела на разыгравшиеся под ним сцены. Цинтиане часто останавливались перекинуться с ней парой слов. Несколько местных мужчин-людей тоже претендовали на ее общество. Иногда она принимала приглашения, но лишь тогда, когда Таргови оставался на вахте и — как потом обнаруживали ее кавалеры — действительно лишь полюбоваться природой, покататься на лодке или потанцевать в таверне.

Аксора она убедила пока не принимать предложенную ей работу в надежде на что-нибудь лучшее. Он совершал многокилометровые заплывы, а в основном лежал перед терминалом, сканируя книги из публичной базы данных. Когда Диана спросила, не одиноко ли ему, он ответил:

— Ни в коем случае. С твоей стороны очень заботливо думать обо мне. Но у меня есть Бог, и я здесь нахожу великолепных новых друзей. Вчера я весь день провел с Монтенем.

Диана не спросила, кто это, потому что не было времени сидеть и слушать его часами.

Поскольку большую часть времени наблюдение вел Таргови, было вполне вероятно, что именно он увидит, когда Пеле покинет свой дом для важной встречи. День уже клонился к вечеру, и запахи дикой природы насыщали неподвижный жаркий воздух. Таргови что-то кольнуло изнутри. Пеле часто выходила по самым обычным делам или седлала лошадь, которую для нее держали при гостинице, и уносилась в ночь скакать по звериным тропам леса. Там он за ней не мог проследить, но считал, что это и неважно. Сегодня она шла быстро, энергичной походкой, и на лице ее отражалось оживление. Дорожка, которую она выбрала, вела к аэропрому.

Таргови как раз был в середине рассказа, и его слушали полдюжины взрослых цинтиан и приведенный ими молодняк. Тигранин уже приобрел популярность.

— И тогда, — быстро проговорил он, — Эльга-воительница и спутницы ее услышали от колдуны Дзаннит, что должны они совершить путешествие к Двери Корня Зла. Дзаннит сказала им, что за дверью с этим страшным названием лежит сокровище — не деньги, как могли бы подумать терране, но знание многих вещей. И будет их дорога долгой и трудной, и больше приключений будет на ней, чем можно сейчас рассказать.

И в ответ на хор протестов:

— Нет, хватит. Кое-кому пора спать, да и дождь собирается, и лучше мы остановимся сейчас, чем на середине страшного и леденящего кровь рассказа о битве с ужасным и кровожадным чудовищем Ирс. Завтра, завтра!

И, убегая прочь со всей скоростью, которую только могли обеспечить развитые при высокой гравитации мышцы, он подумал, удастся ли ему на самом деле досказать сказку до конца. Если нет — то, быть может, кто-нибудь из этих детенышей, когда вырастет, услышит ее на Имхотепе и вспомнит его, или — сладкая надежда — приедет на Лулах другой тигринин, и его попросят рассказать.

Пеле исчезла из виду. Это было хорошо. Она не должна была знать, что за ней следят. Вибриссы Таргови уловили в воздухе исчезающие следы свойственного ей комплекса запахов. Да, она определенно идет к аэродрому. Он пошел краучясь, бесшумно, скрываясь в каждой тени, за каждым стволом. Этот город-лес был раем для сыщика.

К тому же деревья не давали аэрокарам снижаться где угодно, а заставляли садиться на аэродроме, как и машины побольше. Аэродром — это был замощенный гектар на окраине с парой ангараов и ремонтной мастерской для тех, кому она понадобится. Периодическое опрыскивание ядами не давало джунглям Дедала захватить эту площадь. Повсюду вокруг под низким серым небом кипели их зеленые волны.

Пеле Захари ждала у ворот. Больше никого не было видно. Дорога была пустынной. Ни у кого не было причины сюда приходить иначе как ради встречи определенного рейса. О прибытии именно этого аэрокара Пеле наверняка известили. Таргови затаился в чаще.

Мелькнул, снижаясь, каплевидный аэрокар. Таргови оскалил зубы. Он прибыл не с запада, а с востока!

Машина затормозила резко, как гоночная, и застыла на стоянке. Оттуда выпрыгнул мужчина с чемоданом. Он прошел к воротам и обменялся с женщиной приветственным поцелуем, а потом — несколькими словами. Бок о бок они пошли к поселку.

Когда они миновали Таргови, он стал красться за ними вдоль стены кустов, обрамляющей улицу. Дерн, не слишком удобный

для экипажей, был генетически запрограммирован на то, чтобы убивать любую другую растительность.

Таргови понадобилось все его искусство охотника, чтобы идти без шорохов и тресков. Дома было бы легче. Плотная атмосфера Имхотепа лучше передавала звуки, но там он лучше и слышал и мог лучше себя контролировать. В атмосфере терранского типа он часто вставлял в уши маленькие усилители. Сейчас они были в потайном отсеке «Лунного кузнеца» вместе с прочим специальным снаряжением. Приходилось обходиться тем, что дала ему природа.

Но это не было слишком большим ограничением. Он слышал почти так же хорошо, как обычный человек, а вибриссы могли улавливать вибрацию, что тоже помогало. Те, за кем он следил, говорили на английском. Акцент их был ему незнаком, но Таргови привык к самым разным диалектам. Он понимал почти все, что до него долетало, а об остальном догадывался. Разговор был не такой, чтобы нужно было переходить на шепот. Если кто-то случайно подслушает, ему это немного даст.

— Я ждала Ареса или Цермунноса, — говорила Пеле, — и раньше.

Мужчина пожал плечами. Он был ее копией, если не считать пола, но явно моложе. Рост его был сантиметров на десять побольше, плечи пошире, бедра уже, телосложение типично мужское, но столь же атлетическое, как и у нее, и разница не так бросалась в глаза, как могла бы. Тот же оливковый цвет кожи контрастировал с белизной короткой одежды, те же каштановые волосы на такой же брахицефалической голове. Когда он заговорил, оказалось, что его голос — баритон — вполне соответствует его внешности.

— Твою весть на Захарии рассмотрели без задержки, — сказал он, — но так как я оказался в Аурее, было решено, что я остановлюсь у тебя по пути домой и проведу дальнейшее расследование. Да и я мог там получить полезную информацию.

У Таргови шерсть встала дыбом. Среди этой информации могли быть сведения, которые он с таким трудом стер в местной базе данных.

Что ж, если так, то он предупрежден и сможет спешно организовать бегство свое и своих товарищей. Уже одно это оправдало бы риск теперешней слежки.

— И ты так и сделал? — спросила Пеле.

Вслушиваясь изо всех сил, Таргови отступил. В чаще промелькнуло тельце уйти, задев стебель камыши. Защелестили листья, качнулись ветви. Мужчина замер, среагировав быстро, как тигранин.

— Что это было? — рявкнул он.

Таргови метнулся на ближайшее дерево. Человек не успел бы. Но у тигранина, кроме силы, было еще проворство, быстрая реакция и когти на ногах. Он ловко цеплялся за лианы и за кору. Тревожно каркнула и взлетела тварь с кожистыми крыльями.

— Да это просто... — начала Пеле, но мужчина не слушал. Сойдя с тропы, он стал проридаться сквозь кусты, внимательно оглядываясь и держа руку на рукояти пистолета — у захарийцев было много законных привилегий. Таргови распластался на ветке.

— Ты слишком нервный, Кукулькан, — заметила Пеле. — Тут все время в кустах что-то шуршит. Звери эти несъедобные, понимаешь, и посевы не портят, так что на них вряд ли охотятся, и они непуганые.

Мужчину это успокоило.

— Да, ты, конечно, права. Должен признать, я что-то нервничаю.

— Почему?

Они пошли дальше. Еще минута — и их не будет слышно. Таргови прикинул шансы. Он не был цинтианином, чтобы передвигаться по деревьям, но...

Подобравшись, он прыгнул. Пролетев над людьми, он ухватился за ветку впереди и постарался с ней слиться.

Захарийцы уже не обращали внимания на лесные звуки.

— ...тогда фазу два придется начинать раньше срока, — говорил Кукулькан Захари. — Если бы межзвездные сообщения были побыстрее! Все, что они могли мне показать, — единственное послание, хотя и прямо от Магнуссона. Как бы там ни было, а у нас вскоре может оказаться хлопот полон рот.

— Хм! — Пеле потерла подбородок. — Так ты думаешь, нам не следует приглашать этих трех чужаков?

— Это ни из чего не следует. Я не имел в виду, что мы неизбежно окажемся в ближайшем будущем под сильным давлением. Если же это случится, мы их сможем быстро отправить обратно на материк. А рассказы их интересны, и — кто знает? — они могут составить нам дополнительное прикрытие.

Пеле хихикнула:

— Я-то знаю, что ты хочешь прикрыть!

Кукулькан усмехнулся в ответ:

— Видеопортрет девушки, что ты прислала, вдохновляет. Я в Ауреей был все время занят.

— И я тоже была и занята, и одинока, — мурлыкнула Пеле.

Теперь уже рассмеялся он и обнял ее за талию:

— Мы это поправим.

И они пошли дальше в обнимку.

Таргови отстал. Было очевидно, что ни о чем важном они по дороге говорить уже не будут, пока не окажутся в доме. И вообще

они оказались теперь ближе к домам, и вскоре цинтиане заметят его на деревьях. Могут пойти сплетни.

Он спустился на землю и лениво побрел дальше. На душе у него было радостно. Удалось узнать больше, чем он смел надеяться. Захарийцы его не подозревают — пока что. Им понравилась мысль пустить их компанию к себе на остров. Что из этого выйдет — знают только боги, хотя и они могут не знать — протянет руку Джавак Огнеметатель и смешает карты судьбы.

Глава 17

В трехстах километрах от материка над оконечностью Захарии, как нос корабля, вздымался утес. От него на две сотни километров тянулся сам остров, достигавший в самом широком месте восьмидесяти километров с юга на север. Диана впервые увидела его, когда несший их аппарат вынырнул из облаков. Остров все еще был далеко впереди и внизу, но виден был весь из-за особенности перспективы на Дедале.

— О-о-о-х! — выдохнула Диана.

— Красивый вид, правда? — отзывался Кукулькан Захари. Диана сначала не заметила, как его рука обвилась вокруг ее талии, а потом не возражала. — Как я рад, что сейчас такая погода и все видно!

Они вместе с Аксором и Таргови стояли в наблюдательном отсеке. Поскольку для перевозки воданита с удобствами нужен был приличных размеров воздушный корабль, Кукулькан нажал на необходимые пружины и вызвал пассажирский прогулочный самолет первого класса: все равно он во время войны не мог летать по планетарным линиям.

В той секции, где они стояли, только шпангоуты были из металла, а корпус был витриловый — толстый, прочный, но полностью прозрачный. Если не считать переборок впереди и сзади, наблюдатель словно парил над миром посреди неба.

Из-за быстрого вращения Дедала люди в своей деятельности мало ориентировались на восход и заход Патриция. Полет проходил ночью, потому что так оказалось удобнее. Цвет неба менялся от фиолетово-синего над головой, где мерцали несколько звезд, до бериллового над водой. На востоке громоздились облака, их гребни и пики подсвечивал холодный от свет скрытой за ними луны, ниже они отливали ametистовым блеском, и в свете солнечного кольца блестели бронзой и серебром струи дождя. Вокруг острова лежал Фосфорический океан: не как нечто ограничивающее, а как бесконечная даль солнечного сияния, в необозримости которой терялось закругление планеты. Там море блестело дамасской сталью,

а ближе переливалось всеми оттенками — от аквамаринового до бархатно-черного. Над этой тьмой клубился и вспыхивал зеленый огонь — свет крошечных клеток жизни, несомых прибоем.

Среди этого великолепия лежала Захария, прекрасная и загадочная. Она казалась смутной зеленою тенью со сложными контурами берегов, серебряными блестками вспыхивали реки, озера, полосы тумана. Недалеко от северного берега с запада на восток тянулась горная гряда, и ее пики розовели в ночном свете, склоны уходили в сине-черные лабиринты долин. Огни городов и поселков блестели алмазной пылью по всему острову. Светлячками обозначали себя движущиеся по воде или воздуху экипажи.

Самолет вздрогнул, и палуба чуть накренилась под ногами — аппарат начал спускаться.

Кукулькан обнял Диану чуть крепче, увлекая к переборке.

— Здесь нет компенсаторов ускорения, как на космолете, так что нам лучше занять свои места перед посадкой, — его голос был куда многозначительней слов. — Давайте выпьем по бокалу шампанского — впрочем, потом их будет еще много.

— Вы так, э-э, любезны, — проговорила Диана, запинаясь.

Его лицо осветилось улыбкой.

— Элементарная учтивость, донна, — сказал он, наклонившись к ее уху, так что дыхание его шевелило ее волосы. — Хотя в вашем случае... — рука Кукульканы соскользнула с ее талии; он налил вина в два бокала, вопросительно взглянув в сторону Таргови и Аксора. Это была лишь формальная учтивость, поскольку оба инопланетянина были равнодушны к вину. Но как это для него характерно, подумала Диана.

Там, в Лулахе, он был столь же любезен. И, конечно, Пеле Захари — его сестра — тоже. Но она была сдержанна и официальна, а Кукулькан — душа нараспашку.

Да, конечно, Диана отлично знала, когда мужчина дает себе труд быть очаровательным. Вопрос был в том, насколько это ему удается, а ответ зависел от того, сколько истинного внимания под этими отличными манерами. Например, как бы искусно он ей ни льстил, Диана отвергла бы его немедленно и с презрением, если бы он пренебрегал ее друзьями. Но Кукулькан проявлял к ним истинное внимание, не только уделяя им время, но и в самом деле слушал. Особенно Аксора — хотя, разумеется, ведь именно он принял на себя ответственность за решение впустить столь странного пилигрима. Однако и в этом случае Кукулькан мог вести себя просто как сотрудник по работе с персоналом — решительный и властный. В конце концов, это же странники просили их впустить, а не наоборот.

Кукулькан так не поступил. Он дал великолепный завтрак в доме Пеле и был радушен со всеми. Диана еще не разобралась в

своих воспоминаниях об этом разговоре. Они были слишком увлекательными. Кукулькан бывал ВНЕ, путешествовал через всю Империю, от мира к миру... И в то же время Диана не могла забыть его замечание: «О да, нам нужна новизна — нам, захарийцам, особенно сейчас, в ситуации изоляции, нужна, как еда, как воздух и свет. Я начинаю верить, что вы ее нам доставите, и мы окажемся у вас в долгую».

Больше ничего сказано не было — разговор перешел на другие темы. Диана все пыталась понять, что же крылось за этими словами. Вправе ли она шпионить против него, предать гостеприимство и доверие? Но она дала обещание Таргови, своему брату, Таргови, сыну Драгойки, которая была ей как мать, когда умерла ее мать по крови, Мария — и если он не видел в этом ничего плохого, какой тут может быть вред?

Как она могла судить? Как она решилась бы судить?

Бокал Кукулькана зазвенел о ее бокал.

— За счастливые будущие дни! — провозгласил он тост.

Она улыбнулась в ответ и отпила куда больший глоток, чем рекомендовали бы правила хорошего тона. Терпкая жидкость полилась по горлу, пузырьки защекотали в ноздрях. Она почувствовала себя почти свободно — не испытывая никакой враждебности, она ощущала мышцы у себя под кожей и тиранский нож на поясе. Она надеялась, что все, что случится, кончится благополучно, но что бы это ни было, ее ждут приключения.

Бухта Перламутровая вдавалась широким полукругом в северный берег. Дугу обрамляли холмы Мениска, оставляя узкую полоску равнины между собой и водой. Сквозь них текла река Аверроэс, питаемая ледниками гор Эллады дальше к югу. Янua раскинулась на берегу и склонах холмов.

Это не был город. Кукулькан объяснил, что городов на Захарии нет. Большинство зданий на острове стояли сами по себе, обычно довольно далеко друг от друга. Их связывало воздушное сообщение и телекоммуникации, как будто дома составляли деревню. Однако на практике было удобно, чтобы определенные объекты располагались поблизости друг от друга — небольшой космопорт, общирное летное поле, гавань для водных судов, сопутствующие службы — а часто и многие предприятия и учреждения тоже естественным образом располагались в той же местности, а это означало еще большую концентрацию домов и фабрик. Вот такой район относительно концентрированного населения носил имя Янua. По обычным меркам он был достаточно разбросанным, расползаясь без каких-либо четко очерченных границ на двести

квадратных километров. Когда пилот повел лайнер вниз, Диана разглядела такую же смесь домов и леса, как в Лулахе.

Нет, поняла она, совсем не такую. Слоны холмов уходили вдаль террасами, на них виднелись цветники, посадки, изящные зеленые лужайки. Вокруг тянулись сады. Вдоль дорог или в рощах, иногда довольно обширных, росли деревья, явно искусственно посаженные и ухоженные. Они, как и вся прочая растительность, были терранских видов — насколько она могла судить. Судить, правда, она могла не очень, поскольку растительность планеты-матери знала в основном по картинкам, но Кукулькан ей сказал, что первые поселенцы всю местную растительность искоренили и обустроили новый дом согласно своим желаниям.

Таких домов, как мелькали внизу, Диана еще не видела. Они с виду были каменные или из похожей на камень синтетики, в плане прямоугольные, с островерхими крышами, окруженные портиками или колоннами по фасаду, окрашенные либо под цвет местности, либо чисто белые. Даже большие утилитарные здания вдоль побережья не выпадали из общего стиля. Диана подумала, что это красиво — пышно, конечно, если приглядеться, — но спросила себя, может ли это не казаться однообразным. Хмурый блок высоких стен из необработанного камня оказался тем, на чем отдохнул ее взгляд.

Космопорт был построен по обычным стандартам. Она не была в этом полностью уверена, поскольку видела его лишь вскользь на подлете. Он находился на ненаселенном южном склоне хребта, напротив этого похожего на крепость сооружения, будто скрывал неизящное строение от постороннего глаза. Аэродром на восточном берегу бухты был скрыт высокой изгородью, вдоль которой тянулись цветочные клумбы.

Самолет приземлился. Пассажиры отстегнули ремни и встали с кресел.

— Добро пожаловать на Захарию! — серьезно провозгласил Кукулькан и предложил Диане руку. Она не поняла этого жеста. Он усмехнулся, другой рукой взял ее за руку и показал, что имел в виду. У Дианы по спине пробежал приятный холодок.

— Завтра начнем показывать вам наши виды, — сказал он.

Аксор прочистил горло, будто громыхнул вулкан.

— Мы не должны напрасно злоупотреблять вашей любезностью, — загудел он. — Если я смогу встретиться с нужными лицами и воспользоваться соответствующими материалами...

— Обязательно, непременно, — обещал Кукулькан. — Но сначала вас надо устроить и дать отдохнуть с дороги.

Полет не был ни долгим, ни утомительным, но Диана сознавала самой себе, что несколько устала. Слишком велико было возбуждение.

Кукулькан проводил ее к зданию аэровокзала. Диану заинтересовала фреска на стене — мужчина и женщина, обнаженные, того типа, который, как она слышала, называется «монголоидный». Фигуры выплывали из облаков, за которыми угадывались звезды, как зарождающаяся галактика.

— Древний миф с сотворения, — объяснил Кукулькан. — Для нас он символизирует... а, вот и комиссия по встрече!

Людей было четверо (кроме них, в порту почти никого не было), и они, как и пилот лайнера, были так схожи между собой и похожи на Кукулькана и Пеле, как те друг на друга. Когда генный пул популяции устоялся, гомозиготность каждой желательной черты — в том числе не связанной с полом — становится биологической необходимостью. Различные комбинации появляются в каждом поколении, если учесть малейшие изменения в каждом звене, они становятся весьма разнообразны. Но все же «фамильное» сходство подавляет небольшие различия в росте, окраске волос, чертах лица. Основную же разницу между захарийцами составляли признаки пола и возраста. Все встречавшие были старше прибывших и, помимо общей для их породы горделивости, несли на себе печать высокого ранга.

Их костюм, как узнала позже Диана, был официальным: сандалии на ногах, венок на голове, двое мужчин в туниках и две женщины в простых свободных платьях, белых с цветными каймами. Имена их были для нее непривычными: мужчины — Вишну и Хейм达尔ь, женщины — Кван Ин и Изида. Вторая женщина произнесла, глядя на Аксора:

— Добро пожаловать! Для нас честь и радость принять ученого из внешнего мира. Я буду той, кто представит вас в Аполлониуме, ибо среди нас я наиболее знакома с темой, которая, как мы слышали, вас интересует. Но и остальные мои коллеги надеются, что узнают от вас многое.

— *Охла*, я пришел просить о знании вас, — смешался Аксор. — Хотя... нет, я не буду заводить религиозных диспутов, если не будет такого вашего желания, но обмен идеями, информацией...

Он просто дрожал от возбуждения, предвкушая ученые беседы. Эта дрожь отдалась под ногами, как землетрясение, его спинной гребень шевельнулся, как пила, на чешуйках задрожали световые блики.

Хейм达尔ь обратился к Таргови тоном вежливого скептицизма:

— Как человек, занимающийся межпланетной торговлей, я хотел бы обсудить с вами наши возможности. Не могу пробуждать излишних надежд. Местный рынок диковин с Имхотепа уже давно насыщен.

— По крайней мере мы можем это обсудить, — ответил тигранин, — и, может быть, я, с вашего разрешения, смогу осмотреться

в окрестностях. Может быть, я что-нибудь найду, что будет выгодно обеим сторонам.

За его небрежной манерой Диана угадывала осмотрительность.

— Пойдемте, — тихо сказал ей на ухо Кукулькан. — Если у вас здесь нет никакой собственной цели, я буду счастлив быть вашим гидом, переводчиком и слугой — если смогу отбиться от завистливых братьев.

— Разве у вас нет своей работы? — спросила Диана, стараясь не слишком все же его оттолкнуть.

Он улыбнулся и пожал плечами:

— Моя работа — несколько особая, а сейчас я — скажем так — в резерве.

Они вышли из здания. После жары и сырости долины морской бриз был благословением. Аксора ждал экипаж в виде платформы, где к нему присоединилась Изида, остальные сели в наземный лимузин. Из его окна Диана видела бульвар, обсаженный деревьями и уставленный абстрактными скульптурами, отблескивающими на солнце окна других автомобилей — правда, немногочисленных — пешеходов и случайных всадников — красивых, физически совершенных и странно друг на друга похожих. Поездка закончилась у дома, стоящего, как оказалось, в университете городке, окруженного лужайками, деревьями и домами побольше.

В приглушенном ночном свете был виден портик с резными колоннами и капителями приятной для глаз геометрической формы. На фризе сверху были изображены представители различных разумных рас, справа и слева подходящие к сидящему в середине на троне захарийцу — Диана не могла понять, мужчина это или женщина. Внутри дома из украшенной мозаикой передней путь вел в просторную комнату с удобной мебелью, дорогой драпировкой, хорошо подобранными картинами, полками книг, архаического стиля камином — всеми удобствами для беседы.

— Это приют для прибывающих студентов, — пояснила Кван Ин. — Обычно они приезжают с самого острова для личных встреч или работы на специальном оборудовании, но и посетителей извне нам тоже приходилось принимать.

Любезность ее тона ничуть не изменилась, когда она произнесла:

— Вы понимаете, что быть слугами ниже нашего достоинства. Кроме того, мы полагаем, что вы предпочтете определенное уединение. Поэтому на все время пребывания этот дом ваш. Мы покажем вам, как работает все домашнее оборудование. Оно полностью автоматизировано и ручной работы не требует. Вот выбор блюд, которые, как мы надеемся, вам понравятся — их можно подать горячими, когда вы не обедаете вне дома с коллегами. Сюда же включены вещества, необходимые для здоровья воданита и

старкаца. Если чего-то будет недоставать, вам достаточно позвонить в отдел обслуживания Аполлониума. Дополнительные коды коммуникатора — в программе каталога. Не стесняйтесь обращаться с любыми вопросами и просьбами в любое время.

Диане вспомнилась поговорка, которую Мария подхватила у Флэнди, а тот у кого-то еще: «Здесь свободный дом. Можете плевать на пол и обзывать кошку заразой». От такого внутреннего непочтения ей стало неловко, будто она была виновна в неблагодарности.

— Для наших гостей-ксенософонтов мы переоборудовали две комнаты, стараясь сделать все как можно лучше, — добавил Вишну. — Надеюсь, они вас удовлетворят.

Наконец все четверо остались Диану одну в отведенном ей будуаре. Это было приятно. Картины на стене изображали жанровые сцены и исторические сюжеты, зато от вида из окна захватывало дух. К будуару примыкала ванная. В шкафу и ящиках было больше разнообразного белья ее размера, чем можно было ожидать. Присутствовали также обычные сигареты, которые ей не были нужны, сигареты с марихуаной — возможно, и пригодятся — и бутылка виски — вот это кстати.

Полоскаясь в теплой ванне перед легким ужином и долгим сном, Диана подумала: как может Таргови приписывать этим людям дурные намерения? Это же невероятно! И призналась самой себе: она не хочет, чтобы это оказалось вероятным.

Для прогулки с обзором видов и лучшего знакомства Хейм达尔 должен был зайти за тигранином, а Изида — за воданитом. Гидом Дианы должен был быть Кукулькан. Диана быстро проглотила ужин, ограничив свое участие в застольной беседе мычанием и междометиями, и поспешила к себе в комнату переодеться для этого случая.

Во что? Такая проблема была для нее нова. Когда была живая мать, ровесники начали уже застенчиво приглашать ее на пикники, на танцы, покататься на тобoggане и так далее. Но это были ребята ее круга, из семей, живущих на окраине, где утонченность встречалась редко. Повзрослев, она встречалась и со взрослыми мужчинами и научилась некоторой осторожности. Среди них были и достойные люди, и она давно могла бы удачно выйти замуж, если бы захотела. Но слишком сильно манили ее звезды.

А с Кукульканом Захари звезды были достижимы.

«Тише, девонька, спокойнее», — предупредила она сама себя. И все же рука ее слегка дрожала, когда она расчесывала волосы и скрепляла их серебряным наголовным обручем. После мучительных раздумий она выбрала широкое белое платье до колен с

широким кожаным поясом, крепкие сандалии, пригодные для долгой ходьбы, и синий плащ с капюшоном и бронзово-рубиновой застежкой в виде змеи. При таком наряде ее нож выглядел вполне уместным аксессуаром. Она не ожидала, что он понадобится — просто среди всех этих ошеломляющих вещей ей хотелось заявить, прежде всего самой себе, что она сама собой и остается.

Кукулькан ждал в гостиной. Он поднялся и отвесил поклон, как при дворе императора. Сам он был одет в терранского типа рубашку (шафрановую, на груди до середины распахнутую), брюки (темно-синие в обтяжку) и туфли (крепкие, без каблуков, явно исходившие многое дорог).

— Доброго дня, миледи! — произнес он приветствие. — Нам повезло. Отличная погода, и спешить некуда.

— Доброго дня, — ответила она, смущившись, что голос у нее выбирает, как пульс. — Вы очень добры.

Он взял ее за руку:

— Мне это чистое удовольствие, заверяю вас. Просто радость. Какие у него белые зубы, как блестят чуть раскосые глаза!

— Что ж, я... я полагаюсь на ваш выбор. Итак, что у нас задумано на сегодня?

— М-м, день уже начинает клониться к вечеру... Мы могли бы начать с прогулки по Соколиному парку на западном мысу. Он так называется из-за потрясающего вида. К тому же — вечер сегодня опять будет ясным, и все будет открыто круглые сутки. Все — это я имею в виду музеи и картинные галереи. Обычных развлекательных заведений или ресторанов у нас нет. Но еда и напитки из автоматов весьма неплохи, а если — ну, если мы попадем ко мне домой, я состряпаю яичницу, а винный погреб у каждого захарийца свой.

Она рассмеялась более сдержанно, чем было у нее в обычай:

— Большое спасибо. Посмотрим, что нам удастся до того, как я свалюсь.

Они отправились. По университетскому городку гулял ветерок, вея ароматом свежескошенной травы. Он шелестел в серебре тополей, в темных толстых ветвях каштанов. Между увитыми плющом зданиями встречались немногочисленные прохожие, идущие прогулочным шагом. Одеты они были в обычную одежду, и большинство было уже в летах. Но... были ли это студенты, ученики, мастера искусств, чей разум доставал за пределы этих небес?

— Вы себе построили настоящий рай, правда? — отважилась спросить Диана.

Ответ ее удивил.

— Есть и такие, кто считает его адом. Эта среда наша, как вода для рыб и воздух для птиц. Каждый отвергнет среду, предназначенную для другого.

— Люди живут и в воде, и в воздухе, — возразила Диана, чтобы просто показать, что у нее тоже есть мозги. — И вы, захарийцы, живете по всему Дедалу и по всей Империи, это ведь так? — Но тут до нее дошло, и она добавила: — Но мы, все остальные, не смогли бы ведь здесь жить? Даже если бы вы нам позволили.

— У нас есть особенные потребности, — ответил он деловым тоном. — Мы никогда не утверждали, что мы — обычные люди. И первая среди наших потребностей — сохранение своей наследственности. Она же в безопасности только здесь. Во всех остальных местах наш род существует лишь в виде отдельных личностей или отдельных семей и слишком подвержен опасности одичания.

— Одичания?

— Потери породы. Браков с чужими, если угодно. Возвращения в сырое состояние.

Диана окаменела. Он это заметил и быстро сказал:

— Извините меня. Это звучало очень по-снобистски, что в мои намерения не входило. Так говорится на нашем диалекте. Если вы поинтересуетесь нашей историей, вы поймете, откуда у нас такая решимость сохранить свою идентичность.

Интерес прогнал обиду. К тому же Кукулькан был умен и хорош собой, и они шли по величественной улице вниз к бухте, где переливалась сиянием зажженная местными микроорганизмами вода. Прохожие окидывали ее взглядами — восхищенными у детей, понимающими у взрослых, полными восторга и желания у молодых людей. Эти последние часто окликали Кукулькана и подходили поближе в явной надежде, что их представят. Он отвечал жестом, который Диана перевела примерно как «Брысь! Я ее первый увидел». Это освежало не хуже морского ветра.

— Честно говоря, я насчет вашего прошлого невежественна, — призналась она. — Я же бродяга и знаю немногим больше только имени вашего народа.

— Ну, это можно исправить, — сердечно отозвался Кукулькан, — хотя и не за час, потому что наши истоки уходят на тысячу лет назад и лежат на самой Терре.

— Это я знаю, но и только — то есть ни как это было, ни почему. Расскажите, пожалуйста.

Сквозь его серьезно-торжественный тон пробивалась гордость. Рассказчик он был превосходный.

— Как прикажете. Итак, тогда еще только начинались путешествия по Солнечной системе. Мэтью Захари увидел, какие грандиозные задачи это ставит перед человечеством — не меньше опасностей, чем заманчивости, и задачи эти требовали умения надеяться, умения приспособливаться, но не ценой потери целостности.

Как генетик он поставил себе цель создать расу,ющую спра-виться с неизмеримой новизной, с которой предстояло встретиться. Да, машины были необходимы, но недостаточны. В глубины Все-лennой должны были уйти люди, иначе вся эта авантюра челове-чества закончится в жалкой беспомощности. И люди пойдут. Это в природе вида. А Мэтью Захари хотел дать им лучших из возмож-ных вождей, — Кукулькан сделал жест левой рукой, поскольку за правую его держала Диана.

— Нет, не «супермена», никакой подобного рода чуши. Зачем терять принадлежность к человечеству, придавая биологическому организму свойства, гораздо лучше воплощаемые в машинах? Он искал способ выработать лучшего представителя вида — универ-сального, многоцелевого — если позволено будет употребить та-кой технический термин — человека. И какие черты должны были такого человека отмечать? Некоторые очевидны. Высокое разви-тие интеллекта, быстрого и широкоохватного, психологическая стабильность, физическая сила, координация, органы и их функ-ции в норме или выше нормы, сопротивляемость болезням, быст-рое восстановление после болезни или травмы — вы могли бы перечислить все это сами.

— Мне казалось, что многое из этого было уже достигнуто, — заметила Диана.

— Конечно, — согласился Кукулькан. — Развитие генетической коррекции вело к искоренению наследственных болезней. И в наши дни они редко возвращаются, несмотря на происходящие все же мутации и на то, что сравнительно многие родители не могут позволить себе услуги генетиков. Немногие могут, точнее сказать, а остальные доверяются природе. Я позволю себе сказать, что ваше зачатие было полностью случайным, «естественным». Но благодаря предкам, которые об этом позаботились, маловероятно ваше заболевание раком, или шизофренией, или каким-нибудь другим из древних ужасов, которым вы, быть может, даже назва-ний не знаете.

И все же это не значит, что каждая зигота не хуже любой другой. Варианты и сочетания генов, которые мы воспринимаем как нормальные, настолько многочисленны, что для реализации их всех нужно больше времени, чем проживет Вселенная. И пото-му среди людей есть сильные и хилые, есть мудрые и глупые, и так далее до бесконечности. И еще Захари понял, что этот оптималь-ный человек должен быть неспециализированным — то есть пре-восходно умеющим делать многие вещи, но не склонным стано-виться абсолютным чемпионом ни в одной из них.

Что такое оптимальный человек, кроме того, что он может процветать в самом широком диапазоне условий? Захари нашел

единомышленницу, Юкико Номура, которая повлияла и на его образ мыслей. Может быть, это от нее в нас столько монголоидных черт. Например, глазная складка полезна в сухом ветреном климате, а в других безвредна. По контрасту: черная кожа идеальна в первобытных условиях в тропиках Терры или сегодня на такой планете, как Ньянза, и не мешает ее обладателю жить в других условиях, но требует большего содержания йода в рационе, чем кожа более светлая, а дефицит йода в природе встречается не так уж редко. Можно и продолжить список, но это сейчас неважно. Я признаю, что многие решения были приняты произвольно, может быть, по личным предпочтениям, но что-то ведь надо было выбрать.

В результате после многих лет трудов и бесчисленных неудач Захари и Номура собрали те клетки, от которых мы и произошли. Легенда говорит, что они взяли собственную ДНК. Это не так. Их цель была слишком грандиозной для мелкого тщеславия. От себя они взяли лишь ту малую часть, что считали подходящей. Остальные брались откуда было лучше, и все фрагменты прошли коррекцию перед соединением в окончательную клетку.

Потом в этой клетке было вызвано деление. В одной из дочерних клеток X-хромосому заменили на Y, и вторая клетка стала мужской. Обе клетки поместили в экзогенетические аппараты и вырастили. Детей усыновили и вырастили до зрелости для предстоящей им судьбы. Это были Изанами и Изанаги, мать и отец новой расы.

И мы всегда с тех пор оберегали свою наследственность.

Настало долгое молчание. Мужчина и девушка вышли с улицы на дорогу, вьющуюся среди деревьев и усадеб, уходя к оконечности западного мыса. Патриций клонился к горизонту, свет его становился бронзовым. Холдеющий ветер нес привкус соли.

— И вы женитесь только между собой? — спросила наконец Диана.

— Да. Мы обязаны, иначе перестанем быть тем, что мы есть. Постоянное общение с чужаками означает отлучение от рода. М-м... это не хвастовство, это просто реализм — но мы считаем наши гены закваской, которой мы рады поделиться с заслуживающими того представителями обычного вида. Вы лично — весьма выдающаяся юная леди.

У Дианы запыпало лицо.

— Но пока что к материинству не готовая, так что спасибо!

— Простите, я никак не хотел вас обидеть.

Она быстро вернулась к прежней теме:

— А такое близкородственное скрещивание не ведет к появлению дефективного потомства?

— Нет, если родители лишены дефектов. Что до неизбежных мутаций, они выявляются рутинными тестами в самом начале беременности. Вас, может быть, заинтересовала бы наша неинвазивная техника сканирования ДНК. Оборудование для нее — статья нашего экспорта, но из-за протекционистских ограничений во внутренние районы Империи оно не попадает. Ни одна клиника на Имхотепе не может себе ее позволить из-за цены.

Диана поморщилась:

— А если эмбрион не будет совершенным, вы его — элиминируете, это правильное слово?

— Фактически очень редко, только если перспективы на удовлетворительную жизнь нулевые. Действительно, обычно мать решает удалить зиготу. Но ее выращивают в искусственной среде или... или во чреве добровольно вызвавшейся обыкновенной женщины. Пары, желающие усыновить такого ребенка, находятся легко. Видите ли, он рождается без серьезных недостатков — как правило, ничего нежелательного незаметно. Это — человеческое существо, и гораздо выше среднего уровня. Просто это не захариец.

— Ну, это несколько лучше. — Диана встярхнула головой и вздохнула. — Вы правы, это совершенно особенное место. А кстати, с чего оно началось?

Кукулькан нахмурился:

— Чего не предвидели Основатели — это эффекта одного неприятного свойства человеческого вида, и пока вы не успели о том сказать, я сам признаю, что захарийцы тоже от него не свободны. Возможно, если бы мы взяли верх, то стали бы кастой хозяев-угнетателей. Но мы были исчезающее малым меньшинством, неизбежно исключительным и потому столь же неизбежно раздражавшим. Скажем, Астарта Захари могла быть лояльным членом экипажа Пьера Смита, могла взять его в любовники, но даже и думать не стала бы о том, чтобы выйти за него замуж — ни за него, ни за его брата — ни за кого, кроме такого же, как она, захарийца. Причины были просты и... оскорбительны. Обыкновенные люди стали отвечать на это собственным изоляционизмом, все сильнее и сильнее, и дискриминация превратилась в откровенное преследование. «Кровосмешение» — это еще самое приличное из слов, которые говорились в наш адрес. С крушением Торгово-технической Лиги пал последний барьер на пути нетерпимости — не индивидуальной, с которой мы могли бы иметь дело, но институционализированной — в обществе за обществом принимались дискриминационные законы. Многим из нас показалось легче бросить борьбу и слиться с большинством. И необходимость собственной родины стала очевидной.

Мы выбрали остров Захария. В те времена поселение на Дедале было молодым, небольшим и вело тяжкую борьбу с местной природой. Наши пионеры нашли эту землю незанятой и поняли ее возможности. Они были работниками и бойцами. Во время смуты они взяли на себя лидерство в борьбе с бандитами, варварами, случайными налетами мерсейцев. Взамен они потребовали договора об автономии. Когда сюда наконец дотянулась власть Терранской Империи, договор лишь слегка подправили. Почему бы нам не управлять у себя так, как мы хотим? Мы не вносим разлада, мы платим налоги, вносим существенный вклад в экономику региона. Как видите, жители Дедала принимают нас на наших традиционных условиях, а в других местах Империи мы — просто люди, занимающиеся бизнесом, наукой или географическими исследованиями. Короче говоря, оставив древние мечты о лидерстве, мы стали одной этнической группой среди тысяч.

— А что у вас за правительство? — спросила Диана.

Увлеченност Кукульканы уступила место улыбке:

— Его вряд ли можно назвать таковым. Взрослые граждане в основном сами справляются со своими личными делами и зарабатывают на жизнь наиболее подходящим с их точки зрения образом. При возникновении трудностей всегда помогут многочисленные друзья. В случае серьезных диспутов те же друзья выступают арбитрами. Всеми общественными делами, которые у нас есть, занимается комитет уважаемых граждан старшего возраста. Если дело выходит за рутинные рамки, в процесс принятия решения включаются с помощью дальней связи все взрослые. Нас для этого не слишком много. И, что важнее, консенсус для нас естествен.

Кукулькан умолк. Дорога вилась вверх по холмам около бухты. Вода тихо плескалась, но спереди до Дианы уже доносился грохот прибоя на скалах.

— О чем вы думаете, редкостная леди? — спросил Кукулькан.

— О, я не знаю, как это сказать. Вы были так со мной любезны, что я не хотела бы, чтобы мои слова прозвучали, как — э-э — неблагодарность.

— Но?

— Но такая ваша жизнь — разве она не страшно одинока? Каждый — твоя собственная копия, даже твоя жена, твои собственные дети — как вы это выдерживаете? Ведь вы же не тушицы! Уж если бы я должна была оставаться всегда наедине с собой, я бы выбрала пустую планету, где не было бы никого — никакой второй и третьей меня с моими же мыслями, чувствами и вообще...

— Вы напрасно боялись, — спокойно отреагировал он. — Этого вопроса я ждал, и обиды у меня нет совсем. Полный ответ невозможен. Чтобы понять, нужно быть захарийцем. Но попробуйте

использовать ваш острый ум и построить небольшое логическое рассуждение. Мы не идентичны. Похожи, да, но не одинаковы. Помимо вариантов генотипа, нас отличает каждого его прожитая жизнь, его окружение. Так бывает и у близнецов обыкновенных людей. Они никогда не идут одним путем. Очень часто их пути расходятся весьма далеко. Вспомните, что сейчас Пеле отрабатывает свою очередь работником фактории, хотя ее основная специальность — промышленный администратор. Изида — планетолог-археолог. Хеймдаль — купец, Вишну — ксенолог, Кван Ин — специалистка по семантике — и так это и получается, бесконечно разнообразно, как разнообразен сам космос.

И у нас все время есть что-то новое, постоянно меняющаяся информация из внешней Вселенной. Приходят новости, книги, пьесы, музыка, живопись, наука — да, и моды, и развлечения. У каждой личности — свое восприятие, оценки, опыт — свои и только свои, и потом мы их сравниваем, спорим, пытаемся синтезировать — нет, Диана, мы не стоим на месте, нет!

Краем сознания она заметила эту фамильярность — обращение по имени, но не поняла, как реагировать: то ли быть польщенной, то ли насторожиться. Но главная мысль была — сформулировать ответ.

— Кстати — при том, что вы раньше говорили, и всем вашем отношении к нам, вы привозите сюда трех париж-бродяг, когда в течение целых столетий ступить сюда для чужака было редкой привилегией — поверьте мне, мы ценим вашу помощь и доброту, но я не могу не подумать, что — когда эта война перекрыла весь поток информации со звезд — что у вас отчаянная нужда хоть в чем-то свежем.

— Вы мудры не по годам, — медленно ответил он. — «Отчаянная» — слишком сильное слово. Отец Аксор очень нам интересен, а его спутники идут с ним в одном наборе. Есть и более глубокие мотивы — но их понял бы только захариец. Вы лично, Диана, здесь более чем желательны.

Но она продолжала видеть то же одиночество, подобное одиночеству Люцифера, и гадала, как же оно отражается на обществе, поколение за поколением. Вдруг Таргови показался ей куда менее чуждым, чем этот человек рядом с ней.

Но тут они дошли до края и остановились. Кукулькан широким жестом показал на раскинувшийся вид. У Дианы перехватило дыхание.

Утесы обрывались в шхеры, где ревели валы, разбиваясь белой пеной на синем, фиолетовом, зеленом. Дальше без конца и края лежал океан, скрываясь вдали в дымке, и штурмовые облака отсюда казались не громоздящимися чудовищами, а скульптурной

миниатюрой. Опалесцировали воды бухты, переливаясь цветом земных роз в нескончаемой игре золотистого света и иссия-черной тени на глубоком изумрудном фоне. На западе начинал распускать крылья Патриций. На юге взгляд преграждала снежная вершина Эллады, зажженная пламенем.

Когда Кукулькан взял ее за руку, было естественно ее крепко сжать. Он снова улыбнулся и вернулся к прежней мысли:

— Человечеству нужны твои гены. Они драгоценны. И твой долг передать их дальше.

Глава 18

Адмирал и самопровозглашенный император сэр Олаф Магнуссон предоставил право безопасного прохода кораблю с Терры при условии, что его экипаж сдаст оружие и передаст управление людям адмирала. Не потому, что сам по себе одинокий корабль — легкий крейсер с уменьшенным для скорости вооружением — представлял хоть сколько-нибудь серьезную угрозу. А потому, быть может, что главой делегации, бывшей на борту корабля, был адмирал Флота сэр Доминик Флэндири.

Перелет был коротким — от звезды рандеву до солнца Сфинкса, планеты, на которой Магнуссон расположил свою ставку. Это был дальновидный выбор. Помимо положения, имевшего в сложившихся условиях стратегическое значение, планета была пригодна для жизни людей и была мощным промышленным центром, охватывающим всю систему. Не то чтобы людей там не было — имя планете было дано, когда люди отчаялись хоть как-то понять ее коренных жителей. Те просто платили свою дань Империи и продолжали заниматься своими загадочными делами. На прибытие Магнуссона они отреагировали так же равнодушно, не оказав никакого сопротивления, дав ему все, чего он требовал, приняв его обещание компенсировать затраты после победы, но сами ничего не предлагали. Это его вполне устраивало. Ему не было ни нужно, ни желательно еще одно общество под его управлением в дополнение к имеющимся — и так уже сильно растянутым и с трудом организованным.

Управление — понятие относительное. В контролируемом им пространстве — в настоящее время клин, занимающий десять процентов от того, что объявляла принадлежащим ей Империя, — жизнь большинства миров шла без заметных изменений, если не считать ограничений межзвездной торговли. Те же чиновники занимались примерно теми же делами, что и прежде. Разница была в том, что докладывали они — если докладывали — комиссарам Флота Магнуссона, а не наместникам Герхарта. Они следили

за выполнением всех реквизиций. Они не пытались бунтовать — иначе их сбросили бы их собственные подчиненные под громкое одобрение населения, не желавшего подвергнуться ядерной бомбардировке.

Но пока что мало кто в открытую поддержал дело олафистов. Основное требование было — не оказывать ему сопротивления. Победит Герхарт — можно объяснить, что выбора не было. Победит Магнуссон — еще будет достаточно времени проявить лояльность.

Так, упрощенно говоря, обстояло дело с гражданскими. Некоторые офицеры Флота отнеслись к своей присяге с античной серьезностью и увели тех, кто пошел за ними, в космос или в горы — вести партизанскую войну во имя династии Моллита. Их число было более чем уравновешено теми, кто принес присягу на верность самозванцу. Среди них были не только оппортунисты. У многих долго копилось недовольство режимом, который пожирал их жизни и службу без всякого толка. Другие видели в революции путь к восстановлению в обществе правды, чести, твердости и даже — что бы ни имел в виду избранный ими вождь — остановку жерновов бессмысленной полувойны с Мерсейей.

И потому Магнуссон достаточно прочно удерживал завоеванное, по крайней мере до серьезных поражений. Если он ослабнет, все это рассыплется под его пальцами. Более тесно сплоченная внутренняя Империя под властью сторонников Герхарта была менее уязвима. Но однажды пронзенная, она может вскоре разорваться на части: независимые нации и миры поспешат отделиться, пока гражданская война не обрушит их священное процветание.

И потому Магнуссон не рисковал слишком растягивать свои владения. Вместо этого он дал приказ авангардным силам захватывать быстро, что получится, и не искать больше боя. Тем временем он консолидировал защиту тыловых районов. При этом высвобождались одна за другой эскадры, необходимые для следующего большого броска.

И адмиралы Герхарта тоже не рвались в бой слишком скоро. Им задали хорошую трепку. Нужны были ремонт и замены, и не в меньшей степени — восстановление боевого духа. Общее их пре-восходство в силах оставалось подавляющим, но для противостояния Магнуссону можно было использовать лишь малую их долю — поскольку вся остальная Империя тоже нуждалась в защите, особенно от неожиданной атаки с фланга. Сбор данных, принятие решений, издание приказов, поиск средств, реорганизация флотов и сил поддержки — все это требовало времени.

Так что конфликт почти погас, остались лишь случайные вспышки. Магнуссон сделал предложение о переговорах. К его удивле-

нию, ответ пришел положительный. Император Герхарт посыпает делегацию из лиц высокого ранга и их помощников для ведения предварительных переговоров. И почти сразу за этим известием прибыл Флэндри.

— Зачем вы здесь? — спросил Магнуссон.

Флэндри улыбнулся:

— Ну, потому, что его величество лелеет достойную государственного деятеля мечту о мире, восстановлении спокойствия и возвращении заблудших детей своих на пути правды и верноподданности.

— Вы надо мной смеетесь? — вспыхнул Магнуссон.

Они сидели вдвоем в комнате бывшего дома резидента императора. Она была маленькой, с минимумом мебели и вполне подходила для человека, которому мало что приходится делать. Полностью прозрачная в одну сторону стена открывала вид на окружающие постройки туземцев. Они напоминали гигантскую трехмерную паутину. Оранжевое солнце клонилось к закату, и его лучи играли в паутине, меняя цвет с каждым мигом. Магнуссон притушил внутреннее освещение, и его гость мог насладиться зреющим. Нефильтрованный воздух был холодноват и нес странный запах железа. Время от времени по небу пролетала группа искр — атмосферный патруль или соединение космических кораблей на высокой орбите — знак власти над чужим миром.

Флэндри полез в карман туники за портсигаром.

— Нет, цитирую комментарии из новостей, которые я слышал, готовясь к отлету. Если правительство не смогло перекрыть все сообщения о вашем предложении — а это было бы трудно — ему нужно объяснить свою реакцию, положительную или отрицательную. Осмелюсь сказать, что ваши болтуны пользуются той же лексикой.

Большое тело Магнуссона снова откинулось в кресле.

— Ах да. Я все забываю, как вы любите сарднически выставлять свое превосходство. Мы встречались много лет назад, а такие вещи забываются.

Флэндри вытащил из серебряной коробочки сигарету, постучал по ней ногтем, закурил и выпустил струйку дыма, затуманившую тонкие черты его лица.

— Вы спросили, зачем я здесь. Я мог бы спросить вас о том же.

— Не надо этих ваших игр, — отрезал Магнуссон, — а то я вас завтра же отправлю обратно. Я пригласил вас для частного разговора, поскольку это может быть важным.

— Вы не ожидаете результата от официальных переговоров между моей группой и назначенными вами членами делегации?

— Нет, конечно. Это с самого начала пустая игра.

Флэндри взял со стола бокал с виски и отпил глоток.

— Вы же ее начали, — мягко сказал он.

— Да. Как жест доброй воли. Можете называть это пропагандой. Но вы должны знать, что я снова и снова буду объявлять одну и ту же правду — что у меня нет другой цели, кроме процветания Империи, которую некомпетентность и коррумпированность ее правителей подрывали недопустимо долго, — Магнуссон, который не налил себе ничего, усмехнулся. — Вы думаете, что я начал верить собственным речам. Да, я им верю. И всегда верил. Но допускаю: я их столько произнес, что ораторство вошло в привычку.

Он наклонился вперед:

— На этом этапе я ожидал, что мое предложение будет с негодованием отвергнуто. Очевидно, Герхарт решил попытаться меня выслушать. Точнее, так решил его главный советник, у самого ума бы не хватило. Вряд ли секрет, что сейчас он — или, в любом случае, его Политический Совет — внимательно прислушивается к тому, что имеет сказать Доминик Флэндри. Подозреваю, что эта миссия — ваша идея. И вы лично ее возглавили, — он уставил палец в человека напротив. — И потому мой вопрос следовало бы поставить так: «Почему здесь вы?» Ответьте на него!

— То есть, — протянул Флэндри, — на основании моего присутствия вы полагаете, что у меня на уме что-то кроме пустых дебатов?

— Такая лиса, как вы, не станет тратить на них время.

— Ладно, вы меня приперли к стенке. Да, это я уговаривал принять ваше предложение, и поверьте мне, было не просто получить согласие на эти упражнения в пустословии. Не то чтобы все мои соратники их так оценивали. Кроме пары задубелых боевых командиров и одного старого задубелого ученого — чтобы не давать остальным совсем уж витать в облаках, в делегацию входят карьерные дипломаты и официальные лица с прекрасным академическим образованием. Они верят в силу ласковых уговоров и моральных резонов. Я полагаю, что на переговоры с ними вы назначили офицеров, которым надо позабавиться.

— Плевать мне на это. Вы признали, что это все было поводом для вас вступить в игру — как я уже и говорил. Чего вы хотели?

— Именно того, что сейчас происходит.

Тяжелая фигура Магнуссона застыла. Он ударил кулаком по подлокотнику. У него за спиной мигнули, сменились, еще раз мигнули и сменились огоньки в паутине домов.

Флэндри откинулся в кресле, забросил ногу на ногу, затянулся и отпил глоток.

— Спокойнее, адмирал, — сказал он. — Вам нечего бояться одногого человека, пожилого и безоружного, когда за дверью стоит

взвод охраны. Вы говорили, что мы пытаемся вас выслушать. За столом переговоров — чушь. Что будут делать там люди — что они могут делать — как не перекидывать друг другу избитые фразы? Но у меня есть мнение, что я, быть может, смогу вас выслушать, как человек — человека, — он сделал умиротворяющий жест рукой. — В ответ я мог бы рассказать вам кое-что, дать представление о ситуации на Терре и в Империи, что было бы неразумно делать открыто.

— А с чего мне вам верить? — хрипло спросил Магнуссон.

Флэндри снова усмехнулся:

— Доверие к моим словам не подразумевается. Но мои соображения — некоторая информация для вас, если захотите слушать, и я думаю, вы найдете, что они согласуются с известными вам фактами. Что может вам помешать мне лгать? Ничего. И я, разумеется, считаю за данность, что вы так и поступите или откажетесь отвечать, если разговор примет неудобное направление. Хотя в основном у вас вряд ли есть причины не быть откровенным.

Его серые глаза поймали взгляд Магнуссона и удержали.

— Ведь одиноко там, где вы сейчас, сэр Олаф? — тихо спросил он. — Так не хотите ли ненадолго ослабить поводья и поговорить, как говорят обыкновенные люди? Видите ли, это именно то, что мне нужно: узнать вас как человека.

— Что за фантазия!

— Нет, чистая логика, если использовать хоть каплю воображения. Вы понимаете, что я не способен составить ваш психосоматический портрет, что помогло бы нам предсказывать ваши дальнейшие поступки, на основе болтовни одного вечера. Я же не Айхарайх!

— Кто? — напрягся Магнуссон.

— А, — небрежно отозвался Флэндри, — вы же слыхали о покойном Айхарайхе, может быть, даже имели с ним дело, поскольку большую часть жизни провели на мерсейской границе. Интереснейший персонаж, правда? Обменяемся о нем воспоминаниями?

— Вернитесь к теме, пока я вас не вышвырнул, — отрезал Магнуссон.

— Хорошо. Видите ли, сэр Олаф, для нас на Терре вы — довольно таинственная фигура. Трепотню ваших пропагандистов отбросим. Мы нашли все достоверные данные про вас, какие только есть, это вы понимаете, и прогнали их через все оценочные программы, существующие в каталогах, но почти ничего не всплыло, кроме вашего послужного списка и кое-каких побочных эпизодов. Это понятно. Как бы вы ни отличились, это было на Флоте, где служат десятки миллионов офицеров, действующих среди десятков

тысяч миров. Вся дополнительная информация из статей журналистов и прочих подобных источников — она вся на тех планетах, куда вы не даете нам доступа. Ваша личность, ваша внутренняя сущность — для нас темный лес.

Магнуссон вскинул голову:

— А зачем мне открывать душу перед вами?

— Я вас об этом не прошу, — ответил Флэндри. — Говорите так много или так мало, столько правды или лжи, сколько вам захочется. Я вас прошу лишь о разговоре — то есть чтобы вы и я отложили вражду на один вечер и поговорили свободно, как пара старых служак, травящих байки. Зачем? Чтобы мы на Терре лучше понимали, к чему нам себя готовить. Не в военном смысле, а в психологическом. Вы перестанете быть в наших глазах безликим чудищем и станете человеческой личностью, как бы искаженно мы вас ни видели даже после этого. Страх мешает пониманию, и еще хуже, если это страх неизвестного.

Не согласитесь ли вы прояснить себя для нас? И тогда второй раунд переговоров может иметь какой-то смысл. Допустим, вы проиграете, и тогда Империя вполне может не настаивать на уничтожении вас и ваших последователей. Вы победите — и, быть может, мы согласимся дать вам то, что вы хотите, без дальнейшей борьбы, — Флэндри понизил голос. — В конце концов, сэр Олаф, вы можете оказаться нашим следующим императором. Неплохо было бы знать наперед, что вы будете хорошим императором.

Магнуссон поднял брови:

— Вы серьезно считаете, что такое различие можно будет сделать на основании вечернего трепа?

— О нет, — ответил Флэндри. — Особенно если он будет без записи. Если я приду к определенным заключениям, это будут мои заключения, и я не буду ожидать, что у меня дома многим хватит только моего слова. Но я не лишен влияния. И часто малые изменения приводят к великим различиям. А главное: какой вред от этого любому из нас?

Магнуссон задумался и после паузы ответил:

— И в самом деле, какой?

Обед был спартанским, согласно вкусам хозяина. За обедом он выпил единственный бокал вина и рюмку коньяка после кофе. Флэндри выпил два плюс бокал местного ликера, что было достаточно для услаждения вкуса и ни для чего другого. Тем не менее в столовой речи велись оживленнее, чем видали раньше ее стены. Споров почти не было — были воспоминания, излагаемые дружеским тоном. Оба они много всякого повидали в жизни.

Флэндри приучился скрывать настороженность за маской доброжелательности. У Магнуссона такой привычки не было — когда нужно было, он натягивал непроницаемую маску игрока в покер. Это случилось к концу, когда прислуга убрала стол, оставив только кофейник и чашки. Час был поздний. Паутина домов в окне становилась тоньше, свет звезд угасал. Сквозь решетку радиатора шелестел поток теплого воздуха, поскольку ночь была холодной. Он подхватывал дым от сигарет Флэндри, растягивая их вымпелами. Запах этого сорта табака напоминал о сжигаемых поздней осенью на Терре листьях.

Флэндри заканчивал рассказ о своей схватке с секретным агентом мерсейцев на нейтральной планете:

— До ваших возражений хочу сказать: согласен, что отравить его было не слишком благородно. Но я думаю, что ясно дал понять: я не имел права отпустить Гвантхира домой живым, если был способ этому помешать. Слишком он был умелым.

Магнуссон нахмурился, потом лицо его прояснилось, и он сказал без всякой интонации:

— У вас неправильное отношение. Вы считаете мерсейцев бездушными.

— В общем, да. Как и всякого другого, в том числе и себя.

Магнуссон не мог сдержать раздражения:

— Оставьте вы этот ваш инфернальный юмор! Вы меня понимаете. Вы их рассматриваете как неизбежных врагов, как... как штамм болезнетворных бактерий! — Он остановился. — Если бы не ваше предубеждение, я бы мог всерьез предложить вам примкнуть ко мне. Вашу жену мы могли бы вызвать под каким-нибудь предлогом до вашего открытого выступления на моей стороне. Вы всегда говорили, что ваша цель — остановить Долгую Ночь...

— Как необходимое средство продолжать радоваться жизни. Варварство — мрачная перспектива. Правление надменных чужаков — хуже.

— Не знаю, это ваша очередная шуточка или очередная ложь. Неважно. Почему вы не хотите видеть, что я положил бы конец упадку, вернул бы Империи надежду и силу? Я думаю, что ваши шоры — это болезненная ненависть к мерсейцам.

— В этом вы не правы, — серьезным голосом ответил Флэндри. — У меня нет ненависти к ним как таковым. Мое нерасположение заслужили куда больше человеческих существ, а тот, чье уничтожение стало для меня и моим концом, не принадлежал ни к одной из этих рас, — Флэндри, как ни владел собой, не смог не вздрогнуть. И быстро добавил: — На самом деле многие мерсейцы вызывали у меня почти восхищение — в основном те, с кем я встречался в нормальных ситуациях, но есть и такие, с которыми мы скрещивали клинки. Они очень достойные личности по их

стандартам, которые во многих отношениях куда более достойны уважения, чем принятые у большинства современных людей. Мне искренне было жаль, что пришлось так обойтись с Гвантхиром.

— Но вы не понимаете, вы органически не способны понять, даже вообразить, что между ними и нами возможен настоящий и долгий мир.

Флэндри покачал головой:

— Он невозможен до тех пор, пока господствующая там цивилизация не рухнет или полностью не изменит свою суть. Пусть сам ройдхун появится, распевая «Иисус возлюбил меня», и я все же скажу, что нам надо держать боеголовки наготове. У вас не было тех возможностей изучить их, взаимодействовать с ними и узнать их, какие были у меня.

Магнуссон взметнул кулак:

— Я дрался с ними — и побеждал, и их были десятки тысяч, а не ваши жалкие несколько десятков, и так с тех пор, как вступил в Космическую пехоту тридцать лет назад! И у вас хватает нахальства заявлять, что я их не знаю?

— Есть разница, сэр Олаф, — умиротворяюще ответил Флэндри. — Вы встречали храброго противника — или своего коллегу офицера, когда шли переговоры о перемирии и наступал так называемый мир. Вы были как игроки двух команд метеорбола. А я был знаком с владельцами клубов.

— Я не отрицаю враждебности и агрессивности с их стороны. Это все знают. Я только говорю, что их нападения не были неспровоцированными — со времен первого контакта столетия назад, когда терранская спасательная экспедиция сломала весь их порядок и нашла способ нажиться на их трагедии — и еще я говорю, что у них тоже есть и добная воля, и здравый смысл, которых Терранской Империи в наше время остро недостает. Дело не будет ни быстрым, ни легким, нет! Но две такие силы могут выковать терпимость, мир и, наконец — союз и вместе идти через Галактику.

Флэндри прикрыл рукой рот, подавляя зевок.

— Извините меня, я уже много часов без сна и должен сознаться, что эту речь я уже слышал. Мы ведь прокручиваем те записи, что вы нам присыдаете.

Магнуссон скромно улыбнулся:

— Простите. Меня занесло, но только потому, что это вопрос первостепенной важности, — он расправил квадратные плечи. — Не считайте меня наивным. Я тоже знаю Мерсейю изнутри. Я там был.

Флэндри потянулся, откинувшись на спинку кресла.

— В юности? По нашим данным, вы могли оказаться там раз или два довольно давно.

Магнуссон кивнул:

— В этом не было ничего нелояльного. В то время не было конфликтов. Мой родной мир, Кракен, всегда вел свободную торговлю, и вне терранской сферы не меньше, чем внутри.

— Да, ваш народ — независимое племя, верно? Но вы продолжайте. Это как раз тот личный разговор, которого я добивался.

Магнуссон продолжал лишенным выражения голосом:

— Мой отец был капитаном и часто возил груз в Райдхунат и оттуда, бывало, и на саму Мерсейю. Это было до того, как старкадский инцидент вдребезги разбил все связи. Но даже и потом у него было несколько рейсов, и в парочку их он брал меня с собой. Мне тогда было лет около пятнадцати — впечатлительный возраст, как вы понимаете, и вы правы — я действительно был открыт всему, что мне хотели показать. Даже подружился с некоторыми своими мерсейскими сверстниками. Нет, они не убедили меня в том, что они — раса ангелов. Я ведь пошел в военные, помните? И вы знаете, что свой долг я выполнял. Но когда долг требовал личного общения с мерсейцами, разум, глаза и уши у меня был открыты.

— Довольно хрупкое основание для политических суждений.

— Я изучал, исследовал, собирая мнения, обдумывал и еще раз обдумывал.

— Райдхунат так же сложен, как и Империя, и так же полон противоречий и парадоксов, если не больше, — заметил Флэндрировым голосом. — Там мерсейцы — не единственная раса, и другие времена становятся влиятельными.

— Верно. И у нас так же. Что из этого?

— Об их ксенософонтах мы знаем еще меньше, чем о наших. В прошлом это подносило нам очень неприятные сюрпризы. Например, мой давний и долгий антагонист Айхарийх. У меня такое впечатление, что вы его тоже знали.

— Нет, — качнул головой Магнуссон. — Никогда.

— В самом деле? Но имя его вы узнали.

— Да, слухи до меня доходили. Мне интересно будет все, что вы сможете рассказать.

Флэндри закусил губу.

— Мне больно об этом вспоминать, — он бросил сигарету в пепельницу и выпрямился в кресле. — Сэр Олаф, это была увлекательнейшая беседа, и я вам благодарен, но я и в самом деле устал. Позвольте пожелать вам доброй ночи? Мы можем вернуться к этой теме, когда вам будет удобно.

— Минуту. Погодите, — отозвался Магнуссон и коснулся переговорного устройства на поясе. Дверь скользнула в сторону, и вошли четверо космопехов. Это были ирумклойцы — высокие, гладкие, твердокожие, с бесстрастными насекомоподобными лицами.

— Вы арестованы, — резко бросил Магнуссон.

— Простите? — Флэндри едва ли пошевелился, и слова его звучали очень спокойно. — А неприкосновенность парламентера?

— Она предполагалась, — ответил Магнуссон, — но вы нарушили ее условия попыткой шпионажа. Боюсь, вы и ваша делегация должны быть интернированы.

— Не потрудитесь ли вы объясниться?

Магнуссон что-то резко приказал негуманоидам. Было ясно, что они знают на английке только несколько слов. Троє встали по бокам и позади кресла Флэндри. Четвертый остался в дверях с вытащенным из кобуры бластером.

Магнуссон встал и навис над пленником, расставив ноги и уперев кулаки в бока. И проворчал, глядя вниз, хриплым от ярости голосом:

— Вы все отлично знаете. Я более чем наполовину этого ждал, но дал вам действовать в надежде, что вы будете честны. Этого не случилось.

К вашему сведению, я три дня назад узнал, что были обнаружены и захвачены специально посланные на Мерсейю терранские шпионы. Подозреваю, что они были направлены по вашему наущению, но это и неважно — вы наверняка знаете, что им было нужно. Основные вопросы, которые вы мне задавали, были частью и завершением той же операции. И неудивительно, что вы прибыли лично. Таким дьявольским искусством не обладает больше никто. Не предупредили бы меня — я бы так ни о чем и не догадался, пока вы и ваши шпионы не вернулись бы домой и не сопоставили сведения. Но теперь я еще раз убедился, что Господь заботится о воинах Его.

Флэндри встретил голубой огонь его глаз холодным взглядом:

— А наш арест вас не выдаст?

— Нет, не думаю, — произнес Магнуссон, успокаиваясь. — Никто не ожидает от этих ваших агентов быстрого доклада. К тому же мерсейцы организуют утечку на Терру дезинформации, будто бы исходящей от этих агентов. Детали вы представите себе лучше меня. А что до вашей мини-дипломатической группы, разве не обрадуется Империя тому, что она не возвращается немедленно? Когда курьерские торпеды вдруг начнут приносить обнадеживающую информацию?

— Флот не станет из-за этого сидеть сложа руки, — предостерег Флэндри.

— Конечно. Будут продолжаться приготовления к следующему этапу войны. Все, что сделала моя сторона, — это предотвратила попытку вашей стороны, которая была бы катастрофой, если бы удалась. Да, я понимаю, что там остались люди, с которыми вы поделились своими подозрениями, но чего они стоят без доказательств? Когда битва начнется всерьез, кто о них вспомнит? —

Магнуссон вздохнул: — В некотором смысле мне даже жаль, Флэндри. Вы — гений, на свой извращенный манер. И этот про-вал — не ваша вина. Каким бы ценным человеком были вы в борьбе за правое дело! Я не питаю к вам зла и не хочу подвергать вас плохому обращению. Но не могу дать вам действовать. Вы и ваше окружение будете размещены с комфортом. Когда трон будет моим, я... я решу, будет ли безопасным вас отпустить.

Он отдал приказ. Флэндри без сопротивления поднялся, чтобы его увели.

— Мои поздравления, сэр Олаф, — сказал он вполголоса. — Вы оказались умнее, чем я думал. Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэр Доминик, — ответил тот.

Глава 19

Развязка была бурной и стремительной.

Началось все с обманчивой тишины.

— Как я буду жалеть, покидая это место! — мечтательно произнес Аксор за ужином. — Хотя я всю жизнь буду благодарить Господа за милость — увидеть эти чудеса.

— Покидая? — насторожил уши Таргови.

— Ну, мы же не можем ожидать, что наши хозяева будут держать нас здесь вечно — особенно меня, если помнить, во что им обходится мое пропитание. Работая эти последние дни в Аполлониуме с леди Изидой Захари и ее коллегами, я обрел бесценные сведения и, быть может, со своей стороны тоже сделал некоторый скромный вклад, но теперь мы исчерпали взаимные резервы информации и сделали все заключения, к которым должно было привести их обсуждение.

— В Аполлониуме? — переспросил Таргови машинально. Мысли его были далеки.

Рукой толщиной с древесный ствол Аксор обвел комнату, имея в виду затихший ночной университетский городок за стенами дома.

— Это центр учения, исследований, философии, искусств. Они не называют его университетом, поскольку здесь не ведется обучение. У захарийцев в силу их природы нет школ — только поступающая извне информация, нет учителей, кроме родителей, или — для взрослых — знающих людей, к которым можно обратиться за необходимым объяснением.

— Да-да, понял. Так, говоришь, вы закончили?

— Практически — да. Дорогой друг! — затрубил Аксор. — Мне не выразить словами всю мою благодарность тебе за то, что ты привел меня в эту гавань. Хотя захарийцы никогда не предпринимали

серезных исследований наследия Древних, они неутолимо любознательны ко всему космосу. Их базы данных содержат каждый бит информации, когда-либо сообщенный или собранный теми из их людей, что выходили в космос. Я находил бесценные описания, картины, отчеты о неизвестных мне местах. Сравнение их с фактами, уже имеющимися в моем распоряжении, дает возможность открыть новые пути. Изida, Вишну и Кван Ин загорелись больше других; они рождали блестящие идеи. Я не стал бы говорить, что мы на пути к расшифровке символов, но мы выявили регулярность и повторения, которые выглядят весьма существенными. Кто знает, куда поведут дальнейшие исследования? Быть может, к открытию самой универсальности Христа, что приведет в свое время в церковь Его всех разумных существ?

Крокодилоподобная голова задралась вверх.

— Не следует мне сетовать на свое отбытие, — закончил водяной. — Передо мной, пока жива эта смертная оболочка, лежит путь паломника к новым планетам, о коих я узнал, к вящей славе Божией.

— Да-да, — вяло отозвался Таргови. — А ты не знаешь, когда мы должны уезжать?

— Пока нет. Полагаю, мне скажут это на следующей встрече. Ты мог бы подумать, в какую точку материка попросить их нас доставить: они обещали переправить нас туда, куда мы захотим.

— Боюсь, Диана огорчится. Она здесь отлично развлекается. Где она сегодня вечером?

Черты лица Аксора были не особенно подвижны, но каким-то образом его карие глаза отразили грусть, и совершенно определенно то же чувство прозвучало в низком, глубоком басе:

— Не могу сказать. Я все это время мало ее видел. Она ходит в сопровождении этого мужчины — как его зовут?

— Кукулькан, если она не сменила сопровождающего.

— Ага.

Пальцы, способные сокрушить стальную решетку, неуверенно играли цепочкой висящих на бронированной шее очков.

— Таргови, я... мне очень неловко, но я должен сказать... ну, я — не человек и не знаю людских путей, но недавно я... то есть я начал опасаться за добродетель этой девы.

Тигранин колossalным усилием подавил нервный смешок.

— Ты хорошо ее знаешь, — говорил Аксор. — Не думаешь ли ты, что, пока еще не поздно — и молю Господа, чтобы было не поздно, — ты мог бы ей посоветовать, как... э-э... как старший брат?

Вот она, возможность! Таргови чуть не подпрыгнул.

— Могу попробовать, — ответил он. — Правду сказать, я тоже несколько волнуюсь. Достаточно хорошо знаю людей, чтобы по-

нять, чего хочет Кукулькан. Если нас скоро отправят отсюда — а что знает один захариец, то знают все — его нажим усилится.

— О Боже! — Аксор перекрестился. — А она так молода, невинна и беспомощна!

— Посмотрю, смогу ли я их найти, — предложил Таргови. — Сегодня она мне вряд ли будет благодарна, но позже...

Несмотря на почти неодолимо душивший его смех, он должен был скрывать свое веселье. То-то обрадуется Диана Кроуфезер, если кто-то возьмется решать ее дела за нее! Хвост его дернулся.

— Пожелай мне удачи.

Аксор склонил голову и молча обратился к одному-другому святыму. Таргови отодвинул недоеденный ужин и вышел.

Весь этот фарс мог быть и не нужен. Но Таргови не знал, прослушивается ли их дом, а без оставленного на «Лунном кузнец-чике» оборудования узнать этого не мог. Поэтому он предпочитал считать ответ утвердительным и предположил, что есть еще и наблюдатели — не то чтобы из плоти и крови, не так грубо — а датчики в стратегически важных местах. Сейчас его действия не должны были вызвать больше подозрений, чем прежние бесцельные блуждания.

В крайнем случае наблюдатель мог известить Кукульканы, что Таргови собирается положить конец грязному соблазнению, и Кукулькан уведет девушки на романтическую прогулку в горы... если еще этого не сделал. Захарийцы явно поддерживают друг друга. Нет, больше. Они — почти как общественный организм, как терранские насекомые, которых они ввели в экологию острова — терmites, хотя терmites разумные. Даже слишком разумные, чтобы сегодня Таргови это нравилось.

Он вышел за дверь. Дул прохладный ветер, пахнущий листвой и морем, шевелил мех. Таргови был одет только в бриджи с поясом и ножом. Сонно раскинулись пустые лужайки, а по небу над ними плыли облака, подсвеченные серебром от света Икара и бронзой от солнечного круга. Он был затенен с юга вершинами, а в других местах — дальней непогодой, но все же света было достаточно даже для человека. Таргови все ждал тумана или дождя, чтобы стало сравнительно темно и у него появилось преимущество.

Но больше ждать нельзя.

Оставив городок за спиной, Таргови побежал по улице рысью, которая в данных обстоятельствах казалась вполне оправданной, пока не оказался в парке. Здесь он срезал напрямик. Кроны деревьев смыкались над травой, и он исчез во мраке. В другом конце парка он пополз на животе и превратился в легкую рябь на траве, которую вполне можно было приписать теням бегущих облаков.

Теперь это был тигранин-охотник, скрывающий добычу, использующий каждое укрытие и сливающийся с травой на открытом месте, улавливающий каждое движение, мелькание, шорох, шепот, легчайшие следы, для которых нет слов в человеческих языках. Иногда он застыпал неподвижно, когда проходили мимо мужчина или женщина — их можно было рукой коснуться. Были бы тут собаки, пришлось бы уничтожить множество этих мерзких тварей, но, к счастью, у захарийцев хватало вкуса их не держать. Но и так до цели он добирался больше часа.

Она стояла высоко на холмах на краю поселка. Пятиметровая стена длиной тридцать метров окружала зону, запретную для посещений. Когда Хейм达尔 показывал ей окрестности, Таргови спросил, что там внутри.

— Оборона, — ответил его гид. — Вам, может быть, это неизвестно, но по договору мы отвечаем за оборону этого острова — не в космосе, конечно: это дело Флота — но против любых враждебных сил, которым удастся прорваться к поверхности. У нас свои установки. Вот эта защищает Януа.

«Ага, защищает». Распластавшийся по земле Таргови ощутил легкое сотрясение почвы. Что-то происходило в глубине. На глаз он уже оценил, что космопорт — тоже запретная зона для чужаков — лежит точно напротив, на другом склоне гряды. Логично было бы построить туннель.

Таргови обвел глазами окрестности. Над каменной громадой стены поднимались серой тенью холмы, за ними виднелись сверкающие пики Эллады. Обрывались вниз рельефные склоны, пересеченные тенями и освещенные холодным светом. Вдалеке поблескивала еле заметная река Аверроэс, прорывающая себе дорогу к бухте. След ее светился в океане. Под собой Таргови ощущал почву, камни, колючие стебли, покрытые росой.

Его внимание вновь обратилось к крепости. Нет, понял он, это не такая система, частью которой является Санта-Барбара. Здесь должен быть пост управления ракетами, энергетическими лучами, самолетами и всеми прочими средствами обороны. Таргови сомневался, чтобы их было много. Дедал ведь давно находится под защитой Империи. Теперь — под защитой Магнуссона, но непосредственной разницы в этом не было. Кроме того, заметно было, что охрана здесь слаба. Причин ужесточать ее не было, уже столетиями здесь все спокойно, а если сегодня обстоятельства изменились, то вряд ли организация и обучение за ними успели бы.

И все равно достаточно единственной тревоги...

И потому Таргови даже не стал думать о воротах, к которым вела дорога. Вместо этого он выбрал позицию вдалеке от них, где можно было укрыться в тени и как следует рассмотреть стену. Она круто шла вверх, как и требовалось для того, чтобы сделать ее

непреодолимой. Стена была сложена из необработанного камня, что должно было затруднить подъем на вакуумных присосках — или такое предположение было бы смешным? Эрозия сгладила неровности камней, но и проела выемки в цементе. Человеку бы здесь ни за что не взобраться, но тигранину это могло удастся — с его силой, когтями и видящими в полумраке глазами. Никаких признаков встроенных систем тревоги Таргови не обнаружил. Зачем бы они могли здесь потребоваться? Было бы чистым безумием — попытаться пробраться внутрь в этом месте!

Будучи представителем своего вида, Таргови не стал тратить время на вопрос о собственном психическом здоровье. Полагаться он мог лишь на интуицию охотника. Что лежит за стеной — оставалось только гадать. Что делать, когда он это выяснит, заранее не сказать никак. Еще раз Таргови с горечью вспомнил оставленное на корабле оружие и снаряжение. Но он не считал попытку безрассудной. Решил — сделай.

После долгого и тщательного исследования он выбрал себе путь. Крадучись, отошел назад на расстояние, которое счел достаточным для разбега. Напрягая глаза, уши и выбрасывая, проверил, нет ли кого поблизости. Быстрее! Он вскочил на ноги и бросился вперед.

Здоровый и сильный тигранин при одинарной стандартной гравитации может показать такую скорость в спринте, что любой терранин покажется черепахой. Чистая инерция взнесла Таргови почти на всю высоту стены, остальное сделали пальцы и когти. Единым усилием он взбросил свое тело наверх. Перелетев через стену, он приземлился на подушечки пальцев, принявших на себя удар (остальное погасили упругие, как резина, мышцы), и поспешно бросился в укрытие.

Он спрятался за живой изгородью. Она не скрыла бы его надежно, если бы кто-то оказался рядом. Прошла минута, он ничего не учゅял и не услышал и наконец отважился выглянуть. Вокруг было безлюдно. Готовность биться или бежать сменилась обычной осторожностью.

Приличных размеров дом был окружен садом. Не то чтобы неухоженным, но возделанным как-то наспех. Это еще раз подтвердило догадку Таргови, что пост давно не использовался и пригодился лишь недавно, а потому до сих пор слаб и недоукомплектован командой. Почему бы и нет? Какая была у захарийцев нужда в военном искусстве с тех пор, как Дедал попал под защиту *Пакс Террана*? Чего бы им, даже сейчас, опасаться вторжения? И все же Таргови не ослабил бдительности. И так его предприятие было как минимум авантюрой.

Прежде всего высмотреть путь отступления. Вон — пара больших дубов. Человеку не допрыгнуть с их ветвей до верха стены,

но тигранин справится. Избегая открытых мест, он прополз от изгороди к кусту. Впереди темной массой на полуосвещенном небе маячил дом. Он тоже был старым, с выветренным камнем стен, имел такую же крышу со шпилем, как и дома в долине, но без их изящества — просто каменная глыба, хотя и со множеством окон и дверей. В задней стене дома были два окна, и они светились.

Таргови скользнул вперед и заглянул через подоконник в чистый витрил окна. Дыхание засвистело меж его клыками, шерсть всталла дыбом. Это было полное и ошеломляющее подтверждение его... страхов? ожиданий? догадок? Перед ним оказалась та ужасная добыча, за которой он гнался.

Сквозь окно была видна комната с голыми стенами, скудно обставленная, с отгороженной туалетной. Почти все место занимал компьютер. Хотя по причине технической целесообразности все такие машины друг на друга похожи, Таргови видел, что эта сделана не в Терранской Империи. А находившийся на вахте оператор в черном мундире, с бластером на поясе и винтовкой был мерсейцем.

Долгую минуту тигранин стоял неподвижно. Сияние солнечно-го круга и тени облаков, шелест ветра в листве, запахи зелени, ощущение каменной кладки под его ладонями вдруг отдалились, стали сном, а реальность — вот она, перед ним. Что делать?

Единственно разумное — тихо отойти назад незамеченным, про-молчать, дать захарийцам доставить его на материк, связаться с разведкой Флота...

…И более глупого плана не придумаешь, подумал Таргови. Что случилось, когда он лишь намекнул, что некоторые странности стоило бы расследовать? И это было еще до открытого выступле-ния Магнуссона! Какова же сегодня будет цена ничем не подкреп-ленного слова объявленного вне закона нечеловека?

Подавляющее большинство жителей Дедала — да и военных — не желали гибели Империи. Что же нужно? Нужно доказательство, улики, которые нельзя было бы спрятать или объяснить.

«Когда в родном мире мы охотились на гаарноха, — часто говорила Драгойка, — и стояли цепью, чтобы всадить ему в сердце копье, надо было оказаться между его рогами».

Таргови скользнул вдоль стены к ближайшей двери. Она была не заперта. Ни через ворота, ни через туннель из космопорта не пропускали никого, кто не пользовался абсолютным доверием. Таргови вошел в небольшой холл, откуда начинался коридор, идущий вдоль всего здания. Не освещенный в этот ночной час, он тянулся между запертymi дверями комнат — офисов, как определил Таргови, давно уже не использовавшихся. Некоторые должны были недавно снова быть открыты, и где-то нужно было разместить оружие, но немного — захарийцы не ожидали ничего экстренного.

Что Мерсейя не собирается атаковать систему Патриция — они знали наверняка.

Таргови решил, что этот укрепленный пункт должен служить пристанищем нескольких офицеров и их помощников из Ройдхуната, наблюдателей, связных, передающих приказы вышестоящих. На летавших туда и обратно кораблях прилетала смена и улетали для доклада сменяемые. Такое движение кораблей нетрудно было скрыть. Летали они нечасто, у капитанов были нужные коды опознания, командование Планетарной Обороны высыпало на орбиты сторожевые корабли, не слишком внимательно смотревшие за такими судами, а на острове ждали собственные посадочные площадки.

У крокохвостов должна быть квартира под этой крышей. Таргови узнал ее по запаху, приблизившись. Запах был теплым, как их кровь, но ни сладковатым, как тигранский, ни кислым, как у людей — он был горьким. Таргови ощетинился.

Частично по запаху, частично благодаря чувству расстояния и направления он определил нужную дверь. Заперта. Черт, не везет. Придется действовать без плана. Но стоять здесь в нерешительности еще хуже. Скоро рассвет. Хотя большинство людей просыпается позже, скоро вся Януа будет полна пешеходами, а по дороге придется идти при полном свете дня.

Нажав на пластину «открыть», Таргови ступил в сторону. Когда дверь откроется, мерсеец посмотрит в ее сторону и удивится, что никто не вошел. Скорее всего подойдет посмотреть...

Послышился стук сапог по полу, замолк, но теперь было слышно дыхание. Не убыстренное — часовой не ожидал увидеть рядом врага — просто он был озадачен. Может быть, подумал, что возник какой-то сбой в древних схемах.

Таргови напрягся и кинулся вперед.

Оказавшись в дверном проеме, он успел рассмотреть все, что нужно, вцепился когтями в пол и бросил тело вперед одним молниеносным движением. Мускулы тигранина несли его вперед быстрее, чем мерсеец успевал поднять оружие. Они упали вместе. Винтовка клацнула в стороне. Таргови вдавил правый локоть в пасть, едва она начала раскрываться на зеленокожем лице. Оттуда вырвалось лишь придушенное бульканье.

Ударом каратэ Таргови мог бы убить человека, но мерсейской анатомии не знал и не рискнул предположить, что она такая же. Левая рука Таргови поймала правую руку противника раньше, чем та смогла вытащить бластер. Сила против силы.

Таргови тут же вцепился когтями в толстый хвост, который мог бы иначе обрушиться на него как дубина или ударить по кнопке тревоги. Ноги, которые могли бы сделать то же самое, он зажал своими ногами.

Мерсеец был силен, хотя и не так, как Таргови, и рвался изо всех сил, надеясь как-то освободиться. Таргови выпустил его руку с оружием. Собственная его рука охватила врага сзади за шею. Низкий и тупой — не такой, как у Аксора, — спинной гребень все же впился в тело, оставив синяки, когда правая рука Таргови рванула голову мерсейца назад.

Пальцы противника вцепились в бластер. Таргови услышал сухой щелчок. Голова мерсейца свесилась набок, тело вздрогнуло и обмякло.

При всех различиях мерсейцы, тигране и люди были позвоночными.

Таргови спрыгнул с трупа, схватил винтовку и прокрался к двери. Если шум кого-то разбудил, придется пробивать себе дорогу.

Ползли минуты. Тишина ничем не нарушалась. В окнах разгорался свет.

Таргови опустил оружие. Никто не услышал. Или если даже услышал, то все произошло так быстро, что он снова заснул. В конце концов, убить часового было делом нескольких секунд.

Сколько времени осталось до побудки или чего-то другого, что откроет его присутствие? Очевидно, совсем чуть-чуть. Надо было работать.

Закрыв дверь, он осмотрел компьютер. Ага, мерсейская работа, а языка эрио Таргови не знал. Но не так, чтобы совсем. Как и большинство сообразительного народа на границах космоса, несколько слов и фраз он подхватил. Мечта работать среди звезд заставила его выучить алфавит. И к тому же современную технологию Мерселя изначально приобрела на Терре, а логика и законы природы всюду одни и те же.

Прибыв сюда, крокохвосты прихватили с собой эту машину в качестве главного компьютера. Не только потому, что он им был лучше других знаком, но и чтобы обезопасить себя от прослушивания — прямого или дистанционного. Они его не только активно использовали, но и свою базу данных должны были здесь хранить... Да. Таргови решил, что нужную ему элементарную инструкцию составить сможет.

Он коснулся клавиш. «Микрокопировать все».

Машина закончила перекомпоновку миллионов молекул и выложила три круглых контейнера на выходную полку раньше, чем Таргови закончил остальную работу. Он действовал быстро. Разорвав тунику мерсейца (теперь мешала лишь только его тяжесть), он увязал ее в узел, сунув туда оружие, диски данных и... он отодвинул все предметы, чтобы не мешали работать ножом, и принес из ванной полотенце. Не надо, чтобы из узла капала кровь.

Готовый к отходу, он чуть приоткрыл дверь, выглянул, открыл «всем», вышел и снова закрыл. Вполне возможно, никто еще час

или два не поднимется. У мерсейцев привычка рано вставать, но нет смысла менять свой ритм, подстраиваясь под короткие сутки Дедала. Такая перестройка длительна, забирает много сил и сильно снижает эффективность работы.

Точно так же вероятно, что, когда все остальные поднимутся, часового не сменят немедленно, а другой причины подходить к этой двери у них не будет.

Но Таргови не мог на это полагаться. До сих пор у него не было ни особого везения, ни невезения. Он всего добился сам. Сложись ситуация по-другому, он все равно действовал бы, как счел наилучшим. Пока что он использовал фактор внезапности.

И сколько еще это может так продолжаться? Ой, недолго!

Он прокрался по коридору в холл. У выхода он опустился на четвереньки, задевая животом пол, и пополз, держа узел в зубах. Вверх по дереву — прыжок-полет на внешнюю стену и соскок на другой стороне — змеей проползти через кустарник, пока его не заметила группа терран... Он вскочил и побежал.

Захарийцы с удивлением смотрели на это плотоядное существо, бегущее с нечеловеческой скоростью по улице с узлом под мышкой. Свободной рукой он приветственно им махнул. Они уже привыкли, что этот бродячий бедняга-торговец бесцельно околачивается вокруг, потеряв всякую надежду сделать бизнес. Если сегодня он несется как встрепанный — что ж, может быть, ему повезло. Вид у него очень радостный.

На востоке солнечное кольцо сжалось в широкую восходящую дугу. Небо почти побелело, облака были подсвечены золотом. На западе густела синева. Трава сверкала росой. Щебетали птицы. Языком пламени мелькнула по суку дерева красная белка. Там и сям между увитыми плющом зданиями проходили учёные. Трудно было бы представить себе более идиллическую сцену.

Войдя в дом, Таргови не учаял запаха Дианы. Подойдя к ее комнате, он заглянул внутрь. Постель была не смята. Секунду тигранин был в нерешительности. Пойти ее искать? Потеря времени могла оказаться роковой. С другой стороны, свидетельство третьего члена группы могло добавить что-то на весы, и видят боги, куда больший вес лежал сейчас на враждебной чаше... И вообще, она же его сестра! Заставить ее разделить с ним опасность? А будет ли она в безопасности здесь? Возможно. Захарийцы могут удовлетвориться простым допросом и не причинить ей вреда. Если она крутила с этим парнем, Кукульканом, у него должно хватить порядочности воспользоваться своим влиянием в ее пользу... но эти захарийцы могут поступить с ней и мерзко, от страха или в

отмечку. Может быть, их кодекс чести не включает обязательств по отношению к любовнице-чужачке.

Решение нужно было принимать немедленно. Таргови не может гоняться за ней по всей Януа. Но если она там, где он думает, то это недалеко. Он подошел к информатору и набрал код местного справочника. На экране появился адрес Кукульканы. Дома были без номеров, но улицы носили имена, и любое место определялось по сетке координат. Акациевая улица — бесцельные странствия Таргови, пока Диана флиртовала, а Аксор вел конференции, дали ему возможность хорошо выучить местную географию. Акациевая улица находилась южнее, не очень далеко от пути, по которому лучше удирать.

Таргови вошел в комнату воданита. Аксор заполнял ее почти целиком, свернувшись на сиденье из матрасов. Дыхание его звучало как прибой на утесах. Таргови проскользнул мимо чешуйчатого тела, наклонился над мордой и взялся за ноздри. Как он выяснил раньше, это было наиболее чувствительное место. И встряхнул. Под тяжелыми дугами бровей замигали ороговевшие веки. Сверкнул ряд зубов, пригодных как для разрываания, так и для размалывания.

— *Охла, хоо-хо, ксиан нгангганг!* — прозвучало из пасти. — Что это, как, где, что такое?

— Быстро! — сказал Таргови. — За мной. Я нашел нечто действительно уникальное, но это не продлится долго.

— Ну в самом деле... Я же поздно заснул, не надо!

— Прошу тебя. Умоляю. Ты не пожалеешь.

— Ну ладно, если ты настаиваешь.

Застучали копыта, затрещал пол. Хвост Аксора царапнул по стене. Выйдя за Таргови, Аксор пошел за ним через лужайку. Прохожие на них оборачивались, но продолжали свой путь. Ксенософоны уже не были новостью.

У скамейки, осененной парой величественных деревьев, Таргови остановился.

— Сюрприз неприятный, — предупредил он. — Сдержи эмоции и никак себя не выдай.

— Как? — воданит мигнул. — Ты ведь сказал...

— Я соврал. А правда — вот она. Обернись. Я хочу, чтобы ты заслонил то, что я тебе покажу.

Таргови присел, вытащил из-под скамейки свой узел и развязал. Открылись три диска с данными, два ствола огнестрельного оружия производства не Технической цивилизации и что-то, завернутое в красное полотенце. Таргови развернул ткань. Аксору не удалось подавить истерический вздох. Он смотрел на отрезанную голову мерсейца.

Глава 20

Несколько раз в своей жизни Диана испытывала это чувство — когда ее нежно и искусно целуют. Теперь она поняла, что ошибалась на несколько порядков. Тело Кукульканы прижалось к ней сильно и умело. Открыв глаза, она увидела его облик расплывчатым, золотисто-бронзовым, сверкающим. От запаха мужчины кружилась голова. Сердце его билось напротив ее сердца. Диана крепко обняла его левой рукой и запустила пальцы правой ему в волосы.

Его рука скользнула с ее бедра вверх, под полурасстегнутую блузку. Прошла под лифчик. Взорвалась сладостью.

«Стой!» — прозвенело в голове. Через годы мурлыкал голос Драгойки: «Лети по ветру, но только убедись, что это ветер твоих желаний». Одиночество Марии Кроуфузер...

Диана подалась назад. Пришлось себя заставить.

— Погоди, — сказала она, неуверенно засмеявшись. — Мне нужно подышать.

— О красавица моя!

Его вес давил ее вниз, к дивану, на котором они сидели.

Она воспротивилась. Мягкий прием дзюдо, удачный из-за неожиданности, дал ей освободиться. Она отпрыгнула в сторону, тяжело дыша, дрожа и раскрасневшись, но вновь владея собой.

— Полегче! — сказала она, улыбаясь, поскольку в ней все еще пульсировали теплые волны. Нашлось занятие — застегивать расстегнутые застежки. — Давай не будем зарываться.

Он тоже встал, по виду — не обидевшись, хотя в голосе его и звучал пыл:

— Почему же нет? Кому от этого плохо? Что в этом, кроме любви и радости?

Он не стал приближаться, и Диана осталась стоять, где стояла, сомневаясь, смогла ли бы она действительно устоять против этого красавца.

— Я... Кукулькан, это было чудесно.

И это в самом деле было чудесно, как кульминация этой ночи с полетом над Элладой на озеро, где они плавали в игравших вокруг сплохах солнечного кольца, будто в чистом свете, а на берегу ели фазана и пили шампанское, и танцевали на лодочном причале под музыку из плейера аэрокара; ни музыки, ни танца она раньше не знала — вальс кого-то по имени Штраус, и наконец приехали к нему, где одно следовало за другим.

— Я так тебе благодарна, так благодарна! Но мне скоро придется уехать.

— Нет, не придется. Я это устрою. Ты здесь останешься, сколько захочешь. И я покажу тебе всю эту планету, а потом возьму тебя к звездам.

Неужто в самом деле? Да, наверное!

Диана абсолютно не собиралась всю жизнь оставаться девственницей, ни даже до определенного возраста. Просто гордость, если ничто другое, не позволяла ей стать чьей-то игрушкой или, точно так же, сделать игрушкой мужчину. Но Кукулькан Захари ей нравился — больше чем нравился — и она ведь для него тоже что-то значит, зачем бы он иначе стал так ее обхаживать? Какая же она неблагодарная, как можно так ему не верить!

Ох, если бы у нее было лекарство! Она не хотела ни ребенка в ближайшем будущем, ни абORTA когда-либо в жизни, но, привыкнув жить на Имхотепе одним днем, то среди тигран, то среди людей, она не думала о предосторожностях. Эта неделя безопасна — кажется...

— Я лучше пойду, — заставила она себя произнести. — Дай мне подумать. Очень тебя прошу, не торопи меня.

— Дай мне хоть поцеловать тебя на прощанье до скорой встречи, — ответил он этим своим мелодичным голосом. — Только прошу тебя, в самом деле до скорой.

В такой малости она ведь не могла ему отказать, хотя бы просто из вежливости?

Он обнял ее. Она ответила на поцелуй. И решимость ее растворилась.

Долго ли выстояла бы Диана, ей так и не пришлось узнать. Незапертая — на острове не было преступности — входная дверь распахнулась, и вошел Таргови. За ним виднелась драконова голова Аксора.

Диана и Кукулькан отскочили друг от друга.

— Что за черт? — вырвалось у нее. Он заворчал и подобрался.

Таргови поднял бывший у него в руке бластер.

— Не надо, — предупредил он.

— Вы что, с орбиты слетели оба? — завопила Диана, но ее уже проняло холодом понимания, что — нет.

Кукулькан выпрямился, черты его лица окаменели.

— Бросьте эту вещь, — сказал он спокойно, будто отдавая обычное распоряжение слуге. — Вы хотите, чтобы девушка погибла в перестрелке?

— А кто ее начнет? — огрызнулся Таргови и показал рукой на окно. Густая листва окрашивала зеленью золотой свет молодого утра. Дом Кукулькана, как и большинство других, стоял в глубине сада на приличном расстоянии от улицы, скрытый деревьями и живой изгородью. Ясно было, что непрошеные гости пришли незамеченными.

Заполнив собой комнату, вошел Аксор. Он подошел к Диане, обнял ее своими огромными руками и нежно, как мать, прижал к бронированной груди.

— О моя дорогая, прости меня, — бухнул он, как в бочку. — Ужас сгустился над нами. Как хотел бы я тебя от него уберечь!

Минуту она стояла, крепко в него вцепившись. Из него будто исходили, переливаясь в нее, сила и спокойствие. Диана шагнула назад, обвела глазами присутствующих и остановила взгляд на Таргови.

— Объясни, — сказала она.

Его алые глаза блеснули в ответ.

— Я шел по верному следу, — ответил он. — И он привел меня к логову зверя. Аксор, покажи ей, что я принес.

— Это необходимо? — воданит заметно вздрогнул.

— Да. И не копайся. С каждой долей секунды растут шансы против нас.

И пока Аксор доставал из сумки и развязывал узел, звучал безжалостный голос Таргови:

— Захарийцы в сговоре с мерсейцами. Это значит, что и с Магнуссоном. Мерсейцы в сговоре с Магнуссоном! Ты понимаешь, что это значит.

— Нет! — вскрикнула она. — Не надо! Не может быть! Как бы они сохранили это в тайне? И зачем это им?

Аксор справился с работой, и на Диану незрячими глазами уставилось ОНО.

— Они не такие, как твой народ, — напомнил Таргови. Она, потрясенная, слышала его, как сквозь вату. — Мы должны доставить эту улику.

— Как? — с вызовом спросил Кукулькан. Диана взглянула в его сторону, и это обожгло ее, как кислотой. Кукулькан был явно слегка потрясен, но не испуган. — Аэрокар угоните и улетите? Может получиться, даже если придется совершить еще парочку убийств. Но за вами полетят ракеты, лучи, истребители, если понадобится, и вас сбьют. А все ваши передачи будут глушиться — да им и не поверили бы. Лодка — это просто смешно. Сдайтесь, и я обещаю вам снискождение.

— Тебя там не будет, — Таргови навел бластер. Поставил на узкий луч. Кукулькан не моргнул глазом.

— Нет! — одновременно крикнула Диана и взревел Аксор. Диана тут же разразилась потоком слов:

— Заставить его молчать? А зачем? Тревога все равно поднимется, когда найдут обезглавленного беднягу. Просто свяжи его.

— Свяжи тогда его сама, — буркнул тигранин. — Быстро, но тщательно. Да, и подумай тем временем, хочешь ли ты бежать с нами. Аксор, запакуй это обратно.

— В спальню! — скомандовала Диана, и тут до нее дошла горькая ирония. — Кукулькан, это ужасно! Ты ведь об этом не знал, нет?

Идя перед ней под угрозой оружия Таргови, Кукулькан обернулся и ответил твердым, как сталь, голосом:

— Знал. Идиотизмом было бы отрицать. Но я не хотел причинить тебе вреда, прекрасная девушка. Наоборот. Ты могла бы стать матерью королей.

Диана отерла слезы, вынула нож и располосовала простыню.

— Чего же вы хотели, люди? Зачем вы стали предателями?

— Мы ничего не должны Терранской Империи. Она силой присоединила к себе наших предков. Она с презрением отвергла наше лидерство, предвидение, одушевлявшее Основателей. Она позволила нам оставаться собой лишь на этом клочке земли, на своей дальней окраине. Здесь мы живем, как человек Платона в цепях, видя лишь тени на стене нашей пещеры — тени, отбрасываемые живой Вселенной. У мерсейцев нет причин нас бояться или избегать. Наоборот, мы нужны будем им как посредники между ними и обычными людьми. И нам они дадут ту же безграничную свободу, что хотят для себя.

— Т-ты ув-верен? Л-лож-жись на кровать, н-на ж-живот.

Он повиновался. Диана стала связывать ему руки за спиной. Что, если он извернется, попытается схватить ее как живой щит или заложницу? Ей было противно думать о том, чтобы его ударить, но она была готова. Он же лежал смирно, но говорил:

— Диана, ты-то что должна Империи, этой кастрюле гниющей плоти? Тебе зачем за нее умирать? А так и будет, если ты не отступишься. Вам некуда бежать.

Она немедленно почти невольно с жаром возразила:

— Перед нами целый огромный остров, можем прокормиться на фермах и в лесах, полно холмов и долин для укрытия. Мы выживем.

— Несколько часов, максимум — дней. В страхе и беспомощности. Подумай. Я предлагаю тебе защиту и амнистию. Мой народ не мстителен. Они выше этого. Я предлагаю тебе славу.

— Либо он вправду так думает, либо просто хочет тебя использовать, — сказал Таргови из дверей. — В любом случае, сестра, для тебя это самое безопасное. Если мы тебя тоже свяжем, кто-нибудь довольно скоро придет посмотреть, что случилось, и никто не будет обвинять тебя.

— Нет. — Диана связала Кукулькану ноги. — Я не бросаю друзей.

— На нас надежда невелика.

Она привязала полосы простыни к кровати, чтобы пленник не скатился и не выкатился на улицу. Выпрямившись, она случайно увидела открытый шкаф. Там висела одежда — мужская и женская.

Да, конечно, подумала она, захарийцы не женятся. Им нет смысла. Кукулькан это признавал и говорил, что дети воспитываются в родительских домах по очереди. Диана подумала: как же он

должен быть одинок, и не это ли его к ней привлекло? Но захарийцы, конечно, занимаются сексом не только для размножения. Взаимозаменяемые люди? Эта мысль заставила поежиться, как зимний ветер.

Она нагнулась к этому костлявому лицу. Кукулькан криво улыбнулся.

— До свидания, — сказала она чужаку. И тут же, к Таргови: — Чего там, давай отсюда выбираться.

«...Государственные тайны. Почти столь же опасны они сами, поскольку вооружены и им нечего терять. Преступников желательно захватить живыми для допроса, тем не менее убийство на месте предпочтительнее малейшего риска их упустить...»

Таргови выключил радиоприемник, прихваченный из дома. Вполне естественно было положить его в тюк Аксора вместе с едой, когда они обсуждали свое намерение пойти на долгую прогулку в холмы — для подслушивающей электроники. Пока воданит наговаривал сообщение для Изиды с извинением за отмену следующей встречи, объясняя, что хочет полюбоваться пейзажем, и это последний удобный случай, его товарищ тайком добавил к багажу походную одежду для Дианы.

Таргови, как тигранин, не стал говорить банальностей вроде «Ну, теперь они знают». Он лишь буркнул себе под нос:

— Интересно они придумали эту фигню насчет «государственных тайн». Я так думаю, что большинство захарийцев знают, о чем речь, а остальные будут действовать, не задавая вопросов.

— Я дум'ю, эти сл'ва для иностранцев, которые мог'ут услышать, — сказала Диана с набитым ртом. — Например, для п'оплывающего корабля. Им с'мим не надо.

Они сидели в расщелине на горном склоне над Янусом далеко от поселка. Мирная картина их не успокаивала. Вокруг росли березы, трепетали на ветру листья в лучах клонявшегося к западу Патриция. Между белыми стволами стелился хвойный подлесок, темно-зеленый с голубым отливом, пахнущий смолой. Под мшистым камнем тихо журчал родник. Где-то свистел пересмешник.

— Эти захарийцы вылетят, как рой *хрукай* — мечекрылов, — произнес Таргови. — Отправят на поиски аэрокары с чувствительными сенсорами. Нам понадобится все наше искусство жизни в лесу. А к таким лесам мы не привычны.

Диана стукнула кулаком по земле.

— Черт нас побери, если мы умрем ни за хвост собачий или промедлим, пока Магнуссон не пробьет себе путь к трону! — она опустила голову на грудь, и голос ее упал. — Только что же нам делать?

Аксор прочистил горло.

— Вот что могу сделать я, возлюбленные мои, — сказал он почти деловым тоном. — Мои размеры и неуклюжесть в искусстве скрывания выдадут нас даже раньше, чем потребности моего тела истощат наши запасы. Позвольте мне уйти в сторону и увести за собой погоню, пока вы проберетесь в горы, — он поднял руку, предупреждая протест Дианы. — Нет-нет, это единственный разумный план. Я пошел с вами, поскольку — хотя я, как и подобает христианину, ненавижу насилие — мне показалось, что есть возможность положить конец войне, пока она не пожрала жизни миллионов. Кроме того, пусть я и не верю, что мерсейцы — порождение Сатаны, они желают лишить многие миллиарды живых созданий того самоопределения, что у них осталось. Наше дело достойное. После, если вы будете живы, помолитесь, чтобы простились нам зло, причиненное нашим противникам, и помолитесь за упокой их душ, как буду молиться и я.

Шея его взметнулась вверх, и свет, упавший на гребень, превратил его в корону.

— Дайте мне послужить тем единственным способом, на который я способен. Господи, воззри на дух мой и дух сих моих друзей!

На этот раз девушка уже не сдержала слез.

— Аксор...

— Тихо, вы, восторженные кретины! — скрипнул зубами Таргови. — Чем благородничать, лучше думайте!

Он вскочил и стал ходить между деревьями — не по-человечески, а по-тигрански, изгинаясь между деревьями и вокруг кустов. Правая его рука все поглаживала и поглаживала левую клинком огромного ножа. Он что-то бормотал в такт своим мыслям, и зубы его поблескивали под шевелящимися губами.

— Я привел вас сюда, поскольку не мог полагать, будто мои подвиги на командном пункте останутся незамеченными настолько долго, чтобы нас отправили на материк и мы туда успели добраться. В этом я был прав. Я надеялся, что непривычные к подобным делам захарийцы устроят такой переполох, что мы проберемся обратно и найдем средства к побегу — может быть, угнав экипаж и заставив его владельца быть прикрытием. В конце концов, на том посту организация была из рук вон. Надежда все равно была слабая, а теперь от нее остался пшик. Я думаю, что их... их единство дает им возможность реагировать на непредвиденное удивительно хладнокровно — без неразберихи и противоречий, которые возникают в обычном человечьем стаде, застигнутом врасплох. Вы слышали сообщение. Теперь все аэрокары и лодки будут содергаться группами по три или больше под охраной. Все покидающие остров транспортные средства будут проходить досмотр. Так будет, пока нас не поймают или не убьют.

Сдаться ли нам? Они могут удовлетвориться тем, что пристрелят меня, а ваше заключение вряд ли будет суровым.

— Я слыхала от матери древнее изречение, — сказала Диана. — «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

— Ох, молодые не понимают, что и вправду могут умереть, — вздохнул Аксор. — Но если у нас есть хоть какая-то возможность, что еще можем мы сделать, оставаясь в здравом уме, как не попробовать ее?

Тигранин все еще продолжал ходить туда-сюда:

— Я думаю, думаю...

И вдруг резко остановился. Загнал нож в дерево, так, что металлы запел.

— Джавак! Вижу на горизонте — извилистый путь... Только надо будет быстро — не дать противнику времени сообразить, что у нас хватит дури попробовать.

Южный склон хребта Мениск здесь круто понижался и тут же столь же круто шел вверх. Эта местность была ненаселенной и сильно заросла лесом — вся, кроме каньона реки Аверроэс, прорезавшей себе здесь путь к морю, и склонов гор у вершин. Кукулькан объяснял Диане, что здесь находится заповедник. Расположение космопорта в таком месте восходило к дням смути, когда он мог стать объектом нападения, как бы ни был мал. Может быть, его изолированность была учтена и в мерсейском заговоре.

Несмотря ни на что, у девушки от открывшегося вида захватило дух. Небо, чистое, если не считать легких золотистых облаков, бледное внизу, к зениту становилось индигоным, но земля еще была вочных сумерках. С севера и с юга мир отгораживали горы. Лишь в устьях долин сияло солнечное кольцо, отбрасывая лучи, образовывавшие дно янтарного озера. Деревья слегка отсвечивали, но холмы над ними были пурпурно-черными, и сияли вдали ледовые шапки пиков. Холодный воздух овевал лица. Царило спокойствие.

Ощущение чуда пропало, когда Таргови показал вперед.

За последним укрытием, которое предоставлял им лес, лежала открытая стометровая полоса, заросшая сорняками и кустарником. За плетеной изгородью, защищающей космопорт от вторжения животных, лежало железобетонное поле. У Дианы бешено колотилось сердце, но все чувства и реакции противоестественно обострились. Размер поля она оценила как пятьсот метров на триста. На дальнем конце столпились служебные здания и торчала радиомачта. Из нескольких посадочных площадок две были заняты. Один корабль — межпланетный, новый и с лучшими обводами вариант «Лунного кузнечика». Второй — военный, довольно маленький

для межзвездного корабля, темные отблески корпуса, орудийная башня и... что за призрак в ее голове затрубил в рог?

Массивный, сливающийся с тенью Аксор хрюплю щепнул:

— Нам, конечно, нужен захарийский корабль.

— Конечно, нет! — прошипел Таргови. В тусклом свете его глаза горели углами. — Я правильно предположил, что здешние островитяне понимают в военном деле не больше, чем те, в центре. Подумать, что мы захватим космолет, — это слишком для них по-военному. Но у мерсейцев на корабле есть охрана. Не знаю, один там часовой или больше, но он точно знает, как послать ракету или кинуться в погоню. — Он принял решение: — Но мы сможем их обдурить, сделав вид, что охотимся за легкой добычей, и вывести их из равновесия. Полутьма поможет...

Рванувшись из укрытия, Аксор прихватил Диану под мышку, а то бы она безнадежно отстала от него и Таргови. Его тяжелый галоп отдавался во всем ее теле. Чувствуя гибкую твердость его руки, Диана сжимала винтовку, выискивая цель.

Путь через опушку занял секунду — и столетие, но вот они достигли изгороди. Свободной рукой Аксор прикрыл Диану от колючек, прорываясь через изгородь. Все же некоторые царапнули ее до крови. Она почти не заметила.

От терминала бежали люди, казавшиеся издали муравьями, но вдруг они оказались рядом. Диана видела у некоторых оружие. Услышала шум, топот. Аксор ухнулся, пошатнулся, ринулся дальше. Диана открыла огонь. Кто-то упал и остался лежать.

Таргови бежал рядом. Грузовой корабль был прямо впереди. Таргови поднял руку, описал дугу и бросился к мерсейскому кораблю. Мир в глазах Дианы накренился — это Аксор повернул за Таргови. Из-за утеса его плеча Диана увидела, что захарийцы замешкались. Их было около десятка.

Таргови вспрыгнул на ограду посадочной площадки. Люк перед ним был закрыт. Таргови прикрыл глаза локтем и стал прорезать себе дорогу бластером. Вырывалось бело-голубое пламя, бушевал жар, кипел вокруг воздух, от искр затлев на нем мех. На легких кораблях такого типа защита в космосе представляла собой силовое поле. На земле никто атаки не ожидал.

Захарийцы направились в их сторону, но как-то вяло. Храбрости бы им, мельком подумала Диана. Аксор с ревом и топотом помчался наперехват. Диана открыла заградительный огонь. Люди рассеялись, оставив одного раненого и два неподвижных тела.

На винтовке Дианы щелкнул боек — магазин опустел. Наверху бластер Таргови фыркнул и смолк — разрядились конденсаторы.

Аксор затопал по пандусу.

— Диана, слезай! — громыхнул он. — Вы оба, станьте за мной!

Они быстро повиновались. Аксор всей массой ударил в люк с полурассеченными лазером запорами. С третьего удара люк отлетел.

Там ждали четверо мерсейцев. Судя по мундирям, это были солдаты, не умевшие управлять кораблем, который охраняли. Вместо того чтобы закрыть внутренний люк и рискнуть тем, что он тоже будет разбит, они подготовились к битве. Как и положено мерсейцам.

Аксор бросился в атаку, навстречу лучам и пулям. Такую инерцию им было не остановить. Двое погибли под его копытами раньше, чем вздрогнул от его падения весь корпус корабля. Но уже влетели Таргови и Диана. Тигранин бросил нож. Звякнул по переборке выбитый пистолет. Тигранин и мерсеец свалились, сцепившись, и клыки Таргови нашли зеленое горло. Диана уклонилась от выстрела, подскочила и ударила своим клинком.

Таргови поднялся.

— Они послали за помощью, — вырвалось из капающих кровью челюстей. — Воины они никудышные, но больше десяти минут у нас не будет. Я разберусь, как поднять эту штуку, а ты закрой портал.

И он исчез.

С замком все оказалось просто — он был примерно такой, как на «Лунном кузнецике». Загерметизировав корабль, она по скользкой палубе подошла к Аксору. Он лежал, тяжело дыша. На чешуе остались черные следы огня. Из ран выступила кровь — не такая, как у нее, и не такая, как у мерсейцев, но все это была кровь — вода, железо, жизнь...

— Как тебя сильно ранили, — шепнула она с горечью. — Чем тебе помочь?

Он поднял голову:

— Ты невредима, дитя мое?

— Да, в меня не попали, но ты, милый, ты...

Его губы растянулись в улыбке, которая кого-нибудь другого могла бы испугать.

— Нечего бояться. Некоторое неудобство, я даже мог бы сказать — боль, но нет серьезных повреждений. У этой оболочки впереди еще много странствий. Хвала Господу и благодарность святым из воинов.

Его голова склонилась. Устало и грустно он закончил:

— Теперь позволь мне помолиться за души павших.

Диана ощутила под ногами дрожь. Таргови включил двигатели.

Военные самолеты взмыли над холмами и горами. Таргови не пытался войти в огневой контакт. Вместо этого он резко набрал высоту. Свистнули ракеты, но он уже знал, как включить поле дефлектора.

И корабль вышел в космос. Под ним вращалась планета, прекрасная и огромная, сверкающая океанами, украшенная самоцветами континентов, укрытая вертящимся облачным занавесом. Таргови снова увидел звезды.

Но лишь секунду он мог наслаждаться зреющим. Управляя кораблем в одиночку, он не имел даже ничтожнейшего шанса выдержать атаку любого корабля флота.

— Диана, — сказал он в интерком, — ты не поднимешься на мостик?

И целиком переключился на пилотирование. Дать инструкцию автопилоту он не мог, а предназначенные для мерсейцев ручное управление оказалось неудобным, навигационные приборы были незнакомы. Приходилось вести корабль на глаз и на ощупь. Ему хотя бы удалось установить внутреннюю гравитацию порядка одного g . Иначе его друзья болтались бы внутри, как кости в стаканчике.

Ну что ж, раз удалось уйти с космодрома, то уже хорошо — если за ними нет погони.

Девушка вошла и села в кресло второго пилота.

— Я хочу посадить корабль в порту Ауреи, — сказал ей Таргови. — Захарийцы наверняка вызывают его на всех частотах, требуя, чтобы флот разнес нас на клочки еще в небе, и наверняка найдутся офицеры, которые с радостью это сделают. Увести нас в гипердрайв у меня умения не хватит. Ты — единственный человек на борту. Что ты посоветуешь?

Диана задумалась, подперев рукой измазанную копотью щеку — растрепанные волосы, пропотевшая одежда, измятая и запачканная. Глядя на нее, ощущая ее аромат, зная ее, Таргови захотелось хоть ненадолго стать мужчиной ее вида.

— Ты сможешь послать мощную аудиовизуальную передачу, чтобы пробилась через помехи стандартной полосы частот? — спросила Диана.

Таргови посмотрел на пульт:

— Думаю, что смогу.

— Сделай.

Она прикрыла глаза и откинулась в кресле.

Но когда он был готов, к Диане снова вернулись силы. Обращаясь к появившемуся на экране компьютерному изображению лица, она сказала:

— Сообщение для коменданта генерала Чезаре Гатто. Это не розыгрыш, а информация первостепенной важности. Если она не будет передана ему немедленно, появится столько военных трибуналов, что из-под них травы не будет видно. Тот факт, что я нахожусь на корабле, который вы вскоре идентифицируете как

мерсейский, должен разрешить сомнения даже последнего тупицы. Генералу понадобится код для опознания. Сообщите ему, что Диана Кроуфезер возвращается домой.

Глава 21

В раздобытой Таргови базе данных содержалась информация, оказавшаяся бесценной в борьбе Флота против мятежа. Кое-что очень пригодилось впоследствии терранской разведке и контрразведке — до тех пор, пока мерсейцы не внесли необходимых изменений в планы и организацию — работа, которая заняла много времени и не оставляла мерсейцам сил для внешней подрывной деятельности. Часть записей касалась сэра Олафа Магнуссона. Исходя из своего прежнего опыта и знаний, Флэндри потом восстановил всю историю — гипотетически, но с высокой степенью вероятности.

Под властью загнивающей и коррумпированной Империи жил один человек, жесткий и прямой. Намерения императора Георгиса были добрыми, но он давно уже находился при смерти, а тем временем к власти прорывались фавориты кронпринца. Когда трон унаследовал Джосип, чиновники почти не давали себе труда скрывать злоупотребления, и один за другим спокойно учинили зверство за зверством в доверенных их попечению мирах, наполняя свои карманы. И Эрик Магнуссон, капитан космоса и торговец с Кракена, проклял в сердце своем присягу, принесенную предавшей его Империи.

Как-то кто-то из случайно встреченных им мерсейцев почувствовал его недовольство и сообщил об этом тем, кому это могло быть интересно. При следующем визите на их планету Эрика встречали с баронскими почестями. Должным образом была организована его встреча с великим властителем — не ройдхуном, который был более полубог, чем правитель, но с главой Великого Совета — хозяином повседневной жизни огромного царства — насколько это вообще доступно отдельной личности.

Это был Бреудан Железный Рок, Рука ваха Инвори — выдающаяся личность, чья душа во многом была сестрой души капитана Магнуссона. Он хорошо знал, на каких струнах сыграть. Были люди по расе и мерсейцы по духу, как были и мерсейцы по расе и терране по сути — тех и тех было ничтожное меньшинство, но очень значимое во многих смыслах. Бреудан бил точно в цель. Почему должен Кракен платить дань Империи, обогащающей ростовщиков, разрушающей торговлю и плюющей на оборону? Закон ройдхуна суров, но справедлив. Под этим законом мужчины могут снова стать мужчинами. Две цивилизации, объединившись,

не будут больше привязаны к этой горсточке звезд на окраине Галактики — они овладеют всем космосом!

Эрик Магнуссон был обращен. Может быть, это подтвердил Айхайх — телепат.

Этот человек должен был понять, как мал его шанс получить важный пост. Он мог завербовать еще нескольких, он мог время от времени передавать сообщение или быть агентом, но главное — он был резервистом, безмолвным хранителем пламени. Дома же он никогда не заявлял открыто о своей любви к Мерсейе.

Но пришло время, и он отдал Мерсейе своего сына.

Мальчик Олаф отправился с ним и остался в Мерсейе. На Кракене никто ничего не увидел подозрительного в том, что Эрик вернулся без сына. Мать Олафа умерла, отец остался вдовцом, братья и сестры давно уже научились не приставать к отцу с вопросами.

— Я устроил его юнгой на корабль геологической разведки планет. Он там научится большему, чем в любом нашем училище.

Секретная школа, куда попал Олаф, не была ни человеческой, ни гуманной. Среди ее главных целей было усилить сильных и раздавить слабых. Олаф выжил. Он изучал естественные науки, военное дело, искусство управления и умение сдерживать слезы. К концу обучения им занялся Айхайх, херейонит Айхайх с украшенной гребнем орлиной головой и могучим интеллектом. Мерсейские хозяева заложили фундамент: знание, дух, цель. На этом фундаменте Айхайх построил ту психосексуальную структуру, что была ему нужна.

Золотое Лицо, абсолютная мудрость, Сон и Сновидения и шепот миров, летящий сквозь них... тщательная оркестровка удовольствий плоти, ума, духа... посвящение Богу непознаваемому...

Через несколько лет юный Олаф Магнуссон вновь появился на Кракене и о своих приключениях не распространялся. Вскоре он вступил в Имперскую Космическую пехоту. С этого момента он выполнял приказы.

Это были указания его начальников. Согласно им, он никогда не был шпионом, диверсантом или вообще кем-нибудь, кроме как храбрым, ярким бойцом вооруженных сил Империи — солдат, курсант училища, офицер Флота. Мерсейское командование требовало от него делать все возможное, продвигаться по службе быстрее и выше и быть готовым к возможности, которая может никогда не настать.

Сначала он участвовал в действиях против варваров, пиратов, подавлял местные мятежи и бунты — только внутренние конфликты. Но когда кризис у Сираакса вспыхнул войной, он дрался с мерсейцами. Каких бы мук ему это ни стоило — наверное, не очень сильных, потому что его учили, что смерть в бою почетна, а личность — всего лишь клетка в кровотоке Расы, — они оставили

его, когда секретный агент привез ему одобрение и сообщил, что отныне о нем помнят властители Ройдхуната.

И еще он привлек к себе внимание Империи. Карьера его рванулась вперед, как комета к солнцу. Когда Мерсейя выпускала когти, как часто бывало в регионах, где он служил, ему удавалось отличиться. Из-за знания эрио и еще двух главных мерсейских языков его назначали в делегации на переговоры, где он отличался еще больше. Начав со скромного поста помощника, он выдвигал такие превосходные идеи, что вскоре стал главой подобных делегаций, и под его руководством удавалось добиваться таких выгодных условий, на которые терране даже надеяться не могли. Да, это были разовые назначения, касающиеся конкретных, ограниченных второстепенных вопросов. Тем не менее Олаф Магнуссон показал, что понимает мерсейцев и может иметь с ними дело. Они не ставили ему в вину его послужной список, но уважали его способности и решительность.

Так же относился к нему и Флот. Его недоступность и суровость стали желательными качествами при императоре-реформаторе Хансе: они показали, что Магнуссон — не какой-нибудь политик-конформист. Он был беспощаден в мельчайших вопросах дисциплины, но всегда справедлив и, если дело того заслуживало, способен на сочувствие. Там, где он командовал, возрождались честность и усердие, даже среди гражданских чиновников — особенно после трансляции его речей. И потому логичным оказалось назначить его ответственным за целый стратегически важный сектор на границе спорного пространства между Империей и Ройдхунатом.

И Терре потом не раз представлялся случай быть благодарной Верховному Командованию за столь мудрый выбор. То, что казалось очередной сварой между двумя силами, мерзкой, но разрешимой, вдруг вышло из-под контроля. Ситуация стала самой опасной со времен Сиракса. В этом не было ни смысла, ни резона, но разве часто бывал смысл или резон в действиях правительства? Мерсейский экспедиционный корпус в очередной раз выдвинулся к недоукомплектованной людьми терранской границе «для восстановления порядка, гарантии безопасности Расы и покровительствуемых ею видов и создания возможности возобновления дипломатических переговоров, имеющих реальный смысл».

Реальный смысл этих переговоров стал бы очевиден, когда Мерсейя отхватила бы приличный кусок от самого уязвимого бока Империи. Предлагаемые условия были бы не таковы, чтобы спровоцировать полномасштабную войну, но Терра была бы болезненно ослаблена. На посылку достаточных подкреплений времени не было. Для отражения угрозы флот Олафа Магнуссона пошел в бой в одиночку.

«Мы заплатим эту цену, — сказал связной с Мерсейи на тайной встрече. — Ты должен быть безжалостен. Решительно наноси нам

любой удар, который будет в твоих силах. Твой долг — стать героем».

Имперские силы Патриция встретили противника и разгромили его. Рассеянные эскадры вторжения скрылись во тьму, откуда появились. Мерсейские представители предложили немедленно возобновить совещание на высшем уровне, и неожиданно их запросы и предложения оказались приемлемыми. Радость звенела по всей Империи и — да, даже на старой шлюхе Терре. Магнуссон прибыл, чтобы получить рыцарское достоинство из рук императора.

Он вернулся к народу, который его обожал и который чувствовал себя обманутым Империей — с той же досадой, что и многие мерсейцы, видевшие, как умирают их товарищи и погибают корабли из-за беспрецедентной глупости командования. Сэр Олаф стал произносить речи против упадка государства, против всей его политики. Он повторял это и публично, и в частных разговорах. Из-за его огромного престижа и благодаря отдаленности от центра событий никто не пытался его остановить... пока он не провозгласил себя хозяином Империи, и его легионы прославили его имя — а тогда было поздно.

«Настал день, к которому мы готовили тебя всю твою жизнь», — сказал связной натайной встрече.

«Я должен достичь трона? — спросил Магнуссон, польщенный, хотя и строил догадки, каков же проект его искусственно выстроенной судьбы. — Зачем? Подорвать мощь Империи, пока она не будет легкой добычей для завоевания? Мне эта мысль не нравится. И в такую возможность я не верю. Слишком много непредвидимого, слишком много миров».

«Да нет, *храй!* Твоя победа будет такой быстрой и чистой, как нам только удастся. Ты придешь не как палач, а как спаситель».

«Трудно будет».

«Объясни почему».

«Ну — Хансу Моллитору было проще. Династия Вангов выдохлась, осталась пара идиотов, за которыми никто не пошел. Все желали прихода сильного человека и мира, который он даст. Из всех претендующих на эту роль полководцев Ханс был самым способным. С самого начала за ним стояли наиболее мощные силы. И все равно борьба тянулась много кровавых лет. Пусть Герхарт непопулярен, но он — сын Ханса, и люди идут за ним. Я не жду особой поддержки ни от Флота, кроме соединений под моим началом, ни от гражданского населения. Большинство воспримет меня как возмутителя спокойствия».

«У тебя будет поддержка — наша. Военные поставки потекут в твой сектор потоком, стоит тебе добиться первого успеха. Потом появятся отряды “добровольцев”, набранные из контролируемых нами видов. Их не должно быть много, чтобы не вызвать подозре-

ний, и использовать их ты должен будешь осторожно, все время подтверждая свою преданность своей родной цивилизации. Мы организуем тому доказательства — пограничные инциденты, где твои приверженцы докажут, что по-прежнему сдерживают внешнюю угрозу.

Поскольку в прошлом за тобой все чисто, все больше и больше терран — в том числе офицеров Флота — будет переходить на твою сторону. Твой триумф будет полным и относительно дешевым по цене. Затем ты начнешь перевязывать раны войны, амнистировать противников, но карать злодеев, реформировать, очищать, усиливать — все, как ты обещал. Ты станешь самым любимым императором Терры со времен Педро Второго».

«А что потом? Чем это все послужит Раке? Вы должны понимать, что власть императора абсолютна только в теории. Я не смогу приказать подчиниться ройдхуну — после этого я и часа не проживу».

«Несомненно. Но ты призовешь к подлинному миру, где обе стороны будут договариваться честно, и следить, чтобы твоя сторона так и делала. Ты произведешь нужные назначения, сначала в Политическом Совете и Верховном Командовании, затем повсюду, имена тебе сообщат. Будут возникать вопросы — экономические, социальные — в которых ты, сильный и неподкупный император, будешь арбитром. Список составлен, но я не буду тебя им сейчас утомлять. Большую его часть ты сам легко можешь себе представить.

И не страшись, Олаф Магнуссон. Ты окончишь свои дни в почете. Твой сын-наследник пойдет по твоим стопам. Тогда мерсейские советники будут заседать в его советах, и мерсейская доблесть будет идеалом его мыслителей, и если все же какой-нибудь эдикт придется настолько не по нраву, что вызовет бунт, Мерсей придёт на помочь добром императору.

Твой внук будет принадлежать к первому поколению нового человечества».

Глава 22

Генерал-лейтенант корпуса Императорской Космической пехоты Чезаре Гатто, комендант системы Патриция, отдал приказы немедленно. Эскадрилья корветов сошла с орбиты вокруг Дедала и бросилась вниз. Корабли вошли в атмосферу на такой скорости, что воздух вспыхивал и ревел вокруг них и позади.

Всего на несколько минут опоздали они, роем разъяренных шершней гудя над островом Захария. Торговый корабль, стоявший в космопорту, успел взлететь. Ему никак было не уйти от

погони — только единственным способом. Поднявшись на несколько сот километров, он развернулся и спикировал вниз. На полной скорости и без защитного негаполя он превратился в падающую звезду. Долго еще будут на Мерсейе петь баллады о товарищах своих, выбравших славную смерть.

Из захарийцев никто не пытался бежать.

— Наша люди пытались их остановить, но они были вооружены и полны решимости к самопожертвованию, — объявил их представитель по эйдофону. — Мы сохраняем свое единство.

— Улик не уничтожать и сопротивления силам его величества не оказывать! — рявкнул Гатто.

Тангароа Захари улыбнулся. И эта улыбка была самым скорбным зрелищем, которое когда-либо видел генерал.

— Мы понимаем, что мы в западне, и не будем ухудшать свое положение. Увидите, что мы готовы к сотрудничеству. Кодирование для хранения тайны мы не проводили, так что гипнозондирование не потребуется — я бы предложил наркодопрос случайно выбранных представителей.

— Ведите себя прилично, и я, быть может, замолвлю за вас слово, когда дело дойдет до наказания... если вы только объясните мне: что, во имя Господа, толкнуло вас на это массовое предательство?

— Мы такие, какие мы есть.

Обращение Гатто к населению положило конец неделе неуверенности и слухов. Всем, кроме самых доверенных его людей, было известно только, что он позволил мерсейскому кораблю приземлиться в Ауреи и его экипаж был спешно увезен в машине с затемненными стеклами; что он привел вооруженные силы в состояние готовности на случай любой возможной акции Магнуссона; что по неназванным причинам он послал оккупационную бригаду на Захарию и держит остров *инкоммуникадо**. Неделя ему нужна была для подготовки необходимых мер, пока агенты секретной службы лихорадочно разбирались в данных с привезенных дисков.

В соответствующий момент некоторые офицеры очень удивились, когда попали под арест. Это была мера предосторожности: Гатто не мог быть уверен, что они немедленно воспримут истину о своем кумире сэре Олафе. Потом Гатто вышел в эфир.

От края до края системы его слова прорезали напряжение, как меч. Отдача пришла позже — взрыв ярости и негодования. Но под всем этим угадывалось странное спокойное облегчение. И в самом деле, сколько народа готово было пожертвовать собой ради смены верховного властителя? Теперь же всем оставалось только — если

* В полной изоляции (*исп.*).

мерсейцы не влезут непосредственно — только ждать день за днем, когда восстановится статус-кво.

Сотни и сотни записей обращений Гатто вместе с экземплярами и анализом доказательств разлетелись в посыльных торпедах и курьерских судах к звездам Империи.

В них было не только изображение Гатто. После его речи камера показала женщину. Она стояла очень прямо на фоне черно-красной материи, серое платье подчеркивало тонкость ее фигуры. Темное тонкое лицо обрамляла белая повязка. За ней стояли двое мальчиков-подростков и маленькая девочка, в таких же головных уборах. На планете Ньянза это означало траур по мертвым.

«Здравствуйте, — произнесла женщина низким лишенным интонации голосом. — Я — Вида Лонве-Магнуссон, жена адмирала сэра Олафа. Со мной наши с ним дети. Многие из вас искренне верили в правоту его дела. Вы поймете, что для нас такая вера была естественна, как восход солнца или приход весны.

Сегодня мы узнали, что жизнь Олафа Магнуссона была одной долгой изменой. Он отдал бы нас во власть наших врагов — нет, хуже, чем врагов. Тех, кто обратил бы нас в рабочую скотину. И я говорю вам: отрекитесь от него, как это сделали мы. Нисправергните его и его дело, разрушьте его до основания, пусть пыль его развеется по течениям космоса! Вернемся к тому, чему мы воистину верны. Да, Империя — не совершенство, но она — наша. Это мы можем ее улучшить.

Что до меня, то, когда у нас снова будет мир, я вернусь к своему народу и возьму с собой детей. Да будете вы все так же свободны. И да будете вы готовы простить тех, кто заблуждался. Пусть те из вас, кто верят, смогут помолиться за павших в этой самой отвратительной из войн. Может быть, кто-нибудь найдет в своем сердце желание помолиться за душу Олафа Магнуссона.

Спасибо».

Окончив речь, женщина обняла детей и заплакала вместе с ними.

Над Южным океаном Дикого Простора лежала ночь. Налетающий ветер гнал черные волны, и лишь белые их гривы украдкой взбескивали в еле заметном свете. Он щел сверху. Казалось, что луна Нейевин летит сквозь растерзанные облака. И вместе с ней — крохотное светящееся пятнышко, туманность, поднимающаяся из руин Валендерая, и более чем за парsec от нее лучи ее окрашивали утреннюю зарю холодными тонами. Быстро мелькали следы спутников, чьи силовые поля и тысячелетие спустя защищали Мерсейю от бури субатомных частиц, что могла бы выбросить сверхновая. Ее сияние, хотя и тусклое, затмевало почти все звезды. Те, что мерцали над головой, были очень далеки.

Море билось о камни островка, и ветры свистели вокруг твердыни, где говорил со своим Великим Советом Тахвир Темный. Образы на экранах почему-то подчеркивали его одиночество в комнате с каменными стенами.

— Нет, пока у меня нет сведений, в чем причина провала, — говорил он. — Проверка может потребовать долгих усилий, ибо терране постараются замаскировать факты как смогут лучше. Да это вряд ли будет важно. Неверный шаг, случай, ошибочное решение — все это могло быть роковым.

И сухо:

— Факты таковы: они узнали, что Магнуссон был наш. Его приверженцы покидают его повсюду. Если они не сразу сдаются местным властям, то лишь потому, что хотят получить прощение. Дело полностью проиграно.

— Вы сказали, что Магнуссон *был* наш, — вполголоса спросил Алвис Длиннохвостый. — Разве вам известна его судьба? Быть может, он жив и направляется сюда?

— Это можно предположить, — ответил Тахвир, — но я принимаю как факт, что экипаж его флагмана тоже восстал, когда до них дошли известия. Мы можем только желать, чтобы смерть его была легкой и быстрой. Он заслужил лучшего, чем суд и казнь на Терре — и лучшего, чем долгое бесполезное существование на Мерсейе.

— Аналогично, — сказал Одхар Немногословный, — то, что его последователи бросают его, — это тоже ваше заключение?

— Так. У меня пока только очень предварительные доклады. Но подумайте сами.

— Я подумал. Вы правы.

— Что мы можем сделать? — спросил Гвинафон из Сверкающих Вод.

— Мы не будем вмешиваться, — ответил Тахвир самому тупому члену Совета. — Мелочи, которые мы можем выиграть за время реорганизации терранского Флота, не стоят последствий. Сразу же активизируется воинственная часть человечества — хотя она и в меньшинстве, но воззовет к эмоциям, захватит управление, и вся Империя поднимется на тотальную войну с нами.

Нет, Мерсейя будет отрицать любое соучастие, обвиняя во всем, что могло там произойти, слишком ревностных офицеров — с обеих сторон — и будет призывать к возобновлению переговоров о заключении пакта о ненападении. Господа, на этом совещании мы должны выработать проект инструкций для посла Хвиоха. Я уже приказал соответствующим ведомствам подготовить информацию для академий, религиозных организаций и масс-медиа Империи.

— И все же мы можем попытаться хоть шерсти клок содрать с этой проигранной битвы? — поинтересовался Алвис.

— Можем попробовать, — ответил Одхар. — Утешайся тем, что мы в это предприятие вложили очень мало денег и сил. Чистые потери минимальны.

— Если не считать надежды, — сказал про себя Тахвир. И сильнее запахнул полы серой одежды: в комнате было прохладно. — Я мечтал дожить и увидеть...

Он резко выпрямился:

— В бедствиях закаляет Господь сталь Расы. Продолжим наш путь.

Глава 23

Имхотеп поворачивался навстречу холодной осени. Съежившийся Патриций спокойнее горел в побледневшем небе. Достигшая полной фазы луна Зосер вставала рано и заходила поздно, ее подруги поменьше, Канофер и Рахотеп, сияли над снежными пиками вокруг Маунт-Хорна. Иногда с гор срывались блестящие хлопья лавин и рассеивались, не доходя до Лагеря Ольги. Под ногами похрустывали опавшие листья. В старом городе кишили толпы, гремела музыка, поднимались запахи от харчевен и домов Крылатого Дыма — наступал сезон, когда тигранские караваны доставляли товары из долин.

У адмирала флота сэра Доминика Флэндри было время побродить. Здесь многое изменилось, пока его не было, но воспоминания сохранились. Час он провел на терранском кладбище, молча стоя перед надгробным камнем. Остальное время он наслаждался свободой и бездельем, пока нанятые им люди искали тех, кто был ему нужен.

Когда лоялисты — Флот императора Герхарта — снова заняли Сфинкс и освободили Флэндри, он стал узнавать, что же, собственно, произошло. Его связи позволили ему выяснить больше, чем было известно публике. Поэтому он решил отправить Мириам успокаивающее письмо, а сам до возвращения домой навестить Дедал. Там он с большим интересом посетил Захарию. Однако те, кого он больше всего желал видеть, вернулись на Имхотеп. Флэндри отправился за ними и узнал, что Диана Кроуфузер и отец Ф. К. Аксор находятся в море в археологической экспедиции, а Таргови отбыл в пояс астероидов на закупку драгоценных металлов. Как и все остальное, добывающая промышленность была в застое и останется в нем, пока не будут устранены все последствия недавних недоразумений. Сообразительный купец мог извлечь из этого выгоду.

Заехав к Драгойке в Тоборкозан, Флэндри нанял агентов для поиска. В Лагере Ольги он остановился в Пирамиде и бродил по городу.

Почти одновременно детективы нашли его гостей. Флэндри связался с ними по эйдофону, весьма радушно пригласил к себе, описал, сколько кредитов у них на банковских счетах, и договорился о встрече. Для нее он велел подготовить комнату для официальных обедов и лично просмотрел меню и карту вин.

С этой высоты через полностью прозрачную стену открывался очаровывающий вид. На западе граница города терялась в лесах, окрашенных алым, багровым, янтарным. За теплой зоной громоздились валуны и утесы, росли колючие местные кусты, блестели замерзшие нити ручьев и пятна прудов — там обрывалось лето. За пропастями, откуда поднимались голубые тени, ждали солнца соседние горы. Снега их испускали сияние, туманной зеленью отсвечивали ледники.

По составу воздуха, силе тяжести и температуре комната была терранской. Лилась записанная скрипичная мелодия, витали в воздухе ароматы. Это лишь подчеркивало, как мал этот уголок Терры, и потому тем более дорог.

Флэндри откинулся в кресле и посмотрел на свою дочь сквозь поднимающуюся от его сигареты струйку дыма. Очаровательная девчонка, подумал он. Да, купленный ею самой наряд вряд ли соответствовал последней моде императорского двора — малиновое мини-платье, браслеты и наголовный обруч массивного серебра с необработанными бериллами, кожаные сандалии, портупея из пятнистой шкуры дикой кошки от плеча до левого бедра, где висел тигранский нож — но здесь такое могло породить и новую моду, а к тому же двор, слава Богу, был куда как далеко.

Как Флэндри и надеялся, пара коктейлей растопила лед между ними. Но Таргови, для которого поглощение этанола не было светским обычаем и который еще не начал вдыхать поставленные перед ним благовония, настойчиво продолжал выяснять, что же хочет знать Флэндри. Тигранин был достаточно щеголеват, чтобы надеть усеянные бисером бриджи и ожерелье из сухопутного жемчуга, шкура его блестела от коллоидного аэрозоля.

— И у вас, сэр, зародились те же подозрения, что и у меня? — настаивал он.

У окна на полу блаженствовал Аксор, слушая одним ухом разговор и любуясь закатом. Одет он был лишь в собственную чешую и броню, если не считать сумки, четок и свисающих с шеи очков.

— В общем, да, — ответил Флэндри. — Магнуссон был «тихушником» — так это у нас называется — я предположил это, хотя вербовка такого, как он, была бы самой дерзкой за всю историю операций плаща и бластера — если не считать художественный вымысел. Мне захотелось сравнить данные о его юности с тем, что

помнит большинство мерсейцев. Не все же они были посвящены в тайну, а те, что были — можно допустить определенный процент... Грубые несовпадения могли навести на след. К сожалению, мерсейская контрразведка выловила наших агентов раньше, чем они что-нибудь раскопали. К счастью, та же интуиция озарила и вас, и вот — сидящее передо мной трио нанесло удар более решительный и решающий, чем я мог бы даже вообразить.

— Каковы последние военные новости? — спросила Диана. — То есть я имею в виду правду, а не сахарную пудру с телезкранов.

Флэндри улыбнулся — устало:

— Я бы не удостоил это именем войны. По крайней мере, уже пару месяцев. Все повисло в воздухе, пока Империя и чиновники роются в данных. Людей, которые по искренней вере дрались за Магнуссона — их слишком много, чтобы всех убить или посадить. Наказания должны варьировать от выговора, штрафа и понижения в звании до позорной отставки. Такое разнообразие и путаница в его применении создают хаос, превышающий воображение, кроме того, акреционный диск черной дыры не больше диска транзистора. Но все в конце концов успокоится.

— Магнуссон. А о нем что-нибудь слышно?

Флэндри поморщился:

— Он умер от рук своих людей. Вы в самом деле хотите знать подробности? Я слыхал, что принято решение их не разглашать. Зачем рисковать возбуждением к нему сочувствия?

— И я полагаю, — медленно произнес Таргови, — что история раскрытия заговора тоже должна оставаться в тайне?

Флэндри вздохнул:

— Ну, она не выставила бы правительство слишком грамотным и умелым, правда? К тому же из своих источников я узнал, что Мерсейя дала понять: предание гласности этого эпизода будет равным образом неприятно для мерсейцев. А это могло бы застопорить мирный процесс... Не то чтобы вам было запрещено говорить. Но Империя большая, а особого доступа к масс-медиа у вас нет.

— Что с захарийцами? — как шум прибоя, раздался голос Аксора. — Возможно ли милосердие к этим терзаемым душам?

— Терзаемым, скажешь тоже! — Диана топнула ногой, но тут же овладела собой, от :ила глоток мартини и добавила уже спокойнее, хотя на щеках ее играл румянец: — Я не хочу для них геноцида или чего-нибудь такого. Во имя Джавака, нет! Но что с ними все-таки будет? Ты имеешь понятие, па?

— Имею, — ответил Флэндри, радуясь возможности направить разговор в менее опасное русло. — Окончательного указа еще нет, но я изучал эту ситуацию, а... а мое слово не без влияния.

Он тоже отпил глоток из своего бокала и затянулся, а потом продолжил:

— Они уникальны. Ни одна другая популяция, по крайней мере человеческая, не смогла бы сохранить секрет так, как они. Почти каждый взрослый был посвящен. Не будем разводить философию на тему, что на самом деле значит «человеческая».

Дети их, конечно, ничего не знали. Убить нам их, что ли? Мерсейцы могли бы — «во имя чистоты Расы». Империя, как бы ни прогнила, до такого не дошла.

Будут прощения, амнистии и ограниченные наказания. Так надо, если мы хотим подпереть нашу социальную структуру, чтобы она продержалась еще столетие-другое.

Я думаю, что наказанием захарийцев будет потеря их страны. Их заставят уехать — рассеяться — найти себе новые места где смогут. Я не буду удивлен, если Мерсейя предложит им убежище, и многие согласятся. Остальным придется найти себе место среди нас.

— И что из этого получится? — поинтересовался Таргови.

— Кто знает? — развел руками Флэндри. — Игра ведется ход за ходом — игра Империи, жизни, назовите как хотите — и каков будет счет, когда фигурки сложат обратно в коробку, кто знает?

Он отодвинул бокал, отбросил сигарету и встал.

— Друзья мои, — объявил он, — обед ждет. Пойдемте и будем радоваться тому, что имеем.

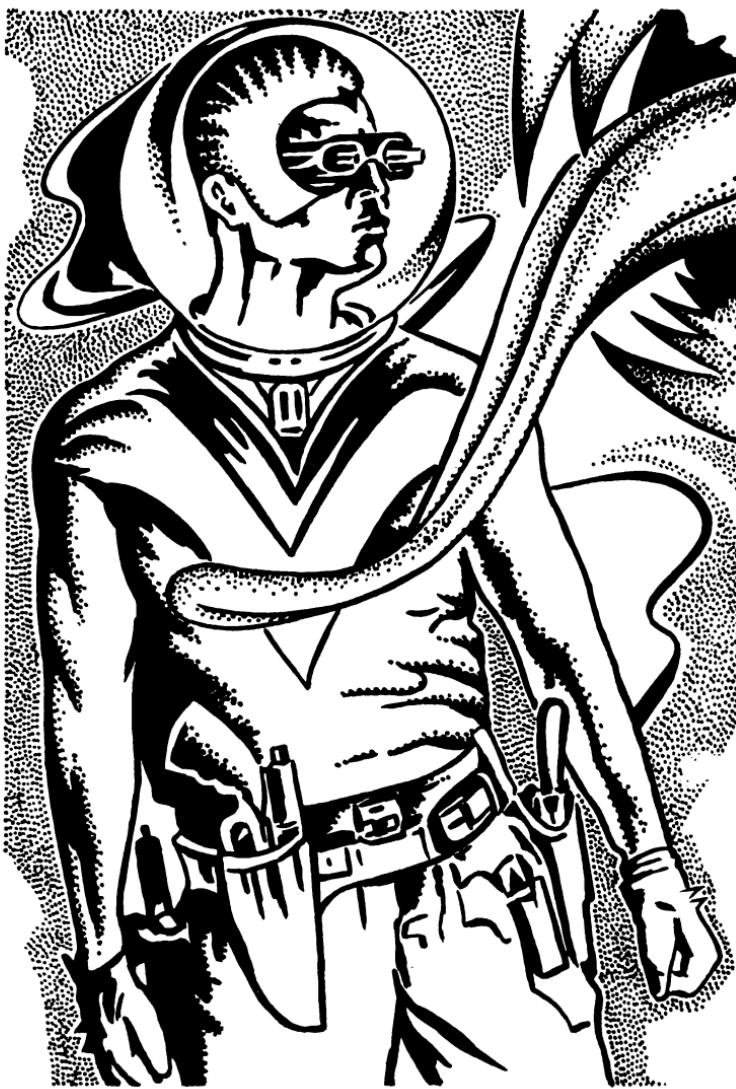
Но сначала, — он обвел взглядом компанию, — я хочу вам дать еще несколько причин для радости. Диана, Таргови — вы действительно хотите отправиться в космос? Я готов вам это устроить, если вы решитесь. Торговцами, исследователями, учеными, артистами или — помоги вам Бог — агентами разведки — я готов организовать для вас обучение и предоставить средства, которые вам нужны. Только я прошу вас сначала хорошо подумать, чего вы на самом деле хотите.

Девушка и тигранин просто сияли радостью.

— А для вас, отец Аксор, — обратился к нему Флэндри, — если вы пожелаете, я добьюсь должного финансирования ваших исследований. Хотите ли вы?

— Да благословит вас Бог, нравится вам это или нет! — ответил воданит глубоким, как океан, голосом. — Дар ваш пребудет дольше времени и пространства!

Он скрестил руки на коленях передних ног и улыбнулся — как может улыбаться лишь тот, кто добился спасения для себя и для возлюбленных своих.

**ФОРПОСТ
ИМПЕРИИ**

$$= \frac{1}{2}$$

$$\mathcal{O}(\cdot)$$

$$\mathcal{O}(n^2)$$

«В небе драконов нет».

Карлсарм взглянул на небо. Туман уже рассеялся настолько, что он смог рассмотреть посыльного. Его крылья блестели на фоне нескольких ночных звезд, как алмаз Спика и янтарь Бетельгейзе, которые сияли очень ярко и отчетливо, как бы совсем рядом. В тишине слышался шелест перьев.

«Прекрасно, — пробормотал Карлсарм. — Все, как я и ожидал». И, повысив голос, произнес:

— Сообщи Хозайке Дженис, что она может без боязни пересекать открытые места. Ей надлежит быстро выдвинуть свою роту в Гэлловский лес. Пусть кто-либо ведет наблюдение с верхушки дерева, но не выпускайте боевых пчел без моего сигнала. Что будет, то будет.

Мелодичный, словно прозвучавший с небес, голос посыльного нараспев повторил его приказ.

— Правильно, — сказал Карлсарм.

Посыльный развернулся и полетел на север.

— Что случилось? — спросил Вольф.

— Если верить разведчикам Роулана, у врага наверху никого нет, — ответил Карлсарм. — Я приказал...

— Да-да, — проворчал лейтенант. — В отличие от птичьего, английский язык я понимаю. А ты уверен, что следует держать маленьких друзей Дженис в резерве? Мы бы вообще не понесли потерь, если бы они были у нас в авангарде.

— Но тогда мы выдали бы свой секрет. А во время операций нам не нужны никакие неожиданности. Скажи Хозайке Рэнде, что основные силы требуют максимального прикрытия. Я проверю выполнение моих распоряжений. Когда я вернусь, начнем атаку.

Вольф кивнул. Это был стройный мускулистый человек с резкими чертами лица и соломенными волосами, заплетенными в косу. Его кожаный костюм, отделанный бахромой, не выдавал его звания, как и стандартное оружие, висевшее у него на поясе, -

кинжал и томагавк. Но два огромных цербера, мягко следовавшие за ним по пятам, могли принадлежать только Главному лесничему Виндуку.

Он исчез, растворился в тумане. Карлсарм побежал вперед. Он не видел никого из сотен своих солдат, но каким-то первобытным безошибочным инстинктом ощущал их присутствие. Клочья тумана, скрывающие их, смыкались за спиной капитана, становясь более разреженными. Он остановился, спрятался за одиноким раскидистым деревом и огляделся.

Чтобы скрыть свой маршрут, они почти все время шли по болотам. Однако подъем ночью и марши по Оникс-Хейтс можно было совершать только при лунном свете, иначе люди падали и калечились. На вторую ночь, когда они вступили на возделанную часть плоскогорья, луна практически исчезла. Однако после двух звездных ночей из-за горизонта вновь показалась полная Селена. Поднявшись высоко в небе, зазубренный диск залил окружающую местность мертвенно-синим светом. Карлсарм почувствовал себя беззащитным — здесь враг мог запросто его обнаружить.

Однако никто, похоже, не подозревал о его присутствии. Поля километр за километром исчезали за плоским восточным горизонтом. Засаженные рожью, под лунным светом они выглядели серебристыми и молчаливыми. В воздухе ощущался душистый ржаной запах колосьев, сломанных под ногой Карлсарма. Вдали виднелось темное здание, где, по-видимому, все спали, за исключением машин. То, что сельское хозяйство велось на полностью роботизированных латифундиях, сделало здешнюю местность малонаселенной. Поэтому Карлсарм надеялся, что после захода солнца проведет своих людей незамеченными до места, находившегося в пяти километрах от Домкирка.

Город выглядел небольшим даже вблизи. Из Девяти Городов он был самым маленьким — около пятидесяти тысяч домов — и вторым по возрасту; в нем сохранилось много старых сооружений, теснившихся друг к другу, и землянок, конструкция которых напоминала жилища первопроходцев. В стороне от главных улиц они были в большинстве своем неосвещенными. В городе жили здравомыслящие граждане, которые рано отправлялись спать. Правда, кое-где окна слабо светились. Единственный современный небоскреб отливал под Селеной металлическим блеском — судя по всему, некоторым его обитателям было не до сна. Над крышами вздымались шпили собора. Луна светила так ярко, что Карлсарм мог поручиться, что различает отражаемые ею цвета.

С полей доносились приглушенное бормотание машин. Странно, но для Карлсарма эти звуки были почти желанными. Как

только он вспоминал о лесах, фермерские хозяйства подавляли его своей пустотой, безжизненностью, и неважно, что в них собирали богатые урожаи, а на полях паслись огромные стада животных.

Вздрогнув от холода, Карлсарм оглянулся на запад, словно искал в этом успокоения. Туман, скрывавший большую часть его армии, мерцал белесым светом. Его, несомненно, уже увидели, но в такой близости от океана Лаврентия это явление было делом естественным. Из-за горизонта, едва различимые, как будто бесплесные, появились три высочайших снежных пика Виндука. Дом лежал где-то далеко-далеко; вечный путь к нему ожидал тех, кому предстояло погибнуть.

«Остановись», — прошептал себе Карлсарм и, вытащив из колчана стрелу, вставил ее в арбалет. Потом сильно нажал на ручку и, прицелившись, спустил курок. Этой ночью он был не человеком, а оружием.

Карлсарм бегом вернулся к своим людям. Туман сгущался; его холодные влажные клочья кружились, опускаясь на землю, а Хозяйка Рэнда выпускала из садков своих любимцев и тихо напевала:

*Туман, сияющий, искристый,
Налил в фиал из аметиста.
Трепещут крыльшки: «Бай-бай,
Дружок, скорее засыпай».
Ах! Лунный свет порхает
И в небо улетает!*

«Интересно, действительно ли в этом есть необходимость? — подумал Карлсарм. — Почему женщины, обладающие Мастерством, должны скрывать все, что касается их работы?» Он слышал приглушенное жужжение насекомых и на какое-то мгновение увидел маленькие тельца, сверкнувшие в свете Селены. Рассеяв в воздухе капельки, эти крошечные создания садились на стебельки ржи, впитывали в себя росу и вновь взлетали. Скоро облако стало таким густым, что люди почти перестали что-либо видеть. Они держали связь друг с другом с помощью сигналов, имитируя крики, чириканье, пищание и пение птиц, и ориентировались по запаху — всем известному и отчетливо различимому запаху войны.

Карлсарм обнаружил Вольфа возле одного из церберов, глаза которого светились в тумане, будто красные угли.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да. Если мы только сможем охранить беспспособность в этой заварухе.

— Сможем. Мы набрались опыта на затопленных землях — так неужели же не сможем победить на суще? Ладно, пошли. — Карлсарм издал низкий вибрирующий звук.

Звук понесся от человека к человеку, от подразделения к подразделению, и те, кто понимал птичий язык, услышали следующее: «Вперед, мы идем за добычей».

Туман быстро перемещался по направлению к Домкирку, и никто в городе не обратил внимания на то, что туман не мог двигаться, поскольку ветра вообще не было.

* * *

Джон Райднур прибыл сегодня. Но он совершил посадку на планету неделей раньше и перед этим напичкал себя всей информацией о Фригольде, которая только была ему доступна, — любым способом, который он считал нужным и полезным, начиная от простого чтения и разговоров и кончая получением более труднодоступных сведений с помощью компьютеров. Предыдущая профессиональная деятельность убедила его в том, как мало он знает. И если бы ему сказали, что во время путешествия ему придется разъяснять общеизвестные факты какому-то члену экипажа корабля, это весьма смущило и раздосадовало бы его.

«Оттокар» был германским торговым судном и выглядел весьма прилично, как и большинство судов, прилетевших из того мира. Имея некомплект боевых единиц на границах Империи, флот терран нуждался в чартерных частных судах, когда возникали те или иные проблемы. Эти суда использовались только для доставки имущества, войска же перевозились регулярными транспортами, вооруженными и эскортируемыми надлежащим образом.

Но Райднур был гражданином лицом. Оттого, думал он мрачно, и работа его не считалась крайне срочной. На Терре ему был выдан правительственный билет и сказано, что он может путешествовать, как ему хочется. Он воспользовался этим и совершил переезд, пересаживаясь несколько раз с одного корабля на другой, на двух из которых команда состояла из не-людей. Там, где кончались владения Империи и простирались пустынные пространства, движение было нерегулярным.

Германцы же принадлежали к человеческому роду, но по натуре были людьми замкнутыми. Впрочем, и Райднур не отличался общительностью, а потому на тему о том, каким должен стать финальный этап его путешествия, большей частью разговаривал сам с собой.

И вот как-то раз, когда он сидел в салоне, по обыкновению углубившись в свои мысли, к нему подошел помощник стюарда. Судя по всему, ему очень хотелось поговорить. Райднур почувствовал досаду — в иллюминаторах уже виднелся Фригольд.

— Я никогда не видел ничего более значительного... более... великолепного, — сказал помощник стюарда.

«Тогда почему бы тебе не по наблюдать за этим молч?» — пробормотал Райднур себе под нос.

— Это мое первое продолжительное путешествие, — робко продолжал его собеседник.

Он был немного больше юнги и чуть постарше первого сына Райднура. Похоже, члены экипажа обходились с ним довольно сурово, и парню приходилось разговаривать лишь с пассажирами, да и то лишь по долгу службы. Райднур вдруг почувствовал, что не может быть с ним неприветливым.

— Вам нравится... простите, я не знаю, как вас зовут.

— Дитрих, сэр, Дитрих Штайнхаэр. Да, мне все очень интересно. Мне бы хотелось, чтобы вы поподробнее рассказали мне о портах планеты, на которую мы направляемся. Члены экипажа не любят, когда я их расспрашиваю.

— Не принимайте этого близко к сердцу, — посоветовал Райднур и, откинувшись на спинку кресла, вынул трубку. Это был высокий худощавый блондин с острыми чертами лица; его серая рубашка и брюки выглядели скорее практическими, чем модными. — Путешествуя среди звезд, человек ощущает одиночество и страх и, естественно, пытается эти чувства как-то преодолеть. Терране, например, склонны в таких случаях к беседам. А вот германийцы, говорят, погружаются в работу и в себя. Но как только ваши товарищи привыкнут к вам и поймут, что вы хороший, надежный парень, они сразу подбреют.

— Правда? Вы этнолог, сэр?

— Нет, ксенолог.

— Но на Фригольде нет не-людей, за исключением арулиан. Или есть?

— Н-нет. Вероятно, нет. С точки зрения биологии, во всяком случае. Но это странная планета, и про такие известно, что с колонистами, которые на них высаживаются, происходят странные вещи.

Дитрих сглотнул и на несколько минут умолк.

По мере того как «Оттокар» спускался ниже, отклоняясь от орбиты парковки, планета все увеличивалась в размерах и ежеминутно меняла облик. Среди звездной темноты она сияла голубым светом, окруженная белыми облаками; глубоко внизу с трудом различались континенты. Фиолетовая кайма, которую можно видеть из космоса на краях любого террестрионального мира, была шире и красочнее, чем у Терры. Вокруг мерцало сияние, невидимое на дневной стороне, но закрывающее сплошной пеленой.

сторону ночную. С поверхности планеты, обладавшей рассеивающими свойствами, его не было видно; на Фригольде отсутствовало магнитное поле, необходимое для концентрации солнечных частиц вблизи полюсов. Здесь через тонкий верхний слой атмосферы можно было видеть игру света. Солнце Фригольда, вдвое ярче, чем Сол, принадлежало к позднему типу F и на расстоянии 1,25 астрономической единицы выглядело чуть меньше, чем с Терры. Но освещенность была почти в три раза больше, и светило выглядело скорее белым, чем желтым. Через дымчатый фильтр можно было видеть вспышки и протуберанцы, распространяющиеся в космосе на миллионы километров и возвращавшиеся огненным дождем.

Поблизости от планеты виднелась единственная луна. Она была непримечательной, даже по своему названию (сколько спутников из миров, населенных людьми, известны под названием Селена?), и обладала массой вчетверо меньше Луны. Но она находилась достаточно близко к планете, чтобы продемонстрировать угловой диаметр почти на четверть больший. Вследствие этого фактора, а также из-за яркого солнечного света и высокой отражающей способности она давала вдвое больше света. Разглядев все это, Райднур почувствовал, что почти ослеплен.

— Полагаю, Фригольд больше Германии, — с умным видом промолвил Дитрих, чем весьма изумил Райднура.

— Или Терры, — ответил тот. — Диаметр экватора превышает шестнадцать тысяч километров. Но средняя плотность почвы невелика, поэтому сила тяжести составляет примерно девяносто процентов от стандартной.

— Но почему на планете такая плотная атмосфера, сэр? Особенно если принять во внимание энергетическую мощность солнца и сравнительно близкое соседство луны достаточно больших размеров?

«Гм, — подумал Райднур, — а ведь мальчик довольно сообразителен. А сообразительность следует поощрить: сообразительных людей вокруг мало».

— Из-за гравитационного потенциала, — сказал он. — Вследствие большого диаметра силовое поле убывает очень медленно. Кроме того, даже если железное ядро имеет небольшие размеры, из-за чего тектонизм и утечка газов из атмосферы меньше нормальных, — следует еще учесть, что давление масс на массы объекта таких размеров ограничивает количество выделяемого воздуха и высоту гор. Действие этих различных факторов приводит к тому, что атмосфера на уровне моря здесь плотнее терранской, но в ней можно безопасно дышать на всех высотах рельефа. — Он умолк, чтобы перевести дыхание.

— Если на планете так мало тяжелых элементов, значит, она довольно стара, — осмелился продолжить Дитрих.

— Нет, ранними исследованиями обнаружено обратное, — сказал Райднур. — Система фактически моложе Солнечной. Она, очевидно, формировалась в некоторых районах Галактики, бедных металлами, и после этого вошла в спиральную ветвь.

— Но по крайней мере Фригольд старше по историческим стандартам. Я слышал, что он сформировался более пяти веков тому назад. А численность населения до сих пор невелика. Я удивляюсь почему?

— Вследствие малого размера первоначальной колонии и незначительного притока последующих иммигрантов на эту окраину. Кроме того, я полагаю, здесь имела место высокая смертность, прежде чем люди научились выживать внутри и вне миров, которых никогда не видели раньше, — миров, значительно более жестоких и предательских, чем тот, в котором жили ваши предки, Дитрих. Вот почему многие поколения стремились жить в своих городах, куда они могли не пускать посторонних. Но для того чтобы обеспечить быстрый рост городов, у них не было достаточной экономической базы. Поэтому они начали контролировать рождаемость. До настоящего времени здесь было только девять крупных городов, и пять из них находились на одном континенте. Общая численность их жителей составила четырнадцать с половиной миллионов.

— Но я слышал обaborигенах, сэр. Сколько их?

— Никто не знает, — ответил Райднур. — Это один из вопросов, которые мне поручили выяснить.

Он произнес эти слова настолько резко и отрывисто, что Дитрих не осмелился задавать дальнейшие вопросы. Это случилось неумышленно. Просто он испытал чувство, которое мучило его время от времени и потрясало до глубины души.

Райднур ощутил огромную величину Вселенной.

Боже, подумал он, если ты не существуешь, ужасный бог, и если существуешь — здесь находимся мы, гомо сапиенс, дети Земли, создатели костров и каменных топоров, протонных преобразователей и генераторов тяготения, космических кораблей, движущихся быстрее света, исследователи и завоеватели, властители Империи, которую мы сами основали, границы владений которой мы установили, включив в нее четыре миллиона пылающих солнц... мы здесь — но кто мы такие? Что такое четыре миллиона звезд, находящихся в пределах одной ветви Галактики, среди сотен миллиардов таких же звезд, и что такое одна галактика среди многих других?

Ну что же, я скажу тебе, кто мы и кто они, Джон Райднур. Мы являемся во Вселенной более или менее разумным видом, который рождает мудрецов так же случайно, как случайно рождаются снежинки. Мы ни на волос не лучше, чем наши большие зеленокожие

хвостатые мерсейские соперники, даже если не принимать во внимание, что у них совсем нет волос. Мы просто отличаемся от них наружностью и языком, так же, как имперскими аппетитами. Галактике — какую же крошечную ее часть мы когда-нибудь сможем контролировать! — абсолютно наплевать, одолеет ли их молодая алчность и смелость нашу усталую пресыщенность и осторожность. (Что, кстати, является мыслью, порожденной нашей стареющей цивилизацией.)

Наши нынешние владения слишком уж велики для нас. Мы не можем их полностью охватить. Мы просто не способны на это.

Бог с ними, с четырьмя, как вычислил кто-то, миллионами солнц в пределах наших границ. Просто подумай примерно о сотне тысяч планет, которые мы посещаем, занимаем, которыми распоряжаемся и с которых взимаем дань. Можешь ты представить себе количество этих планет? Сто тысяч — не больше; ты можешь пересчитать их максимум в течение семи часов.

Но можешь ли ты представить колодец, сложенный из сотни тысяч кирпичиков, и мысленно увидеть все эти кирпичики одновременно?

Разумеется, нет. Ни одно человеческое воображение не сможет охватить зараз больше десяти.

Тогда рассмотрим планету, мир, такой большой, разнообразный, старый и таинственный, которым всегда была Терра. Можешь ли ты охватить умственным взором всю планету целиком? Можешь ли надеяться понять сущность всей планеты?

А теперь возьмись за рассмотрение вопроса о сотне тысяч планет.

Неудивительно, что Дитрих Штайнхаэр ничего не знал о Фригольде. Я сам никогда не слыхал о нем, пока меня не попросили взяться за эту работу. Я — специалист по мирам и существам, населяющим их, и способен с легкостью рассуждать о них. Разве я не наблюдал несколько лет назад полное разрушение одного из них?

О нет. О нет. Многие миллионы всего... всего живого... похоронили имя Старкада, похоронили навсегда. И все же погиб, ушел в небытие целый живой мир.

Нет ничего удивительного в том, что сведения, касающиеся Фригольда, лежали забытыми в одном из банков данных Терранской Империи и никто не интересовался ими. Фригольд не представлял собой ничего особенного. Это была просто одна из таинственных приграничных областей, единица учета. Поскольку оттуда не поступало никаких жалоб, достойных внимания губернатора данного сектора, зачем было допытываться и разузнавать что-либо? Как можно было вообще что-либо разузнать? Всегда находилось что-нибудь более срочное, требовавшее пристального внима-

ния. Флот, разведывательный отдел, компьютеры, лица, принимающие решения, были распределены по многочисленным звездным системам весьма скучно.

И сегодня, когда на Фригольде бушует война и силы флота Империи брошены на борьбу с мерсейско-арулианским оружием, для нас это не более чем пограничный конфликт. Было бы в высшей степени невероятным, если бы кто-то из окружения его величества был хорошо осведомлен о том, что происходит. Конечно, «наверху» долго звучал призыв наших адмиралов о помощи: «Наше положение становится все хуже и хуже; нас всерьез тревожат дикии внутренних районов. Городское население использовать бесполезно. Оно, по-видимому, тоже понятия не имеет о том, что творится. Пожалуйста, посоветуйте, что делать».

И единственный пока человек, который может дать полный ответ на такое обращение, — я. Единственный. Даже не офицер флота, даже не специалист по культуре человечества — таковых заполучить невозможно, кроме как где-либо в других местах, где задачи, по-видимому, поважнее. Я всего лишь гражданский ксенолог, по контракту обязанный изучать обстановку, сообщать о происходящем и рекомендовать определенные действия. Мои советы можно принимать, а можно и не принимать во внимание.

Если бы я умер, а боевые действия продолжали бы расширяться и становились бы все ожесточеннее, Лисса заплакала бы; то же самое — в течение некоторого времени — делали бы и наши дети. Мне приятно думать, что несколько друзей горючились бы, несколько коллег сообщили бы о постигшей их утрате, несколько библиотек записали бы мои книги на микропленки для нескольких последующих поколений. Однако это максимум того, на что я могу рассчитывать.

А эта большая прекрасная планета Фригольд может, наверное, надеяться гораздо на меньшее. Новости о моей смерти будут распространяться очень медленно и вряд ли когда-либо попадутся на глаза официальным лицам. Запрос о замене меня другим работником будет пересыпаться еще медленнее, а может вообще где-нибудь затеряться.

Тогда что произойдет с тобой, Фригольд, планета Девяти Городов и огромных безлесных пространств вокруг них, населенных дикарями-охотниками? Что?

* * *

Когда-то главным среди поселений колонистов считалось одно, именуемое «Семь домов»; однако военные действия в последнее время развернулись поблизости от них. Хотя космопорт продолжал действовать и «Оттокар» благополучно совершил там посадку, Райднур, изучая обстановку, узнал, что терранский военный

штаб перемещен к Нордайку. Ученого, в качестве попутного пассажира, согласился «подбросить» экипаж какого-то вспомогательного корабля. Поскольку уже шла война, в качестве робопилота летел человек, молодой лейтенант по имени Мухаммад Садик, который пригласил ксенолога посидеть с ним в рубке управления. Оттуда Райднур мог хорошо разглядеть страну.

С воздуха «Семь домов» представляли собой почти такое же грустное зрелище, как и с суши. Дома сохранились только на одном краю города; это были реликвии — несколько каменных и бетонных зданий, которые благоговейно сохранялись. Еще совсем недавно в городе имелись промышленный комплекс, жилые дома, школы, парки, магазины, центры отдыха и развлечений. По меркам внутренних территорий Империи — город невелик. Но в нем были аккуратные, светлые здания, более современные, чем можно было ожидать от построек, возведенных на болотах.

Теперь большинство зданий превратилось в руины. Те, что остались, были опалены огнем и заполнены беженцами; машины молчали, люди печально бродили вокруг и собирали все, что можно было использовать. Неподалеку курсировали имперские военные корабли, а военные самолеты, как ястребы, патрулировали воздушное пространство.

— Что здесь случилось? — спросил Райднур.

Садик пожал плечами:

— То же самое, что и в Олденстеде. Я полагаю, арулиане совершили воздушный налет, сбросили десант и оружие. Они знали, что наш гарнизон здесь весьма невелик, и рассчитывали захватить это mestечко до того, как мы сможем здесь укрепиться. А затем крепко завладели бы им точно так же, как Ватерфлитом и Сартопом. Если бы враг захватил какой-нибудь крупный город его величества, мы не смогли бы его освободить. То есть принято считать, что не смогли бы... до сих пор. Но здесь, так же как в Олденстеде, наши ребята зацепились и держались до тех пор, пока мы не пришли к ним на помощь. А еще мы задали жару полицейским. Спасти удалось очень немногим. Так что главное сражение было очень тяжелым, да и вокруг города шли бои.

Садик яростно жестикулировал. Корабль уже набрал высоту, и внизу все стало видно как на ладони.

— Думаю, обстановка в сельской местности еще тяжелее, — добавил пилот. — Там мы вовсю используем ядерное оружие. Представляете, что остается от ландшафта?

Райднур нахмурился. Внизу проплыvalа живописная зеленая долина; город окружали разбросанные в шахматном порядке механизированные агрономические предприятия. Все они были изрыты воронками от снарядов; высотные взрывы привели к возникно-

вению пожаров, распространявшихся на много километров, а радиация выжгла большинство полей, которые не были до этого пепельно-серыми.

Райднур почувствовал облегчение, когда корабль тяжело перевалил через какую-то горную гряду. Дикая природа внизу уже не выглядела нетронутой. На обширных пространствах полыхали пожары, и везде были видны следы выпавших радиоактивных осадков, усугубивших положение. Но площадь страны была огромной, и в данный момент под кораблем кипела жизнь. Густой лес не походил на вековые чаши Терры; блеск этих листьев, этих лугов, этих рек и озер был каким-то странным. Или так только казалось из-за необычного солнечного света и белесого бледно-голубого неба, на котором облака сплелись в замысловатый узор? В воздухе то и дело темнело от многочисленных горластых птичьих стай. А когда лесистая местность сменилась степью, Райднур увидел стада пасущихся животных самых разных размеров и видов.

— Немного же найдется планет настолько плодородных и богатых живностью, — заметил Садик. — Интересно, почему колонисты не займутся ее интенсивной обработкой?

— Колонисты гораздо охотнее селятся в городах, чем на небольших фермах, — ответил Райднур. — Это неизбежно. Фригольд не так дружелюбен по отношению к человеку, как вы полагаете.

— О, я это знаю. Мне доводилось попадать в здешние бури.

— А местные болезни? А тот факт, что традиционная местная пища, которая в основном съедобна, не содержит всех компонентов, необходимых для полноценного питания? Короче говоря, при заселении новых миров встречаются некоторые трудности. Они вполне преодолимы, но процесс адаптации в непривычных условиях идет медленно, и в новых центрах цивилизации приходится преодолевать укоренившиеся привычки. Кроме того, перед фригольдианами возникают специфические препятствия. Планета не лишена железа, меди и других тяжелых элементов. Но рудные месторождения попадаются слишком редко, чтобы можно было поддерживать нормальную работу современного промышленного предприятия, не говоря уже о расширении производства. Поэтому Фригольд всегда зависел от межпланетной торговли. Кроме того, эта система находится на самом краю пространства, заселенного людьми. Транспортное сообщение незначительно, а перевозка товаров весьма дорога.

— Но положение может улучшиться, — возразил Садик. — Пища так вкусна, что ее можно было бы доставлять по довольно высоким ценам в другие места, например в Боундри и Дизастер Лэндинг, которые не так далеки и богаты металлами, но в остальном не очень привлекательны для поселенцев.

Райднур не был уверен, что пилот над ним не подшучивает. Ему не хотелось выглядеть педантом — сработала профессиональная привычка.

— Я понимаю, что Девять Городов развивали такую торговлю и имели для этого неограниченные возможности, — сказал он мягко. — Тем самым они надеялись привлечь иммигрантов. Но ведь после этого началась война.

— Да, — проворчал Садик. — Я полагаю, что так было и будет всегда.

Райднур вспомнил, что Фригольд уже видел войну. Во всяком случае, конфликт, время от времени взрывающийся всплеском насилия. Арулиансское восстание пока было самым серьезным инцидентом из всех — но все же не более чем инцидентом.

Угроза со стороны аборигенов была несколько иной: борьба с ними была бы менее захватывающей, но более продолжительной и напряженной, с менее заметным, но более долговременным влиянием на ход истории.

Нордайк претерпел приятные изменения. Война не затронула его, если не считать того, что аэропорт был забит самолетами, а морской порт — кораблями, поскольку фабрики жадно поглощали продукцию других континентов, а улицы кишили молодыми людьми со всех уголков Империи. Современный город, раскинувшийся на берегах блестящего бурного Катвика, сохранил в своей угловатой архитектуре некоторые черты старых поселений колонистов, расположенных на окружающих холмах и выглядевших как неприступные замки. Парки были наполнены цветущими розами и жасмином, а во всех тавернах царilo веселье. Мужчины с радостью приобретали деньги, доставлявшиеся империями, а женщины с такой же, если не большей, радостью помогали тратить их.

У Райднура не было времени на развлечения, даже если бы ему и захотелось поразвлечься. Было очевидно, что адмирал Фернандо Круз Мангуал считал его одним из наиболее надоедливых типов, назначенных на шею местному командованию имперским правительством, которое, как известно, не отличит собственного веса от дираковской дыры. Чтобы получить место на корабле и брать там свои интервью, ему пришлось взять на себя больше полномочий, чем ему удосужились дать.

Одним из тех, у кого он собирался брать интервью, был арулианский пленник. Райднур не говорил ни на одном из языков этого мира, а небольшое двуногое существо с голубым оперением и острым рылом не знало ни слова по-английски. Но оба бегло говорили на основном мерсейском наречии, хотя арулианин испытывал затруднения в произношении эрианских фонем.

— Отдохните, — сказал Райднур после того, как второй был отведен в помещение, предназначеннное для него, а терранский морской пехотинец вышел. — Я не причиню вам вреда. Я ношу бластер только потому, что это предписано действующими правилами. Но вы, вероятно, не настолько глупы, чтобы попытаться бежать.

— Нет. Но я и не настолько вероломен, чтобы сообщить что-либо, что может причинить вред моему народу. — Тон, которым были сказаны эти слова, был скорее высокомерным, чем вызывающим, если только сравнение с человеческими эмоциями могло быть уместным.

Арулианин уже знал, что с пленниками обращаются в соответствии с Соглашением. Причины были скорее практическими, чем моральными, — по тем же самым причинам его собственная армия не пыталась уничтожить Нордайк, хотя туда и были стянуты терранские вооруженные силы. Месть могла оказаться всеобщей. При существующих обстоятельствах пленники и города, где они содержались, сохранялись в неприкословенности, тогда как другие города, к числу которых принадлежали торговые центры, могли быть безжалостно уничтожены. Когда они сдадутся (что, несомненно, должно произойти через год-два), то смогут обменять своих заложников на право свободно вернуться домой.

— Согласен. Я только хочу услышать вашу точку зрения относительно происходящих событий. — Райднур предложил пленнику сигару. — Ваши соплеменники любят табак, не так ли?

— Благодарю. — Семипалая рука взяла преподнесенный подарок с плохо скрытой жадностью. — Но вы знаете, почему мы воюем. Ведь здесь наш дом.

— Гм-м-м... Фригольд был занят людьми раньше, чем ваша раса начала космические перелеты.

— Верно. Однако кости арулиан укрепляли эту землю более двух веков. По договору, заключенному очень давно, арулиане, которые жили и умерли здесь, делали это в соответствии с законом Священной Орды. Какое значение может иметь ваш терранский закон о собственности для нас, которые делают вещи совместно с нашими феромонно-спутниками; ваш закон о браке для нас, трехполых существ с иным циклом размножения; ваш закон о верности Империи для нас, черпающих свои идеалы в вечной Арули? После того как Фригольд был включен в сферу ваших владений, мы могли бы достичь компромисса. Мы делали для этого все возможное. Но повторяющиеся вопиющие нарушения наших прав должны были в конце концов привести к расколу.

Райднур раскурил свою трубку.

— Хорошо, предположим, что вы придерживаетесь той же точки зрения, что и я, — сказал он. — Фригольд является местом, где

люди селились уже давно, хотя эта планета находится далеко от Терры. Эти поселения были основаны еще до Империи и оставались независимыми после ее учреждения. Пока люди оставались дружелюбными по отношению к нам, у нас просто не было особых причин прибирать к рукам эту планету, нести за нее ответственность. Но, нуждаясь в торговле и испытывая недостаток в поселенцах, себе подобных, люди обратили свой взор в другую сторону. Мерсейцы в последнее время развиваются на Арули современные технологии. Арулианские торговые ассоциации проявляют в этом регионе большую активность. У них репутация прилежных надежных партнеров, связанных с промышленностью, и они могут использовать продукцию Фригольда. Естественно, что началась торговля, и отсюда следует, что сюда прибудут многие арулиане, которые захотят обосноваться здесь, и, как вы сами сказали, было бы вполне уместным предоставить им экстерриториальность.

— Но! — Он взмахнул трубкой. — Взаимоотношения между Терранской и Мерсейской империями становятся все более напряженными. Учащаются вооруженные столкновения. Фригольд чувствует угрозу. Планета становится — даже при отсутствии мощной развитой промышленности — привлекательным стратегическим военным объектом. Соблазнительной целью для любого, поскольку кажется достаточно удаленной, а ее собственная независимость выглядит весьма призрачной, если не сказать, фиктивной. Поэтому Девять Городов подали заявку на членство в Империи и были приняты — как для того, чтобы опередить Мерсейю, так и в силу других обстоятельств. Естественно, арулианское меньшинство за протестовало. Но в любом случае, как вы сами сказали, вполне возможен компромисс. Терра уважает права торговцев. Мы должны это делать: их слишком много, чтобы можно было подавить их силой. Фактически ни одно из нечеловеческих существ не имеет терранского подданства.

— Однако, — сказал пленник, — вы презирали то, что для нас является святыней.

— Дайте мне закончить, — попросил Райднур. — Ваша родина Арули и ее сфера влияния в последнее время стали игрушкой в руках Мерсейи. Нет, подождите, я знаю, что вы станете с негодованием отрицать это — однако вдумайтесь. Давайте посмотрим на недавнюю историю вашей расы. Спросите себя, какие официальные заявления были сделаны нынешними Рогатыми Существами в отношении Мерсейи против Терры, и вспомните, что за этими заявлениями последовало свержение законных наследников. Никто не помнит, какие именно злоупотребления они требовали пресечь, известно только, что это были революционеры, поддержанные Мерсейей.

Подумайте о том, как ваши соотечественники здесь, на этой планете, всегда считали себя более арулианами, чем фригольдианами. Вспомните, как они постоянно нагнетали напряженность, фактически поддерживая скорее интересы Арули, чем Терры. Может быть, этого никогда бы не произошло, если бы люди раньше обращались с вами по справедливости. Но мы сталкивались с вашей враждебностью, проявившейся сегодня. Что бы вы делали на нашем месте, если бы не приняли некоторые меры безопасности? Какова прерогатива правительства его величества, вы знаете. Первоначальный договор, предоставивший им экстерриториальность, был подписан Девятью Городами, а не Терранской Империей.

Итак, вы восстали — вы, чужеземцы, проживающие там. И мы обнаружили, к своему смущению, что повстанцы хорошо подготовлены. У вас имелись тонны боеприпасов, тысячи воинов, заранее ввезенные контрабандой в незаселенные районы... из Арули!

— Это неправда, — сказал пленник. — Конечно, наша родина стоит за наше справедливое дело, но...

— Помните, что у нас есть данные переписи. Зарегистрированные фригольдиане арулианского происхождения в вашей «Священной Орде» для подведения общего итога не присовокуплены к остальному населению. Да вы сами, мой друг, чьи предки предположительно жили здесь в течение нескольких поколений, не можете говорить на фригольдском языке! О, я понимаю желание Арули избежать открытого столкновения с Террой и согласие Терры способствовать этому желанию. Но давайте не тратить наше личное время на лицемерные речи с достаточно понятным смыслом вам и мне.

Пленник не ответил.

Райднур вздохнул.

— Ваши жертвы, победы, которые вы одержали, все, что вы сделали, — все впустую, — продолжал он. — Предположим, вы достигли своей цели. Предположим, вы действительно одержите победу на этом «независимом мире в феромонной связи со Святой Землей Предков». Вы на самом деле думаете, что это принесет пользу вашему роду? Нет и еще раз нет. В результате не произойдет ничего иного, кроме того, что Мерсейя получит новое оружие для использования его против Терры... причем очень дешево. — Его улыбка была вымученной. — Нам, людям, известен подобный процесс. В прошлом мы частенько использовали его для борьбы друг с другом.

— Как вам угодно, — сказал арулианин. Как индивидуум он был менее воинственным, чем человек, хотя, возможно, в коллективе становился более боевитым. — Ваши мнения почти не различаются. Вскоре будет достигнута великая цель.

Райднур взглянул на него с сожалением:

— Неужели те, кто стоит над вами, в самом деле говорили вам это?

— Конечно. Что же еще?

— Неужели вы не понимаете создавшейся ситуации? Империя ведет кампанию с меньшими усилиями, чем могла бы ее вести, — это правда. Ее границы действительно далеки, однако им придается решающее значение. От Терры нас отделяет долгий путь в двести световых лет. Но недостаток силы в конечном счете не имел бы значения, если бы не бедный, измученный Фригольд.

Потому что эта система фактически перенята нами. Вы не получаете больше поддержки со стороны. Вы лишены этой возможности. Я полагаю, что маленькие быстрые корабли смогут обойти нашу блокаду, если их не будет слишком много и они не понесут больших потерь. Но, кроме мощных регулярных вооруженных сил, ничто не сможет ее прорвать. Арули не сможет дальше помогать вам. У нее нет для этого необходимого флота. Мерсейя тоже не собирается этого делать. Игра для нее не стоит свеч. Вы отрезаны. В случае необходимости мы сотрем вас в порошок, но мы надеемся, что вы увидите причины, по которым вам будет выгоднее сдаться и отступить.

Подумайте. Ваш род поразила болезнь, лекарства от которой производятся только в Арули, где активно действуют почвенные бактерии. Вы, кажется, называете ее лихорадкой яро, не так ли? Мы захватываем в плен все больше и больше ваших сограждан, страдающих ею. Когда вы в последний раз получали свежую партию антибиотиков?

Пленник пронзительно закричал и, швырнув сигару к ногам Райднура, вскочил со стула и бросился к дверям комнаты.

— Отправьте меня обратно в тюрьму! — зарыдал он.

На лице Райднура появилась гримаса. «Ну вот, — подумал он, — теперь мне уже ни за что не узнать от этих жалких существ ничего нового.

Впрочем, дикари — это то, что я должен исследовать. Мне известно, что они живут здесь уже в течение двух столетий и арулиане оказали на них некоторое влияние. Каждый знает, что они торговали друг с другом. Но передавались ли идеи так же, как товары?

Дикари наверняка забеспокоились».

* * *

На другой день Райднур, к счастью, удалось напасть на след. Мэр Домкирка прибыл в Нордайк по официальному делу. Прошел слух, что полиция Домкирка взяла пленников при отражении набега обитателей дикой местности. Райднур встретился с мэром

только через два дня, в том не было ничего необычного, и он нашел чем заняться в это время.

Рикард Уриасон оказался человеком невысокого роста, элегантно одетым и суетливым. Ему было явно неловко из-за того, что он приехал из провинции. За первые десять минут разговора он дважды упомянул о том, что когда-то побывал на Терре, и о том, что его дочь учится на Ансе. Он старательно говорил на английском языке Империи, но постоянно сбивался на фригольдский диалект. Ему хотелось выглядеть гостеприимным хозяином и человеком Все-ленной одновременно. Вдобавок он был хорошо информирован и компетентен во всем, что касалось его работы.

— Да, сэр, вокруг Домкирка еще немало неосвоенных земель. По разным причинам, — сказал он, когда они наконец уселись с наполненными бокалами в руках. В распахнутое окно доносился легкий ветер с Катвика, наполненный странным запахом, слегка напоминающим запах железной руды, имеющейся на Терре, и шумом улиц и товарных поездов; отсюда открывался вид на сверкающие волны, накатывающиеся на дюны Лонгенхуга. — У нас еще не хватает людей, чтобы уследить за культивированием земель в радиусе более двух сотен километров. Помните, терранские культуры на этой планете дают весьма незначительные урожаи. Мы можем пытаться скрещивать и селекционировать их сколько угодно. Но первоначальные формы жизни останутся неизменными, не так ли? И персонал, необходимый для надзора за роботами, выполняющими большую часть физической работы, а также для принятия ответственных решений, должен быть многочисленнее, чем где-нибудь на более цивилизованной планете. Это ограничивает зону нашего влияния. К тому же мы находимся на прибрежном плато. Оникс-Хейтс отвесно погружается в океан, а западнее Виндхуга — в неосущенное болото, во всяком случае пока.

«Боже мой, — подумал Райднур, — я нашел человека, который может меня поучить». И сказал вслух:

— А дикии обитают на этих землях?

— Нет, сэр, я так не думаю. Во всяком случае, не в таком большом количестве. Налетчики, которые беспокоят наши границы, скорее всего сосредоточены в Виндхуге, Рейндже и за Альвудом. Это то место, где произошла последняя схватка, как раз на том рубеже. Нам повезло, что разорение нас не коснулось. Но мы чувствуем, что тем сильнее наш патриотический долг — компенсировать потери в сельском хозяйстве в других местах. Теперь, когда наши ряды пополняют беженцы, мы можем несколько активизироваться. Мы приступили к расчистке земель в предгорье. Долина имеет большой потенциал плодородия — стоит только уничтожить находящихся там паразитов и сорняки. А это, если использовать современные методы, займет лишь около года. Я имею в

виду фригольдский год, который примерно на четверть длиннее терранского.

Так на чем я остановился?.. Ах да! Шайка дикарей атаковала наших первопроходцев. И они могли бы добиться успеха. Как вам, возможно, известно, сэр, в прошлом при определенных обстоятельствах они его таки добивались. Они взяли тогда внезапностью и числом — ведь их оружие примитивно. Иначе и быть не может — ведь здесь ощущается явный недостаток железа и других металлов. Несколько лет назад им, например, удалось сорвать попытку высадки на озеро Мун Гарнет, несмотря на то что попытка эта обеспечивалась с воздуха и поддерживалась полицией, вооруженной современным стрелковым оружием.

Гм! На сей раз мы были предупреждены. Наши охранники были переодеты рабочими, а их оружие было замаскировано. Мы не собирались устраивать ловушку. Поймите меня правильно, сэр. Мы не хотели заманивать и убивать, а только желали избежать конфликта. Но мы и не хотели, чтобы они узнали о наших возможностях. Таким образом, когда эта банда напала, наши полицейские, скажу я вам, показали класс! Много налетчиков было ранено и убито, а значительную их часть загнали обратно в лес. Двадцать семь пленников были заключены в нашу городскую тюрьму. Я надеюсь, теперь дикиари дважды подумают, прежде чем попытаются остановить прогресс снова.

Даже Уриасон должен был иногда останавливаться, чтобы перевести дыхание. Райднур воспользовался паузой и спросил:

— А что вы собираетесь делать с заключенными?

Мэр выглядел немного смущенным:

— Это деликатный вопрос, сэр. Фактически они преступники, а поскольку на Фригольде идет война, можно было бы даже сказать — предатели. Однако мы морально почти обязаны считать их врагами, права которых защищены Соглашением. К несчастью, они принадлежат к чужой культуре и не признают наше планетное правительство. В прошлом их пытались реабилитировать, но это редко приводило к успеху, так как это было недостаточно продумано — вдумчивость на Фригольде непопулярна. Проблема продолжает обсуждаться. Как только война закончится, предложения экспертов империи будут встречены благожелательно, и мы сможем уделить внимание социодинамическим процессам.

— Но не является ли это давнишней проблемой? — спросил Райднур:

— И да и нет. С одной стороны, в течение нескольких столетий люди покидали города и уходили в малонаселенную дикую местность. По разным причинам. Одни оказались неудачниками — помните, первые колонисты исповедовали теории индивидуализма и не делились провизией с теми, кто не мог ее добыть. Другие были

беглыми преступниками. Третья — неисправимыми романтиками. Процесс был довольно постепенным. Большинство из тех, кто уехал, не исчезли насовсем, а периодически давали о себе знать. Они торговали драгоценными камнями, мехами или предметами, которые сами изготавливали. Но их дети и внуки все больше и больше склонялись к нецивилизованному образу жизни, отрицающему все, для чего нужны города.

— Адаптация, — кивнул Райднур. — Это происходило и на других планетах. В том числе и на старой Терре, среди поселенцев Америки. — Видя, что Уриасон никогда не слышал об американских поселенцах, он с грустью продолжал: — Не слишком приятный процесс, не так ли? В характере человека не приспособливаться к окружающей среде, а перестраивать ее под себя.

— Я вполне согласен с вами, сэр. Но первоначально никто не был особенно заинтересован в Девяти Городах. У поселенцев хватало других забот. И в самом деле, возврат к дикой природе действительно таил в себе спасение. Когда триста лет назад произошел антихристианский переворот, многие христиане уехали. На этой волне механисты пришли к власти сравнительно малой кровью, включая и кровь гедонистов, которые также предпочли исчезнуть, а не терпеть гонения. Впоследствии, когда Третья конституция провозгласила терпимость, дикари косвенно подошли под эту статью. Если они хотят прятаться в лесах, то почему бы и нет? Наши предки должны были проводить на них этнологические исследования. В нескольких торговых пунктах нить контактов все же существовала. Но... гм, сэр, наша ориентация на Фригольд скорее прагматическая, чем академическая. Мы — народ деловой.

— Особенно в наши дни, — заметил Райднур.

— Да. Это точно. Полагаю, вы говорите не только о войне. До того, как она началась, у нас было много планов по обустройству. Включение нас во владения его величества предвещало скорое развитие цивилизации на Фригольде. Мы надеемся, что после окончания войны наши планы осуществлятся. Но скорей всего дикари будут все больше этому препятствовать.

— Как я понял, они шлют посольства во все города с требованием прекратить дальнейшую экспансию.

— Да. Наши делегаты указали им, что Третья конституция дала каждому городу право разрабатывать свои окраинные земли в таких масштабах, в каких захотят его граждане, право, которое нашей Имперской хартией не было отменено. Мы также указали, что они, дикари, в силу факта своего проживания на данной территории также могли бы стать гражданами. Им надо было только принять обычай и ценности цивилизации, и мы оказали бы им образовательную, финансовую и даже психотерапевтическую помощь. А им пришлось бы только выполнить некоторые необходимые

условия, чтобы получить привилегию решать самим, как лучше развивать хозяйство. Они отказались. Они отрицают власть мэров и продолжают претендовать на необжитую территорию.

Райднур невесело усмехнулся:

— Культуры, как и индивидуумы, умирают тяжело.

— Вы правы, — кивнул Уриасон. — Мы, цивилизованные люди, не являемся такими уж несимпатичными. И вот еще что. Нам не известна численность популяции дикарей. Должно быть, она примерно равна населению городов. Поскольку потенциальное население Фригольда растет... гм, я предлагаю вам пофантазировать, сэр. Десять миллиардов? Двадцать? И в то же время никаких массовых скоплений. С комфортом устроенные, хорошо питающиеся, трудоспособные, счастливые люди. Могут ли несколько миллионов невежественных дикарей, убежавших в лес, отрицать, что многие души имеют право на рождение?

— Это не мое дело, — сказал Райднур. — В моем контракте сказано — только исследовать.

— Я мог бы добавить, — продолжал Уриасон, — что соперничество Терры и Мерсейи может затянуться. Густонаселенная, высокомашистическая большая планета здесь, на границе Бетельгейзе, будет для Империи особенно ценной. Думаю, даже для всего человеческого рода. Вы не согласны?

— Да нет, согласен, конечно, — сказал Райднур.

Через некоторое время он получил разрешение вернуться с Уриасоном и тщательнее изучить захваченных дикарей. Машина мэра улетела назад в Домкирк двумя днями позже (следует иметь в виду, что день на Фригольде равен двадцати одному часу). Таким образом получилось, что Джон Райднур оказался около города, когда тот уже был разрушен.

* * *

Бой был в самом разгаре. Карлсарм со своими людьми продвигался перебежками среди домов. Он слышал крики, треск бластеров, свист летящих снарядов и усмехался. Пока они приближались к цели, над крышами вдруг взметнулось пламя — это был нанесен первый удар по аэродрому. Если его захватить вовремя, то ни один дракон взлететь не сможет.

Лунный свет заливал тротуар. В окнах начал вспыхивать свет. Группа Карлсарма бросилась бежать. Патрульных на аэродроме было немного. Отряд Вольфа должен был обезвредить их в ходе внезапного захвата транспортных средств и оборудованных терранскими инженерами ракетных площадок. Но в самом Домкирке было полно жителей, некоторые из них держали дома оружие. Если позволить им выйти и организоваться, то произойдет большое кровопролитие. Но они не смогут организоваться без комму-

никаций и связи, а электронный центр находился в новом небоскребе.

В одном из домов открылась дверь. В дверном проеме вырисовался силуэт горожанина в пижаме, явно недовольного тем, что его разбудили.

— Какого черта!..

По Карлсарму скользнул луч света. Житель Домкирка увидел перед собой высокого мускулистого человека в одеянии из рогожи и кожи с арбалетом в руках; на кожаном ремне висело какое-то оружие с острым лезвием. У незнакомца было обветренное лицо, а лохматую голову венчал несколько необычный знак отличия, сооруженный из черепа и шкуры катафрая.

— Дикари! — взвизгнул домкиркианец. От страха голос его стал тонким, как у евнуха.

Не успел он произнести это слово, как несколько завоевателей скрылись из виду. Под возрастающий шум боя паника усиливалась. Этого Карлсарм и добивался. Народ, объятый ужасом, теперь не представлял для него опасности.

Однако когда он появился на соборной площади, то обнаружил, что панике в городе поддались не все.

Напротив вырисовывался силуэт собора, возвышавшегося над лавками, которые окружали площадь и в темноте ничем не отличались от магазинчиков в любом конце Империи.

Резиденция епископа была воздвигнута два века назад в стиле, который сейчас считался уже старинным. Окна ее были закрыты цветными витражами, и здание походило на огромный многогранный драгоценный камень; внутри его при свете дня не было видно ничего, кроме яркого сияния, а при лунном свете оно тускло мерцало всеми цветами радуги. Но Карлсарму некогда было восхищаться. Вокруг полыхало пламя и свистели пули. Он отступил за угол соседнего здания.

— Собираются люди, — пробормотал Линк О'Крэгленд. — Думаешь, мы сможем их обойти?

Карлсарм прищурился. Где-то через два квартала отсюда над собором возвышался небоскреб. И кто бы там ни командовал, эта площадь скоро заполнится народом.

— Мы лучше вычистим их отсюда, — решил он. — Быстрей, умники!

— Есть!

Ноах снял с плеча коробку, поставил ее на землю и, сказав что-то во входное отверстие, открыл крышку. Из коробки выскочили маленькие гибкие существа и бесшумно скрылись в темноте. Вскоре они вернулись обратно. Ноах пошептался с ними и доложил:

— Два больших отряда, один на улице справа, другой слева. Проходы, стены, полно укрытий. Думаю, есть радиосвязь. Командиры переговариваются по собственным переговорным устройствам, и мы не можем передать даже короткие сообщения. А если нам понадобятся длинные? Люди продолжают присоединяться к ним. Команда только что принесла то, что, по-моему, называется «станковый бластер».

Карлсарм закодировал информацию на птичий язык и послал курьеров: одного к начальнику пехоты, другого — к чудовищам. Последние прибыли первыми, так как это диктовалось тактической обстановкой. Чудовища — а их явилось с полдюжины — похожие на коротких крокодилов, тяжелые, каждое вдвое больше буйвола, не были неуязвимы для имперских ружей. Они были глупыми и прямолинейными. Что им прикажут, то они и сделают. Прикажи и уповай на то, что они правильно поняли поставленную задачу. Но убить их было довольно сложно, а кроме того, они могли сильно напугать любого, кто их раньше никогда не видел.

Стрелки дали один-единственный залп мимо цели и сразу же разбежались. Примерно полгруппы забаррикадировалось в товарном складе. Чудовища продолбили стену, и защитники сдались.

Тем временем апвудская пехота разбиралась с врагами на другой улице. Человек с ножом не очень-то поспорит с тем, у кого имеется ружье. Однако лучники смогли ранить стрелков, пока чудовища окружали их, и началась рукопашная схватка; все дрались плечом к плечу. Существовало и более элегантное решение, но задача состояла в том, чтобы пока держать секретное оружие в резерве. Чудовища были обречены, поскольку не существовало способа эвакуировать такие большие и тяжелые существа.

Карлсарм захватил небоскреб и устроил там штаб. С верхнего этажа он мог полностью обозревать весь город. Его раздражало то, что он закупорен в безжизненный пластик, и он вышиб пару больших окон. Булыжниками было выбито и несколько витражей. Его техники устанавливали коммуникационные устройства на сколькими этажами ниже, и враги оказались заперты, точно в клетке.

Из ночи появился посыльный и пропел музыкальным голосом:

— Поле драконов взято, так же как и крепость, в которой держали в плену наших людей.

Сердце Карлсарма екнуло.

— Позовите ко мне Хозяйку Эвагайл.

Ожидая ее, он занялся делами. Рапорты, вопросы, предложения, директивы, ответы, решения, действия.

Улицы светились, как будто на них была накинута фосфорная сетка, но большинство строений снова погружалось в темноту: горожан охватывал ужас. Кое-где вспыхивал огонь, слышались короткие звуки ударов. Воздух становился холоднее.

Когда Эвагайл вошла, Карлсарму понадобилась какая-то секунда, чтобы оторваться от дел и осознать ее присутствие.

Он заметил, что ее раздели: сняли мягкие штаны из оленьей кожи и золотистую шкуру, скрывавшую гибкое тело, и облачили ее в бесформенную робу для заключенных. Рыжеволосая голова женщины была забинтована. Но вот она засмеялась, глаза и рот приняли прежнее живое выражение, и Карлсарм, перепрыгнув через скамью, заключил ее в объятия.

— Они тебя не обидели? — спросил он.

— Нет, вот только рана, которую я получила в бою... но это не так уж важно, — сказала она. — Когда мы отказались говорить, они угрожали... как эти штуки называются?.. гипнозондом. Но ты вовремя пришел, милый.

— Больше чем вовремя. — Голос Карлсарма дрогнул. — Если этот предмет использовать не по назначению, он может изуродовать разум и душу.

— Ты забыл, что я обладаю Мастерством, — сурово заметила она.

Он кивнул. Это была одна из причин, почему он начал свою кампанию раньше, чем планировал: не только из-за нее, но и из страха, что Города узнают, кто она такая. Ей могло не повезти с побегом или не удалось бы спровоцировать охранников убить ее, прежде чем вибрации гипнозонда пронзили бы ее мозг.

Она никогда не приняла бы участие в налете на долину Фальконсвард. Это было не что иное, как демонстрация сил, проверка, говоря военным языком — и в то же время скачок назад, к грубому нарушению закона, установленного в стране. Эвагайл настояла, чтобы ее Мастерство было опробовано на практике, в бою; но истинная причина заключалась в том, что она хотела отомстить за погибшие цветы. И Карлсарм не имел права остановить ее. Он был ее другом, иногда — любовником, когда-нибудь, возможно, он станет отцом ее детей — но не была ли каждая женщина так же свободна, как каждый мужчина? Он являлся военным комендантом Апвуда — но с каких это пор обладательницы дара Мастерства зависели от начальства?

Несмотря на заминки, атака не захлебнулась. Идя в бой впервые и встретив жестокий отпор, дикии не сумели вовремя сориентироваться и организованно отступили. И было полнейшей случайностью то, что Эвагайл задела шальной пулей, прежде чем она смогла собраться с силами.

— Ну, мы доставили тебя сюда вовремя! — сказал Карлсарм. — Я очень рад. — Позже он сочинит балладу о своей радости.

— А как у тебя дела?

— Мы захватили это место и заняли несколько дотов. Не знаю, удалось ли нам перехватить каждое исходящее сообщение. Жучки-радиожорки Хозяйки Перс могли пару передатчиков и упустить. И, конечно же, наш народ, рассеянный по обширной территории, невозможно долго удерживать под предлогом, что, мол, все в порядке и надо успокоить жителей Домкирка. Самолеты еще не показывались. Лучше не задерживаться. Мы должны очистить город от населения, но никто не выходит из своих жалких убежищ!

— М-м-м... и как же вы собираетесь выкурить их оттуда?

— Используем всетелефонное уведомление.

Эвагайл рассмеялась:

— Я могу себе это представить, милый! Бедная запуганная семья, чье представление о дикой природе сводится к пикнику в Гэлловском лесу. Вдруг их город оккупируют заросшие, одетые в шкуры дики — те ужасные люди, которые сожгли лагерь у Мун Гарнет и совершили удачные нападения на три карательные экспедиции подряд; которые не платят налоги, не отправляют детей в школу, не поддерживают арулианскую войну, ничего не делают цивилизованно, но которые невредимы, так как у них на западе сотни километров удобных территорий, которые никогда не могли противостоять регулярным войскам — и вдруг на тебе, вот они! Они захватили Домкирк! Они орут и метают свои томагавки прямо на улицах! Что же могут сделать наши домоседы, кроме того, чтобы спрятаться в своих... квартирах — так, кажется... да, квартирах, и забаррикадировать двери мебелью? Они не могут даже позвонить, телефоны отключены, не могут позвать на помощь, не могут спросить, что случилось с дядюшкой Энри. Пока не зазвонят колокола. Надеются на Бога. Уверены, что их спасут представители Империи, или полиция Нордайка, или кто-нибудь еще! Дрожащей рукой включают телевизор — и, как ты думаешь, кого они там видят? Держу пари — Вольфа! Видят дикого длинноволосого человека с тяжелой челюстью, который рявкает на чужом диалекте: «Выходите из укрытий! Мы разрушим ваш город!» — Эвагайл щелкнула языком. — Неужели ты ничему не научился у цивилизации. Карлсарм, пока находился там?

— Я был слишком занят изучением их техники, — ответил он. — И никак не мог дождаться, чтобы поскорее закончить и убраться А что бы ты здесь сделала?

— Чтобы унять шум, надо действовать мягче. Лучше всего поручить это женщине — например, мне.

Карлсарм удивленно взглянул на нее и согласно кивнул.

— Тем временем, — продолжила Эвагайл, — ты найдешь мэра, и пусть он отдаст приказ всех эвакуировать. — Она посмотрела на свое одеяние, скривилась, сняла его и ожесточенно швырнула в угол. — Не могу больше оставаться в этой робе ни минуты. Синтетическая... мертвая. Как позвонить на центральную?

Карлсарм сказал. Эвагайл, по-видимому, уже знала, как пользоваться этими штуками, и удалилась поступью львицы, а он отправил людей на поиски городских чиновников.

Это не заняло много времени. Очевидно, мэр тоже хотел встретиться с неприятельским лидером.

Том ввел мэра и его спутника под прицелом трофеиного бластера. С оружием он обращался столь беззаботно, что Карлсарм отобрал у него бластер и выкинул из окна. Том был родом из Троллспайка — это было понятно по его внешнему виду — и, возможно, раньше оружия и в руках не держал.

Карлсарм отпустил его, поднялся из-за стола и встал у темного выбитого окна, скрестив на груди руки и давая пленникам оценить себя, пока сам изучал их. Один выглядел комично: коротенький, пузатый, краснолицый и пучеглазый — казалось, гибель его города была его личной трагедией. Парень, стоящий рядом с ним, был более интересным: высокий, светловолосый, с резкими чертами лица; его наспех надетая одежда, поведение и даже внешний вид делали его непохожим на жителя тех мест Фригольда, о которых слышал Карлсарм.

— Кто вы? — прошипел маленький человечек. — И что все это значит? Вы понимаете, что натворили?

— Я думаю, он знает, — сухо заметил его спутник. — Разрешите нам представиться. Мэр, достопочтенный Рикард Уриасон, а я — Джон Райднур с Терры.

Представитель Империи! Карлсарм приложил все усилия, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица, и попытался достойно ответить на поклон Райднура.

— Добро пожаловать, господа! Могу я узнать, почему вы, обитатели разных миров, находитесь здесь?

— Я находился в Домкирке с целью проинтервьюировать... э-э... ваших людей, — ответил Райднур. — С надеждой найти понимание, с намерением окончательного примирения. Как гость мэра Уриасона я чувствовал, что могу помочь ему... ну и вам, прийти к соглашению.

— Что ж, возможно. — Карлсарма не волновал скептицизм этого высказывания. Империи не понравилось бы то, что намеревались сделать дикари. Он повернулся к Уриасону: — Мне срочно нужна ваша помощь, мэр. Этот город будет разрушен. Пожалуйста, скажите всем жителям, чтобы они немедленно покинули свои дома.

Уриасон покачнулся. Райднур поддержал его. Лицо мэра посे-рело. Он задохнулся:

— Что? Нет. Вы ненормальные. Ненормальные, говорю вам. Вы не можете... Это невозможно.

— Можем и сделаем, мэр. У нас ваш арсенал, мы удерживаем ваш ракетно-ядерный плацдарм, и кое-кто из нас знает, что с ним делать. Самое большое через несколько часов прибудет крупное подкрепление из другого города или какой-нибудь гарнизон сил Империи. Кстати, возможно, это произойдет и раньше. Мы же хотим уйти отсюда еще до того, как это случится; то же должны будут сделать и ваши люди. Эвакуироваться должен также ваш город.

Уриасон обмяк и стал хватать ртом воздух. Райднур тоже выглядел напуганным, но старался не подавать виду.

— Ради вас самих, не надо. — Голос терранина задрожал. — Я неплохо знаком с историей человечества. И знаю, какую месть повлечет за собой жестокое и бессмысленное разрушение.

— Не бессмысленное, — возразил Карлсарм. — Жаль, что исчезнет собор, произведение искусства. И музеи, библиотеки, лаборатории. Но у нас нет времени для выборочного разрушения. — Он отбросил чувство сожаления и произнес, как одна из тех машин, которые он так ненавидел: — Мы не настолько глупы, чтобы оставить здесь базу для вооруженных операций против нас и нашей земли. Что бы там ни было, то, о чём я сказал, произойдет до конца дня. Вы хотите пощады для ваших людей? Если да, то поторопитесь поговорить с ними!

Эвакуация заняла больше времени, чем он ожидал. После сообщения Уриасона горожане быстро покинули дома и двинулись по улицам к аэропорту, как стадо коров. Они ворчали и бормотали, рыдали и стонали под убаюкивающим блеклым светом Селены. (На фоне ее меркнувшего света ярче и отчетливее простили звезды — звезды Империи. Люди видели и понимали, какая зияющая бездна отделяла их от этих звезд — понимали и содрогались под дуновениями предрассветного ветра.)

Жители города путались друг у друга под ногами, не слушались команд своих конвоиров, спотыкались и задерживали процессию, пытаясь найти своих родных. К тому же Карлсарм забыл о больнице, откуда следовало эвакуировать пациентов, среди которых находились тяжелобольные.

Один за другим самолеты с людьми подымались в воздух, отлетали на пятьдесят километров, высаживали их и возвращались, чтобы взять новых пассажиров. Наконец, когда на востоке

блеснул первый рассветный луч, Домкирк был пуст, и только ветер гулял по его улицам.

Тогда армия Апвуда тоже погрузилась в самолеты и улетела на запад. Большинство пилотов были горожанами, а потому заставить их поднять машины в небо аборигенам удалось только тогда, когда они пригрозили упрямцам ножами.

Карлсарм и часть его команды смотрели, как последнее транспортное средство покидает землю. Оно вернется за ними после того, как они закончат свое дело. (Карлсарм осознавал степень несоответствия: лесные братья с кинжалами на поясах, готовые расщеплять атом!) Тем временем Эвагайл, Вольф и Ноач — его подручные, наблюдали за Уриасоном и Райднуром, которые помогали управлять толпами людей.

После того как напряжение несколько спало, мэр, кажется, совсем раскис.

— Вы не можете этого сделать, вы не можете этого сделать, — бормотал он, когда его вели по трапу в самолет.

Райднур задержался у двери и посмотрел вниз. Взгляд его как будто был насмешливым.

— Я приведен в замешательство вашим методом, — сказал он. — Как вы взорвете город и при этом сами не взлетите на воздух? Кажется, у вас отрывочные представления о приспособляемости. Ведь это не просто — установить временной механизм.

— Непросто, — согласился Карлсарм. — Но запустить ракету под любым необходимым углом легче. — Он помахал невидимой Эвагайл. — Мы скоро присоединимся к вам.

Аэробус взлетел и вскоре исчез среди меркнувших звезд. Карлсарм дал своей команде распоряжение готовиться и вышел на улицу, чтобы посмотреть первую часть представления. От призрачной башни за его спиной до самых разрушенных бараков простиралось серое голое летное поле. Как отвратительны результаты деятельности роботов!

И тут взлетели ракеты. Карлсарм почувствовал, как в груди у него зашлось сердце.

Это были ракеты на твердом топливе, непонятно по каким причинам установленные в маленьком провинциальном городке, который находился так далеко от фронта, что аурилане вряд ли могли атаковать его всерьез.

Ракеты покинули свои пусковые установки, расположенные на некотором расстоянии друг от друга, и величаво взлетели, извергая огонь и белые облака дыма и ревя свою громовую песнь так, что дух захватывало. Карлсарм стиснул арбалет и свирепо воззрился на эту картину. А пламя поднималось все выше и выше, пока не забушевало перед его глазами, подхваченное ветром, искривлявшееся под

воздействием вращения планеты, созданное ракетами на том месте, которое они должны были защищать.

Вскоре к небу взлетела вторая тройка ракет. И третья. Карлсарм решил спуститься в убежище.

Сидя со своими людьми в нижней части бункера, он чувствовал, как все вокруг сотрясалось, — это тонны металла и бетона взлетали в небо, когда ракеты попадали в цель.

Через некоторое время над городом взметнулся многокилометровый столб пыли и дыма. Вскоре после этого на землю опустился командирский самолет, поспешно забрал на борт оставшихся и улетел. С воздуха Карлсарм уже не увидел ни церкви, ни Дом-кирка — ничего, кроме широкого черного кратера, окруженного горящими полями.

Он содрогнулся, точно от удара, и сказал всем и никому: «Вот что они сделали бы с нами!»

* * *

Уехав утром, они вернулись в сумерках до рассвета. Остальные участники рейда уже находились здесь. Это было в восточной части дикой местности, где холмы, резко поднимаясь вверх, тянулись до гор Виндука.

Райднур отошел на некоторое расстояние: не то чтобы ему хотелось побывать одному — он нуждался в обществе, чтобы избавиться от мысли, что от Лиссы и детей, от дома и Терры его отделяют двести световых лет. Но он должен был отойти от Уриасона — или совершить насилие. Все время, пока они были в воздухе, тот что-то лепетал, бормотал, ораторствовал или принимался жевать. Но его не осудишь. Место, где он родился и работал, стерто с лица земли и превратилось в пепелище. А работой Райднура был сбор информации, и та крупная рыжеволосая женщина Эвагайл, к которой он отнесся дружелюбно, еще когда она была пленницей, изъявила желание поговорить с ним, если когда-нибудь представится случай.

Никто не остановил Райднура. Да и куда он мог сбежать? Он взобрался на гребень холма и посмотрел вокруг.

В долине под ним росло всего лишь несколько небольших деревьев. Возможно, это было результатом лесного пожара, хотя природа — невероятно живучая, пока цивилизация не истощила ее, — уже покрыла все рубцы толстым пологом из серебристо-зеленой трехлопастной «травы» и сапфирами цветов. Нет сомнений, что для свиданий это было очень удобное место.

Мягко приземлился самолет. На месте его посадки находились сотни разнообразных орудий,ставленных здесь ранее или украшенных из города; они были предназначены для людей, которые

атаковали транспортные средства как муравьи. Лязг, стук, звон, оклики осквернили тишину ночи.

Если бы не это, пейзаж выглядел бы великолепно. На востоке показалась первая бледная полоска зари, забрезжившая сквозь океан листвы, который раскинулся до самого горизонта, — океан, шелестевший и переливавшийся под дуновением легкого бриза. На западе в сливово-темном небе над снежными вершинами Виндука блестело несколько звезд. Всюду искрилась роса.

Райднур вынул табак, трубку и закурил. Это вызвало у него небольшую икоту, поскольку желудок был пуст, но сняло усталость. И страх. Он и не предполагал, что дикии могут представлять собой угрозу. И, по-видимому, не только он. Райднур вспомнил, что слышал о них в Нордайке и (еще вчера!) в Домкирке. «*Несчастные бедняги... Мне говорили, что они много едят и мало работают. Но подумать только — ни постоянного жилья, ни книг, ни школ, никакого общения с человеческой цивилизацией, мало металла, никаких источников энергии, кроме мышечной силы. Не называется ли это нищенским существованием? Как в культурном, так и в материальном смысле?*

«*Угрюмые, вероломные, высокомерные. Говорю вам, я имел с ними дело. На обменных пунктах на краю дикой местности. Они в основном приносят мех и дикие плоды и обменивают их на металлические орудия, но только тогда, когда хотят потрудиться, что случается нечасто; и тогда они обращаются с тобой как с презренным существом.*

Но с одним молодым человеком случилась другая история. «*Конечно, если кто-нибудь из нас посмотрит на живущих в лесу свысока, они ответят тем же. Но я был заинтересован и действовал дружелюбно, и они пригласили меня переночевать в их лагере. Их пение — настоящий кошачий концерт, но я никогда не видел танцев лучше, даже в записи концерта Имперской балетной труппы, и к тому же девушки... Я подумаю о том, чтобы запастись кое-каким товаром и вернуться к ним когда-нибудь.*

«*Неряшлиевые. Ленивые. Опасные, конечно, тоже, я согласен. Помимо этого, что они делали каждый раз, когда кто-либо пытался основать аванпост цивилизации в центре варварства. Мы должны будем вычистить их отсюда, прежде чем расширяться дальше. Когда-нибудь эта проклятая арулианская война закончится... Нет, помимо меня правильно, я не мстителен. Давайте рассмотрим их как обычных преступников: реабилитация, реинтеграция в общество. И еще: я допущу скорее, что это культурный конфликт, а не просто нарушение законов. Почему бы не позволить этим непримиримым жить где-нибудь в резервации? До тех пор, пока их дети не станут цивилизованными...*

Если вы спросите меня, то я думаю, здесь играет свою роль наследственность. Было нелегко создать Города, поддерживать и расширять их первые несколько веков на такой изолированной и бедной металлами планете, как эта. Те, кто не смог выдержать, отказались от ее освоения. Как только были искоренены эпидемии и решена проблема питания, стало возможным жить в лесах и менять работать — если вы не имеете ничего против превращения в дикаря и не чувствуете обязательств перед цивилизацией, благодаря которой появился шанс выжить. Далее началась та же самая история. Лень, криминал, мятежи, эксцентричность, распутство, безответственность, подлость... и так по сей день. Ничего удивительного, что дикари ничего не достигли. И никогда не достигнут. Я не надеюсь ни на их реабилитацию, ни на реабилитацию их отродий, которых мы перевоспитываем с момента их рождения. Недоросли несчастные!

Ну да, я прожил с ними некоторое время. Сбежал, когда мне было шестнадцать лет. Сейчас, я думаю, в основном из-за девушек — это дело тонкое, знаете ли, если вы не желаете встретить такую, которую сможете уважать и на которой согласны жениться. И я думал, что буду романтиком. Примитивным охотником или кем-то в этом роде. О, они были добры. Но они хотели, чтобы я выучил их бесконечную чепуху, слишком глупую и сложную, чтобы она могла удержаться в голове, — ритуалы и суеверия. Охотятся они мало; у них есть какое-то смешное подобие стада, и ни стерео, ни автомобилей, ни кондиционеров — нужно ходить пешком целый день. А знаете ли вы, что чувствует человек, попавший в бурю на Фригольде?.. Ну и к тому же я соскучился по дому через некоторое время. Они думают, говорят и ведут себя не так, как мы. Вот я и вернулся. Нет, они меня не задерживали. Один из них проводил меня до ближайшей культивированной земли.

Влияние арулиан очевидно, профессор Райднур. Я наблюдал дикарей на обменных пунктах, посещал некоторые из стоянки, делал записи, используя сверхчувствительные пленки. Конечно, ненаучно, ведь я всего лишь этнолог-любитель. Но я чувствовал, что кто-то должен попробовать. Их больше, и они более сложные, более значимые, чем это представляют себе Девять Городов. Сейчас я дам вам послушать некоторые из моих пленок. Обратите особое внимание на музыку и на некоторые композиции. Кроме того, то незначительное, что я разузнал об их способе исчисления родства, в основном похоже на то, как это делают арулиане. И помните также, что дикари, не только на этом континенте, но и на обоих других, развивались подобным образом. За последние годыaborигены всего Фригольда становились все более и более агрессивными. И не по отношению к нашим арулианским врагам, а к нам! Когда арулиане разместились в

малообжитых регионах дикой местности, думаете, дикари им помогали? Трудно поверить, но нет.

Райднур втянул дым, поежился и, почувствовав чье-то приближение, повернулся. Мягкой походкой пантеры к нему подошла Эвагайл. Она еще не позабочилась о том, чтобы одеться, но холод и сырость ее, кажется, нисколько не волновали. Райднур упрекнул себя в том, что заметил, как хорошо она выглядела. «Пора бы остепениться, — подумал он. — Тебе поручено заниматься делом».

— Я нарушу ваше единение, — хрипловато произнесла она на апвудском диалекте, более древнем, чем язык, на котором говорили в Городах. Произношение было действительно другое, медленнее и мягче. Но Райднур не заметил, чтобы словарный запас и грамматика сильно изменились. Может быть, вообще не изменились. — Что-то у вас мрачноватый вид сегодня. И вы наверняка голодны, могу поспорить. — Она протянула ему большой золотистый шар.

— Что это?

— Мы называем это яблоком. В это время года они растут везде.

Райднур спрятал трубку и откусил кусочек. Плод оказался вкусным, сладким, слегка отдавал дымком и обладал выраженным привкусом твердого белка. Он откусил снова, чувствуя волчий аппетит.

— Спасибо, — сказал он с набитым ртом. — Этой пищей и в самом деле можно насытиться.

— Ну, не совсем так. Хотя для завтрака сгодится.

— Я... гм... понимаю, что леса полны еды круглый год.

— Да, если знаешь, что и как искать. Прежде чем человеческие существа научились обходиться без синтетики, нужно было дать растениям и животным с других планет прижиться здесь и вывести видоизмененные формы, которые смогли бы произрастать в местных условиях. Особенно важно было развести организмы, накапливавшие в себе железо, содержащееся в почве, и другие важные минералы. Требовались также и некоторые витамины.

Райднур прекратил жевать, потому что у него отвисла челюсть. Дикари не могли так рассуждать! И, боясь, как бы Эвагайл не рассердилась, он поспешно овладел собой и сказал:

— Я думал, что первые несколько поколений вывели такие экземпляры, чтобы облегчить свое продвижение в глубину необжитых территорий и эксплуатацию их ресурсов. Почему же это им не удалось?

— По многим причинам, — ответила Эвагайл. — Включая, должно быть, глубоко укоренившийся страх когда-либо остаться в одиночестве. — Она нахмурилась. В ее голосе зазвучали металлические нотки. — Но имели место и практические причины. Новые

организмы нарушили экологию. У них не было здесь естественных врагов. Они разрушили леса на огромных пространствах. Известно ли вам, что именно так на юге Старотпа возникла пустыня. Наши первые поколения приложили гигантские усилия, восстанавливая природный баланс и плодородие.

Райднур опять разинул рот, не увереный в том, что услышал и понял все правильно.

— Конечно, солнце помогло, — продолжила Эвагайл уже спокойнее.

— Прошу прощения?

— Солнце. — Она указала на восток. Утренний свет выглядел сейчас как расплавленный металл, и к небу пробивались снопы лучей. Волосы Эвагайл стали медными, а тело бронзовым. — Звезда F-типа. Даже через плотную атмосферу проникает значительное количество ультрафиолетового и ионизирующего излучения. Биохимия основана на высокозэнергетических составляющих. Жизнь на Фригольде более энергична и динамична, чем на Терре, развивается быстрее, находит больше новых путей быть такой, какой ей хочется. — Ее голос звенел. — Или ты приспособишься к лесу, или долго не протянешь.

Райднур отвернулся. Эвагайл слишком многое пробудила в его душе.

Несмотря на то что дикии орудовали примитивными орудиями, работа по разрушению самолетов шла быстро. Райднур понял, почему их металл пользовался таким спросом. Было известно, что у дикарей есть свои рудники, но их немного и они бедны;aborигены использовали металл только тогда, когда было необходимо заменить камень, дерево, стекло, кожу, кость, раковины, волокна, клей... Но транспортные средства разбирались с неожиданной осторожностью. Мастера, которые, очевидно, понимали в этом толк, наблюдали, как демонтируют оборудование — тщательно и осторожно, не нарушая его целостности, как, например, приемопередатчики и силовую аппаратуру.

Эвагайл, казалось, следила за его мыслями.

— О да, мы будем использовать эти приспособления, пока они работают, — сказала она. — Они не являются жизненно необходимыми, но очень удобны. Для известных целей.

Райднур доел яблоко, достал трубку и снова раскурил ее. Женщина сморщилась. Лесные люди не знали такого зла, как табак, но, по слухам, у них было много других пороков, причем кое-какие из них ошеломили бы даже пресыщенного терранина.

— Я никак не ожидал такой образованности, — сказал он. — Включая, осмелюсь сказать, вашу собственную.

— Мы не все провинциалы, — дерзко ответила Эвагайл. — Некоторые, как, например, Карлсарм, учились на других планетах.

Их отбирали, видите ли, как имевших к этому талант. Потом они возвращались и учили других.

— Но... Как...

Какое-то мгновение ее светло-карие глаза изучали Райднур, приводя его в смущение своим спокойствием. Наконец она сказала:

— Я полагаю, ничего не случится, если я скажу вам. Я верю в вашу честность, Джон Райднур, — интеллектуальную честность. Нам все-таки нужны связные с Империей.

Наши люди путешествовали на арулианских кораблях. Это было до восстания, конечно, а началось много поколений тому назад. Людей Девяти Городов это не интересовало. Они всегда держались в стороне от арулиан; я полагаю, частично из-за сноубизма, а частично — из-за недостатка воображения. А арулиане с нами тоже торговали. И это не было секретом. Не было секретом и то, что мы знали их ближе, научились у них большему, чем жители Городов. Незнание деталей этих взаимоотношений населением Городов можно объяснить только его абсолютной незаинтересованностью. Они не спрашивали, чем занимались их «младшие братья». Почему мы или арулиане должны выслушивать нотации по этому поводу?

— И чем же вы занимались? — мягко спросил Райднур.

— Сначала ничем, кроме того, что осуществляли желание наших людей посмотреть на цивилизацию Галактики — настоящую, а не на эти самодовольные замшелые Девять Городов, — и арулиане охотно продавали нам места на своих грузовых кораблях. И в самом деле, мы посещали в основном планеты, не входившие в состав Империи, — вот почему на Терре никогда не слышали о том, что происходило. Некоторые, такие, как Карлсарм, посещали планеты Империи, осматривались, поступали в школы и университеты... В это время, однако, взаимоотношения на Фригольде становились все более напряженными. Нельзя было предсказать, что может произойти. И мы подумали, что хорошо бы снабдить наших студентов прикрывающими документами. Это было несложно. Никто ни о чем особенно и не спрашивал. Никто не в состоянии запомнить все народы всех колоний. Галактика такая большая!

— Да, это так, — прошептал Райднур. Поднималось солнце, такое блестящее, что слепило глаза. — И что вы теперь собираетесь делать?

— Постепенно уходить в леса, пока вражеские самолеты нас не выследили. Спрячем наше добро — и домой.

— А как насчет ваших пленных? Людей, которые были принуждены пилотировать и...

— Ничего, они могут остаться здесь. Мы покажем им, что можно есть и где источник воды. И мы оставим массу развалин.

Через некоторое время их найдут исследователи, и я надеюсь, что некоторые из них присоединятся к нам. У нас не так много людей с цивилизованной подготовкой.

— Присоединяется к вам? — Райднур опешил. — После того, что вы сделали?

Эвагайл опять посмотрела на него внимательно и сурово:

— А что такого незабываемого мы сделали? Убили несколько человек, да, — но в честном бою, во время войны. Но мы рисковали собой, чтобы спасти жизни остальных.

— А как насчет их средств к существованию? Их домов? Их собственности, их...

— А как насчет наших? — Эвагайл пожала плечами. — Ничего. Я думаю, у нас будет три или четыре новичка. Молодые люди, полные сил. Я надеялась на вас. Но, наверное, мне лучше побеседовать с кем-нибудь более говорчивым.

Она повернулась, без резкости или вызова, и сбежала по склону вниз. Райднур последовал за ней.

* * *

Он долго стоял один, задумавшись. Солнце поднималось, в небе носились птицы, и работа в долине близилась к концу. Становилось яснее и яснее, что жители дикой местности — «свободные люди», как они себя называли, — вовсе не дикари.

И не жалкие деградировавшие дикари, и не благородные счастливые дикари. То, чему научились благодаря своему способу жизни все их поколения, на которые оказала влияние эта безгранично тенистая земля лесов, отличалось от человеческих обычай: такая алхимия превратила их в нечто странное, чему их соотечественники в Девяти Городах не смогли бы дать определение.

Но что же это было?

Не цивилизация, Райднур был в этом уверен. Невозможно иметь настоящую цивилизацию без... библиотек, научного и культурного аппаратов, традиционных зданий, надежного транспорта и коммуникаций — этих необходимых атрибутов высокой культуры. Но можно иметь варварство — тонкое, сильное и смертельно опасное. Он прислушался к голосу истории, сохраненной нескользкими учеными. Гиксосы в Египте, дорийцы в Ахее, лангобарды в Италии, викинги в Англии, крестоносцы в Сирии, монголы в Китае, ацтеки в Мексике. Варвары, для которых влияние цивилизации — ничто, приобрели силу, заставлявшую склоняться перед ними другие цивилизации, несравненно более развитые.

Варварство было поглощено народами-завоевателями или преодолено само собой. Ближе к концу предкосмической эры цивилизация стала агрессором, разрушающим и пожирающим патетические пережитки варварства. Было тяжело смотреть на то, как

народ Карлсарма выступает против атомного оружия и мощнейшей техники, побеждающей его.

Но жители дикой местности разрушили Домкирк.

И они не боялись карательных экспедиций из городов Империи. Почему? Дикая малонаселенная местность принадлежала им — без дорог, без городов, нанесенная на карту только видом сверху — три четверти территории Фригольда! Как каратели смогут их здесь найти?

Ну ладно, вся дикая местность может быть уничтожена. Мульти-мегатонный направленный взрыв может всю планету предать огню. Или более тонко: болезнетворные микробы, поражающие растительность, так что вскоре все превратится в пустыню.

Но нет. Такие меры разрушат и Девять Городов. Они должны быть защищены от непосредственного влияния, когда климат планеты изменится, ведение сельского хозяйства станет невозможным, экономика разрушится и люди волей-неволей покинут свою планету. Города были тем единственным, что привлекало на Фригольде Терру или Мерсейю. Они формировали на спорной границе центр популяции и индустрии. Без них Фригольд был бы просто еще одной неразвитой планетой; из-за недостатка металлов он не представлял бы ни для кого никакой ценности.

Несомненно, Карлсарм и другие вожди понимали это. Варвары могли быть уничтожены по частям постепенно, при расчистке и культивировании лесов. Без сомнения, они понимали и это и намеревались предупредить подобный процесс.

На сегодняшний день Городов осталось уже только восемь, два из которых находились в руках их арулианских друзей (?), а еще два покалечены войной. Какой бы следующий шаг варвары ни планировали, и получится это или нет, они могли навлечь катастрофу на головы цивилизованных фригольдиан.

Райднур сжал губы и стал спускаться с холма.

На полпути он встретил поднимавшегося навстречу Уриасона и издалека услышал голос разбушевавшегося мэра, который обращался к ухмылявшимся поселенцам:

— ...Предательство! Я говорю, трое из вас — предатели! О да, вы говорите о «восстановлении дружеских отношений» и «работе по разрядке напряженности». Но факт говорит сам за себя: вы уходите к чудовищам, уничтожившим ваш дом! И почему? Потому что вы не годитесь в люди. Потому что вам лучше бездельничать на солнышке, играть с немытыми неряхами и делать вид, что несколько суеверных обрядов вам «более близки», чем забота о Вселенной. Но так долго не продлится, джентльмены. Уж поверьте, чары скоро спадут. Вы вернетесь скрытно, как многие другие беглецы, ожидая, что будете приняты снисходительно, как были

приняты они. Но предупреждаю вас — это война. Вы сотрудничаете с врагом. И если вы посмеете вернуться, то я, ваш мэр, сделаю все, чтобы вас примерно наказали за измену!

Тяжело дыша, он остановил Райднур:

— А, это вы, сэр. — Его голос неожиданно стал тихим. — Разрешите сказать вам пару слов, пожалуйста.

Ксенолог подавил вздох и приготовился слушать.

Уриасон огляделся. Никто ими не интересовался.

— Я действительно возмущен, — сказал мэр, отдохнувшись. — Их трое! Они сказали, что находят свою работу скучной и хотят чего-нибудь новенького... Но не в том дело. Я всего лишь старался не выходить из роли.

— Что? — Райднур чуть было не выронил трубку изо рта.

— Спокойно, сэр, будьте спокойны, прошу вас. — Маленькие глазки Уриасона пристально и не мигая уставились на терранина снизу вверх. — Я допускаю, что вы тоже присоединитесь к дикарям.

— Почему... зачем...

— Это отличная возможность исполнить вашу миссию и узнать что-нибудь о них. А?

— Но я не... Ну... э-э... такая идея приходила мне в голову. Но я не актер. И никогда не смогу убедить их в том, что вдруг, по каким-то причинам, перековался. Они могут поверить, если это скажет скучающий молодой провинциал, который недостаточно сообразителен, чтобы притворяться. Но даже тогда они некоторое время не будут спускать с него подозрительных глаз. А я терранин средних лет, ученый, отец семейства — разве я смогу? Жители этой дикой местности совсем не глупы, мэр.

— Знаю, знаю, — нетерпеливо сказал Уриасон. — Тем не менее, если вы попросите их взять вас с собой, сославшись на необходимость собрать информацию, они согласятся. Я уверен — потому что держу открытым не только рот, но и уши. Дикари озабочены развитием связей с Империей. Они дадут вам вернуться, когда бы вы ни попросили. Почему они должны вас бояться? К тому же, пока вы пешком достигнете одного из Городов, любые военные сведения, которые вы раздобудете, устареют. По крайней мере, дикари будут так думать.

Райднур проглотил слону. Круглое красное лицо мэра не выглядело больше комичным. Оно выглядело умоляющим. А через некоторое время — уже приказывающим.

— Послушайте, профессор, — сказал Уриасон. — Я разыгрывал шута, чтобы меня игнорировали и не принимали всерьез. А вашей лучшей ролью, возможно, станет роль рассеянного академика. Но таким образом вам может быть дан шанс обессмертить свое имя. Если у вас хватит мужества.

Послушайте, говорю. Я слышал их разговоры. И взвесил все, что услышал. Уничтожение Домкирка — лишь часть большого плана. Это было сделано раньше намеченного срока для того, чтобы освободить находившихся у нас пленников. Но что за этим последует, я не знаю. Я только уверен в том, что план смелый, широкомасштабный и жестокий. Если это так, значит, их силы должны быть где-то сосредоточены. Не так ли? Более того, мне кажется правдоподобным, что и эти убийцы присоединятся к тем силам. Возможно, я ошибаюсь. Но даже если и так, вы ничего не потеряете и сможете просто продолжать разыгрывать рассеянного ученого до тех пор, пока не решите уехать домой. А это уже само по себе будет полезно. Вы получите ценную информацию.

Однако, если я прав, вы будете сопровождать эту банду до некоторого ключевого пункта. А когда прибудете... Сэр, на блокадной орбите находится имперский военный флот. Когда я доберусь до Нордайка, то поговорю с адмиралом Крузом и потороплю его с исполнением моего плана, который пришел мне в голову, когда я увидел вас здесь. — Уриасон достал из-под полы и сунул Райднуре в руку какой-то маленький предмет. — Спрячьте это. Если кто-нибудь заметит и спросит вас об этой вещице, скажите, что это сувенир или что-то в этом роде.

— Но... но что... — Райднур машинально опустил в карман маленький полуцилиндр. Ощупав его, он обнаружил на каждом конце пару суперконтактов и решетку на плоской стороне и понял, что это сложное микрэлектронное устройство в пластмассовом корпусе.

— Устройство для связи. Слышали о них?

— Я... да, слышал.

— Хорошо. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из дикарей знал о таких, хотя они на удивление хорошо информированы. Приспособление не новое и не секретное, но для такого неадекватного галактического информационного течения достаточное, особенно здесь, где была тихая заводь... Разрешите напомнить вам, сэр. Если использовать этот прибор вместо первичного модулятора на любом энергетическом оружии третьего или четвертого класса, то оружие станет радиопередатчиком, передающим человеческий голос на значительное расстояние. Я попрошу адмирала Круза приказать хотя бы одному из его орбитальных кораблей спуститься ниже и быть освещенным несколько следующих недель, чтобы у вас была мишень. Если вы окажетесь в зоне опасной концентрации врагов, где будет спрятано похищенное энергетическое оружие, и сможете связаться с кораблем... Вы следите за ходом моей мысли?

— Но... — Райднур запнулся. — Но как...

— Как мэр я знал, что такие устройства были включены в последнюю партию оборонных материалов, которую флот послал в Домкирк. Каждый наш военный самолет был снабжен таким устройством. Прошлой ночью несколько самолетов угнали. Я взвесил свои шансы, выставил себя посмешищем, — Уриасон выпятил грудь и живот, — и в подходящий момент стащил это у них из-под носа.

Райднур облизнул губы. Они были шершавыми, как наждачная бумага.

— Я должен был догадаться, — выдавил он, — но меня... я... как...

— Мне по долгу службы не положено сопровождать дикарей в путешествии по дикой местности, — сказал Уриасон. — Они будут бдительны. Могу я, могут Фригольд, его величество и все человечество положиться на вас, сэр?

Он был маленьким и толстым. Слова высказывали у него изо рта, как шарики с горячим воздухом. Однако он отваживался действовать под возможным наблюдением. Райднур преклонялся перед ним.

— Да, гражданин мэр, — только и оставалось сказать терранину, — я постараюсь сделать все возможное.

* * *

Вот сцены из их путешествия:

Карлсарм шел рядом с Райднуром, дружелюбно отвечая на вопросы, но держался настороже. Он не был уверен, что мотивы, побудившие этого человека отправиться с ними, были чисто научными и дипломатическими. Поэтому пока лучше не слишком доверять ему. Иногда он думал, что в Империи с людьми сложнее достигнуть взаимопонимания, чем с большинством нечеловеческих существ. Не отличаясь внешностью, говоря на том же языке, они должны бы реагировать так же, как и твой народ. Так нет. Даже выражение лица, сдвинутые брови, улыбка были чужими.

Взять хотя бы Райднура: вежливый, услужливый, даже приветливый, но только внешне. Он не показывал свою настоящую сущность. Без сомнений, он любил свою семью и был лоялен к своему императору, ему нравилась его работа, и он интересовался многими другими вещами, о которых часто говорил. Но эмоции не проскальзывали. Он не стремился поделиться своими чувствами, а скорее подсознательно держал их в себе.

Карлсарм сталкивался с таким типом людей раньше, за пределами этой планеты, и считал, что подобное поведение было не проявлением аристократических манер — это была защита. Сплетенные вместе с миллиардами других, связанные с рождениями сетями коммуникаций, координаций, безличными социальными

условностями, люди могли защитить свою индивидуальность только выстроив крепость внутри себя. Здесь, в дикой местности Фригольда пространства хватает; ни люди, ни организации не давят на тебя; если что, можно уйти в себя. Карлсарм жалел терран. Но это не помогало ему понять их или доверять им.

— Вы меня приятно удивили, — заметил он. — Я не ожидал, что вы станете держаться с нами так, как вы это делаете.

— Ну, я стараюсь учитывать существующие обстоятельства, — сказал Райднур. — И помните, я привык к более значительной силе тяжести. Но, если быть откровенным, я ожидал, что путешествие окажется труднее — узкие извилистые тропы и тому подобное. А у вас здесь, оказывается, есть дорога.

— Гм, она неважная. В любом другом месте мы делаем их лучше. И потом, для нас это большая пограничная полоса.

Мужчины огляделись. Тропа пересекала высокий холм то ровно, то виляя; земля заросла мхом так жестко и густо, что никакие сорняки не смогли бы пробиться сквозь него. (Это был специально выведенный сорт, к особенностям которого относились наличие солей марганца. Бригады поддержки время от времени снабжались им и автоматически поддерживали мох в определенном состоянии.)

Вскоре тропа стала уже и юркнула под своды леса. Кроны деревьев смыкались над ней, образуя залитый солнцем коридор, где пели птицы и слышался плеск водопада, находившегося неподалеку. Тропа то и дело изгибалась, отчего в поле зрения Карлсарма и Райднура находилось несколько человек, хотя в отряде их было несколько сот.

Большинство дорог имело разные направления. Карлсарм рассказал, что «свободные люди» проложили столько небольших более или менее параллельных путей, сколько требовало движение в данной местности. Это было легче сделать, а экологии и пейзажу наносился наименьший урон, что в изменяющихся ситуациях являлось более гибким. Кроме того, сверху их не могли увидеть. Карлсарм не упомянул о некоторых видах растений-мутантов, посевенных повсюду, чьи ростки маскировали человеческий метаболизм и тем самым защищали население от зарождающихся в воздухе химических испарений.

— Я слышал, вы используете выочных животных, — сказал Райднур.

— Да, здесь были натурализованы лошади и мулы, — ответил Карлсарм. — В наших центральных регионах их много. Горожане видят лишь немногих, потому что мы приводим их в наши малонаселенные пограничные области нечасто. В этом нет смысла. Можно и пешком двигаться довольно быстро, если ты не перегружен

поклажей. Но дома вы увидите и животных, и повозки, и лодки, и плоты, причем в достаточных количествах.

— Ваше население должно быть больше, чем предполагалось.

— Я не знаю, каковы сегодняшние предположения в Городах. Нас не волнует перепись. Но я прикинул: двадцать миллионов на этом континенте и примерно столько же на других. Это количество остается стабильным довольно продолжительное время, поскольку для данной местности оно нормально. Мы не тесним друг друга и не оказываем излишнего воздействия на природные ресурсы. У нас обильная пища и вполне достаточно необходимых материалов. Для удовлетворения основных потребностей мы не прилагаем особых усилий. В то же время нас достаточно много для специализации, разнообразия и реализации больших проектов, таких, как строительство дорог. И, должен добавить, наш народ весьма одарен. Вы знаете, что только около десяти процентов людей рождены стать лидерами или творцами в любой области? Мы впали бы в застой, если бы нас было слишком мало, а равным образом стали бы путаться друг у друга под ногами и превратились бы в сверхконтролируемых, если бы нас было слишком много.

— А как вы поддерживаете уровень населения постоянным? Кажется, у вас нет никакого механизма принуждения.

— Нет, такого механизма у нас нет. У нас есть традиция и общее мнение: «поможешь соседу — он поможет тебе». Ведь если все толпятся на ограниченном пространстве, всегда находятся ублюдки, которые ввязываются в споры и в конце концов погибают. Контроль прироста населения прост. Он не планируется, не развивается, но он работает. ТERRITORIЯ.

— Прошу прощения?

— Человеку требуется определенная территория для того, чтобы прокормить себя, свою семью и слуг. Он передает ее одному сыну. Как он выбирает наследника, это его дело. Любой, кто убьет или выгонит владельца, получает его участок земли в собственность.

Райднур был шокирован, однако быстро пришел в себя и улыбнулся.

— Ваше общество является менее идеальным, чем мне об этом рассказывали некоторые молодые люди из Городов, — сказал он.

Карлсарм рассмеялся:

— Мы в порядке — во всяком случае большинство из нас. Может ли какая-нибудь цивилизация требовать большего? Помните, безземельные не голодают. Они нанимаются на работу слугами, помощниками, охранниками и так далее. Позвольте мне напомнить, что у нас не практикуется супружество. Никто не

нуждается в обете безбрачия. Только некоторые женщины имеют детей от безземельных мужчин. — Он сделал паузу. — Вооруженные конфликты из-за территорий больше не типичны. Владельцы земли научились держать оборону. Кроме того, порядочные уважаемые люди могут рассчитывать на помощь соседей. У нас не так много бездельников, которые пытаются прожить грабежом. Те, кто делает это успешно, не доказывают ли тем самым, что они годятся на роль отцов?

Тропа вынырнула из леса. Перед путниками открылась каменистая местность. Неподвижный воздух стал заметно прохладнее.

— Эта дорога выложена из обломков взорванных скал! — воскликнул Райднур.

— Конечно, — подтвердил Роулан. — Уж не думаете ли вы, что мы их обтесывали руками?

— Но чем же вы пользовались?

— Органическими веществами. Типа нитроглицерина. Мы изготавляем его при помощи смешивания — вы же знаете, для этого не требуется много аппаратуры, — и делаем динамит. Некоторые другие взрывчатые вещества и большинство топлива мы получаем из выращиваемых растений. — Роулан потрогал свою седую бороду и взглянул на терранина: — Если вы согласитесь несколько отклониться от курса, я могу показать вам нашу гидроэлектростанцию. Она покажется вам смехотворно малой, однако ее мощности хватает на приведение в действие нескольких мельниц и завода по изготовлению инструментов. Мы вовсе не невежественны, Джон Райднур. Мы взяли от вашей цивилизации все, что можем использовать для себя. Нам не нужно много.

Даже в этой сравнительно бесплодной местности отыскалась восхитительная еда. Фруктов здесь не оказалось, зато, слегка наклонившись, можно было набрать разнообразных овощей и ягод, в изобилии растущих под низкорослыми кустарниками. Вокруг лагеря паслись животные, которых пригоняли сюда из долины, чтобы забить.

— Вы их одомашнили и приручили? — спросил Райднур у малообразованного Ноача, в чьи обязанности входило ухаживать за животными.

— Нет, — ответил тот. — Я не могу позвать их, как лошадь или собаку. Мы используем своего рода стимулы, которые изменяются в зависимости от того, где и в какое время вы находитесь. Например, в Бреннинг Дейлз вы можете откупорить бутылку с половым возбудителем, и каждое хрюкающее существо в пределах десяти километров примчится прямо к вам. Вокруг Мейра мы разводим животных, которые прибегут, услышав, как на трубе играют определенную мелодию. В конце концов, можно охотиться где угодно. Живности вокруг полно. Но мы не тратим время на это занятие.

А вот Хозяйка Дженис загоняет оленей с помощью своих пчел. — Он пожал плечами. — Да их множество, разных способов. Вы их не знаете и не можете себе представить, потому что мы происходим от людей, использовавших научные методы для решения проблем выживания в дикой необжитой местности.

На этот раз ночь над перевалом Фаулвезер была ясной. Под светом Селены на горных вершинах мерцал снег, озаряя темноту призрачным блеском. Звезд на небе было не очень много. Однако Карлсарм хмурился, глядя на одну новую, которая заметно двигалась у него над головой.

— Они снова запустили спутник. — Из рта у него вырвалось белое облачко. Звуки быстро исчезали, как будто замерзали и со звоном падали на покрытую инеем дорогу. — Или по этой орбите без маскировки летит большой космический корабль. Зачем?

— Война? — Эвагайл, стоявшая рядом с ним, задрожала и плотнее закуталась в шерстяной плащ. (Он не принадлежал ей. Комплекты теплой одежды для путешественников, хранившиеся в сарае у подножия перевала, подлежали возврату, но за небольшую плату сдавались слугам арендаторов земельных участков.) — Что случилось?

— Неприятные новости, которые я получил по радиостанции, по-видимому, подтверждаются, — ответил Карлсарм. — Поблизости от Слуисгейта появился большой военный самолет. Ядерное оружие, полный комплект. Если он приблизится, нас на этой прекрасной планете, пригодной для проживания, в покое не оставят!

— Не надо преувеличивать. — Эвагайл взяла его за руку. — Я допускаю, что некоторые наши территории могут быть завоеваны или сильно пострадают и превратятся в пустыни. Но не навсегда же. Кроме того, их площадь невелика.

— Даже если бы ты владела этой землей, все равно не должна была так говорить. А экологические последствия? А генетические? Нельзя быть слишком уверенным в том, что с растениями и животными, которых мы модифицировали из диких видов для удовлетворения своих потребностей, ничего не случится. Это все новые и нестабильные виды. Распространяющиеся мутанты могут их уничтожить. Или мы должны будем превратиться в фермеров, чтобы спасти их!

— Я знаю. Знаю. Но хочу, чтобы ты увидел положение дел в перспективе. Согласись, чем быстрее окончится война, тем лучше.

Эвагайл отвела взгляд от зловещей ползущей вспышки на небе и посмотрела с откоса, где они стояли, на лагерь. Вдоль дороги горели костры, похожие на красные и оранжевые созвездия. У костров грелись люди. Издалека доносились взрывы смеха и отрывки песен.

Карлсарм угадал, о чем думала Эвагайл.

— Ну а что мы будем делать с Райднуром? — спросил он.

— Не могу сказать. Я говорила с ним, но он настолько замкнут в себе, что я не смогла понять, какова его истинная цель. Я почти жалею, что мое Мастерство лежит не в любовной сфере.

— Почему? — сердито спросил Карлсарм. — Почему бы тебе не пожелать, чтобы с нами шла такая Хозяйка, как этого желаю я?

Эвагайл замолчала, а затем рассмеялась:

— Сказать честно? Он привлекает меня. Он настоящий мужчина, хотя и скрытный; к тому же он экзотический и таинственный. Стоит ли мне наводить на него афродиту, когда мы достигнем Мун Гарнет?

— Я решу это в свое время. А ты поможешь мне решить и, возможно, предупредить о заговоре против нас. Он не сможет скрыть от тебя информацию, которую получил. Воспользуйся случаем.

— Мне это не нравится. Мужчины и женщины — конечно, я имею в виду женщин, которые не владеют Мастерством, как я, — могут только давать друг другу что-либо, но не брать. Я даже не знаю, смогу ли обмануть его.

— Ты можешь попытаться. Если он даже догадается и рассердится — ну и что с того? — Лицо Карлсарма стало суровым. — Ты должна исполнить свой долг.

— Хорошо... — Голос Эвагайл вдруг стал печальным. — Я по-пробую. — Плечи ее поникли. На высокой прическе сверкнули лунные блики. — Это уже не игра, не так ли? — Она повернулась и ушла.

Райднур сидел в лагере у костра и наблюдал за танцующими. Движения их были столь же замысловатыми, как и музыка, которую играл импровизированный оркестр. Он не только обрадовался, но и облегченно вздохнул, когда Эвагайл села рядом с ним.

— Привет, — сказала она. — Вам нравится это представление?

— Да, — ответил он, — но больше с профессиональной точки зрения. Я уверен, что это настоящее искусство, но ваши обычай для меня чужие.

— А разве по роду деятельности вы не должны уметь разгадывать чужой символизм?

— Отчасти. Правильное понимание затрудняется не только тем, что ваше искусство значительно отличается от всего того, что я видел до сих пор. Оно чрезвычайно выразительно, как продукт долгих и строгих традиций. Я обнаружил, например, что ваша музыкальная шкала построена на более узких интервалах, чем те, которые используются в известной мне иной человеческой музике.

Вы разработали и используете едва уловимые различия и комбинации звуков, которые я еще не научился воспринимать.

— Я думаю, вы находитите это типичным для нас, — сказала Эвагайл. — Мы не наивные дети природы, мы — «свободные люди». Я полагаю, что мы более тщательно разработали наш жизненный распорядок; мы предпочитаем большую сложность, изобретательность, церемониальность, чем это принято на Терре.

— Да, я бы сказал, что это — бегство от обычав, принятых Городами.

Она засмеялась:

— Обычай состоит в том, что мы строго обучаем наших новых членов. Если они не сумеют пройти через это, мы ничего не сможем ожидать от них. Вероятно, они не выживут долго. Нельзя сказать, что у нас жизнь более сурова, чем в Городах. Фактически у нас больше досуга. Но наша жизнь другая.

— Я с трудом улавливаю это различие, — сказал Райднур. — Вопросов у меня так много, что я даже не знаю, с чего начать. — Танцующие подпрыгивали, их головные уборы, сделанные из перьев, разевались, отбрасывая при свете Селены и пламени костров причудливые тени. Пела флейта, бил барабан, издавала трели арфа, звенели колокольчики, аккорды звучали как журчание воды. — Какие виды искусства у вас есть еще... кроме этого?

— Никакой архитектуры, монументальной скульптуры, никаких фресок и заумной печатной продукции, — улыбнулась Эвагайл. — Ничего, что требует привлечения кучи людей. Но у нас есть промыслы: резьба по кости, ювелирное дело, ткачество, живопись и резьба по дереву, и все это — подлинное серьезное искусство. Затем драматическое искусство, литература, кулинария... и виды, которых у вас нет — назовем их созерцанием, искусством разговора, видением целого, хотя приведенные слова передают смысл этих искусств недостаточно точно.

— Я одного не могу понять. Как вы обходитесь без этой кучи людей? — сказал Райднур. — Например, каждый, кажется, умеет читать. Но какая от этого польза? Что именно они читают?

— У нас, возможно, больше книг и периодических изданий, чем у вас. И никакой электронной конкуренции. Первое из мероприятий, предпринятых нашими предками, начавшими заселять в древности эту страну, заключалось в том, что они начали развивать плантации лиственных растений, которые затем высушивались и перерабатывались в бумагу, а из их сока изготавливались чернила. Многие арендаторы заводили у себя небольшие печатные прессы в тех же самых сарайах, в которых они устанавливали другое тяжелое оборудование. Это производство не требовало много металла и приводилось в действие ветром или водой. Не забывайте, в каждой области организовывались школы. Потребность в гра-

мотных людях, являвшихся источником доходов, была значительной. Кстати, в качестве валюты мы используем железные и медные монеты и пересылаем их почтой так же, как товары.

— А как насчет хранения данных? Библиотек? Компьютеров? Обмена информацией?

— Я никогда не встречала у нас людей, которые собирали бы книги, как это некоторые делают в Городах. Если вы желаете прочесть что-либо записанное на бумаге, сделайте копии, они достаточно дешевы.

Райднур подумал, что такая традиция исключает то, что он всегда считал характерным для образованного человека — возможность перелистать и перечитать книгу по внезапному внутреннему побуждению, чтобы быть в курсе всего, что его интересует. Однако не было сомнения в том, что местные жители считают его чужаком из-за того, что он не умеет танцевать так, как это делают они, и не участвует в их празднике, когда они любуются метеорами.

— Сообщения передаются достаточно быстро, — продолжала Эвагайл. — Так, как нам нужно. Мы не ведем записей, как вы. Наш стиль жизни этого не требует. У нас есть действующие развивающиеся технологии. Да, и чистая наука тоже. Но они сконцентрированы в областях деятельности, не требующих сложной аппаратуры: например, изучения животных и методов управления ими.

Эвагайл наклонилась к Райднуре. Никто из находящихся рядом не обратил на это внимания; все были увлечены представлением.

— Ты бы не хотел провести со мной эту ночь? — спросила она.

— Что? Ну конечно. — Райднур пристально посмотрел на ее волосы, красноватые в свете костра, на тень от ее плаща и поспешно отодвинулся. — Если я смогу.

— Это очень просто. — Эвагайл обняла его. — Хоть сегодня ночью плюнь ты на свои исследования. Поговори со мной. Расскажи один-два анекдота. А когда они закончат, спой мне терранскую песню. Или прогуляйся со мной под луной. Будь человеком, Джон Райднур... только мужчиной... хоть ненадолго.

* * *

Западная часть перевала — и местность стала гористой. Снова появились леса, но менее густые, а некоторые деревья были похожи на те, которые встречались в теплых восточных долинах. Жители здесь встречались чаще, поскольку население жило в этих местах более скученно; они были горцами по своей натуре. Карлсарм не стал возиться с ездовыми животными. Человек, если он чувствовал себя нормально, мог без труда прошагать по привлекательной местности пятьдесят километров в день. Райднур заметил,

что сверхцентрализованные империи на древней Терре создавались и поддерживались средствами связи, ничуть не лучшими, чем это.

К тому же здесь царили воздушные коммуникации: не только случайные вертолеты скорой помощи, но и хорошо налаженные транспортные магистрали действующей коммуникационной сети. Когда Эвагайл впервые разъяснила Райднуру эту систему, он разразился хохотом.

— Что здесь забавного? — Она подняла голову.

Хотя они уже давно были вместе, в отличие от других они все еще нуждались во взаимном общении. И хотя Райднур носил одежду местных жителей, привык к яркому солнечному свету Фригольда и отрастил бороду, поскольку его волосы с трудом поддавались лезвиям алмазных бритв, — он оставался чужаком.

— Прости. Старая история. — Он оглядел долину, в которой они находились. Пышные деревья возвышались над цветущей растительностью; листья шелестели от прохладного ветра и пахли пряностями. Он прикоснулся к зеленому стеблю, обвивавшему один ствол и взбиравшемуся на другое дерево. — Виноградный телеграф!

— Я не совсем поняла тебя, Джон, но эти растения действительно способны передавать сигналы. Наши предки проделали огромную работу, чтобы вывести такой сорт, засеять почву и вырастить его во всех районах континента. Конечно, скорость передачи нейронных возбуждений несравнима со скоростью света, да и канал крайне узок, но для нас этого вполне достаточно.

— А как его активизировать?

— Для этого необходимо Мастерство. Если тебе понадобится что-либо переслать, ты должен подойти к ближайшему узлу и объяснить женщине, живущей там, что тебе нужно. Она передаст.

Райднур кивнул:

— Ясно. Мне приходилось бывать на необитаемых планетах, которые ненамного отличались от этой. — Он заколебался. — А что ты имела в виду, когда сказала, что необходимо Мастерство?

— Специальные способности, природные, развитые. Разве ты не заметил по пути результаты действия Мастерства?

— Не знаю. Видишь ли, я только начинаю проникать в сущность вашего общества. Первые мои впечатления были бесспорядочными, отрывистыми. Но теперь я начинаю воспринимать значительную разницу между одним и другим. Возьмем, например, нашего друга Ноача с его поразительной способностью «вынюхивания» или Карлсарма и остальных, использующих птиц в качестве курьеров. Они также владеют Мастерством?

— Конечно, нет. Я полагаю, ты понимаешь, что такие животные. Это существа, которые вырастают и превращаются в полуразум-

ных. У них есть определенные способности и инстинкты, *стремление*, заложенное в их хромосомах. Что же касается людей, которые используют их для своих надобностей, то все они изучали их язык и правила обращения с животными. Но это несложно, любой может обучиться тому же самому.

Райднур внимательно посмотрел на Эвагайл. Озаренная мягким зеленоватым светом, она чем-то походила на львицу и излучала какой-то неуловимый аромат.

— Значит, Мастерством владеют только женщины, — наконец произнес Райднур.

Она кивнула:

— Да.

— Почему? Это у них от рождения?

— Нет. — К его удивлению, она покраснела. — Несмотря на все наши способности, мы беременеем редко и только от землевладельцев. Мы хотим, чтобы наши дети были обеспечены. Но иногда женщины со своими гормонами и феромонами способны творить чудеса. Если бы какой-нибудь биолог попытался объяснить, почему так происходит, я бы не стала его слушать — для меня это страшно. В общих чертах, можно сказать, что у женщин имеется более полный набор биохимических средств, они более уравновешены психически, чем мужчины. Но не каждая женщина в состоянии распоряжаться своими данными. Такие, которые умеют делать что-либо особенное, составляют значительное меньшинство. В юности они интенсивно обучаются, чтобы суметь использовать то, что заложено в них природой.

— Как?

— По-разному. Введение наркотиков может изменить работу желез внутренней секреции... это делается деликатно, ты можешь не ощутить никакой разницы. Скажем, таких, как Хозяйка Дженис, никогда не кусают пчелы. Они попросту живут возле нее. А она способна управлять ими, посыпать туда, куда ей нужно, и... Нет, я не знаю ее секретов. Каждый маг держит свои навыки в тайне.

Но ты должен знать, как это делается. Лишь несколько насекомых из миллиона способны привлечь себе подобных, находящихся на расстоянии многих километров, чтобы спариться. Другие насекомые, образующие некое общество, для координации действий членов своих коммун пользуются запахами. Организм человека обладает большим разнообразием химических веществ, чем он практически реализует. Представь, как мало нужно лекарственных препаратов, чтобы изменить его метаболизм и даже свойства его личности. Некоторые запахи способны вызывать в воображении картины прошлого, настолько яркие, что кажется, будто все это происходит снова. И с помощью таких слабых воздействий можно

припомнить, что нравилось тебе много лет назад, что не нравилось, какой у тебя был аппетит, что тебя пугало, что сердило и так далее. Теперь представь себе, что происходит, когда между женщиной, точно знающей, как использовать стимуляторы, которые она частью брала из бутылочек, частью вырабатывала при помощи собственных желез, и ее организмом развивается полное согласие.

— Это арулианская концепция?

— Да, мы многому научились от арулиан, — ответила Эвагайл.

— Я слышал, как тебя называют Хозяйкой. Это потому что ты владеешь Мастерством?

Она засмеялась:

— Не спеши, узнаешь. Всему свое время. — Она взяла его за руку. — Пора идти.

Судя по всему, Фригольд никогда не подвергался действию ледников. В среднем климат был мягче, чем на Терре, вследствие чего местным жителям не требовались постоянные дома. Они перемещались по своей территории, питаясь дичью и плодами земли, возводя там и сям временные жилища, где спали в гамаках. На взгляд Райднера, это была суровая жизнь.

Но так было раньше. Он обнаружил, что его представления постепенно меняются. Миллионы различных звуков, запахов, ощущений дикой природы представляли собой значительный контраст по сравнению с городскими квартирами, набитыми электроникой.

(Как выяснилось, виды человеческих развлечений на Фригольде ограничены. Музыка, игра в мяч, шахматы и чтение казались человеку, которому судьбой было предназначено жить в самом сердце Империи, пустым времяпроживанием. Правда, местные жители знали, как пользоваться наркотиками и гипнотизмом, но то же самое знали и терране. Официальное мнение недооценило безмерную изобретательность в других областях развлечений. Но ведь нельзя же делать все, что вздумается, верно? Вот и Райднур не мог вести себя как мальчишка. Ему так не хватало Лиссы. И детей, и табака, и друзей, и высоких зданий, и мягкого дневного света Сола, и знакомых созвездий, появлявшихся с наступлением темноты, и простых человеческих радостей — и еще много-много.)

Ноaborигены не могли вести исключительно кочевой образ жизни, поскольку владели громоздкой техникой и не имели возможности таскать ее за собой. Поэтому кое-где они возводили для нее капитальные хранилища, а вокруг — несколько строений поменьше, где время от времени жили.

Но людям тоже нужен кров. Райднур понял это однажды, когда он и Эвагайл попали в бурю.

Как-то раз они отклонились от маршрута: Эвагайл хотела показать Райднуре центральные районы. Они шли уже час или два, когда Эвагайл заметила вспышки на небе и встревожилась. Облака на севере окрасились розовым; раздались удары грома, и засверкала молния. Ветер стал холодным и усилился, лес застонал.

— Нам надо поторопиться, — медленно сказала Эвагайл. — Приближается гроза.

— Ну и что? — Он уже привык, что регулярно промокает до нитки.

— Я хочу сказать, что под такой ливень нам еще попадать не приходилось.

Райднур сглотнул и ускорил шаг. Он знал, каким наэлектризованным может стать воздух. Чтобы возвести прочные стены и крышу, соплеменникам Карлсарма приходилось долго и усердно трудиться. Два человека враз этого сделать не могут. А потому ищут подходящее убежище или забираются в дупла деревьев или еще куда-нибудь. Но дом, конечно, предпочтительнее.

Ветер крепчал. Воздух, более плотный, чем на Терре, никогда не достигал ураганной скорости; но он безжалостно пронизывал насквозь, как почти твердая масса. Под скачущими клочьями черных облаков носились сорванные листья и сучья. Темнота сгущалась, mestность освещали только вспышки молний. Раскаты грома пронзали, разрывали и крушили череп Райднура. Он всегда считал себя довольно выносливым, но тут вдруг почувствовал себя усталым и начал пошатываться. Любой человек на его месте быстро обессилел бы под напором этого ужасного ветра. А Эвагайл, кажется, даже не запыхалась. «Как это ей удается?» — удивлялся Райднур до тех пор, пока не потерял в жестокой схватке со стихией все свои силы.

На землю упали первые капли дождя. Они были огромными и ощутимо колотили по телу, точно камни. Путешественники захлебывались в бешеных струях. Вскоре с неба посыпались здоровые градины, которые буквально сдирали кожу до крови. Райднур, обессилев, покачнулся, но не упал: его подхватила Эвагайл, он оперся на ее плечо и...

И они достигли стоянки на вершине холма.

Стоянка представляла собой кучку низких массивных строений, сложенных из дерева и камня и покрытых дерном, которые было очень трудно разглядеть сверху. Все дома были неосвещенными и пустыми. Эвагайл распахнула дверь — в этой лесной стране замков не существовало, — перетащила Райднура через порог и снова прикрыла дверь.

Он лежал во мраке и жадно хватал ртом воздух. Сознание медленно возвращалось к нему. Словно сквозь световой год он услышал голос Эвагайл:

— Мы прибыли не слишком поздно, правда?

Град все не унимался.

Наконец Райднур пришел в себя и поднялся. Эвагайл зажгла лампы, представлявшие собой микрокультуры в стеклянных баллонах, ярко светившиеся благодаря фосфоресценции, и развела в очаге огонь, подлив в него масла — способ древний, но надежный.

— Нам придется провести здесь ночь, — сказала она из кухни. — Непогода продержится еще несколько часов, все дороги раскиснут, а пока высохнут, пройдет еще немало времени. Почему бы тебе не принять горячую ванну и не переодеться в сухое? Я скоро приготовлю обед.

Райднур подавил чувство неудовлетворенности. Он не являлся местным жителем и не собирался оставаться в этой стране. А каково им было бы на Терре? Как исследователь он знал, что домам следует быть просторными, многокомнатными, красиво отделанными, обставленными... Однако Эвагайл дала прекрасный совет. Последовав ей, Райднур вернулся в комнату, чувствуя себя заново родившимся.

Из того, что нашлось в кладовой, Эвагайл подготовила превосходные блюда; на стол было подано также крепкое красное вино. Белая скатерть, хрустальные бокалы, подсвечники, все в стиле терранского ренессанса, более изящном, чем нынешний. (Почти. Посуда была деревянной, ножи — обсидиановыми. Стилизованные рисунки на стенах казались какими-то странными; рассматривая их вблизи, можно было заметить арулианское влияние. Не было магнитофона, из которого лилась бы музыка, — вместо этого за стеной глухо ревела буря. И женщина, которая сидела напротив, носила юбку из натуральной шерсти, кожаную курточку с баҳром и была вооружена кинжалом и томагавком.)

Они разговаривали дружески и с живостью, и, хотя они принадлежали к разным культурам, их разговор был чем-то большим, чем беседа типа «вопрос-ответ». Бутылка часто и непринужденно переходила из рук в руки. Райднур быстро захмелел — сказывались усталость и долгое воздержание от спиртного. «Ну и что?» — подумал он, сообразив, что пьян. Ему стало жарко.

— Я должен извиниться, — сказал он. — До сих пор я считал вас варварами. Но теперь вижу, что ошибался. Вы такая же цивилизация, как и все остальные.

— Тебе понадобилось так много времени, чтобы понять это? — Эвагайл рассмеялась. — Ну что ж, я прощаю тебя. Города этого не поняли до сих пор.

— Это естественно. Вы для них чужие. И будучи, как и вы, изолированными от основных галактических потоков, они не могут себе вообразить, что какая-либо иная цивилизация может быть равна или выше той, которую они считают образцом.

— Вот так сентенция! А ты признаешь, что мы выше их?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, этого я не могу сказать. Я сам горожанин. Многое из того, что вы делаете, шокирует меня. Ваша безжалостность. Ваше нежелание идти на компромиссы.

Эвагайл посерезнела:

— Города никогда не пытались идти с нами на компромиссы, Джон. Я не знаю, способны ли они на это. Ваши мудрецы, которые тщательно штудировали историю, говорят, что индустриальное общество должно расширяться, или оно погибнет. Мы пытаемся остановить их, пока они не стали слишком сильными. Война дает нам шанс.

— Но вы не сможете восстать против всей Империи, — возразил Райднур.

— Не сможем? Мы чертовски далеко от Терры. И мы восстали. Никто не советовался с нами относительно включения в состав Империи. — Эвагайл пожала плечами. — Никто не позаботится о нас, кроме нас самих. Какая нам разница, кто будет управлять Фригольдом — только бы оставили нас в покое. Но Города не оставят нас в покое. Они перерубят наши леса, запрудят наши реки, выроют шахты в нашей земле и развязнут войну, которая разрушит всю планету.

— Гм-м. Но вы можете ускорить окончание войны, если выступите против арулиан.

— А кто выиграет? Города!

— Но, атакуя Города, вы тем самым помогаете арулианам.

— Нет. В конечном счете — нет. Они связаны с Городами. Мы не хотим воевать с ними, поскольку наши с ними отношения были в высшей степени приятельскими, и они очень многому нас научили, — но, возможно, мы захотим, чтобы их здесь не было.

— Но ты не можешь рассчитывать, что я соглашусь с тобой.

— А я и не рассчитываю. — Голос Эвагайл смягчился. — Мы лишь хотим, чтобы ты честно сообщил обо всем вашим правителям. Ты не можешь себе представить, как я рада тому, что ты считаешь нас цивилизованным народом. Или постцивилизованным. В любом случае мы не дегенераты, мы идет по собственному пути. Мы надеемся, что ты станешь посредником между нами и Империей и поможешь выработать надлежащее соглашение. Если ты сделаешь это, то останешься жить в веках, и тебя будут называть в балладах Примирителем.

— Мне бы это понравилось больше всего, — усмехнулся Райднур.

Она подняла брови:

— Всего?

— Ну, или почти всего. Я начинаю тосковать по родине.

— Но ты не одинок, пока ты с нами, — прошептала Эвагайл.

Их руки на столе соединились. Вино ударило Райднур в голову.

— Я удивляюсь, почему ты сидишь так далеко от меня, — сказала она. — Ты наверняка уже заметил, что я хочу заняться с тобой любовью.

— Да-да... — Его сердце екнуло.

— А почему бы и нет? Правда, у тебя есть... жена... Но я не могу себе представить, чтобы кто-либо в Терранской Империи беспокоился о человеке, который находится от дома на расстоянии двух сотен световых лет. Да и какой вред ты можешь ей причинить?

— Никакого.

Эвагайл улыбнулась, поднялась, обошла стол и, приблизившись к Райднуру, стала гладить его по голове. Он вдохнул аромат ее тела.

— Все хорошо, глупый, — сказала она. — Так чего же ты ждешь?

И вдруг он вспомнил. Эвагайл увидела его крепко сжатые кулаки и отступила. Он уставился на пламя свечи и пробормотал:

— Мне очень жаль, но это невозможно.

— Невозможно? Почему? — Порыв ветра почти заглушил ее слова.

— Скажем так: потому что меня мучает идиотская средневековая совесть.

Она взглянула на него с удивлением:

— Это правда?

— Да. — «Но не вся, — подумал он про себя. — Я не наблюдатель, не эмиссар — я тот, кто должен вас уничтожить, если сможет. Та вещица, которая находится в моем кармане, разделяет нас, дорогая. Ты — мой враг, и я не обману тебя поцелуем».

— Я не обижусь, — медленно сказала Эвагайл. — Хотя разочарована и озадачена.

— Мы, вероятно, не поняли друг друга так, как предполагали, — заметил Райднур.

— Может быть. Ну а теперь оставим посуду немытой и ляжем спать. — Ее тон был не столько холоден, сколько осторожен.

На следующий день она была вежлива, но старалась держаться в стороне, и, после того как они снова присоединились к армии, у нее состоялся долгий разговор с Карлсармом.

Озеро Мун Гарнет, более пятидесяти километров в поперечнике, лежало в центре Апвуда и было окружено с трех сторон лесом, а с четвертой — высокими заснеженными горами. В сезон в нем и вокруг него кипела жизнь. В глубине мелькали серебристые косяки рыб; то и дело раздавалось рычание буллгигатора, и в воздух из зарослей тростника взмывали тысячи белоснежных какаду; среди деревьев носились дикие звери. Все лето в озере размножались микропитоны, и вода краснела от несметного количества гибких тел. И чем больше их становилось, тем быстрее росла пищевая цепочка, начальным звеном которой они были. Пока же время для такой активности еще не наступило. Сейчас лишь тускло-голубые волны плескались у подножия высоких утесов.

— Я понимаю, почему вы так бурно реагируете на попытки заложить здесь город, — сказал Райднур Карлсарму. Они стояли на берегу, глядя на отряд, резвившийся в озере. Их неистовые крики и гибкие коричневые тела вовсе не казались здесь неуместными; стаи носившихся в воздухе птиц производили гораздо больше шума. Терранин вздохнул. — С эстетической точки зрения это вызывает сожаление. А кто владеет этим регионом?

— Никто, — ответил Карлсарм. — И так во всей стране. Любой может обитать здесь. Число жителей, которые так поступают, не слишком велико, чтобы из-за этого затевались споры. Аналогичное положение дел имеет место повсюду. Это естественный способ периодического ведения нашего хозяйства. — Он искоса глянул на Райднура и добавил: — Или вот армию можно здесь разместить.

— Значит, вы не разбегаетесь?

— Конечно, нет. Домкирк был только началом. Мы не остановимся до тех пор, пока не установим контроль над всей планетой.

— Вы мечтатель! Домкирк находился в самом уязвимом месте. Некоторые города находятся на других континентах...

— Где также живут свободные люди. Мы сотрудничаем.

— И что вы теперь станете делать?

Карлсарм улыбнулся:

— Вы на самом деле думаете, что я расскажу вам об этом?

Райднур рассмеялся, но глаза его оставались беспокойными.

— Я не собираюсь выведывать у вас военные секреты. Ну хорошо: что вы собираетесь предпринять в целом?

— Вести войну до полного исчерпания, — ответил Карлсарм. — Иная перспектива нас не устраивает. Очень печально, когда одни живые существа нападают на других. Но мы должны это делать, должны. У нас более крупная территория, больше ресурсов, поддающихся учету, больше решимости. Наши враги не смогут нас победить. Мы сотрем их в порошок.

— Вы вполне уверены в этом? Предположим, вы спровоцируете их — или флот Империи — на принятие действенных мер. Предположим, на это озеро будет сброшена атомная бомба.

Карлсарм задохнулся от гнева, но быстро овладел собой и ответил спокойно:

— У нас есть чем защититься. И отомстить. Но мы не воспользуемся этими средствами до тех пор, пока того не потребует ситуация, которая, я полагаю, может стать тяжелой и для вас. Передайте это тем, кто вас послал, когда вернетесь домой!

— Передам. Но не знаю, убедит ли это их. Вы понятия не имеете о мощи, которой обладает один космический корабль даже небольшого класса. Я прошу вас: попытайтесь договориться, пока еще не слишком поздно.

— Вы хотите убедить тысячи лидеров, таких, как я, и все общество в целом, которое выбрало нас? Желаю вам удачи, Джон Райднур. — Карлсарм пристально посмотрел на собеседника. — Я лучше займусь своими делами. До нашего лагеря осталось всего лишь несколько километров.

Его резкость была вызвана сомнением в своей способности скрывать чувства дальше. То, что он, имеющий весьма небольшой опыт общения с представителями Империи, почувствовал при этом разговоре, укрепило интуитивные подозрения, которые высказывала Эвагайл. Райднур был более умен, чем это допускалось у терран.

Было неразумным попытаться узнать правду от него с помощью наркотиков. Он мог обладать иммунитетом или защитными свойствами. Или могло оказаться, что его секретные сведения ничего особенного собой не представляют. В любом случае потенциально ценный представитель терран из-за пустяка мог превратиться в злейшего врага.

Афродита? Такая и ледяную воду в его венах вскипятить может. Но, поскольку обладатели Мастерства встречаются редко, на немногих можно положиться в тех случаях, когда речь идет о разведывательной миссии.

Может оказаться, что это существо не сработает так, как надо. Но шансы довольно велики, и, возможно, оно добьется успеха. Немного найдется мужчин, которые заинтересуются чем бы то ни было, кроме девушки — женщины — старухи, — какого бы возраста та ни была и как бы ни выглядела, если та обратит на него свои феромоны. Она может попросить мужчину побывать вместе с ней. Однако Райднур относился к тем редким ненормальным представителям мужского пола, которые настолько погружены в себя, что любовь для них не имеет значения, ибо они верны своему долгу. Даже если такое испытание и состоится, он все равно не допустит распространения сведений о существовании и мощи какого бы то

ни было оружия. В этом случае его придется убить — что отвратительно, или содержать под стражей — что неприятно.

Отдавая приказы армии, которая приближалась к месту назначения, Карлсарм напряженно размышлял. Райднуру, вероятно, невдомек, что он находится в положении подозреваемого. Скорее всего он приписывает отсутствие Эвагайл ее оскорбленному женскому самолюбию. («И в нёкоторой степени, несомненно, это так», — усмехался про себя Карлсарм.) А грубость Карлсарма — его озабоченности. Райднур свободно общался с военными, как мужчинами, так и женщинами, а в их верности сомнений не было: они ничего ему не скажут, и чужак должен понимать это.

Трудно представить, что ему вздумается предпринять. Он, безусловно, не замышлял проникнуть на самолет или на радиостанцию большого радиуса действия. Без сомнения, в своем отчете он упомянет о том, что слышал или видел и что могло бы иметь какое-либо военное значение. Но он не мог сообщить ничего, что могло бы кардинальным образом изменить ситуацию. Еще до того как его проводят в земледельческий район, армия могла оставить Мун Гарнет снова и не возвращаться, поскольку озеро было слишком ценным, чтобы использовать его в качестве постоянной базы. И все это было подробно разъяснено Райднуру с самого начала.

Тогда почему бы не дать ему возможность свободно видеть и слышать все, что он хочет? Карлсарм некоторое время взвешивал возможные риски и выгоду и наконец принял решение.

Лагерь был велик. В Домкирк была послана только небольшая часть апвудских воинов. Тысячи остались здесь и занимались тренировкой. Они приветствовали своих товарищей радостными возгласами. Этой ночью были разожжены большие костры, и до самого утра в лесу пели, танцевали и чокались кубками.

Вечером, на заходе солнца, Карлсарм и Эвагайл стояли на вершине отвесной скалы и смотрели на озеро и деревья, растущие к северу от лагеря. За ними находилась пещера, из которой выглядела арулианская пушка. Неподалеку было размещено несколько других тяжелых орудий, и разбитый старый военный корабль патрулировал лагерь с воздуха. Там и сям в поле зрения попадали люди с луком или алебардой на плече и снова исчезали в чаще. Слышались голоса, приглушенные листвой, и из-за деревьев к небу подымались струйки дыма. Однако людей, по-видимому, было немного, да и те совсем затерялись на этой огромной территории. С уходом врагов на сотни километров пушки и военные посты оказались брошенными, в лесу прятались лишь крошечные группки людей, которых деревья укрывали от наблюдения с воздуха.

Вечерами были слышны лишь отдаленные крики птиц да видны золотистые блики.

— Хотел бы я знать, что наш терранин думает об этом, — сказал Карлсарм. — Мы, должно быть, кажемся ему слишком беспечными.

— Он не дурак. И вовсе не недооценивает нас во многом. А может, и во всем. — Эвагайл поежилась, хотя было довольно тепло, уцепилась за руку Карлсарма и тихо сказала: — Неужели он прав? Неужели мы в самом деле обречены?

— Не знаю, — ответил Карлсарм.

Она вздрогнула и широко открыла карие глаза:

— Любимый! Ты всегда...

— Я могу быть с тобой откровенным, — сказал он. — Райднур обвинил меня сегодня в том, что я не понимаю, какая мощь сосредоточена в одной боевой единице имперцев. Но он ошибся. Я видел эту боевую единицу и прекрасно все понимаю. Мы не можем противостоять им. Если они решат, что Города должны распространить свою власть дальше, мы развязем партизанскую войну, но в конце концов они нас одолеют. Наша цель, заключающаяся в том, чтобы поладить с ними, бессмысленна, — самый простой способ действий с их стороны состоит в нарушении статус-кво между нами и Городами. — Он засмеялся. — Согласятся они сохранять существующее положение или нет, это мы увидим. Но попробовать стоит, не так ли?

— Стоит ли?

— Иначе мы прекратим существовать как свободный народ.

Эвагайл положила голову на плеча Карлсарма.

— Давай не будем проводить ночь в этой дыре, — предложила она. — Я не хочу ночевать рядом с этими огромными безобразными пушками. Давай повесим наши гамаки в лесу.

— Мне очень жаль, но я должен остаться здесь.

— Почему?

— Здесь Ноач сможет найти меня, если его животные что-нибудь сообщат.

Карлсарм проснулся оттого, что кто-то теребил его за руку. Он сел. Во мраке, царившем в пещере, лишь слабо поблескивал ствол пушки; однако в проеме входа четко обозначился черно-голубой звездный круг неба. В темноте угадывался силуэт Ноача, сидевшего на корточках.

— Он бодрствовал всю ночь, — прошептал «животновод». — А теперь прокрался к одной из пушек и дурачится.

Карлсарм услышал, как рядом вздохнула Эвагайл. Он надел ремни и широкий пояс для колчана, взял арбалет и осторожно двинулся к выходу.

— Сейчас поглядим, что там такое, — сказал он. Его переполняла мрачная ярость. — Пошли.

И хотя они выскользнули из пещеры в полном молчании, Карлсарм ощущал присутствие женщины за спиной.

Селена исчезла; уже чувствовался близкий восход солнца, однако мир все еще лежал в объятиях ночи, небо было усыпано звездами, а озеро блестело во мраке, словно зеркало. Где-то далеко, в глубине леса, слышалось завывание какого-то зверя. Было холодно. Карлсарм взглянул на небо. Среди созвездий по темному небу ползла та самая звездочка, которая часто и настойчиво вторгалась в его сознание. «Судя по ее угловой скорости, орбита, по которой перемещается эта штука, довольно внушительна, — подумал он. — Значит, она имеет порядочные размеры. Если имперцы соорудили нечто вроде космической станции, то шпионы “свободных людей” в Городах сообщают об этом. Скорей всего эта штука все-таки космический корабль, да огромный. Наверное, легкий крейсер “Изида” — самая крупная боевая единица, которую терране могли позволить себе держать в этой системе. (Вполне достаточно для их целей. Более тяжелый корабль не смог бы приземлиться, если бы возникла такая необходимость. Этот же мог спрятаться с любым числом космических кораблей, менее крупных, чем он сам. Если Арули послала бы что-либо более внушительное и мощное, то вездесущие разведывательные корабли засекли бы этот объект и с базы флота, еще до прибытия врага, успели бы прибыть подкрепления. А это достаточно надежное основание для надежды, что Арули не вмешается в гражданский конфликт, хотя и осуждает несправедливый выпад в отношении родственного народа, ведущего справедливую борьбу.)».

Было ли совпадением то, что Империя прислала звездолет вскоре после того, как Райднур присоединился к повстанцам? «Сегодня ночью мы это выясним», — пообещал себе Карлсарм.

Длинный и тонкий силуэт ствола пушки, стоящей на голом гребне, четко вырисовывался на фоне Млечного Пути. Ее расчет, залегший под деревом, вглядывался в темноту. Одно из животных Ноаха могло бы пройти незамеченным в редком кустарнике, но не человек. Однако животные, увы, не могли бы описать того, что происходит у пульта управления аппаратом.

— А может, он...

Карлсарм прервал шепот Эвагайл резким шиканьем. Пушка медленно двигалась, описывая дугу, и слышалось жужжание ее двигателя. Но что находилось внутри? И почему она не стреляла?

— Уж не собирается ли он обстреливать лагерь? — пробормотал Карлсарм. — Но это смешно. Он не успеет уйти на расстояние двух выстрелов, как будет мертв. Тогда что же он намеревается делать?

— Мне поспешить? — спросила Эвагайл.

— Пожалуй, — ответил Карлсарм. — И будем надеяться, что он еще не успел навредить нам.

Ему пришлось выдержать одну-две минуты страшного напряжения, пока она приводила в действие свое магическое Мастерство — и не частично, как в повседневной жизни, а полностью. Он слышал ее размежеванный вдох, ощущал ритмичные сокращения мускулов, чувствовал резкий запах адреналина. Затем она взорвалась.

Мелькнувшей кометой она пересекла открытую площадку. Райднур был атакован ею прежде, чем успел среагировать на нападение. Он издал резкий вопль и бросился бежать. Она догнала его двумя гигантскими прыжками. Ее руки сомкнулись в железном объятии. Он сопротивлялся, а ведь он не был слабаком. Но она мертввой хваткой вцепилась в него, приподняла и потащила, как тряпичную куклу. Ее лицо белой маской светилось в лучах звезд.

— Тихо! — приказала она голосом, который ей не принадлежал. — Иначе я прикончу тебя.

— Не надо, Эвагайл, пожалуйста. — Ноач осторожно прикоснулся к ее железной руке. — А вы поосторожнее, — сказал он Райднуре, чье лицо было искажено ужасом. — Она опасна в таком состоянии. Знаете, это у нее что-то вроде истерической ярости — абсолютная мобилизация всех ресурсов ее мощного организма, но при этом она еще и сознательно контролирует себя. И все-таки с ней в такие минуты лучше не шутить. Представьте себе, что она — разъяренный зверь.

— Сумасшедшая, — продребезжало в глотке Райднура. — Бешеная. — Он содрогнулся.

— Этого я не говорил, — сказал Ноач. — Но повторяю: ее магическое Мастерство состоит в умении сознательно приходить в состояние истерии. Вот сейчас она могла бы голыми руками раздавить вам череп. И она сделала бы это, если бы вы ее спровоцировали.

Добравшись до орудия, Эвагайл с силой шмякнула терранина о землю и, ухватив за загривок указательным и большим пальцами, рывком поставила на ноги. Он был выше ее ростом, но казалось, что это она возвышается над ним, над всеми тремя мужчинами. Казалось, что свет звезд потрескивает в ее вьющихся волосах. Глаза ее ярко горели и казались невидящими.

Ноач наклонился к Райднуре, прочел ужас в его взгляде и мягко сказал:

— Пожалуйста, расскажите нам, что вы делали.

Райднур встряхнулся и завопил:

— Ничего! Я не мог спать и п-пришел сюда, чтобы просто убить время...

Осмотрев орудие, Карлсарм повернулся к ним:

— С помощью этой штуки вы отслеживали тот корабль на орбите.

— Да. Я... это глупо... простите... это только ради забавы.

— Вы заблокировали пусковую схему, — сказал Карлсарм. Из ствола вырывалась энергия. Но не было ни вспышки, ни света, ни запаха озона. Он взмахнул рукой. — Я отключил это. Я заметил, что вы открыли камеру и заменили главный модулятор вот этим маленьким приспособлением. Эвагайл, перед тем как напасть на него, ты слышала, говорил ли он что-либо?

Ее странный бесстрастный голос произнес:

— «Вся мощь их армии на этом континенте сконцентрирована здесь, и они планируют сохранить ее еще по крайней мере несколько дней. Не думаю, что есть надобность в каком-нибудь мультимегатонном аппарате. Он уничтожил бы их, но они — поданные его величества и в потенциале могут представлять ценность. Кроме того, это нанесло бы территории Империи большой экологический ущерб, и в окрестностях Города выпали бы радиоактивные осадки. Не говоря уже о том, какое воздействие это оказalo бы на вашего покорного слугу — то есть на меня. А вот какой-нибудь корабль мог бы спокойно и безопасно приземлиться. Я предлагаю, чтобы это была "Изида", нагруженная морской пехотой, самолетами и вспомогательным оборудованием. Если он опустится внезапно, партизаны не смогут далеко убежать. С помощью пестицидов, ультразвука, газовой атаки, ошеломляющего лучевого удара и всего прочего вы наверняка сможете захватить большинство из них в течение одной-двух недель. Повторяю, по возможности захватить в плен, а не убивать. Я объясню это вам потом, после того как вы совершите посадку. Сейчас я получше опишу вам местность. Мы находимся на северо-восточной окраине озера Мун Гарнет...» В этот момент я прервала его, — закончила Эвагайл. Самое жуткое было в том, что она сказала эти слова вполне серьезно, без тени юмора.

— Ее Мастерство обостряет ощущения, а также увеличивает емкость памяти, — отрешенно и механически сообщил Ноач.

— Ладно, — вздохнул Карлсарм. — Не будем устраивать Райднурю допрос. Он переделал эту пушку во что-то вроде мазера и призывал врагов спуститься на планету.

— Они могут не ответить, если слышали, как его отключили от связи, — сказал Ноач со слабой надеждой.

— Большого шума не было, — ответил Карлсарм. — Они, наверное, подумали, что он все-таки заметил чье-то присутствие и ему пришлось срочно прерваться. В случае чего они прилетят, и

мы едва ли успеем рассеять вещества, которые наведут на ложный след их металлоискатели.

— Нам лучше сматываться, — сказал Ноач. Его обросшее щетинистой бородой лицо посувровело.

— А может, и нет. — Карлсарм почувствовал нарастающее возбуждение. — Мне нужно по крайней мере час или два на размышление и на разговор с вами, Райднур.

Терранин выпрямился.

— Я не предавал вас, правда, — сказал он звенящим голосом. — Я только оставался верным своему императору.

— Но вам придется рассказать нам кое-что, — сказал Карлсарм. — Например, как, по-вашему, должны будут действовать те, кто собирается совершить посадку. Это же не секрет, правда? Расскажите нам, какие последние известия вы слышали, какие книги прочли, к каким пришли выводам.

— Нет!

Привлеченные шумом, на холм взбирались люди — худые, затянутые в кожу, с оружием на изготовку. Но Карлсарм не обращал на них внимания.

— Эвагайл! — сказал он.

Ее холодные, холодные пальцы сомкнулись на горле Райднура. Он пронзительно закричал.

— Полегче, — приказал Карлсарм. — А теперь... полегче, женщина!.. вы не передумали? Или ей открутить по одному ваши уши и другие части тела? Я не хочу, чтобы вам делали больно, но на карту поставлена моя цивилизация, и у меня мало времени.

Райднур сдался. Карлсарм не презирал его за это. Действительно, немногие могли бросить вызов Эвагайл, когда она находилась в таком состоянии, как сейчас, — для этого нужно было привыкнуть к общению с Хозяйками войны.

Позднее Карлсарму и самому потребовалось немалое мужество, чтобы обнять ее, коснуться губами ее щеки и нежно прошептать: «Вернись к нам, моя прелесть». Медленно, очень медленно умиротворенность, теплота и румянец, подсвечиваемый холодными красками утренней зари, снова вернулись на ее лицо, потом она опустилась перед Карлсармом на колени и разрыдалась.

Он поднял ее и повел к пещере.

* * *

Поначалу корабль казался пятном, утонувшим в сиянии солнца. Затем превратился в облачко — не больше человеческой руки. Однако быстро, очень быстро он вырастал в размерах. Через какие-то минуты его тень упала на землю. Людям внизу он казался

башней, опускавшейся на них, — башней высотой в сотни метров, бока которой сверкали ослепительным металлическим блеском. Через светофильтры можно было различить ниши для членков, орудийные башни и тела ракет, которыми ощетинился корабль. Он не был защищен тяжелой броней — за исключением нескольких особо важных участков, — поскольку обладал ядерной энергией и ничто не смогло бы защитить его в случае прямого попадания. Но датчики и исполнительные механизмы бортовой системы управления огнем могли перехватить практически все, чем мог выстрелить менее крупный и мощный аппарат. А сила залпа всех бортовых орудий была такова, что испепелила бы целый континент.

Двигатели, приводившие эту гигантскую массу в движение, работали бесшумно. Там, где их контргравитационные поля касались планеты, деревья ломались, вспыхивая с легкостью спичек, а озеро вскипало белой пеной. Пришествие корабля было грациозным, как движения танцора. Однако он перемещался настолько быстро, что расслаивающийся воздух ревел позади него, слившись в один непрерывный громовой раскат между стратосферой и поверхностью планеты. От горы к горе металось многократно усиленное эхо; с высоких вершин начали сходить лавины, взметая в небо каскады льда; поднявшийся ветер был пропитан запахом гари.

Корабль его величества «Изида», украшенный боевой символикой, возвышался над местностью, как солнечный меч карающей Империи.

От корабля уже отделились летательные аппараты, которые с гудением носились над озером яркими быстрыми роями, зондируя приборами пространство и исторгая время от времени заряды молний. «Сдавайтесь, сдавайтесь!» — возглашали усилители, превращавшие человеческие голоса в громовые раскаты.

В отсеке узла связи, затерявшемся в громадном лабиринте помещений крейсера, в своем командирском кресле сидел капитан Чанг. На экранах, мерцающих перед ним, теснился пестрый калейдоскоп донесений, докладов, информационных сообщений. Позади капитана на своих рабочих местах сидели десятка два офицеров-специалистов. Здесь царил приглушенный гул, создаваемый обрывками разговоров, непрерывным постукиванием нажимаемых сигнальных кнопок и щелканьем переключателей. Время от времени какая-то информация передавалась самому Чангу. Он выслушивал, принимал решение и снова переключался на экраны. Тембр его голоса и выражение лица оставались неизменными. Лейтенант-командир Хуньяди — офицер-оператор — набирал на клавиатуре пульта связи, установленного перед ним, команды и

передавал их адресату. Этот узел управления мог бы сойти за какой-нибудь терранский инженерный центр, если бы не форма, в которую были одеты сидящие, и не царившая здесь атмосфера напряженной сосредоточенности.

Неожиданно Чанг нахмурился:

— Что это, гражданин Хуньяди? — Он показал на экран, где среди зеленых лесов и мрачноватых скал блестела водная поверхность. Изображение на экране было расплывчатым.

— Думаю, поднимается туман, сэр. — Хуньяди уже отступал запрос офицеру метеослужбы, сидящему в своем удаленном убежище.

— Без сомнения, гражданин Хуньяди, — сказал Чанг. — Я не верю, что он был предсказан заранее. И не думаю, что столь быстрая конденсация тумана имеет прецедент — даже на этой планете, полной аномалий.

Послыпался голос офицера метеослужбы. Действительно, вся площадь цели покрывается туманом с невиданной скоростью. Нет, это не прогнозировалось и, откровенно говоря, было непонятно. Возможно, на такой высоте при данном градиенте давления высокая синергетическая инсоляция и коллоидальный эффект оказывают на воду контргравитационное воздействие. Следует ли ввести в компьютер соответствующий запрос?

— Нет, не заставляйте оборудование заниматься решением чисто академических проблем, — сказал Чанг. — Сильно ли это будет нас беспокоить?

— Не очень, сэр. Фактически, как показывают донесения авиаразведки, на высоте примерно пятисот метров образуется некоторый слой облачности; на уровне земли должно быть достаточно ясно. Кроме того, у нас имеются приборы, позволяющие видеть сквозь туман.

— О последнем факте мне известно, гражданин Назаревски. Меня беспокоит то, что облачность закроет нас, не давая возможности вести за нами визуальное наблюдение со спутниковой дистанции. Вспомните, что дежурные корабли должны присматривать за нами. — Побарабанив пальцами по подлокотнику кресла, Чанг продолжил: — Ну да ладно. Я надеюсь, что связь все же будет надежной. И прежде чем бандиты успеют рассредоточиться на половине этой деревни, нам необходимо использовать фактор внезапности. Продолжайте, джентльмены.

— Есть, сэр. — Пальцы Хуньяди вновь запорхали над клавиатурой.

Спустя какое-то время Чанг встрепенулся:

— Не появились ли какие-либо признаки, свидетельствующие о желании противника сдаться?

— Нет, сэр, — ответил офицер-оператор. — Но они, кажется, и не собираются сопротивляться. Я не имею в виду то, что они не стреляли в нас. Металлоискатели, за которыми мы тщательно следим, ничего не показывают. Местность выглядит пустынной. Все топографические данные и показания ультразвуковой зондирующей аппаратуры свидетельствуют о том, что она безопасна и не начинена минами-ловушками.

— Жаль, что Райднур не успел передать побольше, — посетовал Чанг. — Ну что ж, бандиты, похоже, просто бегут в панике. Интересно, остановились ли они, чтобы перерезать ему глотку.

Хуньяди понял, что ответа от него не требовалось.

Корабль проходил через толщу только что образовавшихся облаков. Через смотровые иллюминаторы невооруженным глазом можно было видеть клубящуюся, серую бесформенную массу. Инфракрасные, ультрафиолетовые и микроволновые датчики показывали, что проплывающая внизу картина была вполне мирной. Правда, в данном районе было зафиксировано неправдоподобно большое количество крошечных летающих объектов. Нет сомнения, что это были насекомые, возможно, потревоженные кораблем. Но о них не успели даже как следует подумать, как «Изиде» прорвалась сквозь облака. Теперь поверхность планеты была совсем рядом: крутой склон на краю леса, спускающийся к озеру, поблизости от военных баз противника, которые Чанг выбрал боевой целью. Этот вид с воздуха был бы красивым, если бы небо не нависало так низко и мрачно, а клочья тумана не блуждали бы в таком количестве среди деревьев. Однако все на борту «Изиды» — от капитана корабля в командирском кресле до солдат морской пехоты, выстроившихся перед люками для десантирования — были сейчас слишком заняты, чтобы любоваться этой картиной.

Летательные аппараты, уже совершившие ранее посадку для окончательной проверки местности, разлетелись в стороны, как осенние листья. Крейсер висел в воздухе, пока они не исчезли совсем, выпустив посадочные стойки, массивные, как основания собора. Затем медленно опустился на них. На какие-то мгновения рев двигателей усилился и гулко разнесся по металлическим коридорам корабля. Снова полетели слова команд, спокойные, но напряженные: «...устойчивость достигнута... воздушное прикрытие полное... ракетные расчеты готовы... локаторами ничего не обнаружено... готовность... готовность... готовность...»

— Переходите к фазе два, — приказал Чанг.

«Слушайте», — пропел Хуньяди в микрофон внутреннего устройства оповещения всех постов. Двигатели, заворчав, смолкли. Десантные люки открылись.

Безжалостно-грозные в своих шлемах, бронелетательном снаряжении, сжимая оружие, ринулись на высадку роты морских пехотинцев. Вначале они захватят арсеналы партизан, а затем пустятся по следу людей.

В командном пункте корабля все еще было оживленно. Данные продолжали поступать, команды продолжали отдаваться; однако вместо громких голосов и жужжания аппаратуры слышалось теперь какое-то бормотание, таинственно-жуткое, как облака тумана, выплывающие из тени деревьев и расползающиеся по склонам холмов, покрытых валунами. Хуньяди бросил взгляд на экраны и сделал гримасу.

— Сэр, — сказал он беспокойно, — если противник действительно так искусен в перемещении по лесным массивам, как об этом говорят, то кто-то мог бы подойти к нам на достаточно близкое расстояние, чтобы выпустить в нас небольшую ядерную ракету.

— На этот счет можете быть спокойны, гражданин Хуньяди, — ответил Чанг. — Ни один снаряд, выпущенный из портативной пусковой установки, которую в состоянии нести один-два человека, не смог бы достигнуть нас прежде, чем мы не засекли и не перехватили бы его. Луч типа лазера мог бы подпалить одну-две листовые обшивки корпуса. Но верхняя и нижняя огневые установки мгновенно произвели бы триангуляцию по этому источнику. — Его тон был снисходительным: как и большинство офицеров флота, служивших на первоклассных кораблях, Хуньяди был совершенным новичком в наземных операциях. — Откровенно говоря, я мог бы надеяться на какую-то видимость сопротивления. Или нас ожидает длинная и утомительная канитель в воздухе.

Хуньяди поморщился:

— Охотиться на людей, как на животных... Не люблю я этого.

— Я тоже, — произнес Чанг и снова стал официально-жестким. — Но у нас есть приказ.

— Да, сэр.

— Перечитайте историю, гражданин Хуньяди. Перечитайте историю. Ни одна империя, допустившая мятеж, после его исхода никогда не держалась долго. И мы — стена между человечеством и Мерсейей...

Послышался вопль.

И внезапно война перестала быть какими-то отвлеченными проблемами снабжения тыла и планирования ресурсов, поиска и обнаружения целей, или теорией военных игр. Она ворвась в корабль болью в одной руке и кровью на другой; ее шаги отдавались громовым раскатом.

«Пчелы! Миллионы существ, подобных пчелам, вылетели из леса! О Господи, они уже на борту! Парни сгибаются пополам. Боли от одного укуса достаточно, чтобы обезуметь. Йий-ааахххх!!!»

«Закрыть все люки! Задраить все отсеки! Руки — в космические скафанძры!»

«Полковник флота Дешамп — Главному командованию. Высаживающиеся подразделения морской пехоты сообщают о небольших группах невооруженных женщин. По некоторым признакам, они горят желанием сдаться. Прошу указаний».

«Конечно, берите их в плен. Окружите их. Тогда под их прикрытием вас, возможно, не атакуют. Но если какое-нибудь подразделение заметит густой рой летящих насекомых, пехотинцы должны загерметизироваться в броню и сразу же выпустить смертельный газ».

«Четвертая вахта с мостика! Мы не можем задраить люк! Какое-то огромное животное, похожее на кошмарного крокодила, ворвалось к нам из леса и заблокировало все клапаны своим телом...»

«Экипажам энергетических установок: обстрелять близлежащий лес. Всем летательным аппаратам: вернуться для бомбейки и обстрела этого района».

Атомные боеголовки и боевые отравляющие вещества нельзя было использовать, так как при данных обстоятельствах корабль мог попасть под взрывную волну, вызванную собственным зарядом, либо газы могли просочиться внутрь через три воздушных люка, распахнутых монстрами, которых уже убили. Однако некоторые стрелки все же успели подготовить огневые установки еще до нашествия пчел. Их орудия метали молнию за молнией, деревья разлетались в щепы, горели и падали, скалы плавились... и туман заливал все, словно океан. А приборы и оптические средства, которые должны были «пронзить» его, отказали! Теперь экипажи вели огонь наугад, стреляя по ужасному мокрому дыму, закрывшему все, и зная, что им все равно не одолеть всей обступившей их враждебной массы.

«Радио мертвое. Радары мертвые. Электромагнитные индикаторы мертвые. Цели на локаторах закрыты, задымлены помехами. Кажется, помехи исходят от... отовсюду. Различные насекомые... Их тучи! Из всей бортовой аппаратуры осталась в строю только ультразвуковая, но она выдает недостаточную информацию. Мы глухи, немы и слепы!»

Летательные аппараты корабля начали падать один за другим. Их приборы также вышли из строя, поскольку не были готовы к столкновениям с целыми стаями птиц.

«Полковник флота Дешамп докладывает... это катастрофа. Не знаю, в чем дело, только эти женщины... они набросились на наших солдат и...»

Уцелевшие десантники очумело спасались, летя сквозь туман. Птицы находили их и наводили на них снайперов, засевших в кронах деревьев. Опустившись на землю, солдаты принимались искать прикрытия, но из кустов начинали сыпаться стрелы либо на них набрасывались какие-то адские псы.

«Готовность номер один — к взлету!»

«Вахта номер четыре докладывает: они прорвались под нашим огнем сквозь туман... они вламываются в корабль целыми полчищами... это дикари и животные. Прощай, Мария, прощай, Вселенная...»

Большинству пилотов летательных аппаратов удалось вырваться на свободу. Машины поднялись над облаками и устремились прочь от озера. Однако они не были оснащены соответствующим образом, чтобы ускользнуть от огня лучевого оружия, который велся по ним с земли и которому не мешали электронные помехи, подобные тем, которые сгубили их. Предполагалось, что площадки, с которых велся огонь, будут заняты морскими пехотинцами. Однако морские пехотинцы лежали мертвые, или были покалечены, или спасались бегством, или попали в плен. Женщины звали своих мужчин обратно к орудиям. Дневное небо вдруг расцветилось выступившими звездами.

«Говорит Вольф, командир группы "свободных людей", которой поручен корабль его величества "Изида". Один из пленных сообщил мне, что через эту штуку можно связаться с мостиком. Лучше сдавайтесь, капитан. Мы находимся внутри корабля и удерживаем двигательный отсек. Мы можем запросто захватить весь ваш корабль или подложить в него ядерную бомбу. Ваши вспомогательные силы быстро уничтожаются. Надеюсь, вы будете благоразумны и сдадитесь. Мы не хотим наносить вам вред. Это поражение, сэр, вас не дискредитирует. Вас подвела ваша разведывательная служба. Вы встретились с оружием, о котором не подозревали, — уникальным образом приспособленным к весьма специфическим условиям. Прикажите вашим людям сложить оружие. Если вы согласны, мы снимем дымовую завесу, не поднимая ее к небу, а опустив на уровень поверхности, — в общем, так, чтобы вы могли оповестить их о необходимости сдаться. Давайте прекратим кровопролитие и начнем переговоры».

Чанг почувствовал, что у него нет выбора.

Вскоре после этого он и его главные офицеры уже стояли на поверхности планеты. Люди, охранявшие их, были одеты и вооружены как дикари, однако разговаривали вежливо.

— Я хотел бы, джентльмены, чтобы вы видели в нас друзей, — сказал один из них по имени Карлсарм. Со стороны леса к захваченной летающей крепости двигались женщины. Они оказались гораздо красивее, чем это можно было себе вообразить.

* * *

Райднур взошел на борт корабля одним из последних. Их, правда, было немного — в основном избранные кадровые имперские офицеры, поскольку афродиты не смогли за короткое время, отведенное им, взять в плен больше людей, сами ведьмы, а также все военнослужащие, обладающие навыками, пусть даже чуточку пригодными на военном космическом корабле. Но, вероятно, критерием дерзости Карлсарма явилось его привлечение к военным обязанностям известного шпиона.

Чья лояльность не была поколеблена.

Стоя на холоде, Райднур содрогнулся. Космический крейсер представлялся ему каким-то тусклым, его верхняя часть вообще не была видна. Вода капала с тысяч невидимых деревьев и впитывалась в почву; мириады насекомых, которые вызвали этот климат, непрерывно порхали над озером. Их было столько, что взмахи крошечных крыльев поднимали ветер. Где-то раздавалось завывание дикого зверя; резко и пронзительно кричали птицы. Но эта «глубинка» не была дикой независимой природой. Подобно некоему гигантскому прирученному животному, все здесь работало на человека, и, в свою очередь, что-то от этой природы запало в человеческое сердце.

Терранин поднялся по трапу на корабль. Его форма все еще оставалась безукоризненно голубой, расцвеченнной знаками различия и лишь немножко выгорела на солнце. Движения его были по-военному точны. Он не мог отвести взгляд от загорелой женщины, шагавшей рядом с ним, которая была одета в короткую кожаную юбку, — несмотря на то что была, вероятно, лет на двадцать старше его.

— Да будет милосердие Господне, — прошептал Райднур.

Эвагайл, которая появилась несколько минут назад, посмотрела на него серьезным взглядом:

— Разве с ними так ужасно обращаются? — спросила она.

— Как эти люди будут чувствовать себя, когда попадут домой? Они станут стыдиться самих себя и возненавидят себя за слабость... — Райднур замолчал.

— Их освободят... против воли — я уверена в этом. Они будут умолять нас позволить им остаться. Тебе следует обратить внимание, что их высшие чины понимают, что они не могли ничего сделать. Ну а потом... у вас ведь есть восстановительные методы, не так ли? Хотя я думаю, что большинство пораженных выздоровеют

естественным образом. Они пройдут лишь краткий курс лечения.

— А... женщины?

— А что женщины? Они не хотят связываться с горожанами. Это их воинский долг. Кроме этого, у них есть свои, частные дела.

— Их Мастерство. — Райднур отодвинулся от Эвагайл.

Ее улыбка была на удивление застенчивой.

— Джон, — сказала она, — мы не звери. Мы «свободные люди». Афродита не применяет свое Мастерство в нечестных, корыстных целях. Оно используется в целях терапевтических. Я не люблю применять свою мощь против собратьев-людей. Я хочу только, чтобы она использовалась для их же блага.

Райднур нашупал в кармане табак, который выпросил у какого-то терранина, и начал набивать трубку. Надо хоть как-то утешиться.

Плечи Эвагайл обмякли.

— Ну, — сказала она усталым голосом, — думаю, что теперь нам лучше взойти на корабль.

— Ты тоже пойдешь? — спросил Райднур. — Зачем? Охранять меня?

— Нет. Возможно, нам понадобится моя быстрая реакция. Хотя Карлсарм все же надеялся, что я уговорю тебя. Пойдем, пожалуйста.

Она повела его к мостику. Терранские офицеры уже заняли свои места среди сверкающих машин и блестящих циферблотов. Хуньяди сидел в командирском кресле. Позади него стоял Карлсарм, окруженный соплеменниками, мрачный вид которых красноречиво свидетельствовал о цели их пребывания здесь.

— Готовность к взлету. — Хуньяди приходилось самому отдавать команды. — Задраить люки. Все детекторные станции — на связь.

Эвагайл наклонилась к Карлсарму. Райднур не мог отделаться от мысли, что ее рыжеватые волосы, как и красивые изгибы бронзового тела, все же более ассоциируются с нашествием космоса, сотканныго из металла и пластмассы, чем присутствующие здесь мужчины. В стерильном воздухе корабля стоял слабый аромат женщины, который она источала.

— Как у нас с противником? — спросила она.

— Прекрасно, насколько мы можем судить, — ответил Карлсарм. — Ты не следила за событиями, начиная с последнего боя?

— Нет. Я была слишком занята с пленными. Медицинская помощь раненым, сооружение убежища. Они выглядели такими жалкими в этом тумане.

— Я не могу сказать, что доволен происходящим. И буду рад, когда все это закончится... Ну что ж. Мы не пробовали применить

афродиту к старому Чангу. Вместо этого мы заставили его связаться с шефом терран, адмиралом Крузом, и доложить ему о пленении корабля. И поскольку он понятия не имел, что мы сможем поднять корабль, то и не выдал этого факта. Предположительно мы будем удерживать корабль и его команду как козырь для переговоров с противником. В стратосфере над нами полно летательных аппаратов, но они ничего не предпримут против нас, пока думают, что мы удерживаем заложников. Лишь один космический корабль пока что приблизился к нам, можно сказать, на расстояние прямого выстрела.

— Ты уверен?

— Уверен настолько, насколько это возможно на войне, какое бы значение ни вкладывалось в это понятие. Мы, конечно, передали афродите их главного офицера связи. Он перехватил и расшифровал приказы Круза главным силам флота занять исходные позиции в открытом космосе. По логике, именно такой команды и следовало ожидать от Круза, после того как было передано оповещение об эвакуации.

— Эвакуации?

— Дорогая, ведь не думала же ты, что я обращу в пар Города и их жителей? Как только я понял, что представился шанс захватить корабль, я связался с Большим советом — по радио, потому что времени было так мало, что уже не имело значения, услышат меня терране или нет. Они хорошие дешифровальщики, но, думаю, языки, которые мы использовали, должны были их озадачить. — Карлсарм усмехнулся. — После этого мы послали приказ нашим агентам в каждом Городе — неважно, кем он был занят, терранами или аруlianами. Им предписывалось распространить сообщение о том, что в течение одного периода обращения Города будут стерты с лица Вселенной. Но при этом они должны были намекнуть, что разрушение Городов будет произведено из космоса.

Эвагайл почувствовала страх.

— А люди эвакуировались? — прошептала она.

— Да. Мы перехватили соответствующие приказы. Угроза вполне ощутима и убедительна, когда так сильно опасаются интервенции со стороны Арули или самой Мерсейи. Флот вторжения не может проскользнуть за пределы кольца блокады. Но какая-то часть маленьких кораблей связи — может. То же и с полетом корабля-робота с ядерным оружием на борту: никто не даст гарантии, что там разберутся, с какими целями он летит — дружественными или враждебными.

— Но разве никто не подумал, что мы, в этом корабле, могли бы...

— Надеюсь, что нет, — или мы покойники, — заявил Карлсарм. — Наша акция была тщательно расписана по фазам. Туман, помехи и наземный огонь не дали терранам выяснить, что же в

действительности случилось с их крейсером. Мы немедленно информировали их, что корабль выведен из строя, и они, без сомнения, решили, что это логично и правдоподобно. В самом деле, как мог кто-то захватить целым и невредимым боевой корабль Империи, не имея для этого соответствующей техники, которой, как им известно, у нас нет? Фактически они, вероятно, посчитали естественным, что при организации этой западни нам была оказана техническая помощь извне. Помни, что предупреждение Городам уже полностью завладело их мыслями. Выйдя с ними на связь, Чанг предостерег их от отчаянных поспешных действий и от нанесения бомбового удара по нам, который мог бы уничтожить наших предполагаемых мерсейских или арулианских союзников. Он выходил с ними на связь несколько часов назад, и я позаботился о том, чтобы он не проговорился, что корабль был захвачен в целости и сохранности.

— Сейчас они начнут это подозревать, — сказал Хуньяди. Его лицо было белым, голос срывался.

— Верно. Взлетайте как можно быстрее, — велел Карлсарм. — Если по нам ударят, твоя женщина тоже погибнет.

Офицер-оператор закивал:

— Я знаю! Мостик — всем постам. Взлет на полную мощность. Готовность к атаке.

Корпус корабля затрепетал, сотрясаемый колоссальной силой взревевших двигателей. «Изида» взлетела, и солнце запылало рядом.

— Узел связи — мостику, — послышалось в переговорных устройствах многосторонней связи. — От имперцев приняты позывные.

— Я ожидал этого, — сухо сказал Карлсарм. — Передайте предупреждение. Мы не хотим наносить им вред, но если они станут нам мешать, мы станем защищаться.

Райднур в каком-то оцепенении наблюдал, как планета под ним отодвигается, уменьшаясь в размерах.

Где-то очень далеко в черной пропасти космоса расцвело пламя.

— Заградительный ракетный залп одной воздушной эскадры подавлен, — послышалось в динамиках многосторонней связи. — Должны ли мы ответить на огонь?

— Нет, — сказал Карлсарм. — Если только в этом не будет абсолютной необходимости.

— Благодарю, сэр! Там... мои люди ... — И после паузы: — Они были моими людьми.

— И они снова будут вашими, — прошептала Эвагайл на ухо Райднуру. — Если ты поможешь нам.

— Что я могу сделать? — выдавил он из себя.

Эвагайл дотронулась до него. Он отвернулся, поморщившись.

— Ты можешь говорить за нас, — сказала она. — Ты пользуясь уважением. Твоя лояльность не подвергается сомнению. Ты доказал это — той ночью, когда... Мы не принадлежим к твоей цивилизации. Мы не понимаем ее образа мыслей, не знаем, с чем она может пойти на компромисс и за что может умереть, не понимаем нюансов, символов, значений, находимых ею во Всеянной. А она не понимает нас. Но ты, Джон, по-моему, немного знаешь нас. Знаешь и видишь, что мы ни для кого не представляем угрозы.

— Кроме Городов, — пробормотал он. — А теперь — и Империи.

— Нет, это они угрожали нам. Они не хотели оставить в покое наши леса. Что касается Империи, то разве ей помешает еще один образ жизни? Разве человечество не станет от этого богаче?

Они посмотрели друг на друга, и унылое чувство одиночества объединило их. Экран показывал космос и звезды, мерцавшие где-то на краю света.

— Я полагаю, — сказал наконец Райднур, — что никто не может предать ценности, заложенные в основу его культуры, ибо они составляют сущность личности человека. Отказаться от них — все равно что умереть. Многие люди предпочли бы этому физическую смерть. Вы не прекратите борьбы, пока не будете полностью уничтожены.

— А должно ли так быть? — тихо произнесла Эвагайл. — Разве вы, терране, не хотите, чтобы война закончилась?

Грохот, подобный землетрясению, прокатился по кораблю. На капитанский мостик вновь нахлынула волна сообщений и приказов. Корабль вступил в дальний огневой контакт с какой-то боевой единицей противника.

Испытывая некомплект личного состава, «Изида» не могла бы противостоять моши всего флота Круза. Но флотские боевые единицы были рассеяны в космосе и за какие-то часы не смогли бы достигнуть Фригольда. А тем временем какой-то одиночный корабль Империи шел против «Изыды», демонстрируя отчаянную храбрость. Стрелки рыдали, нанося по этому неопознанному кораблю ответный удар. Но они должны были это делать, чтобы спасти женщин, которым подчинялись.

— Что я могу сделать? — спросил Райднур.

— Мы пошлем в эфир позывные и попросим вступить с нами в переговоры, — ответила Эвагайл — Мы хотим, чтобы ты убедил терран согласиться. А еще мы хотим, чтобы ты... нет, не попросил за нас. Нам нужно, чтобы ты помог нам объясниться с ними.

— Атака противника отбита, — послышалось в динамиках. — Ограниченнный ответный залп, нанесенный по приказу, по-видимому,

повредил корабль противника. Он уходит. Следует ли уничтожить его?

— Нет, пусть уходит, — сказал Карлсарм.

Райднур кивнул Эвагайл:

— Я сделаю, что смогу.

Она взяла его за руки — по лицу ее текли слезы радости, — и на этот раз он не отшатнулся.

«Изида» ворвалась обратно в атмосферу. Его башни дали залп. Обреченный пустой Город взметнулся к небесам, охваченный пламенем.

Адмирал Фернандо Круз Мангуал занимал высокое положение в совете этой окраины Империи. Он считался терранином, потому что носил звание гражданина Терры, передшедшее к нему от далеких предков. Нуэво-Мехико поставлял целые поколения военных с тех пор, как была колонизирована эта пустынная планета. Он держал себя по отношению к Райднуре одновременно резко и вежливо.

— Итак, профессор, вы рекомендуете нам принять их условия? — Он жадно затянулся кривой черной сигарой. — Боюсь, что это абсолютно невозможно.

Райднур сделал вид, что раскуривает трубку. Ему нужно было время, чтобы подобрать слова. Его сковывало осознание того, в каком окружении он находился.

Комиссии сторон, уполномоченные вести переговоры (говоря языком терран; «борцы умов», как называли их «свободные люди»), встретились на нейтральной территории — на одном из островов океана Лаврентия. Этот необитаемый остров был прекрасен: пышные деревья, цветущие виноградные лозы, густые тростниковые рощи, широкие белые пляжи, где играл и ревел прибой. Однако сейчас вряд ли имелась возможность наслаждаться всем этим. Возможно, позднее — если переговоры окажутся перспективными и напряжение спадет — какой-нибудь молодой астронавт-терранин и встретит где-нибудь в лощине быстроногую девушку-аборигенку.

Однако дискуссия еще не началась. Существовала опасность, что она никогда и не начнется. Обе стороны были вооружены, разделены тремя километрами леса, а лагерь терран окружала к тому же стена орудий. Райднур был первым, кто перешел от лагеря к лагерю.

Прием, оказанный ему Крузом, оказался таким холодным, что ксенолог уже почти поверил, что его собираются арестовать. Однако адмирал, по-видимому, понимал, почему Райднур оказался

здесь, и пригласил его в свою палатку для частной, неофициальной беседы.

Мягкий, пропахший морем бриз обевал купол палатки, из которой открывался вид на другие купола, летательные аппараты, морских пехотинцев, вышагивающих в карауле, на самолеты, реявшие над местностью. На столе, разделявшем двух мужчин, стояло вино, однако (за исключением первого формального гостя) бокалы так и не наполнялись. Райднур изложил факты, и его слова тяжело упали в безответное молчание.

— Думаю, это лучшее, что мы можем сделать, сэр, — наконец осмелился вымолвить Райднур. — Их можно завоевать, если Империя сделает соответствующее усилие. Но война будет долгой, страшно разорительной и привлечет силы, которые могут понадобиться нам в другом месте. Она опустошит планету и, возможно, сделает ее непригодной для обитания. Противник же нанесет нам ответный удар, применив какое-либо ужасное биологическое оружие. Пленные, которых онидерживают, не будут возвращены. Так же как «Изида». Вы будете вынуждены отдать приказ об уничтожении этого корабля, а такая операция обойдется вам недешево. — Он смотрел прямо в суровое, усатое лицо. — И за что все это? Они очень хотят остаться подданными Терры.

— Они взбунтовались! — выпалил Круз. — Они сотрудничали с врагом; они противились приказам, отдаваемым именем его величества; они нанесли потери флоту его величества; они разрушили девять районов, подчиненных Империи, и тем самым подорвали имперскую экономику. Если оставить такое поведение безнаказанным, то сколько времени продержится вся Империя, прежде чем развалится полностью? И их не устраивает просьба об амнистии. Нет, они хотят, чтобы ради них весь земной шар перевернулся вверх тормашками! — Он покачал головой. — Я не подвергаю сомнению вашу честность, профессор, — наверное, кому-то нужно было сыграть роль посыльного, — но если вы считаете, что официальное лицо в моем положении может хоть на минуту задуматься над фантазией этих дикарей, мне придется усомниться в вашем здравом рассудке.

— Они не дикари, сэр, — возразил Райднур. — Я попытался кое-что объяснить вам относительно уровня их культуры. Мой последний письменный доклад по этому поводу должен убедить каждого.

— Это не относится к делу. — Если бы адмирал был увешан множеством орденов, то и тогда не выглядел бы столь устрашающе, как в этой выцветшей военной рубашке с расстегнутым воротником, препоясанной ремнем с потертой кобурой.

— Не совсем так, сэр. — Райднур поерзал в кресле, чувствуя, как пот жжет ему кожу. — Достаточно веские причины побудили

меня задуматься об этом, к тому же работа моя приучила меня мыслить безличными, долговременными категориями. В чем состоит действительное благо Империи? Разве не в солидарности многих цивилизованных планет? Разве не во взаимном влиянии их друг на друга? Предположим, мы все-таки сокрушим «свободных людей». Как тогда восстановить Города, не прибегая к огромным расходам? Потребуются века, чтобы они достигли теперешнего уровня без посторонней помощи — на этой уединенной, обнинавшей окраине Империи. Если мы станем лить на них сокровища потоком, то сможем восстановить их более или менее за несколько лет. А что потом? Мы получим девять хилых посредственостей с уровнем развития, достаточным разве что для охраны их территорий, — ведь Мерсейя рассматривает их как потенциальную угрозу своему арулианскому флангу. Но если мы дадим *истинным* «свободным» — тем, кто приспособится настолько, что сможет наконец должным образом воспользоваться обстановкой, — если мы дадим им расцвести... то даром получим сильный, автономный, способный себя защитить форпост Империи.

«Это, возможно, не совсем соответствует истине, — подумал он. — Жители имперских окраин согласны признать сюзеренитет Терры, если они получат хартию, дающую им право управлять своей планетой так, как они хотят. Они слишком благоразумны, чтобы снова впасть в националистические заблуждения. Они будут платить небольшую дань, вести какую-то торговлю. Но в целом им не будет до нас дела.

Конечно, нельзя сказать, что нам также никогда не будет до них дела. Мы можем многому научиться от них. Если мы когда-либо падем, они станут продолжать что-то из того, что делали мы. Но лучше я не буду подчеркивать это».

— Даже если бы я хотел помочь им, — сказал Круз, — я не обладаю такой властью. Да, мои полномочия широки. И я могу значительно превысить их формальные пределы — центральное правительство, у которого тысячи других проблем, прислушивается к любой разумной рекомендации с моей стороны. Но не преувеличивайте моей свободы действий, прошу вас. Если бы я предложил, чтобы люди Города, лояльные подданные его величества, были перемещены из мира их предков, а повстанцы — неважно, на какой ступени развития они стоят, — были вознаграждены исключительным правом владения этим миром, разве меня не вызвали бы на осмотр к психиатру?

«Кажется, он сожалеет, — мелькнуло в сознании Райднера. — Он не хочет бойни. Если я смогу убедить его в том, что имеется разумный и почетный выход...» Ксенолог осторожно улыбнулся, не выпуская изо рта трубки.

— Вы правы, адмирал, — сказал он. — Если выразить проблему этими словами. Но нужно ли это делать? Я не юрист. И тем не менее кое-что знаю по данному предмету, и этого достаточно, чтобы я мог предложить приемлемую формулу.

Круз поднял бровь и глубже затянулся сигарой.

— Дело в том, — продолжил Райднур, — что юридически мы не были в состоянии войны. Все знают, что Арули посыпала технику и войска на помощь Мерсейе. Но, чтобы избежать прямого столкновения с Арули, а значит, возможного столкновения с Мерсейей, мы официально не признали этот факт. Мы удовлетворились тем, что пресекли дальнейшее разрастание мятежа и разбили врага по частям. Короче, адмирал, здесь вы должны были подавить внутренние, гражданские беспорядки.

— Гм-м.

— Жители окраин не сотрудничали с внешним врагом, так как юридически такового не было.

Круз побагровел:

— Измена всегда останется изменой, как бы ее ни называли.

— Это не было изменой, сэр, — возразил Райднур. — Жители окраин не пытались подорвать могущество Империи. У них определенно не было желания стать вассалами Арули или Мерсейи!

Сформулируем это так: население Фригольда фактически разделялось на три части — горожане-люди, горожане-арулиане и жители окраин. Хартия, легализующая включение в состав Империи, была дарована исключительно первой стороне, оговорившей для себя такое условие. Таким образом, это было нечестным по отношению к двум другим сторонам. Когда поправка была отвергнута, это привело к социальным осложнениям. Жители окраин в какой-то степени сотрудничали с Арули, так как считали это целесообразным. Но такое сотрудничество было спорадическим и никогда не умаляло их собственного простого желания справедливости. Кроме того, — что более важно — арулиане сотрудничали не с коренными фригольдианами, а скорее с подданными Империи.

Таким образом, если посмотреть на дело непредвзято, Девять Городов вовсе не были невинными мучениками. Их дискриминация в отношении Арули, их территориальные агрессии против коренных фригольдиан и послужили подлинной причиной возникшей смуты. Тогда Мерсейя воспользовалась удобным случаем — но не стала развивать и углублять конфликт.

— Почему же тогда безразличие Городов, столь дорого обошедшееся Империи, не должно быть наказано? — Круз выглядел разочарованным. — Я полагаю, что политический совет мог бы принять какую-либо формулу вроде этой. Но только в том случае, если бы захотел. А он этого не захочет. Ибо какая формула может

скрыть факт значительного физического ущерба, нанесенного в результате дерзостного неповиновения?

— Формула сверхэнтузиазма, направленного на служение интересам его величества, — нарировал Райднур и поднял руку. — Обождите! Пожалуйста! Я не прошу вас, сэр, предлагать ложь в качестве официальной версии. Этот энтузиазм, это рвение не было большим заблуждением. И оно послужило высшим интересам Терры.

— Что? Но каким образом?

— Разве вы не видите? — Райднур перегнулся через стол. «Вот он, решающий момент, — подумал он. — Либо мы воспарим высоко, либо рухнем, объятыые пламенем». — *Жители окраин закончили войну за нас.*

Круз принял абсолютно спокойный, невозмутимый вид.

— Строго между нами: я не буду утверждать, что такой исход был заранее спланирован в деталях, ибо подобный вывод был бы оскорбителен для вашей разведки, — торопливо продолжал Райднур. — Но результат налицо. Именно Девять Городов, их производство и внешняя торговля, рост их потенциала привлекали первых поселенцев с Арули, и именно все это и сделало позднее Фригольд такой лакомой приманкой. Если мы потеряем Города — за что останется бороться? Враг не имеет больше баз. Я уверен, что он согласится репатриироваться в Арули, включая тех, которые родились здесь. Альтернатива этому — вооруженный конфликт между вами и коренными фригольдианами, грозящий стереть обе стороны в порошок.

Благодарность за эту услугу, за это излечение кровоточащей раны на теле Империи — раны, которая грозила перерасти в злокачественную опухоль, — люди с окраины, естественно, заслуживают ту скромную награду, о которой просят. Это — амнистия за любые ошибки, которые они совершили, пытаясь воспользоваться случаем, который никогда бы более не представился; это — хартия, дающая им право населять Фригольд и управлять им так, как они хотят, — оставаясь при этом, однако, лояльными подданными его величества.

Круз очень долго не шевелился. Когда он наконец заговорил, его с трудом можно было расслышать из-за шума снаружи, издаваемого военной техникой.

— Но как поступить с горожанами-людьми?

— Им можно выплатить компенсацию за потери, понесенные ими в ходе конфликта, и переселить куда-нибудь в другое место, — ответил Райднур. — Полагаю, эта операция обойдется дешевле, чем год непрерывной войны. Вполне возможно, что вы выиграете от этого еще больше. Несомненно, многих такой вариант не устроит, и они будут жаловаться. Но интересы Империи требуют

этого. Совершенно независимо от проблем, связанных с сосуществованием двух непримиримых культур на одной планете, есть желание иметь мирные границы. Жители окраин — крепкие орешки, с ними трудно иметь дело в случае вторжения. И это не принесет никакой пользы. Мне представляется лучший вариант: их следующее поколение будет оказывать поддержку некоторым из наших самых стойких добровольцев морской пехоты; но в то же время они не одобряют и не поддерживают такой вид концентрации индустрии — все эти космические корабли, ядерные устройства, — который вызывает беспокойство или алчность у нашей оппозиции.

— Гм-м. — Круз выпустил изо рта клуб дыма. Его глаза были прикрыты. — Гм-м. Это подразумевало бы, что войска под моим командованием могут быть переведены в какой-нибудь регион, где мы могли бы с большей пользой опираться на Мерсейю... да-а-а.

Через какое-то мгновение у Райднера отвлеченно мелькнула мысль: «Почему я так страстно хочу спасти этих людей? Потому что надеюсь, что однажды они найдут выход из тупика, который называется силовой политикой?...»

Круз грохнул кулаком по столу. Бутылка подпрыгнула.

— Клянусь короной, профессор, вы, кажется, чего-то добились! — воскликнул он. — Разрешите налить вам. Давайте выпьем.

Конечно, ничего не делается моментально. Круз должен был поразмыслить, проконсультироваться и проникнуться точкой зрения представителей другой стороны. Обе группы должны торговаться, заходить в тупик, придирияться друг к другу, разглагольствовать, наращивать в себе гнев, контролируя его, однако, и испытывать нарастающую подлинную усталость. И недели болтовни не породят ничего более, как «протокол переговоров». Бумага должна будет пройти через десяток бюрократов и политиков на разных уровнях, каждый из которых посчитает себя обязанным утвердить бессмертное значение собственной персоны, внеся какую-то бесполезную и досадную поправку. Наконец на Терре станут совещаться эксперты; компьютеры выдадут море результатов — целые бобины, — которые никто толком не поймет или к которым никто особенно не прислушается; члены политического совета и различные интересы, их туда продвинувшие, будут использовать этот вопрос как еще одну область, где можно, сманеврировав, захватить еще чуточку власти; средства массовой информации примутся делать глупые зажигательные заявления (но немного — Фригольд все-таки далеко, а последняя оргия, которую закатила одна из последних любовниц какого-то важного лица, была куда более интересной)... и сюда прибудет некий документ, который, возможно,

подпишут, а возможно, возвратят для « дальнейшей доработки в соответствии с рекомендациями...»

« Я не скоро уеду, — подумал Райднур. — Я им понадоблюсь еще надолго — на месяцы. Окончательный текст соглашения, возможно, не будет ратифицирован еще год или более».

Прошло несколько часов, прежде чем он покинул лагерь терран и зашагал к другому лагерю. Теперь ему хотелось побывать с фригольдианами.

Эвагайл ждала его. Она уже бежала по тропинке навстречу.

— Ну как?

— Очень здорово, я бы сказал, — произнес он.

Она бросилась в его объятия, смеясь и плача. Он принял ее успокаивать ее — ласково, но чуть-чуть нетерпеливо. В данный момент ему больше всего хотелось отыскать какое-нибудь местечко, где можно было написать письмо домой.

Содержание

От издательства	7
Камень в небесах, роман, перевод с английского А. Варковецкой	9
Игра Империи, роман, перевод с английского М. Левина	137
Форпост Империи, повесть, перевод с английского А. Рябчуна	301

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том восемнадцатый

Составитель *A. Новиков*

Ответственный за выпуск *E. Чутов*

Редакторы *A. Александрова, Н. Колбаева,*

M. Проворова

Технический редактор *K. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

A. Хиршфельде

Операторы компьютерной верстки

H. Амосова, Е. Глуховская

Оформление шмидтитолов: *B. Ковалев*

**Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.**

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 23.08.97. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1236.

**ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.**

Мирсы Уильяма Тенна

Пятнадцать лет его карьеры оставили великолепное наследство. Блистательные рассказы этого мастера юмористической фантастики вошли в золотой фонд жанра.

Теперь в свет вышло самое полное собрание его работ на русском языке — два тома лучших рассказов Уильяма Тенна.

Том 1

«Из всех возможных миров»

«Человеческий аспект»

«Деревянная звезда»

Том 2

«Корень квадратный из человека»

«Огненная вода»

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

«Прежде мы открывали новые миры,
заселяли их. Теперь мы только обглаживаем
кости мертвой Федерации».

Миры Г. Бима Пайпера

Его сравнивали с АЗИМОВЫМ и ХАЙНЛАЙНОМ.

Его славе завидовали все современники.

Его имя гремело среди любителей фантастики.

Его карьеру прервала безвременная смерть.

Генри Бим Пайпер создал фантастический эпос, способный сравниться с «Академией», и самых очаровательных инопланетян в истории фантастики. Теперь любимый писатель патриарха американской фантастики Джона Кэмпбелла приходит в Россию.

Том 1
Маленький
пушистик
Пушистик
разумный

Том 2
Пушистики и
другие
Космический
викинг
Рассказы

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Камень в небесах

В попытках выяснить, почему правитель ее родины отказывает в помощи туземцам Рамну, Мириам Абрамс наталкивается на следы заговора. И тогда в игру вступает великолепный Доминик Флэндри...

Игра Империи

Доминик Флэндри отходит от дел — но дело его не умирает. Дочь Доминика Диана вместе со своими товарищами должна раскрыть подоплеку военного переворота в системе Патриция.

Форпост Империи

Ученый-ксенолог Джон Райднур должен примирить три враждебные стороны на планете Фригольд — иначе в выигрыше окажется только Мерсейя.

